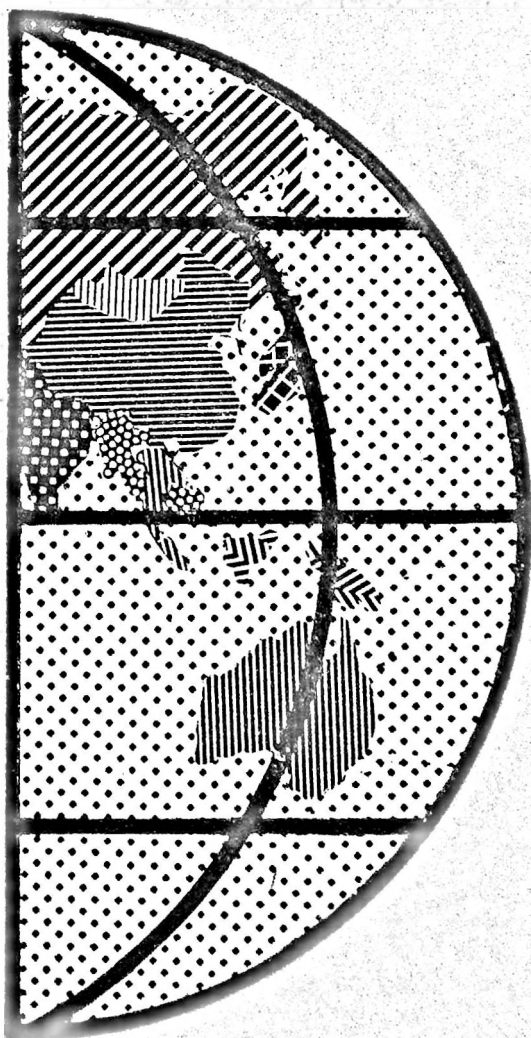

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

VI съезд КПВ и развитие
Вьетнама

Проблемы мира
и безопасности в АТР

Экономическая политика
Японии в отношении КНР

«Письмо о китайском торге»
А. Н. Радищева

О социалистических идеях
Сунь Ятсена

Николай Рерих и Япония

ИНСТИТУТ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
АН СССР

2/87

200 - 200

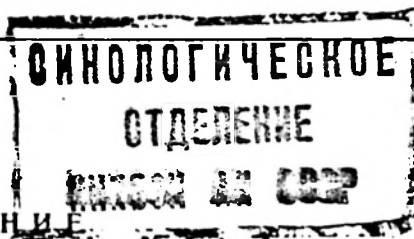

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/87

2 [62] 1987
Издается с 1972 г.

Научный, общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском, английском,
японском и испанском языках

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИКА. В странах социализма

Е. Р. БОГАТОВА, М. Е. ТРИГУБЕНКО. VI съезд
КПВ о стратегии социально-экономического развития
Вьетнама 3

Проблемы АТР

Проблемы мира и безопасности в АТР на современном
этапе 15

ЧА ГЕН ЧУК. Азии — мир и безопасность 32

В. Н. БУНИН. Япония и азиатско-тихоокеанская стра-
тегия Вашингтона 36

Международные отноше- ния на Дальнем Востоке Экономическая реформа в КНР

М. И. КРУПЯНКО. Экономическая политика Японии
в отношении КНР 49

*Т. В. ЛАЗАРЕВА, О. Б. ГОРДОВИКОВА,
Т. М. ЕМЕЛЬЯНОВА.* Деятельность общественных ор-
ганизаций КНР в условиях хозяйственной реформы 56

С. А. МАНЕЖЕВ. Экономическая доктрина Всемирно-
го банка и хозяйственная реформа в Китае 70

Е. Ф. АВДОКУШИН. Китайские экономисты о банкрот-
стве предприятий 81

ИСТОРИЯ Борцы за народное дело

А. С. ТИТОВ, В. Н. УСОВ. Лю Бочэн — выдающийся
военачальник и государственный деятель Китая 90

Из истории отечественного востоковедения

Д. И. БЕЛКИН. «Письмо о китайском торге» А. Н. Ра-
дичева 97

НАУКА И КУЛЬТУРА

Идеология

ХУ ШЭН. О социалистических идеях Сунь Ятсена 109

Образование

Н. Е. БОРЕВСКАЯ. Китайская школа на пути перемен 122

ПУБЛИКАЦИИ. ВОСПОМИНАНИЯ

ЯН ЦЗЯН. Шесть рассказов о «школе кадров» 129

К. КАТО. Николай Рерих и Япония 143

В. В. ТИХОМИРОВ, А. М. ЦУКАНОВ. Командировка
в Маньчжурию 145

СООБЩЕНИЯ. ОБЗОРЫ. СПРАВКИ

- М. Л. ТИТАРЕНКО.* Сунь Ятсен о социальном прогрессе 150
Б. А. АХМЕДОВ, М. Х. МАХМУДХОДЖАЕВ. Изучение Китая в Узбекистане 152
И. И. САРАФАНОВ. Академия наук Китая 158
Г. Д. ИВАНОВА. Русское отделение Токійской школы иностранных языков 166

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

- С. Р. БЕЛОУСОВ.* Печать КНР о некоторых результатах развития китайского общества 173
И. О. ОЛЬШАНСКИЙ. «Жэньминь жибао» об отношениях КНР со странами Латинской Америки 180
Б. Н. БАСОВ. Китайская печать о проблемах защиты окружающей среды 185

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- В. В. МИХЕЕВ.* Совместный труд советских и вьетнамских ученых 189
А. В. НИКОДА. История развития социалистической экономики в КНР 191
Ю. В. ЦЫГАНОВ. Справочник об индивидуальном секторе в КНР 198
М. Ф. ЮРЬЕВ. Социальная среда и революционное движение в Китае 202
А. С. КОСТЯЕВА. Китайское крестьянство на рубеже нового и новейшего времени 206
А. А. МАКАРОВ. Ориентиры современной японской политики 209
В. Б. РАМЗЕС. Японские трудящиеся и концепция «участия в управлении» 213
Ю. Е. БУГАЕВ. По страницам ежегодника «Япония 1985» 216
Т. Г. СТОРЧЕВАЯ. Человек и мир 220

Адрес редакции: Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

Редакционная коллегия:

В. А. АРХИПОВ (и. о. главного редактора), *Г. В. АСТАФЬЕВ*, *Р. С. БЕЛОУСОВ*, *Г. А. БОГДАНОВ*, *Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ* (зам. главного редактора), *М. С. КАПИЦА*, *И. И. КОВАЛЕНКО*, *В. С. МЯСНИКОВ*, *В. Я. ПОРТЯКОВ*, *С. С. РАЗОВ*, *О. Б. РАХМАНИН*, *И. А. РОГАЧЕВ*, *Б. В. САГАРЕВ* (отв. секретарь), *А. И. СЕНАТОРОВ*, *В. М. СОЛНЦЕВ*, *М. Л. ТИТАРЕНКО*, *С. Л. ТИХВИНСКИЙ*, *Н. Т. ФЕДЕРЕНКО*

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1987

*Е. Р. БОГАТОВА,
кандидат экономических наук*

*М. Е. ТРИГУБЕНКО,
кандидат экономических наук*

У I съезд Коммунистической партии Вьетнама явился важным, знаменательным событием в жизни вьетнамских коммунистов, всего вьетнамского народа. Как отмечалось в канун съезда, «никогда еще не понималось так ясно значение партийного съезда, серьезность и неотложность стоящих перед партией и народом задач. И никогда еще не предъявлялись такие высокие требования членов партии, рабочих, крестьян, интеллигенции, всех слоев населения к предстоящему съезду»¹. За десять прошедших после IV съезда КПВ (декабрь 1976 г.) лет ясно выявились важнейшие и трудно решаемые на практике проблемы переходного периода: формирование структуры народного хозяйства, социалистические преобразования, создание эффективного механизма управления. За этот период были найдены многие новаторские формы развития переходного общества, но в то же время не удалось избежать и прочетов в социально-экономической политике.

Атмосфера подготовки к съезду, работы съезда и дух его решений определялись принципиальным подходом, сформулированным в Политическом докладе ЦК КПВ следующим образом: «Смотреть правде в глаза, давать правдивую оценку, говорить чистую правду». Созыву съезда предшествовала широкая кампания критики и самокритики, в ходе которой широко обсуждались важнейшие вопросы экономического развития, организационной, идеологической и кадровой работы². При обсуждении Политического доклада ЦК КПВ на всех уровнях, снизу доверху, было внесено много конкретных предложений. Решения съезда вырабатывались на основе анализа и учета различных точек зрения на важнейшие вопросы развития общества.

VI съезд КПВ указал на необходимость глубокой, революционной перестройки всей системы общественных отношений, обновления мышления, стиля работы. «Только таким путем мы сможем выйти из создавшейся сегодня трудной и опасной ситуации», — подчеркнул товарищ Чыонг Тинь³. Идея необходимости обновления, перестройки впервые прозвучала на 6-м пленуме ЦК КПВ 4-го созыва в сентябре 1979 г., но потребовалось 6—7 лет, чтобы она доказала свою правоту, поломала сложившиеся устои мышления. Новым толчком к глубокой перестройке в области экономического управления послужили решения 8-го пленума ЦК КПВ 5-го созыва в июле 1985 г. На VI съезде уже была представлена концепция общественно-экономического развития СРВ в условиях постепенного преодоления вышеуказанных трудностей и просчетов. VI съезд КПВ дал новую трактовку некоторых концептуальных идей перехода страны к социализму минуя капиталистическую стадию развития, на основе обоб-

щения с марксистско-ленинских позиций богатого опыта и уроков развития Вьетнама. Остановимся на главных из них, которые расширяют наше познание теоретических проблем переходного периода.

Об исторических рамках и этапах переходного периода. Подчеркивая длительный характер этого периода в странах с преобладающим мелким производством, его глубоко революционное содержание во всех сферах — в области производительных сил, производственных отношений и надстройки, — VI съезд еще раз указал на этапность решения стоящих проблем, на необходимость учитывать, хотя это и нелегко, особенности и сложности каждого этапа. Было подчеркнуто, что недостаточно глубокое понимание этого, желание перескочить ряд необходимых этапов создали серьезные препятствия для развития страны в первые годы после объединения.

На IV съезде КПВ не выделялся начальный этап переходного периода, не определялись его конкретные социально-экономические задачи и цели. Это было сделано только на V съезде КПВ (март 1982 г.). Основное содержание начального этапа было определено как создание необходимых социальных, экономических и политических предпосылок для развертывания социалистической индустриализации в широких масштабах на последующем этапе⁴, были конкретизированы применительно к этому этапу основные задачи переходного периода в целом, определены в общих чертах иерархия целей и приоритеты развития.

Проанализировав итоги развития экономики и общества в 80-е гг., VI съезд КПВ констатировал, что еще не достигнуты основные цели, намеченные V съездом, — стабилизация социально-экономической обстановки и жизни народа⁵. В связи с этим было определено, что всеобъемлющей задачей, генеральной целью оставшихся лет начального этапа является всесторонняя стабилизация во всех сферах социальной и экономической жизни: стабилизация производства, распределения и обращения, стабилизация материального и культурного уровней жизни населения, повышение эффективности системы управления.

Завершение начального этапа связывается с решением пяти основных задач:

1. Удовлетворение первоочередных потребностей населения (обеспечение достаточным питанием, необходимой одеждой и другими товарами ширпотреба, прогресс в медицинском обслуживании, строительстве жилья, образовании и др.) и создание внутренних накоплений. В целом ставится задача доведения фонда накопления в используемом национальном доходе до 20 %.

2. Формирование структуры народного хозяйства, обеспечивающей стабильное и сбалансированное развитие экономики. Ключевым звеном такой структуры должно быть ускоренное производство продовольствия, товаров народного потребления и экспортных товаров.

3. Осуществление нового шага в формировании и совершенствовании новых производственных отношений и новой комплексной системы управления экономикой: укрепление социалистического сектора и установление тесных связей с другими секторами экономики, развитие хозрасчета и социалистической предприимчивости.

4. Достижение прогресса в социальной сфере: повышение занятости, обеспечение распределения по труду, реализация принципа социальной справедливости в соответствии с конкретными условиями страны, создание здорового образа жизни, укрепление общественного порядка и безопасности, сохранение и развитие революционных традиций.

5. Укрепление обороны и безопасности страны.

Таким образом, в сформулированных задачах выражена основная идея начального этапа переходного периода в стране со слаборазвитой экономикой:

сдвинуть с мертвой точки развитие производительных сил, задействовать все возможные факторы роста.

Намечаемая конкретные пути и формы реализации основных целей начального этапа в предстоящий период, КПВ опирается на уроки и опыт прошедшего периода. И самым главным и первым из них на съезде была названа необходимость учитывать объективные законы и закономерности и действовать в соответствии с ними. При этом в качестве критерия оценки соответствия политики партии объективным законам выделяются развитие производства, повышение материального и культурного уровня жизни народа, развитие и укрепление социалистического строя.

Об особенностях экономики переходного периода и использовании экономических законов. Важнейшей особенностью развития слаборазвитой экономики в переходный период является ее многоукладность, одновременное существование и развитие различных общественно-экономических типов хозяйства. Анализ этой особенности переходного периода на VI съезде КПВ было уделено очень большое внимание, так как, по оценке съезда, в сознании и в практической деятельности «мы еще не признали того факта, что многоукладная экономическая структура в нашей стране будет существовать относительно длительный период времени».

На съезде было отмечено, что в СРВ существует пять укладов: социалистический, государственно-капиталистический, частнокапиталистический, мелко-товарный и натурально-патриархальный⁶. На долю государственного и кооперативного секторов — социалистического уклада — в 1985 г. приходилось 70,7% валового общественного продукта и около 67% национального дохода. В сельском хозяйстве кооперированы практически все крестьянские хозяйства на Севере и 87,2% хозяйств на Юге. В общем объеме промышленного производства доля государственного сектора составила 57%, кооперативного — 24%. В розничном товарообороте доля социалистического сектора — 57%. Государственно-капиталистический сектор в статистике СРВ учитывается вместе с государственным, поэтому точно определить его масштабы сложно. На долю частного сектора (мелкотоварного и частнокапиталистического) приходится 29,3% валового общественного продукта, 33% национального дохода, 19% промышленного производства, около 40% розничного товарооборота. В высокогорных районах Севера и на плато Тэйнгуен (в районах проживания национальных меньшинств) сохраняется натуральный тип ведения хозяйства, подсечно-огневое земледелие⁷.

На VI съезде была подвергнута критике допускаявшаяся поспешность в проведении социалистических преобразований, выражавшаяся в стремлении немедленно ликвидировать все несоциалистические уклады, сосредоточить внимание лишь на изменении формы собственности на средства производства, не занимаясь решением вопросов организации управления и системы распределения.

В проблеме преобразований на VI съезде были выделены более четко, чем прежде, следующие моменты:

1. Целью преобразований является в основном ускорение развития производительных сил, а не просто установление общественной собственности на средства производства. Соответственно критериями эффективности преобразований являются дальнейшее развитие производства, расширение товарооборота, повышение производительности труда, улучшение жизни народа. Преобразования не самоцель, а стимул развития производительных сил.

2. Необходимо постоянное поддержание соответствия между производственными отношениями и характером и уровнем развития производительных

сил, поэтапное осуществление преобразований, использование переходных форм.

3. При формировании новых производственных отношений необходим учет трех основных моментов: создание общественной собственности на средства производства, социалистического управления и социалистической системы распределения. Без этого даже лучше оснащенные предприятия социалистического сектора функционируют менее эффективно, чем предприятия других укладов.

4. Важнейшим условием успеха социалистических преобразований является укрепление социалистического сектора, развитие ведущей, регулирующей роли его по отношению к несоциалистическим укладам.

Решение всех этих проблем объективно требует длительных сроков. Недостаточное осознание этого, как было признано на съезде, явилось основной причиной невозможности решить ставившуюся в решениях IV и V съездов КПВ задачу завершения в основном социалистических преобразований соответственно во второй и третьей пятилетках. «Жизнь дала нам наглядный урок, что нельзя действовать поспешно, наперекор законам», — подчеркнуто в Политическом докладе ЦК КПВ VI съезду. В нем по-новому сформулирована задача в области преобразований: «Проведение социалистических преобразований является постоянной задачей всего периода перехода к социализму, в соответствующих формах и на соответствующих этапах, что должно приводить к соответствию производственных отношений уровню и характеру производительных сил, постоянно воздействовать на их развитие». Исходя из такой постановки проблем преобразований, признания объективного характера многоукладности переходной экономики в решениях VI съезда КПВ поставлена принципиальная задача — выработать политику правильного использования всех экономических укладов. Важной отличительной особенностью подхода VI съезда к проблеме многоукладности является анализ развития различных укладов не изолированно, а как составных частей единого целого — многоукладной экономики переходного периода. В связи с этим постоянно подчеркивается необходимость развития интеграционных связей между различными укладами при повышении ведущей роли социалистического уклада, прежде всего государственного сектора, усилении его экономического воздействия на развитие несоциалистических укладов.

Рассматривая использование основного экономического закона социализма на этапе перехода к социализму, КПВ исходит из того, что этот закон начинает действовать с самых первых этапов переходного периода. Любые попытки принизить его значение на первых этапах социалистического строительства, принести социальный фактор в жертву быстрому росту производства неизбежно приводят впоследствии к острым противоречиям, превращают социальное развитие в тормоз развития экономического и снижают эффективность функционирования социалистического способа производства. При этом принципиальное значение приобретает конкретизация цели социалистического строительства в соответствии с реальными возможностями экономики на каждом этапе. Масштабы и темпы развития производства на начальном этапе перехода к социализму, сущность этого этапа как подготовительного для дальнейшего роста объективно обуславливают возможность лишь минимального удовлетворения всех необходимых потребностей народа. «Проедание» национального дохода, то есть расходы на потребление, превышающие реальные возможности внутреннего производства, неизбежно порождают напряжение в экономике, создают настроения иждивенчества. В то же время чрезмерное увлечение накоплением в ущерб потреблению снижает возможности активизации человеческого фактора. Признавая такое диалектическое взаимодействие социальных и эко-

номических факторов, целей и средств, КПВ закладывает в планы развития народного хозяйства задачи увеличения объема производства продовольствия, товаров народного потребления, жилищного и культурного строительства и др. Но при этом постоянно обращается внимание на необходимость соблюдения принципов социальной справедливости при распределении и потреблении этих благ, которые на начальном этапе перехода к социализму могут быть обеспечены в основном за счет умелого использования закона распределения по труду. В прошлые годы не удалось добиться роста реальной зарплаты рабочих и служащих государственного сектора, сузить «ножницы» доходов в производственной сфере и торговле, в социалистическом и несоциалистических укладах, перекрыть каналы нетрудовых доходов. Эти проблемы были остро поставлены на VI съезде КПВ, их решение выделено как основное звено дальнейшей активизации трудовой деятельности масс.

Взгляд на развитие многоукладной экономики как на органическое целое, а не как на механическую сумму отдельных автономно действующих укладов, определение главных рычагов развития социалистического уклада за счет использования преимущественно экономических методов создают основу для более глубокого понимания в СРВ особенностей действия на начальном этапе переходного периода закона планомерного и пропорционального развития, его связей с законом стоимости и другими законами товарно-денежных отношений.

В теоретическом плане КПВ исходит из того, что главным содержанием процесса перехода от мелкого производства к крупному социалистическому является переход к социалистической товарной экономике. В связи с этим плановое управление экономикой переходного периода является управлением развивающимся товарным, а не натуральным производством, поэтому правильное использование товарно-денежных отношений выдвигается в качестве стратегического направления формирования механизма управления. При этом особое внимание обращается не на простое сочетание планирования с развитием товарно-денежных отношений, а на целенаправленное, постоянно усиливающееся воздействие отношений планомерности на содержание и формы товарного производства и обращения. В совокупности все эти факторы должны создавать внутренние движущие силы развития экономики, основанные на более глубокой увязке общественных, коллективных и личных интересов. Тесное сочетание самостоятельности и ответственности на всех уровнях, экономический расчет в любой хозяйственной деятельности выдвигаются в качестве важнейших требований к формирующейся новой системе управления.

На VI съезде КПВ серьезной критике был подвергнут старый механизм управления, получивший название бюрократически-централизованного, многозвенного механизма. Он тормозил развитие экономики, так как был построен на базе преимущественно административного руководства «сверху вниз», не задевал интересы производителей, не создавал условия для их ответственности и заинтересованности в эффективном и производительном труде. Глубинными причинами существования такого механизма, по оценке съезда, являлись упрощенные взгляды на социализм, преувеличение возможностей реализации любых субъективных желаний.

Механизм управления критикуется в СРВ с конца 70-х гг., однако конкретная практика его устранения в 80-е гг. отчетливо показала трудность и противоречивость поиска новых подходов и методов управления. Целый ряд мер по активизации личных и коллективных интересов, усиление стимулирующей функции цен, прибыли, зарплаты, совершенствование практики планирования дали свои положительные результаты, явились важным источником экономических сдвигов в прошедшую пятилетку. Однако, накладываясь на прак-

тически неизменную структуру управления, на продолжавшие существовать старые приемы и формы руководства, новые методы хозяйствования приводили к серьезным нарушениям в социально-экономической ситуации, углублению противоречий и диспропорций. Наиболее серьезно это выявилось в сфере товарно-денежного обращения, где отсутствие или недостаток эффективных методов государственного регулирования цен и других стоимостных форм способствовали проявлению стихийного действия закона стоимости, его работе не в пользу социализма.

Анализируя причины такого положения, VI съезд указал на необходимость перестройки деятельности центральных и местных государственных органов, обеспечение такой их работы, которая бы позволила целенаправленно сочетать хозрасчетные интересы низовых производственных звеньев с интересами государства и общества, не пускать на самотек формирующиеся хозяйственные связи и в то же время не вмешиваться в оперативную текущую хозяйственную и финансовую деятельность производителей. Как подчеркивается в Политическом докладе ЦК КПВ, важнейшей и неотложной задачей является реализация этих принципов в основных сферах — планировании, материально-техническом снабжении, экспортно-импортной деятельности, ценообразовании, политике в области зарплаты и др. Целый ряд мер уже намечен, но направления, содержание, формы дальнейшей перестройки механизма управления еще требуют теоретического обоснования и практической апробации. Решения съезда ориентируют партию на внимательный, серьезный подход к поиску этих ответов — путем углубления исследовательской работы, проведения экспериментов и обобщения их опыта, изучения опыта братских стран, предупреждают от поспешности, односторонности в процессе обновления механизма управления.

О противоречиях развития и о качестве темпов роста. Глубокий анализ диалектики развития производительных сил и производственных отношений за прошедшее десятилетие позволил КПВ по-новому взглянуть на решение проблемы темпов роста, выделить основные противоречия, присущие данному этапу развития, пути их преодоления.

В. И. Ленин отмечал: «Факты, если взять в их целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь... надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться... Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения...»⁸.

Невозможно разобраться в калейдоскопе противоречивых фактов, если не выделить главную, определяющую его тенденцию, закономерность.

В данном случае речь идет о выявлении и главных тенденциях закономерностей, определяющих движение СРВ вперед. Какова же главная закономерность развития и в чем проявляется ее противоречивость сейчас? На наш взгляд, это необходимость ускорения социально-экономического развития на основе глубоких качественных изменений в экономике и обществе. Проявление указанной закономерности наталкивается на незрелость организационных, материальных, социальных и пр. предпосылок. Объективно требуется быстрый подъем производительных сил, *революционный скачок*, а страна может развиваться в современных условиях *эволюционным* путем, используя преимущества, заложенные в традиционных укладах, не прибегая к ломке сложившейся структуры. Попытки форсирования этого процесса, забегаания вперед, так называемой артиллерийской атаки в лоб, имевшие место в 70-е гг., закончились неудачей, вызвали спад производства и падение трудовой активности народных масс.

В этот период объективно проявились не столько противоречия роста, сколько тенденции упадка. Накапливались элементы, тормозившие развитие⁹. Появилась необходимость разработки такой концепции роста, которая отвечала бы закону соответствия производственных отношений производительным силам применительно к начальной фазе социализма. Решение ее предполагается осуществить путем увязки проблемы темпов экономического роста, его структуры с проблемой совершенствования производственных и социальных отношений, преодоления противоречий экономического роста.

На современном этапе развития СРВ главным является выявление преимуществ и возможностей, заложенных в различных укладах. Тем самым может быть достигнута активное воздействие производственных отношений на динамику производительных сил, что уже частично доказала экономическая реформа первой половины 80-х гг.

В государственном секторе экономический рост стал возможным благодаря сочетанию хозяйственной самостоятельности, самофинансирования с усилением централизованного руководства, хотя, как отмечалось на съезде, еще не найдена оптимальная модель централизма и самостоятельности применительно к вьетнамским условиям. В кооперативном секторе подъем вызвало более продуманное, взвешенное сочетание экономических интересов крестьянства на основе применения индивидуального и группового подряда на производство конечной продукции. Очень сложным является вопрос — как вовлечь докапиталистические патриархальные уклады и частнокапиталистический сектор в интегрированную систему общественных отношений¹⁰. На современном этапе КПВ ставит задачу ограниченного развития капиталистического уклада путем привлечения капитала Запада и капиталовложений вьетнамцев, проживающих за границей, развития в некоторых отраслях производства и сфере услуг смешанного государственно-частного капитала.

Воздействие же самих производительных сил на динамику роста возможно путем оптимального сочетания развития мелкого, среднего и крупного производства, проведения курса на дооснащение действующих предприятий, развития традиционных отраслей. Все вышеуказанные меры активизации роста, характерные для доиндустриального периода развития, указывают на неизбежность прохождения и использования такой страной, как Вьетнам, теории и практики экономической политики типа *нэл*.

Современный тип воспроизводства СРВ — это преимущественно экстенсивная фаза развития, что вполне закономерно для страны с неразвитой экономикой. В то же время экстенсивный тип воспроизводства в условиях дефицитности экономики порождает труднопреодолимые проблемы, противоречия, некоторые из них возникают из-за субъективных ошибок в структурной политике и управлении.

Наиболее характерным для СРВ в прошедшие годы мирного десятилетия стали следующие несоответствия:

— активное предложение производительного капитала извне и невозможность его освоения в силу мелких размеров производства. Большая часть кредитных средств, полученных СРВ, направлялась на строительство новых объектов, преимущественно в промышленности. А в развитие агропромышленного сектора, например, до 80-х гг. вкладывалось только 7 % иностранной помощи;

— большой спрос на инвестиции и незагруженность производственных мощностей. В СРВ при содействии только СССР построено более 100 промышленных предприятий. Как отмечал член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев, возглавлявший делегацию КПСС на VI съезде КПВ, эффективность использования созданных мощностей в ряде случаев остается низкой¹¹. Причиной этого являются острые диспропорции: дефицит энергоносителей, зап-

частей, квалифицированной рабочей силы. Трудности усугубляются нерациональным, бесхозяйственным использованием помощи, неэффективным, затратным механизмом внутреннего управления, зачастую игнорированием экономических интересов коллективов, слабостью социальной инфраструктуры;

— неготовность СРВ в силу малых масштабов производства к эффективному использованию большой помощи, предоставленной различными странами на оказание технического содействия в строительстве крупных объектов¹².

В текущей пятилетке экономическая помощь, предоставляемая СССР, в два раза превышает объем помощи за 1981—1985 гг.¹³. Она ориентирована прежде всего на создание и развитие базовых отраслей: энергетики, добычи угля и нефти, машиностроения, химической промышленности, промышленности стройматериалов.¹⁴ Между тем экономический рост СРВ определяли в прошедшее пятилетие в основном традиционные отрасли, слабо связанные с иностранным содействием. Динамично развивалось, например, мелкое кустарное производство, продовольственный сектор в сельском хозяйстве;

— противоречия между низкой нормой накопления (8 %) и ограниченными масштабами потребления, препятствующими повышению уровня и нормы накопления за счет доходов трудящихся масс. Иностранная помощь слабо помогала разрешению этого противоречия. Приведем пример опять-таки из опыта советско-вьетнамских отношений. В общем экспорте СССР в СРВ в 1981—1985 гг. доля товаров широкого потребления составляла 1,6 %, пищевкусовых товаров (с учетом поставки зерна и муки) — 8 % по группе экспорта указанных товаров¹⁵. Для сравнения скажем, что доля промышленных товаров широкого потребления и продовольственных товаров в советском экспорте на Кубу достигла в 1981—1985 гг. — 17 %, в МНР — 30 %, хотя в этих странах жизненный уровень населения выше, чем в СРВ¹⁶.

К противоречиям роста в переходный период можно также отнести высокие темпы прироста населения и ограниченность новых рабочих мест; избыток рабочих рук и дефицит кадров средней и высшей квалификации; неосвоенность материальных ресурсов, особенно в области сельского хозяйства, и низкая норма производственного и личного потребления.

Разработка прогрессивной концепции экономического роста включает определение оптимальных *темпов* развития, их обусловленность степенью удовлетворения общественных потребностей. По-видимому, в 1981—1985 гг. были достигнуты оптимально возможные темпы ускорения после периода стагнации. Среднегодовой темп прироста национального дохода составил 6,4 % в 1981—1985 гг. (в 1976—1980 гг. — 0,6 %), валовой сельскохозяйственной продукции — 4,9 % (1,9 % в 1976—1980 гг.), промышленной продукции — 9,5 % (0,6 % в 1976—1980 гг.). В 1986—1990 гг. предполагается сохранить тенденцию закрепления в основном темпов роста предыдущей пятилетки. Например, среднегодовой рост национального дохода должен составить 6—7 %¹⁷.

По предварительному прогнозу развития СРВ, к 2000 г. предусмотрены оптимальные темпы роста (в среднем за весь период) при относительно быстром возрастании их после 1995 г. в отраслях, связанных с индустриализацией и научно-техническим прогрессом. К 2000 г. объем произведенного национального дохода в СРВ планируется увеличить к уровню 1985 г. в 3,4—3,5 раза. Для сравнения скажем, что европейскими странами — членами СЭВ к 2000 г. поставлена задача удвоения произведенного национального дохода, оптимальные темпы роста могут составить 4—5 %, минимально допустимые — 2—3 %¹⁸.

Концепция структурной политики. На VI съезде была изложена концепция структурной политики, конкретизирована политика индустриализации на различных этапах развития. Сущность нового подхода к анализу проблем индустриализации и структурной политики состоит в следующем:

1. По-иному трактуется цель современного развития. VI съезд КПВ выдвигает в качестве совокупной цели развития страны до конца начального этапа всестороннюю стабилизацию социально-экономического положения, дальнейшее создание необходимых предпосылок ускорения социалистической индустриализации на последующем этапе.

2. Признается важность соблюдения общих закономерностей индустриализации (преимущественный рост производства средств производства, достижение крупных масштабов экономики, создание развитого народнохозяйственного комплекса, всемерное повышение научно-технического уровня и др.) с возможностью их реализации в каждом конкретном случае. Например в докладе указывалось, что в СРВ сейчас предпочтительнее строить средние и мелкие предприятия, притормозить темпы создания крупных объектов в тяжелой промышленности, развивать научно-технический прогресс с учетом текущих потребностей экономики, концентрируя внимание на ускорении НТП в области сельскохозяйственного производства.

3. Развитие производительных сил даже на низшей фазе развития социализма носит в себе элементы экстенсивного и интенсивного роста, поэтому процесс индустриализации противоречив. Чтобы добиться экономии затрат, а такая задача поставлена во Вьетнаме, нужно, как и в других странах содружества, увеличивать расходы на науку, отрасли, определяющие развитие научно-технической революции (биотехнологию, создание новых конструктивных материалов, некоторых отраслей машиностроения, например, электроники). В целом требуется развитие науки для повышения эффективности производства.

4. Разработка структурной политики индустриализации включает выбор *основного звена* развития на основе применения программно-целевого подхода.

На VI съезде отмечалось, что партия после съезда должна ускорить разработку целостной программы социалистической революции в переходный период. Основываясь на этой программе, подчеркивалось в докладе, КПВ определяет стратегию социально-экономического и научно-технического развития, тем самым будет заложена политическая и идеологическая основа деятельности партии и государства.

Основное звено, которое будет определять структурную анатомию темпов роста в текущем пятилетии и на более длительную перспективу, — это составление трех долгосрочных целевых программ: по продовольствию и продуктам питания, по товарам народного потребления и по экспортным товарам. В первой программе основной упор сделан на решение проблемы обеспечения населения продуктами питания и разработку мер по снижению темпов рождаемости. Поставлена задача, при общем росте численности населения за пять лет примерно на 6 млн. человек, не снижать нормы потребления продовольствия в расчете на душу населения по сравнению с 1981—1985 гг. К 1990 г. намечается довести сбор продовольственных культур в пересчете на рис до 22—23 млн. т, в среднем ежегодно в стране должно собираться в 1986—1990 гг. 20—20,5 млн. т, что на 3—3,5 млн. т больше среднегодового сбора в 1981—1985 гг. Для сравнения скажем, что среднегодовой рост производства продовольственных культур в 1976—1980 гг. составлял 0,2 млн. т, в 1981—1985 гг. — 1 млн. т.

Средством решения указанной задачи является развитие интенсивного земледелия, существенное увеличение затрат на ирригацию, активная химизация, что в совокупности с дальнейшим улучшением аграрных отношений должно дать весомую прибавку в урожае, особенно риса.

Пути решения проблемы резкого роста производства товаров народного потребления заложены в максимальной загрузке и повышении эффективности производства на предприятиях государственного сектора, поощрении мелкого и кустарного производства (продажа государством технических средств, пре-

доставление кредитов и пр.), традиционных художественных промыслов, подсобных хозяйств кооперативов, индивидуальной деятельности всех слоев населения. Наряду со стимулированием производства товаров поставлена задача их разумного потребления. В 1986—1990 гг. планируется довести среднегодовой темп роста производства товаров народного потребления до 13—15 %.

В СРВ разрабатывается активная экспортная стратегия для вовлечения в экспортную деятельность все большего числа провинций и районов, отдельных предприятий и организаций, создания им поощрительных условий производства экспортной продукции. Экспорт за пятилетие должен возрасти в 1,7 раза преимущественно за счет традиционных товаров: сельхозпродукции в сыром и переработанном виде, товаров легкой и мелкой кустарной промышленности, продукции морских промыслов.

Развитие народного хозяйства СРВ на основе вышеуказанных программ, как говорилось на съезде, потребует проведения структурной реорганизации производства, коренного пересмотра структуры капиталовложений. Указанное направление структурных сдвигов позволит успешнее решать социальные проблемы и задачу создания первоначальных накоплений.

Структурная политика КПВ направлена на определение не только основного, но и наиболее *слабого* звена, которое может замедлить рост. Для СРВ таким слабым звеном являются на современном этапе энергетика, транспорт, угольная промышленность, которые надо подтянуть, модернизировать, двинуть вперед. На VI съезде КПВ отмечалось, что отрасли тяжелой промышленности надо поставить на основы практического эффективного взаимодействия с сельским хозяйством, легкой промышленностью. Главным направлением в использовании капиталовложений является комплексное и эффективное развитие действующих предприятий. Вопрос о новом строительстве предполагается ставить только тогда, когда действительно существует острая необходимость.

5. Новый подход к стратегии экономического сотрудничества с зарубежными странами. На VI съезде подчеркивалось, что Вьетнам намерен развивать отношения всестороннего сотрудничества с СССР с другими социалистическими странами в различных формах: прямые производственные и научно-технические связи между предприятиями и организациями СРВ и стран — членов СЭВ, создание совместных предприятий и прямые иностранные капиталовложения.

Сейчас определяются отрасли и виды производств для усиления участия СРВ в рамках социалистической экономической интеграции. Главные из них — агропромышленная сфера, легкая промышленность, некоторые отрасли добывающей промышленности, кооперация в развитии ограниченного круга изделий машиностроения, преимущественно на базе использования давальческого сырья.

Особая роль отводится повышению эффективности сотрудничества СРВ с СССР. Мы готовы, заявил Е. К. Лигачев на съезде вьетнамских коммунистов, вместе с вьетнамскими товарищами пойти на всемерное развитие производственной и научно-технической кооперации, на создание совместных предприятий в промышленности и агропромышленном комплексе, сотрудничество в производстве товаров легкой промышленности¹⁹. Особая роль отводится усилению прямых связей дальневосточных районов СССР с СРВ, принятию решительных мер по организации в эти районы экспорта сельхозпродукции, прямых связей крупных городов — побратимов СРВ и СССР².

Все указанные направления сотрудничества СРВ с СССР и другими странами — членами СЭВ помогут создать условия для перехода на сбалансированную основу во внешнеторговых отношениях. Есть и другие области научно-производственного взаимодействия. По некоторым направлениям Вьетнам

намерен активно участвовать в Комплексной программе научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 г. принятой на сорок первой (внеочередной) сессии СЭВ в декабре 1985 г. Участие СРВ в Комплексной программе НТП будет способствовать осуществлению промышленного переворота на новейшей научно-технической основе.

* * *

В решениях VI съезда КПВ в основных чертах намечена стратегия экономического, политического, идеологического развития Вьетнама в ближайшее пятилетие и в течение всех оставшихся до конца начального этапа переходного периода лет. Ее анализ дает все основания утверждать, что вьетнамские коммунисты стремятся творчески, новаторски подходить к решению сложнейших проблем, встающих перед страной. Для этих решений нет готовых рецептов, движение вперед осуществляется через преодоление трудностей и противоречий, которые, как отмечается в Политическом докладе VI съезду, будут иметь место и в дальнейшем. КПВ не закрывает глаза на эти сложности, стремится глубоко осмысливать накопленный опыт — как позитивный, так и негативный, собственный и других стран социализма, выработать наиболее действенный механизм полной реализации внутренних возможностей развития страны при максимальном использовании сотрудничества с другими странами, прежде всего социалистическими.

¹ «Нян зан», 25.X.1986.

² Для этих обсуждений был характерен острокритический дух. Так, на X партийной конференции в городе Ханое в октябре 1986 г. отмечалось: «За прошедший период мы пережили «детскую болезнь левизны», проявили волюнтаризм, шли наперекор объективным законам развития». — «Нян зан», 20.X.1986.

³ «Нян зан», 20.X.1986. «Новое экономическое мышление, — отмечалось на ханойской конференции, — это применение идей марксизма-ленинизма к конкретным условиям нашей страны в соответствии с объективными законами, с уровнем развития экономики на каждом отдельном этапе. Это мышление диалектическое, научное и революционное». Особую роль для вьетнамских коммунистов сыграл имеющий революционное значение дух глубокого обновления, продемонстрированный XXVII съездом КПСС.

⁴ См.: V съезд Коммунистической партии Вьетнама, М., 1983, с. 15.

⁵ Конкретно это проявилось в том что в целом рост производства, преодоление спада конца 70-х гг. не обеспечили стабильного удовлетворения нужд потребления и накопления, не были выполнены плановые показатели по важным видам продукции (продовольствие, ткань, уголь, цемент и др.). Не удалось увеличить эффективность производства и капиталовложений. Серьезные трудности сложились в сфере распределения и обращения: обострение диспропорций между спросом и предложением на продовольствие, потребительские товары, энергетические и сырьевые ресурсы, между товарной и денежной массой, между экспортом и импортом, высокий уровень инфляции, быстрый рост цен, снижение реальных доходов рабочих и служащих государственного сектора, военно-служащих. В обществе получили развитие такие негативные явления, как нарушение социальной справедливости, коррупция и др.

⁶ Такая классификация укладов на съезде была дана впервые. Раньше (в решениях IV, V съездов, других документах) социалистический уклад всегда разделялся на государственный и кооперативный секторы, натурально-патриархальный уклад объединялся с мелкотоварным.

⁷ В последние годы КПВ уделяет особое внимание проблеме вовлечения национальных меньшинств, проживающих в горных районах северной и центральной части Вьетнама, в активное участие в экономической жизни страны, вопросам развития производительных сил. В связи с этим приобретает важное значение разработка правильной политики в отношении натурально-патриархального уклада, создание действенных стимулов развития, прогресса.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350—351.

⁹ Долгое время в СРВ считалось, что наличие дополнительных капиталовложений, трудовых, топливно-сырьевых ресурсов является достаточной гарантией достижения высоких темпов экономического роста, говорилось о двух сильных сторонах вьетнамской экономики — земле и людях. При этом не в полной мере учитывалось, что для достижения высоких конечных результатов важнейшую роль играют распределительные отношения. Уравнительный способ распределения, государственная дотация на поддержание стабильно низкого, но гарантированного уровня жизни, распределение материальных благ по карточной системе привели к тому, что при огромных затратах на структурные сдвиги в экономике, наблюдалась их вялая динамика, сохранялись низкие темпы в основных структурообразующих отраслях.

¹⁰ Капиталистический уклад в его современном виде является не столько фактором роста, сколько торможения, так как развивается преимущественно в сфере торговли, вызывая дезорганизацию, хаос, взвинчивание цен и искусственно созданный дефицит потребительской продукции.

¹¹ См.: «Правда», 20.XII.1986.

¹² Объем национального дохода на душу населения в СРВ составляет 4 % среднего уровня европейских стран СЭВ.

¹³ См.: «Правда», 18,19.XII.1986.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Внешняя торговля СССР в 1985 г. Стат. сб. М., 1986, с. 203.

¹⁶ Там же, с. 226, 227, 264.

¹⁷ См.: «Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ», 1986, № 1, с. 106.

¹⁸ Решение этой задачи связано с большими сложностями, прежде всего в силу неустойчивости развития основных секторов, с которыми на современном этапе связан экономический рост. Неблагоприятные погодные условия, сбои в осуществлении различных реформ могут ощутимо сказаться на темпах. В 1986 г., в частности, приросты важнейших показателей были ниже средних за пятилетие 1981—1985 гг.: национального дохода — 4,3 %, валовой продукции промышленности — 5,6 %, валовой продукции сельского хозяйства — 1,4 %. — «Нян зан», 26.XII.1986.

¹⁹ См.: «Правда», 16, 19.XII.1986.

²⁰ См.: «Нян зан», 20.X.1986, «Правда», 17.XII.1986.

Проблемы мира и безопасности в АТР на современном этапе

От редакции: Как уже сообщалось, в ноябре 1986 г. в Институте Дальнего Востока АН СССР состоялась международная конференция, посвященная актуальным проблемам международных отношений в азиатско-тихоокеанском регионе. Мы обратились с рядом вопросов к советским и иностранным участникам конференции. На наши вопросы отвечают: заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС профессор И. И. Коваленко, директор Института Дальнего Востока АН СССР доктор философских наук М. Л. Титаренко, член ЦК КП Кубы, директор Центра исследований Азии и Океании при ЦК КП Кубы профессор М. Эрнандес, директор Института Азии и Тихого океана КОН СРВ профессор Ван Чонг, ученый секретарь Института востоковедения АН МНР кандидат исторических наук Д. Маам, научный сотрудник Института международного рабочего движения АОН при ЦК СЕПГ В. Бирнштил, научный сотрудник Института международных отношений МИД ВНР П. Коош, научный сотрудник Института международных отношений МИД ПНР Я. Ровиньский, заведующий отделом ИДВ АН СССР профессор Д. В. Петров, заведующий отделом ИДВ АН СССР профессор А. Г. Яковлев.

Вопрос: В последнее время проблема азиатско-тихоокеанского региона (АТР) привлекает все большее внимание политических, деловых, общественных и научных кругов. Чем, на Ваш взгляд, это объясняется?

И. И. Коваленко: Дело в том, что значение азиатско-тихоокеанского региона в общем процессе мирового развития неуклонно возрастает. И это вполне понятно, так как в этом районе мира расположены крупнейшие по площади и численности населения страны — Советский Союз, Китайская Народная Республика, Соединенные Штаты Америки, Индия, Индонезия, Япония, Канада, Мексика, Вьетнам, Бангладеш, Австралия и другие, оказывающие значительное влияние на всю международную обстановку. Территория региона составляет почти половину земного шара. В одной лишь Азии проживает более двух третей человечества. На страны региона приходится около 55 % промышленного производства капиталистического мира и половина мировой торговли. По прогнозам футурологов, политологов, экономистов, к концу нынешнего тысячелетия регион будет играть ведущую роль в мировых политических и экономических связях, в решении глобальных проблем.

Сбывается сделанное еще в прошлом веке К. Марксом и Ф. Энгельсом предсказание о «доминирующей роли Тихого океана» в международных отношениях будущего. Основоположники научного коммунизма тогда писали, что «Тихий океан будет играть такую же роль, какую теперь играет Атлантический океан, а в древности и в средние века Средиземное море,— роль великого водного пути для мировых сношений...».

Если В. И. Ленин в начале века писал о «пробуждении Азии», то ныне она не только «пробудилась», но в своем экономическом и социальном развитии значительно продвинулась вперед. Вместе с тем она продолжает оставаться средоточием серьезных противоречий. Достаточно сказать, что, по

данным Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана, здесь «в условиях абсолютной бедности проживает 518 млн. человек, что составляет 89 % бедняков всего мира».

Особенностью АТР является то, что здесь непосредственно соседствуют и взаимодействуют три большие группы государств — социалистические, развитые капиталистические и развивающиеся. Империализм пытается помешать поступательным историческим процессам в регионе, сдержать рост и влияние сил социализма, социального прогресса и мира. Для этого он прибегает не только ко всякого рода политическим ухищрениям, экономическому давлению, но и к военной силе. В АТР размещена вторая по численности группировка вооруженных сил США за рубежом, насчитывающая около полумиллиона человек. Разветвленная система американского военного присутствия в регионе, включающая ядерные силы и силы общего назначения повышенной стратегической мобильности, острием своим направлена против Советского Союза и других социалистических стран Азии. Правящие круги Соединенных Штатов и Японии стремятся создать тихоокеанский эквивалент НАТО, открыв таким образом «второй фронт» борьбы против социализма. Совершенно очевидно также, что военная активность империализма направлена против интересов всех суверенных государств континента.

Вопрос: Как проявляется агрессивность в политике крупнейших капиталистических держав в АТР?

М. Эрнандес: Значение АТР в мировых делах в немалой степени определяется тем фактом, что именно в этом районе мира США впервые применили атомное оружие; здесь они развязали войны против корейского и вьетнамского народов — крупнейшие после второй мировой войны. И ныне обстановка в регионе продолжает оставаться напряженной вследствие того, что Вашингтон пытается превратить Азиатский континент в поле конфронтации с Советским Союзом, другими социалистическими странами и национально-освободительными силами. США стремятся втянуть страны региона в прямые военные авантюры с целью обеспечения для себя превосходства на возможном театре военных действий, создания надежного и выгодного рынка сбыта вооружений, достижения своей гегемонии в этом самом перспективном, по убеждению Вашингтона, районе мира. Ныне США имеют в АТР 83 военные базы, главным образом в Южной Корее, Австралии, Японии и на Филиппинах. Помимо Тихого океана, США развернули мощную военную группировку, оснащенную в том числе ядерным оружием, в Индийском океане.

К этому надо добавить, что США стремятся активизировать агрессивные военные блоки в регионе, прежде всего пресловутый треугольник Вашингтон — Токио — Сеул, пытаются скомпрометировать АСЕАН и т. д. Можно предположить, что Таиланд, тесно связанный с Соединенными Штатами, превратится в гигантский склад вооружений и боеприпасов в регионе, а также в плацдарм для действий, направленных против мирного развития стран Индокитая. Необходимо иметь в виду, что Вашингтон включил азиатско-тихоокеанский регион в сферу действия СОИ, что также серьезно осложняет обстановку в этой части мира.

Осуществляет в регионе военное присутствие, хотя и в меньших, чем США, масштабах, Франция, стремящаяся сохранить стратегические позиции в районе Тихого океана. Она контролирует около 11,5 млн. кв. км океанского пространства, располагает территориями, пригодными для проведения ядерных испытаний, создания военно-воздушных и военно-морских баз, баз радиолокационного наблюдения и космического контроля. Париж усиливает свое

военное присутствие на Новой Каледонии. В 1975—1985 гг. Францией проведено в этой части мира 67 подземных ядерных взрывов.

Важную роль в азиатско-тихоокеанском регионе играет Япония. Здесь хотелось бы отметить, что США стремятся подключить Японию к своей агрессивной стратегии, в частности к планам милитаризации космоса. Милитаристские тенденции в политике Токио осложняют ситуацию в регионе.

Вопрос: Не могли бы Вы подробнее охарактеризовать позицию Японии по проблемам мира и безопасности в АТР?

Д. В. Петров: Концепция безопасности, разработанная правящими кругами Японии, предусматривает сочетание политических, экономических и военных средств. Правительство Японии заявляет, что в политической области оно исходит из необходимости «решать все спорные вопросы или конфликты между Японией и другими странами путем переговоров, углублять взаимопонимание и налаживать дружеские связи в политической, экономической и других сферах взаимоотношений». При этом особое значение придается дипломатическим отношениям с теми государствами, которые имеют непосредственное отношение к безопасности Японии.

В первую очередь это относится, разумеется, к отношениям Японии с Советским Союзом. Здесь, однако, японское правительство проводит двойственную политику. С одной стороны, оно говорит о стремлении к развитию добрососедских связей с СССР. Известные шаги в этом направлении были достигнуты в ходе обмена визитами министров иностранных дел СССР и Японии в 1986 г. Вместе с тем правящие круги Японии усиливают кампанию вокруг незаконных и необоснованных претензий на южную часть Курильских островов и заявляют, что в соответствии с провозглашенным ими принципом «неразделимости политики и экономики» без удовлетворения этих требований будет невозможно развитие японо-советских отношений в торгово-экономической и других областях взаимоотношений. С каждым годом ужесточаются также ограничения на поставки в СССР высокосложных машин и оборудования. Одновременно с помощью средств массовой информации ведется широкая обработка населения в плане всемерного муссирования «угрозы» со стороны Советского Союза.

С позиций конфронтации с СССР Япония рассматривает и свои отношения с соседними странами Азии. Исключительно важное значение придается развитию связей с Китаем. Правящие круги Японии стремятся развивать «особые отношения» с КНР и при всем значении экономических факторов готовы идти ради этого на существенные уступки. Они надеются втянуть Китай как можно глубже в сферу мирового капиталистического хозяйства и по мере возможности помешать ему налаживать дружеские отношения с Советским Союзом.

Исходя из этих же позиций, Япония полностью поддерживает политику США, направленную на закрепление раздела Кореи и безусловное сохранение американских баз и вооруженных сил на территории Южной Кореи.

В экономической области программа обеспечения безопасности предполагает диверсификацию внешнеторговых связей с целью снижения степени риска в случае возникновения конфликтных ситуаций в той или иной части мира и самое широкое использование экономических рычагов в форме различного рода программ помощи для обеспечения стабильного снабжения Японии сырьем и топливом и в то же время — стабилизации капиталистического строя в развивающихся странах. Возрастающее значение, особенно в последние два-три года, стала играть так называемая «стратегиче-

ская» помощь, под которой понимается приоритетное предоставление крупных финансовых и материальных средств странам и режимам, которые Япония вслед за США рассматривает как «стратегически важные» в борьбе против стран социализма, в частности Пакистану, Таиланду, Южной Корее.

В военной сфере концепция безопасности Японии зиждется на двух столпах — развитии военного союза с США и наращивании боевой мощи собственных «сил самообороны». Заключенный в 1960 г. «договор безопасности» с Соединенными Штатами и связанные с ним соглашения правительство считает «краеугольным камнем японской обороны». Главную роль союза с США оно видит в обеспечении Соединенными Штатами «ядерного зонтика», то есть в обязательстве Вашингтона нанести ядерный удар по стране, которая решилась бы применить ядерное оружие против Японии.

В обмен за «ядерный зонтик» Япония пошла на ряд серьезных решений. Она превратилась к середине 80-х гг. в важнейшего союзника США, значение которого в стратегическом балансе сил непрерывно растет по следующим основным направлениям:

- расширение морально-политической поддержки позиции Вашингтона по всем вопросам, связанным с проблемами мира и разоружения;

- предоставление полной свободы Пентагону в реализации планов использования баз на территории Японии в его ядерной стратегии, включая размещение с марта 1985 г. средств доставки ядерного оружия — истребителей-бомбардировщиков Ф-16 на базе в Мисава на северо-западе страны и постоянные заходы в японские порты боевых кораблей и подводных лодок с ядерным оружием;

- поддержка американской программы «звездных войн» и выраженная в заявлении от 9 сентября 1986 г. готовность присоединиться к работам по созданию космического оружия;

- существенное расширение функций Японии в военно-стратегической системе США в Азии в результате принятых на себя обязательств организовать проведение противолодочных и противовоздушных операций в северо-западной части Тихого океана, принять участие в минировании трех проливов с целью не допустить выхода советского флота из Японского моря в Тихий океан и обеспечить боевое патрулирование на расстоянии в тысячу миль от японских берегов, включая сопровождение американских боевых кораблей с атомным оружием на борту;

- активизация различного рода военно-политических связей со странами НАТО и союзниками США в Азии — Южной Кореей, Австралией, а также со странами, проводящими проамериканскую политику, — с конечной целью содействовать планам Пентагона по созданию глобальной военно-блоковой системы империализма.

С 1978 г., когда состоялся первый визит начальника УНО в штаб-квартиру НАТО, на постоянной основе ведется обмен различного рода военной информацией. В марте 1983 г. Япония заявила о своем желании стать ассоциированным членом НАТО. Хотя это предложение было отклонено, военно-политические связи с ФРГ, Англией, Францией продолжали развиваться на двусторонней основе. Важным элементом подтягивания Японии к системе НАТО является участие с 1980 г. в крупномасштабных военно-морских маневрах под кодовым названием «Тихоокеанское кольцо» совместно с членом НАТО Канадой и военными союзниками США Австралией и Новой Зеландией. В 1986 г. в этих учениях вместо Новой Зеландии участвовал еще один член НАТО — Великобритания. Япония направила для отработки совместных боевых действий второе по численности после США соединение

своих кораблей в составе 8 эсминцев. Впервые в учениях приняла участие японская подводная лодка.

Наряду с союзом с Соединенными Штатами важное место в системе обеспечения безопасности Японии отводится наращиванию боевой мощи «сил самообороны», в задачу которых входит в соответствии с заключенным с США 27 ноября 1978 г. соглашением отражение «ограниченной и небольшой по размерам агрессии». Их задача — обеспечивать оборону территории Японии и прилегающего к ней морского и воздушного пространства, «сдерживать, изматывать и контратаковать противника» до подтягивания американских вооруженных сил и применения ими в случае необходимости ядерного оружия.

Строительство вооруженных сил Японии ведется высокими темпами. Военные расходы растут значительно быстрее, чем в странах — членах НАТО. За 1970—1985 гг. они увеличились в 7 раз, тогда как в целом по НАТО — в 4,5 раза. В 1986 г. Япония израсходовала на военные цели 3,3 трлн. иен (16,7 млрд. долл.), что немногим уступает расходам таких ядерных держав, как Англия или Франция. Хотя Япония не имеет стратегического наступательного оружия, по огневой мощи, мобильности и другим параметрам японские «силы самообороны» занимают 6-е место среди армий капиталистических государств.

Японская концепция безопасности, таким образом, исходит из неизбежности дальнейшего обострения конфронтации между капиталистическими и социалистическими странами и необходимости наращивания военной мощи Японии как неотъемлемой составной части империалистической системы. Отсюда по всем основным проблемам войны и мира, включая ядерное разоружение, Япония поддерживала и будет, по всей вероятности, в основном поддерживать политику Соединенных Штатов.

Вопрос: Какими особенностями отличается ситуация на Дальнем Востоке? Как она влияет на положение во всем азиатско-тихоокеанском регионе?

В. Бирнштайл: Политические, экономические и военные процессы на Дальнем Востоке оказывают все более сильное воздействие на ситуацию в АТР, в особенности в Восточной и Юго-Восточной Азии, а также в Южной Азии. На чем основывается эта оценка?

Во-первых, как ни в одном другом районе Азии, на Дальнем Востоке пересекаются интересы главных сил социализма и капитализма в лице Советского Союза и США, крупной социалистической державы Китая и империалистической Японии. Положение на Корейском полуострове также прямо влияет на стабильность и безопасность во всем регионе. Динамично развиваются экономические потенциалы государств Дальнего Востока. Своей научно-технической и промышленной мощью эти страны также оказывают большое влияние на общественно-политическое развитие других государств АТР. Следует иметь в виду, что уровень военной силы, сконцентрированной на Дальнем Востоке, уступает лишь военной мощи, сконцентрированной в Европе.

Во-вторых, на Дальнем Востоке еще не существует достаточно стабильного взаимопереплетения политических, экономических, научно-технических, культурных и прочих связей, которые в целом были бы направлены на обеспечение мира. Дело в том, что быстрое развитие экономики стран Дальнего Востока началось в основном только во второй половине 50-х — начале 60-х гг. Широкое освоение советского Дальнего Востока также началось в исторически недавнем времени. Социалистическая

модернизация в КНР по известным причинам находится еще в своей начальной стадии.

Хотя после второй мировой войны было достигнуто значительное укрепление позиций социализма на Дальнем Востоке, соотношение сил в системном противоборстве с капитализмом не складывалось здесь так благоприятно для социализма, как, например, в Европе. В этих условиях империализму, прежде всего американскому, удавалось направить развитие ситуации в выгодное ему направление.

В-третьих, в дальневосточном регионе не было и нет до сих пор широкой практики политического диалога между расположенными здесь государствами. Империализму США удалось воспрепятствовать началу процесса разрядки в регионе. Исходя из опыта разрядки в Европе, можно утверждать, что в этой связи имеет наибольшее значение тот факт, что политическая структура на Дальнем Востоке до настоящего времени не была такой относительно стабильной, как на Европейском континенте.

Положение на Дальнем Востоке осложняется, на наш взгляд, прежде всего следующими особенностями:

— признание реальностей, которые сложились на Дальнем Востоке после второй мировой войны и войны в Корее, еще не достигнуто;

— во взаимоотношениях стран региона существуют сложные территориальные проблемы;

— США и Южная Корея не проявляют готовности достичь политического решения проблем на Корейском полуострове;

— Вашингтон стремится изменить в свою пользу региональное соотношение сил, в первую очередь посредством развития военно-политических связей с Токио и Сеулом.

В 80-е гг. СССР, МНР и КНДР предприняли ряд инициатив, направленных на осуществление процесса разрядки на Дальнем Востоке. Тем самым было положено начало диалогу, который в перспективе должен привести к укреплению доверия в политической и военной области, развитию многосторонних межгосударственных отношений, а тем самым и к постепенному созданию широкой системы безопасности на Дальнем Востоке.

Вопрос: Американский империализм проводит в АТР политику создания агрессивных блоков, важным элементом которой является треугольник Вашингтон — Токио — Сеул. Какие, на Ваш взгляд, процессы происходят внутри этого фактически военного союза?

П. Коош: Важным элементом осуществления в АТР, в том числе на Дальнем Востоке, агрессивной стратегии империализма, направленной прежде всего против социалистических стран, является растущее военно-политическое сотрудничество США, Японии и Южной Кореи в рамках так называемого треугольника Вашингтон — Токио — Сеул. Правильность часто употребляемого выражения «треугольник» можно оспорить, но если образно его представить, то сразу обратит на себя внимание сравнительная хрупкость и слабость стороны Токио — Сеул в противоположность относительной силе и крепости двух других сторон. Соединенные Штаты связывают с Японией и Южной Кореей заключенные с каждой из них военно-политические договоры. Вашингтон считает их своими важнейшими союзниками на Дальнем Востоке.

По-иному развиваются взаимоотношения Токио и Сеула. Достаточно сказать, что дипломатические отношения между ними были установлены лишь спустя двадцать лет после второй мировой войны. Только в 1983 г. глава правительства Японии посетил Сеул. Правящие круги Южной Кореи не могут не считаться с настроениями южнокорейской общественности, из памяти ко-

торой не изгладились воспоминания о тридцатипятилетнем японском колониальном господстве. Волнует общественность Южной Кореи и та дискриминация, которой подвергаются проживающие в Японии корейцы (а их численность составляет примерно 680 тыс. человек).

По причине совпадения классовых интересов Япония однозначно выступает на стороне Южной Кореи против КНДР, что, однако, не исключает проявления японо-южнокорейских противоречий. Токио выгодно сохранение напряженности на Корейском полуострове: оно побуждает Сеул, помимо всего прочего, к поддержанию высокого уровня своего военного потенциала в ущерб экономическому развитию, что в свою очередь снижает конкурентоспособность Южной Кореи по отношению к Японии на мировом рынке. Окрепшие же южнокорейские монополии понимают, что их интересы ущемляются более мощными монополиями Японии, причем как на Юге Корейского полуострова, так и за его пределами.

Таким образом, можно сказать, что двусторонние отношения Японии и Южной Кореи несут на себе весьма ощутимый груз противоречий. Однако в сфере внешней политики Токио и Сеул под руководством постоянно присутствующего в дальневосточном регионе Вашингтона составляют единый фронт, прежде всего против социалистических стран. Тройственное военно-политическое сотрудничество, вопреки существующим разногласиям и даже периодическим спадам, продолжает укрепляться. Приняв форму неподписанного договора о военном союзе, оно серьезно угрожает миру и безопасности на Дальнем Востоке.

Вопрос: Как в настоящий момент складывается ситуация в Юго-Восточной Азии? Какие существуют резервы и возможности ее стабилизации?

Ван Чонг: Страны Индокитая все еще не имеют условий для заживления ран войны, для мирной перестройки экономики. Часть правящих кругов стран—членов АСЕАН попала под политическое влияние США, находится в экономической зависимости от Японии и в плену идеологии антикоммунизма. Она проводит политику вчерашнего дня, способную лишь нанести ущерб ближайшим и долговременным интересам их собственных стран. В прошлом государства ЮВА, в том числе страны Индокитая, сложились в сходных культурно-исторических условиях. В новейшее время все они стали жертвами агрессивной экспансионистской политики западных держав. В настоящее время страны ЮВА, находящиеся в стратегически важном районе мира, должны осознать свои главные, долговременные интересы, должны отличать партнеров от потенциальных соперников.

Борьба за превращение АТР в мирный, бесконфликтный район без иностранных военных баз, страны которого ведут сотрудничество по научным и социально-экономическим вопросам, осуществляют обмен опытом в решении социально-экономических проблем, отвечает интересам стран ЮВА. Юго-Восточная Азия может внести ценный вклад в процесс реализации предложений по азиатско-тихоокеанской проблематике, выдвинутых М. С. Горбачевым и поддержанных социалистическими странами. Это произойдет тогда, когда страны—члены АСЕАН пойдут на диалог со странами Индокитая и будут совместно с ними решать проблемы, представляющие взаимный интерес. Это прежде всего кампучийский вопрос и вопросы установления добрососедских отношений с Вьетнамом, Кампучией и Лаосом. Вследствие географического положения и традиционных связей Китайская Народная Республика играет важную роль в решении проблем Юго-Восточной Азии.

Предложения, полные доброй воли, отражающие новый и реалистичный взгляд на обстановку в регионе, неоднократно формулировались странами Индокитая. На тринадцатом совещании министров иностранных дел стран Индокитая (октябрь 1986 г., Ханой) было еще раз подчеркнута, что СРВ, НРК и ЛНДР желают «скорейшего восстановления дружбы с китайским народом». Министры иностранных дел государств Индокитая указали, что «нормализация отношений между Вьетнамом, Лаосом и Кампучией и Королевством Таиланд является очень важным фактором мира и стабильности в ЮВА». Одновременно совещание выдвинуло конкретные предложения Таиланду и Китаю по развитию взаимоотношений. В частности, по кампучийской проблеме министры заявили: «Если стороны согласятся с тем, что основные проблемы заключаются в выводе вьетнамских вооруженных сил с территории Кампучии и в ликвидации полпотовской клики, виновной в геноциде, то мы можем сразу приступить к переговорам для разрешения этих вопросов в целях достижения политического решения кампучийского вопроса и для достижения мира и стабильности в Юго-Восточной Азии».

Мы не думаем, что решение кампучийского вопроса, так же как восстановление дружественных отношений между Вьетнамом и другими странами Индокитая с Китайской Народной Республикой, является простым и скорым делом, однако сознаем, что существуют предпосылки для прекращения огня и урегулирования конфликтов в ЮВА. Необходимо, чтобы китайские руководители и правящие круги АСЕАН искренне пожелали разрешить эти проблемы мирным путем.

Вопрос: Как известно, в 80-х гг. Монгольская Народная Республика выступила с рядом инициатив, касающихся ситуации в азиатско-тихоокеанском регионе. Не могли бы Вы подробнее рассказать об этих инициативах.

Д. Маам: Активное содействие делу установления прочной безопасности и мира на Азиатском континенте всегда было и остается главным направлением внешнеполитической деятельности МНРП и правительства МНР.

На пороге 80-х гг. политическая обстановка в Азии вновь осложнилась, во многих районах континента усилились вооруженные конфликты. В этих условиях XVIII съезд МНРП (1981) выступил с предложением выработать и заключить конвенцию о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана. Цель этого предложения заключается в том, чтобы исключить агрессию и применение силы в отношениях между государствами азиатско-тихоокеанского региона, содействовать укреплению мира и безопасности в Азии, развитию нормальных, добрососедских отношений между всеми странами этих районов.

Наша инициатива вытекает из фундаментальных принципов ленинской внешней политики, провозгласившей идею мирного сосуществования. Она надлежащим образом учитывает опыт Бандунгской конференции, а также принципы, зафиксированные в Уставе ООН и документах конференций присоединившихся стран.

Что касается существа и основных элементов предлагаемой нами конвенции, то это вытекает из самого предложения. Такие принципы, как взаимное уважение независимости, суверенитета и территориальной целостности, незыблемость государственных границ, равенство, невмешательство во внутренние дела друг друга, неприменение силы или угрозы силой, решение спорных вопросов исключительно мирными средствами и развитие взаимовыгодного сотрудничества, могли бы стать основными положениями предлагаемой конвенции.

Всем ясно, что претворение в жизнь нашей инициативы в нынешней обстановке — нелегкая задача. Необходимо учитывать всю сложность и противоречивость обстановки в Азии и бассейне Тихого океана. Прежде всего следует считаться с неурегулированностью многих проблем, унаследованных от прошлого, а также с высокой военной активностью США и их союзников.

По нашему мнению, для реализации инициативы МНР необходим поэтапный подход — от простого к сложному. Так, сначала надо довести до сведения всех стран АТР выдвинутую инициативу и разъяснить ее суть и принципы, затем провести двусторонние встречи, переговоры и многосторонние консультации, после чего вести дело к проведению конференций стран Азии и Тихого океана для совместного рассмотрения проблем безопасности региона и заключения конвенции. Следующий этап — претворение в жизнь предлагаемой инициативы и соблюдение общими усилиями ее принципов, являющихся постоянным механизмом азиатской безопасности.

За годы, прошедшие после XVIII съезда МНРП, была проделана значительная работа, имеющая целью довести до сведения правительств и общественности азиатских и тихоокеанских государств внешнеполитическую инициативу МНР, разъяснить ее суть и принципы. В этом плане важное место занимает обращение Великого народного хурала МНР в июне 1981 г. к парламентам стран Азии и Тихого океана, послание Председателя Президиума Великого народного хурала МНР к главам государств и правительств 50 стран, включая все государства — постоянные члены Совета Безопасности ООН, меморандум правительства МНР от 10 декабря 1983 г., распространенный в ООН, а также призыв народного хурала от декабря 1983 г. и т. д.

С 1982 г. МНР провела интенсивный двусторонний обмен мнениями с другими странами Азии на различных уровнях, а с 1983 г. по инициативе МНР начался созыв многосторонних встреч и совещаний для продвижения нашей инициативы. Так, в 1983 г. состоялась рабочая встреча заместителей министров иностранных дел социалистических стран, в 1984 г. — совещание экспертов социалистических стран, в 1984 и 1985 гг. проводились Международные встречи молодежных и профсоюзных организаций стран Азии и Тихого океана. В 1983 и 1986 гг. в Улан-Баторе проходила консультативная встреча парламентариев социалистических стран, на которой обсуждались актуальные вопросы усиления роли парламентов в мобилизации усилий народов для борьбы за мир, против военной опасности в Азии. Все эти мероприятия, несомненно, являются важным шагом к претворению в жизнь нашей инициативы.

В последние годы внешнеполитическая инициатива МНР вызывает все больший интерес и понимание других государств региона. Многие правительства стран АТР и международные организации разделяют и положительно оценивают идею нашего предложения. Генеральный секретарь ООН в своем письме подчеркнул, что приветствует инициативу МНР как инициативу, направленную на укрепление международной безопасности и отвечающую интересам всего человечества. На международной конференции за мир и безопасность в Восточной Азии и Тихом океане, состоявшейся в декабре прошлого года в Маниле (Филиппины), было принято обращение ко всем государствам Азии и Тихого океана с призывом заключить конвенцию о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между ними. Международная конференция за мир в Азии и Тихом океане, состоявшаяся в конце октября 1985 г. в Сиднее (Австралия), специально подчеркнула в своей итоговой декларации, что реализация инициативы МНР создает одну из основ существенно важных гарантий всеобщей безопасности в регионе Азии и Тихого океана. Международная конференция за мир и безопасность

в Азии, состоявшаяся в начале июля 1986 г. в Бангалоре (Индия), приняла специальную резолюцию в поддержку нашего предложения, в которой, в частности, подчеркивается, что практическое осуществление предложения МНР в тесной увязке с реализацией конструктивных инициатив других социалистических государств, а также неприсоединившихся стран внесло бы важный вклад в дело превращения Азии и района Тихого океана в зону мира и безопасности.

Нынешняя ситуация в азиатско-тихоокеанском регионе, усиление военных приготовлений и активизация политики «неоглобализма» империалистическими кругами говорят о том, что для укрепления мира требуются напряженная борьба, объединение и активизация усилий всех сил, выступающих за мир, против военной опасности. В этих условиях возрастает политическая значимость нашего предложения.

Учитывая это обстоятельство, XIX съезд МНРП (1986) указал на необходимость и впредь, активно участвуя в реализации мирных инициатив других стран, прилагать усилия по продвижению нашей инициативы, направленной на создание механизма, исключающего применение силы в межгосударственных отношениях. Съезд поддержал идею проведения встречи представителей коммунистических и рабочих партий азиатско-тихоокеанского региона для совместного обсуждения вопросов обеспечения мира и безопасности в Азии и выразил готовность принять активное участие в ее подготовке и проведении. «Развитие событий в Азии,— подчеркнул на съезде Генеральный секретарь ЦК МНРП тов. Жамбын Батмунх,— убедительно подтверждает настоятельную необходимость подобной встречи».

В этой связи в 1986 г. по инициативе нашей партии состоялся ряд двусторонних и многосторонних встреч и консультаций братских партий. Участники состоявшейся в Улан-Баторе консультации братских партий азиатско-тихоокеанского региона единодушно высказались за целесообразность созыва в ближайшее время региональной встречи и с этой целью создали рабочую группу для ее практической подготовки. На нашу партию возложили функцию координатора подготовки мероприятия. На последнем заседании рабочей группы единодушно решено провести летом 1987 г. в Улан-Баторе консультативную встречу представителей национальных отрядов коммунистического и рабочего движения региона. Съезд МНРП также считает необходимым проведение общеазиатского форума за мир и сотрудничество с участием представителей азиатской общественности. МНР прилагает активные усилия в этом направлении.

Практическое осуществление нашего предложения способствовало бы осуществлению инициатив Советского Союза и других миролюбивых стран по оздоровлению политического климата в мире в целом, в Азии и районе Тихого океана в частности. Исключительно важной является идея Советского Союза относительно комплексного подхода к проблеме обеспечения безопасности в Азии на основе объединения усилий азиатских государств, ибо она служит импульсом к новому политическому мышлению в международных делах.

Мирные инициативы СССР и других социалистических, а также неприсоединившихся стран, по сути, открывают новые возможности для дальнейшего продвижения предложения МНР, так как они преследуют одну и ту же цель — упрочение мира и безопасности, укрепление взаимного доверия и сотрудничества на Азиатском континенте.

Мы считаем, что все эти предложения и инициативы могут и должны стать действенной альтернативой агрессивной политике империализма в Азии и районе Тихого океана. Практическое осуществление этих предложений

способствовало бы усилению общей борьбы за избавление человечества от ядерного и других видов оружия массового уничтожения и созданию основ всеобъемлющей системы международной безопасности.

Реально оценивая всевозрастающую роль общественности стран Азии и Тихого океана в решении вопросов мира на Азиатском континенте и в мире в целом, монгольская общественность твердо уверена, что народы нашего континента общими усилиями могут создать прочный заслон на пути осуществления агрессивных замыслов сил империализма и милитаризма, обеспечить мир и безопасность в Азии и Тихом океане.

Вопрос: Какое место занимает азиатско-тихоокеанский регион в советской стратегии мира?

М. Л. Титаренко: Советский Союз искренне стремится к тому, чтобы азиатско-тихоокеанский регион перестал быть источником международной напряженности, чтобы он стал надежной зоной мира и безопасности, доверия и взаимопонимания, разностороннего взаимовыгодного сотрудничества на благо всех стран и народов.

Что отличает подход Советского Союза к проблемам азиатско-тихоокеанского региона? Прежде всего реализм, ясное понимание тех трудностей, которые порождает сложнейший узел политических, экономических, военно-стратегических, национально-государственных, религиозных и иных противоречий. Вместе с тем реализм советского подхода неразрывно сочетается с деловым оптимизмом, с уверенностью в том, что, несмотря на всю сложность и противоречивость ситуации в регионе, можно найти взаимоприемлемые решения существующих проблем, споров, конфликтных ситуаций, если со стороны всех заинтересованных государств будут проявлены добрая воля и непрядвзятость.

Советскую позицию отличают новизна подходов к урегулированию многих проблем, смелость и конструктивность, разработка надежных конкретных мер и гарантий по созданию атмосферы доверия, внимательное отношение к предложениям и инициативам других государств, готовность к поиску компромиссных решений. Словом, это новое политическое мышление в действии.

Предлагаемую Советским Союзом широкую платформу обеспечения мира, безопасности и сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе для удобства анализа можно разделить на два крупных блока идей. Первый из них — общие принципы взаимоотношений государств региона и подходов к урегулированию существующих противоречий. При их разработке были учтены, в частности, те конструктивные инициативы и идеи, с которыми выступали в послевоенные годы различные азиатские страны: принципы «Панча Шила», 10 принципов Бандунга, опыт и мирные инициативы социалистических государств региона (МНР, КНДР, СРВ, ЛНДР, НРК, КНР), различных капиталистических государств (Индия, Япония), стран, входящих в АСЕАН. В них нашли свое отражение рекомендации относительно Азии, сформулированные в решениях и резолюциях ООН. Впервые этот многообразный опыт, помноженный на многовековые традиции урегулирования отношений между азиатскими государствами, был приведен к единому знаменателю, подчинен благородной цели — выявлению общих подходов, общих интересов в решении сложнейших задач мира, развития, прогресса.

Второй блок образует комплекс различных мер и практических шагов на региональном, субрегиональном и двустороннем уровнях, согласованное осуществление которых позволило бы постепенно, шаг за шагом, оздоровить политический климат в регионе, сделать решающий поворот в сторону ук-

репления доверия и развития взаимовыгодного разностороннего сотрудничества.

В современном сложном, взаимозависимом мире проблемы азиатско-тихоокеанского региона невозможно рассматривать изолированно от общей международной обстановки. Ход борьбы на мировой арене по таким острым, жизненно важным проблемам, как разоружение, предотвращение ядерной катастрофы, оказывает, естественно, огромное влияние на ситуацию в регионе. И наоборот, процессы, происходящие здесь, зачастую весьма существенно сказываются на международном политическом климате в целом.

Что же конкретно предлагает Советский Союз?

Прежде всего осуществить в масштабах всего региона широкий круг конкретных мер в политической, военной и экономической сферах.

В политической области позитивную роль могла бы сыграть тщательная подготовка и со временем проведение общеазиатского форума для совместных поисков конструктивных решений. Противники этой инициативы утверждают, что, мол, необходимо предварительно разрешить все разделяющие стороны споры. Без этого, утверждают они, встреча окажется безрезультатной, и даже вредной. С такой точкой зрения трудно согласиться.

Во-первых, советские предложения не предусматривают немедленное проведение общеазиатского форума, а предполагают его поэтапную тщательную подготовку с учетом специфики обстановки в регионе, не копируя механически опыт Хельсинки.

Во-вторых, предлагается одновременно с подготовкой форума осуществить широкий комплекс мер для решения существующих региональных, субрегиональных и двусторонних проблем: от Кампучии до Афганистана, от уважения безъядерного статуса стран южной части Тихого океана до объявления безъядерной зоной Корейского полуострова и района Юго-Восточной Азии, от улучшения двусторонних отношений СССР с Китаем, Японией и диалога с США.

Тщательно подготовленная встреча лидеров стран азиатско-тихоокеанского региона дала бы возможность выявить точки соприкосновения и попытаться выработать общие принципы поведения и согласования интересов государств в ядерно-космическую эру. Опыт Бандунга, китайско-индийских отношений середины 50-х гг., Женевских переговоров по Индокитаю, переговоров о заключении перемирия в Корею, индийско-пакистанских переговоров в Ташкенте и Симле убедительно свидетельствует в пользу подготовки и созыва общеазиатского форума.

Не исключено, что подготовка общеазиатского совещания на высшем уровне потребует, как об этом свидетельствует опыт других аналогичных конференций, включая Бандунгскую и Хельсинкскую, проведения серии различных региональных встреч или рабочих совещаний представителей заинтересованных государств. Здесь весьма важно проявить готовность к сотрудничеству и начать азиатский процесс.

В военной сфере Советский Союз предлагает комплекс мер, претворение в жизнь которых могло бы существенно ослабить напряженность и повысить уверенность каждого государства в его безопасности. Речь идет прежде всего о разработке и применении мер доверия на региональном и субрегиональном уровнях как на многосторонней, так и на двусторонней основе. Можно было бы, в частности, использовать положительный опыт Стокгольмского совещания и включить в систему мер доверия соглашения о заблаговременном уведомлении о крупных передвижениях войск, о больших учениях сухопутных сил, о направлении наблюдателей на учения и расширении об-

мена военными делегациями, а также другие договоренности с учетом особенностей политической и военной обстановки в регионе.

Все это особенно важно в связи с тем, что с каждым годом увеличивается количество и расширяются масштабы проводимых США и их союзниками военных учений в непосредственной близости от границ Советского Союза, других социалистических стран Азии. Так, в маневрах «Тим спирит-86» на территории Южной Кореи участвовало более 200 тыс. американских и южнокорейских солдат и офицеров. Японские «силы самообороны» только в течение 1985 г. 20 раз на своей территории проводили маневры совместно с вооруженными силами США, в том числе на острове Хоккайдо, вблизи границ Советского Союза.

К предложениям о мерах доверия на суше непосредственно примыкает советский проект договора об ограничении военно-морской деятельности и распространении мер доверия на акватории морей и океанов, особенно на те районы, где пролегают наиболее оживленные морские пути. Эта инициатива имеет самое непосредственное отношение к азиатско-тихоокеанскому региону, поскольку именно здесь разворачиваются крупнейшие после окончания второй мировой войны военно-морские учения. В маневрах «Римпак-86», например, принимали участие 50 боевых кораблей, включая ударные авианосцы «Карл Винсон» и «Рейнджер», 250 самолетов и около 50 тыс. солдат и офицеров США, Японии, Англии, Канады и Австралии. В сентябре 1986 г. ударная группа кораблей американского 7-го флота во главе с линкором «Нью-Джерси», оснащенный крылатыми ракетами «Томагавк», способными нести ядерные боеголовки, провела маневры в Японском море с заходом в Охотское море, то есть у самых берегов советского Дальнего Востока. Японская печать прямо указывала в этой связи, что маневры носили явно провокационный характер.

Стремясь помешать процессу разрядки в Азии, сторонники подрыва стратегического паритета пытаются замаскировать свои имперские вождедения шумно выражаемыми сомнениями в искренности советских мирных инициатив. Министр обороны США К. Уайнбергер в своей речи на Аляске накануне поездки по странам Азии в октябре 1986 г. объявил, что общеазиатский форум может состояться только тогда, когда у государств Азии «поязятся основания верить, исходя из действий Советского Союза, что он способен действовать ответственно». Читая это, невольно вспоминаешь слова: «А судьи кто?» Разве многочисленные советские инициативы, направленные на обеспечение мира и безопасности в Азии, не говорят со всей убедительностью о той глубокой ответственности, с которой Советское правительство подходит к этим сложным, но настоятельно требующим своего решения проблемам?

Перевод в практическую плоскость обсуждения мер доверия на Дальнем Востоке и неприменения силы в регионе — давно назревшая задача. Решение ее, по мнению Советского Союза, можно было бы начать с обсуждения более простых вопросов, таких, как меры по безопасности морских коммуникаций в Тихом океане, а также по предотвращению международного терроризма.

Существенную роль в оздоровлении климата на Дальнем Востоке могла бы сыграть также договоренность о взаимном предотвращении развертывания здесь новых ядерных средств средней дальности.

В советской программе ликвидации ядерного оружия до 2000 г. предусмотрен полный демонтаж ракет СС-20 и других ядерных средств на втором этапе, то есть примерно до 1995 г., при условии, разумеется, достижения соответствующей договоренности с Соединенными Штатами.

На встрече в Рейкьявике с президентом США Р. Рейганом М. С. Горбачев, проявляя готовность СССР пойти навстречу озабоченности США и их союзников по поводу советских ракет в Азии, предложил формулу: ноль ракет в Европе и по 100 боезарядов на средних ракетах в азиатской части СССР и соответственно у американцев на территории США. Это означало крупную уступку со стороны СССР. Достигнутое принципиальное согласие по этому вопросу не удалось продвинуть до подписания соглашения из-за нежелания Вашингтона отказаться от развертывания СОИ и соблюдать договор ПРО.

Советская программа мира, безопасности и сотрудничества для стран Азии и бассейна Тихого океана — не утопия, а комплекс реалистических, взвешенных, конкретных предложений, учитывающих интересы и возможности всех государств, причастных к этому региону.

Политические и военные меры снижения напряженности должны, по мнению Советского Союза, самым непосредственным образом увязываться с различного рода экономическими мероприятиями, которые могли бы создать надежную материальную основу для углубления взаимопонимания и расширения сотрудничества между странами региона. Исходя из этих принципиальных позиций, Советское правительство обратилось с призывом ко всем государствам этой части мира предпринять шаги по налаживанию равноправного, взаимовыгодного и устойчивого торгово-экономического, технологического, научного и культурного сотрудничества. Его сферами могли бы стать развитие производительных сил, освоение ресурсов океана, подготовка кадров, применение новых источников энергии, включая ядерную, совершенствование средств транспорта, связи.

Интересам всех стран региона послужил бы также более широкий обмен научно-технической информацией. Обширное поле взаимодействия открывается в разработке мер по охране окружающей среды и рациональному использованию биологических и минеральных ресурсов морей и океанов, борьбе со стихийными бедствиями и ликвидации их последствий. Исключительно ценным для стран региона было бы развитие сотрудничества в области медицины и здравоохранения. Наконец, вполне возможно и проведение совместных работ по исследованию и мирному применению атомной энергии, а также по освоению космического пространства в мирных целях.

Выступая против создания замкнутых военно-экономических группировок в АТР, за развитие взаимовыгодного сотрудничества всех без исключения стран, Советский Союз готов позитивно отнестись и к идеям «тихоокеанского экономического сотрудничества», рассмотреть возможности и конкретные формы своего участия в нем. Одновременно наша страна активно поддерживает идею утверждения нового международного экономического порядка, выдвигаемую развивающимися государствами.

Вопрос: Как сказывается улучшение советско-китайских отношений на формировании международной обстановки в АТР?

А. Г. Яковлев: Процесс возрождения всестороннего сотрудничества и добрососедства между СССР и Китаем, по сути, еще находится в начальной стадии. Но уже сейчас вполне очевидна его роль, причем роль весомая, в решении задач стабилизации обстановки в азиатско-тихоокеанском регионе. Достаточно отчетливо видны и потенциальные возможности этого процесса, и направления его позитивного воздействия на международные отношения в регионе.

Прежде всего необходимо отметить, что снята была напряженность на обширном пространстве Азии по линии советско-китайской границы, от Памира

до Тихого океана. Эта напряженность не только сама по себе ухудшала положение в АТР, но и в определенной степени способствовала активизации других негативных факторов. В частности, с нею в известной степени связано нарастание жесткости в подходе США и Японии к отношениям с СССР и его союзниками в Азии. Острые трения между двумя социалистическими державами вносили разброд в антивоенное движение общественных сил в АТР, замедляли развитие, осложняли процесс консолидации этого движения, которое здесь, как повсюду, призвано внести весомый вклад в дело обеспечения мира.

Устранение напряженности в двусторонних отношениях между СССР и КНР — дело первостепенной важности и актуальности для решения проблем безопасности и сотрудничества в АТР. По всем объективным данным именно с этого, вероятнее всего, и мог начаться реальный поворот к глубокому оздоровлению международной обстановки в этой части света. Но хорошее начало, как бы ни велико было его значение, — всего лишь начало. Характер нашего времени, положение и тенденции развития дел в регионе и мире в целом требуют большего. И чрезвычайно важно, что и у СССР и у Китая есть желание и добрая воля должным образом, с сознанием своей высокой международной ответственности, отреагировать на это требование. Хотя и по-разному, стороны вполне недвусмысленно выражают на самом высоком официальном уровне решимость вести дело к восстановлению добрососедства. Так, на заседании Политбюро ЦК КПСС 18 сентября 1986 г. было подчеркнуто, что «в соответствии с курсом, определенным XXVII съездом КПСС, Советский Союз будет и впредь делать все от него зависящее, чтобы советско-китайские отношения приобретали характер прочного добрососедства в интересах наших народов, укрепления дела мира и социализма». Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан во время визита во Францию в июне 1986 г. заявил: «Если говорить о китайской стороне, то мы хотим нормализации отношений с Советским Союзом в различных областях». 18 марта 1986 г. премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян сказал: «Китай и Советский Союз — соседи. Между народами двух стран существует традиционная дружба. Мы чрезвычайно дорожим этой дружбой».

Вытекая из фундаментальных основ советского и китайского обществ, нынешнее направление развития практических отношений между двумя странами в принципе является необратимым. Это обстоятельство влияет и будет влиять на международно-политические процессы в АТР по целому ряду направлений.

Сделав более ясной перспективу двусторонних советско-китайских отношений, оно побуждает оба государства к расширению круга проблем и вопросов, сфер и областей сотрудничества и взаимодействия, причем этот круг постепенно начинает охватывать и политические аспекты их связей и контактов. Иначе говоря, определенность перспектив прежде всего стимулирует сам процесс нормализации советско-китайских отношений как важной составной части всей системы международных отношений в АТР.

Процесс преодоления трудностей и проблем в двусторонних советско-китайских отношениях, а также само ясно выраженное стремление обоих государств к восстановлению добрососедства с логической неизбежностью будут накладывать все более глубокий отпечаток на внешнеполитическое поведение и СССР и КНР как крупнейших субъектов азиатско-тихоокеанской политики. В частности, они побуждают обе державы к использованию новых возможностей, возникших в связи с улучшением отношений, для поиска более рациональных подходов к урегулированию локальных военных конфликтов в Азии, особенно тех, в которые они так или иначе вовлечены.

Во всяком случае, нельзя не видеть, что есть существенная разница в возможностях выбора Китаем и Советским Союзом конкретных средств и способов решения указанных конфликтов в условиях взаимного противоборства и в условиях взаимного стремления к возрождению сотрудничества и добрососедства.

Происходящее параллельно с процессом улучшения советско-китайских отношений и (в связи с ним) заметное сближение позиций КНР с позицией СССР по проблемам международной безопасности значительно увеличивает материальную основу потенциала мира в азиатско-тихоокеанском регионе. Развивающееся на базе этого сближения косвенное взаимодействие СССР и Китая в борьбе против растущей военной угрозы способствует активизации и консолидации антимилитаристских общественных и иных сил в АТР. Различные течения и силы в этом движении теперь получают параллельную поддержку со стороны двух великих держав.

Вопрос: Какую, по вашему мнению, политику в АТР будет проводить до конца текущего столетия КНР?

Я. Ровинский: Нынешний вариант внутренней политики Китая представляется фактором относительно стабильным. Его основным положением остается создание самых благоприятных внешних условий для реализации программы модернизации страны. Это означает, что КНР ныне заинтересована в существовании прочного и стабильного «мирного окружения». Рост политического и экономического значения Китая на азиатской арене и в регионе Тихого океана, при сохранении относительной военной слабости этого государства, создает объективные предпосылки, позволяющие предполагать его заинтересованность и возможное участие в поисках более прочных мирных решений на Дальнем Востоке, которые могут явиться зачатком азиатской либо дальневосточной системы безопасности. Этим тенденциям в политике КНР отвечают исключительно важные идеи и предложения, представленные М. С. Горбачевым в выступлении во Владивостоке. Они направлены на поиск компромиссных решений, учитывающих как интересы и устремления заинтересованных сторон, так и сложные условия этого региона. Не подлежит сомнению, что это будет сложный, трудный и длительный процесс, но он лежит в интересах всех сторон. Азия и Дальний Восток предстали перед исключительным шансом во всей послевоенной истории.

Вопрос: Азиатско-тихоокеанская проблематика является сравнительно новой сферой научно-исследовательской работы ученых как Советского Союза, так и других социалистических стран. По каким направлениям в изучении АТР могла бы развиваться научная работа?

И. И. Коваленко: Ученые не могут стоять в стороне от борьбы за мирную Азию, за действительно спокойный Тихий океан. Их долг — глубоко изучать происходящие в АТР процессы, разоблачать происки империалистических, милитаристских сил, искать пути к согласию между странами региона, к налаживанию между ними мирных, деловых связей.

Назовем некоторые возможные, на наш взгляд, направления научной работы по проблематике АТР:

— Разработка путей дальнейшего укрепления позиций социализма в Азии и на Тихом океане. Укрепление их упрочит мир и безопасность в регионе.

— Глубокий анализ современной политики, экономического положения, международных отношений, а также исторических традиций и современных тенденций развития каждой азиатско-тихоокеанской страны с целью опреде-

ления научно обоснованной линии в отношениях с этими государствами.

— Концептуальная разработка проблем войны и мира в АТР. При этом имеется в виду прежде всего глубокое и всестороннее изучение комплексного подхода к проблеме азиатской безопасности, поиск наиболее эффективных и действенных путей разрядки напряженности в регионе, ослабления военной активности, установления добрососедства, налаживания взаимовыгодного экономического и научно-технического сотрудничества.

— Изучение особенностей коммунистического, рабочего и национально-освободительного движений, деятельности политических партий, демократических и антивоенных организаций АТР для обеспечения взаимодействия со всеми прогрессивными и миролюбивыми силами региона в борьбе за мир и международную безопасность.

— Важнейшим направлением научной работы является анализ характера экономических отношений и интеграционных процессов в регионе, изучение возможностей расширения экономического сотрудничества стран — членов СЭВ с государствами АТР и действующими здесь региональными организациями.

— Задачей первостепенной важности является изучение военно-стратегической обстановки в регионе, разоблачение империалистических планов достижения военного превосходства и создания непосредственной угрозы СССР, КНДР, странам Индокитая, народам других стран.

Огромное значение имеет и такая сфера научной деятельности, как изучение языка, литературы, истории, духовной и материальной культуры стран Азии и Тихого океана. Это позволит лучше узнать жизнь, нужды и чаяния народов этих стран, развивать научный и культурный обмен с ними, находить общие подходы к жгучим проблемам современности, вместе бороться против ядерной угрозы, за мир.

Новая эпоха требует проявления нового мышления, поиска новых подходов к решению существующих проблем. Нового подхода ждут и реалии азиатско-тихоокеанского региона.

* * *

Как видим, нынешняя ситуация в азиатско-тихоокеанском регионе — это целый комплекс проблем, имеющих жизненно важное значение для дела мира и безопасности на всем земном шаре. Конечно, не все они нашли отражение в нашей беседе. Несомненно, что и развитие обстановки в регионе выдвинет ряд новых вопросов, требующих своего разрешения. В связи с этим редакция планирует продолжить разговор на эту актуальную тему, пригласив ведущих специалистов принять участие в еще одном заседании «круглого стола».

Азии — мир и безопасность

*ЧА ГЕН ЧУК,
член Всекорейского национального
комитета сторонников мира*

Обеспечение мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе является актуальным вопросом современности. Район Азии и Тихоокеанского бассейна занимает половину поверхности земного шара. Уже только поэтому достижение мира и безопасности в регионе представляет важный элемент для обеспечения мира во всем мире. На пути к достижению этой цели стоит американский империализм, грубо попирающий мир и безопасность в АТР. Президент КНДР Ким Ир Сен отмечал, что, объявив азиатско-тихоокеанский регион «районом жизненных интересов США» и «ключевым местом» для обеспечения их безопасности, Соединенные Штаты Америки пытаются создать здесь всеобъемлющий политический, экономический и военный механизм на базе военного треугольника США — Япония — Южная Корея для контроля над государствами региона, еще более усиливают агрессивные происки против социалистических стран и прогрессивных сил. Попытки правящих кругов США установить свой диктат над АТР связаны со стратегическим положением и военно-экономическим потенциалом этого района.

В азиатско-тихоокеанском регионе находятся Ормузский пролив — важнейшая нефтяная коммуникация Запада, а также Малаккский пролив, соединяющий Тихий океан с Индийским. Здесь же расположены ближайшие союзники США — Япония и Южная Корея — верные проводники американской империалистической политики в регионе, богатом сырьевыми ресурсами.

Важным моментом в агрессивных происках американского империализма в АТР является попытка превратить его в свою военную вотчину, сфабриковать здесь всеобъемлющий политический, экономический и военный механизм, сколотить тройственный военный союз США — Япония — Южная Корея.

Вследствие военных приготовлений США в АТР этот регион становится все более взрывоопасным. Сейчас в АТР сосредоточены крупные контингенты американских войск, построено 350 военных объектов и сооружений. В обширных районах, начиная от Гавайских островов, покрытых сетью военных баз, Японии, Южной Кореи, Филиппин до Гуама и Австралии, дислоцированы американское ядерное оружие и средства его доставки.

Милитаристские устремления США в АТР как нельзя лучше проявляются в их усилиях по созданию военного треугольника США — Япония — Южная Корея. На его базе планируется формирование военного блока, охватывающего весь азиатско-тихоокеанский регион. Для этого США еще более укрепляют военный союз с Японией и Южной Кореей, способствуют дальнейшему сближению Южной Кореи и Японии в военном отношении. Подобные действия имеют целью обуздать и уничтожить антиимпериалистические самостоятельные силы в этом регионе, подкрепить вооружениями экономическую экспансию, установить свое господство над антиреволюционными силами с последующим вовлечением их во враждебную деятельность против социалистических стран.

Американский империализм, придавая большое значение Корейскому полуострову как важному стратегическому плацдарму в Азии, объявил его «полюсом конфронтации сил в 80-е годы» и «передней линией стратегии США».

В результате проводимой США политики шантажа с помощью ядерного оружия Южная Корея превратилась в самый опасный очаг войны и крупнейший ядерный аванпост на Дальнем Востоке. Сейчас Южная Корея стала районом, где сосредоточено самое большое в мире количество ядерного оружия, в том числе ядерные бомбы, снаряды и мины. На каждые 100 кв. км площади приходится единица этого вида оружия, что превосходит в четыре раза аналогичный показатель в странах НАТО. Сюда ввезены нейтронные бомбы, принято решение разместить в Южной Корее ракеты средней дальности «Першинг» и крылатые ракеты «КРЗ», ввозится комплектующее оборудование для их наземного базирования. 14 октября 1986 г. министерство обороны США и южнокорейская администрация объявили о размещении в Южной Корее в течение нескольких месяцев ракет «Лэнс», способных нести ядерные боеголовки, химическое и другое оружие.

Сосредоточив в Южной Корее современное оружие массового поражения, в том числе ядерное, американская военщина систематически проводит в небе, на суше и в море крупномасштабные маневры, готовясь к агрессивной войне против КНДР.

Вследствие провокационных действий США и сеульского режима на Корейском полуострове создалась ситуация, при которой в любое время может возникнуть военная конфронтация. Нарастает опасность войны и в других районах в Азии и на Тихом океане.

Создавшаяся обстановка требует от народов азиатско-тихоокеанского региона и всех миролюбивых народов мира решительной борьбы за пресечение и срыв американских планов ядерной войны, за превращение региона в зону мира, свободную от ядерного оружия.

Бороться за обеспечение мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе — неизменная позиция Трудовой партии Кореи (ТПК) и правительства КНДР. КНДР считает обеспечение мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе неотъемлемой частью процесса упрочения мира во всем мире. Обстановка на Корейском полуострове тесно связана с обстановкой в АТР; она оказывает большое влияние на развитие международной обстановки. Поэтому достижение мира и мирного воссоединения Кореи — актуальнейшая проблема в обеспечении мира и безопасности в Азии и районе Тихого океана.

ТПК и правительство КНДР, проникнутые чувством ответственности перед Родиной и нацией и осознавая важность своей благородной миссии во имя дела мира в Азии и во всем мире, прилагают всесторонние усилия для достижения мира и мирного объединения Кореи.

Руководствуясь принципиальной позицией — сохранить мир на Корейском полуострове и разрешить корейскую проблему мирным путем, — ТПК и правительство КНДР выдвинули справедливые реалистичные предложения, в том числе три принципа воссоединения Родины и проект создания Демократической Конфедеративной Республики Корё, и развертывают упорную борьбу за их осуществление.

Только за последние годы КНДР выступила с предложениями провести трехсторонние переговоры с участием КНДР, США и Южной Кореи, заменить Соглашение о перемирии в Корее мирным соглашением, принять декларацию о ненападении между Севером и Югом и осуществить парламентские переговоры. Эти и другие многочисленные миролюбивые пред-

ложения преследуют цели предотвращения ядерной войны в Корее, упрочения мира и открытия пути к мирному решению корейского вопроса.

Недавно правительство КНДР выступило с инициативой провести переговоры между военными властями КНДР, США и Южной Кореи для обсуждения актуальных проблем, выдвигаемых задачей смягчения напряженности на Корейском полуострове. В частности, предлагается рассмотреть мероприятия, направленные на превращение Корейского полуострова и Северо-Восточной Азии в безъядерную, мирную зону. В Совместном заявлении Трудовой партии Кореи и Социалистической партии Японии еще в 1981 г. была выражена твердая решимость вести принципиальную борьбу за создание безъядерной, мирной зоны в Северо-Восточной Азии.

23 июня 1986 г. правительство КНДР выдвинуло новое важное предложение о превращении Корейского полуострова в зону, свободную от ядерного оружия. Создание безъядерной зоны на Корейском полуострове и в районе Северо-Восточной Азии в соответствии с миролюбивыми предложениями ТПК и правительства КНДР означало бы ликвидацию опасного потенциального очага ядерной войны и способствовало бы обеспечению мира в азиатско-тихоокеанском регионе и во всем мире.

Обеспечение мира и безопасности на Корейском полуострове, в районе Северо-Восточной Азии, во всем азиатско-тихоокеанском регионе является животрепещущим вопросом, решение которого не терпит ни малейшего отлагательства. Таково единодушное стремление социалистических стран и всех миролюбивых народов планеты.

Неся ответственность за дело мира во всем мире, Советский Союз постоянно уделяет большое внимание ситуации в азиатско-тихоокеанском регионе, прилагает усилия к обеспечению мира и безопасности в этом районе.

Важное значение имеет Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева (июль 1986 г.) во Владивостоке по вопросам азиатско-тихоокеанской политики СССР. М. С. Горбачев выдвинул различные инициативы и предложения по предотвращению гонки вооружений, в частности ядерных, в азиатско-тихоокеанском регионе, по приложению активных усилий для обеспечения безопасности в этом регионе и принятия исторических мирных инициатив. Заявление подтвердило миролюбивую позицию и активные усилия Советского Союза, направленные на пресечение империалистической гонки вооружений, защиту мира и безопасности в регионе, сохранение и упрочение всеобщего мира во всем мире, предотвращение термоядерной войны, развитие отношений дружбы и сотрудничества между всеми странами. В своем Заявлении Генеральный секретарь ЦК КПСС решительно осудил наращивание ядерных вооружений США в Южной Корее и сколачивание военного треугольника США — Япония — Южная Корея, высоко оценил борьбу корейского народа за мир и мирное воссоединение страны и выразил полную поддержку инициативе правительства КНДР о создании безъядерной, мирной зоны на Корейском полуострове.

В речи на обеде, устроенном 24 октября 1986 г. в Большом Кремлевском дворце в честь Генерального секретаря ЦК ТПК, Президента КНДР Ким Ир Сена, М. С. Горбачев также отметил, что мир в Корее и ее мирное воссоединение неразрывно связаны с общей борьбой против империалистической политики в Азии и на Тихом океане, с оздоровлением ситуации в регионе, с развитием добрососедских отношений; вновь была выражена искренняя поддержка борьбы корейского народа за объединение страны. В его речи прозвучало резкое осуждение агрессивности военного треугольника США — Япония — Южная Корея, ставшего реальной угрозой для

многих стран, для дела мира. Выступления М. С. Горбачева как нельзя лучше свидетельствуют об антиимпериалистической, революционной и миролюбивой позиции советского народа.

Империалисты США, сосредоточивая в Южной Корее и других районах Азии и Тихого океана различные виды ядерного оружия, пытаются держать страны этого региона в своих руках, использовать их в своих агрессивных планах. Но тщетны их попытки. Канули в прошлое те времена, когда империалисты, бряцая оружием, господствовали над другими государствами и нациями. Происки правящих кругов США, направленные на разжигание термоядерной войны, лишь еще более усиливают антивоенную, антиядерную борьбу народов.

Сплоченная борьба социалистических стран, народов развивающихся стран, всех миролюбивых народов мира сорвет империалистические происки поджигателей ядерной войны. Азиатско-тихоокеанский регион будет зоной мира, свободной от ядерного оружия.

Япония и азиатско-тихоокеанская стратегия Вашингтона

*В. Н. БУНИН,
кандидат исторических наук*

В последнее время значительно возросло значение азиатско-тихоокеанского региона (АТР) в общей системе международных отношений. Да это и понятно. У государств этого обширного района, занимающего добрую половину нашей планеты, десятки, сотни острейших проблем, а силы империализма, прежде всего американского, втягивают их в военные блоки и союзы, в результате чего здесь набирают опасную скорость гонка вооружений и милитаризация, нередко разгораются военные конфликты, возникает политическая нестабильность.

Администрация США, проводя глобальный антисоветский курс, осуществляет комплекс мер по превращению АТР, где тесно переплетаются интересы многих крупнейших держав, в арену военно-политической конфронтации, еще один очаг ядерной стратегии против Советского Союза, в котором ключевая роль отводится Японии.

Свою азиатско-тихоокеанскую стратегию, включающую широкий спектр политических, экономических и военных аспектов, Вашингтон реализует в разнообразных организационно-практических мероприятиях. Иностранцы отмечают, что президент Р. Рейган, будучи калифорнийцем, стал концентрировать вокруг себя лобби — выходцев из омываемого водами Тихого океана штата Калифорния.

Так, послом по особым поручениям, ответственным за координацию политики США в АТР, разработку комплексных планов и долгосрочного курса в тихоокеанской зоне, назначен земляк Р. Рейгана Ричард Фэйрбэнкс. В марте 1984 г. пост ушедшего в отставку заместителя государственного секретаря США Л. Иглбергера занял калифорниец Майкл Армакост¹.

«Я могу заверить, — заявил государственный секретарь США Дж. Шульц, — что президент Рейган, сам выходец из Калифорнии, ориентирующийся на западное тихоокеанское побережье, полностью разделяет точку зрения, высказанную еще президентом Теодором Рузвельтом, что история Запада началась с эпохи средиземноморской, прошла через эпоху атлантическую и в настоящее время вступает в эпоху тихоокеанскую»².

Сам Шульц активно способствует повышению роли АТР в долгосрочных планах Вашингтона. В частности, в июле 1984 г. он участвовал в расширенном совещании министров иностранных дел стран — членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, которой отводится особое место в неоглобалистских замыслах американской администрации. Во-первых, США рассматривают членов этой ассоциации в качестве возможных участников «тихоокеанского сообщества», в формировании которого просматривается недвусмысленная цель создать такую структуру и механизм, которые, как отмечается в Заявлении Советского правительства, в перспективе могут

быть трансформированы «в замкнутую региональную группировку, в еще один милитаристский блок»³. Во-вторых, территории государств АСЕАН наряду с Японией и Южной Кореей Вашингтон пытается использовать как «передовую линию обороны США» на Тихом океане.

В сентябре 1984 г. был создан Американский комитет тихоокеанского сотрудничества, который сконцентрировал в своих руках все рычаги управления политическими и экономическими связями США со странами региона. На торжественной церемонии учреждения комитета присутствовал президент Р. Рейган.

Преследуя далеко идущие военно-стратегические цели, Вашингтон под предлогом укрепления и дальнейшего развития сотрудничества со странами зоны Тихого океана, в 1984—1985 гг. осуществил целый ряд важных акций. В апреле 1984 г. состоялись три форума: конференция с участием представителей США в Сеуле, где были рассмотрены вопросы расширения торговли, совещание на острове Бали, обсудившее в присутствии американских делегатов возможность проведения нового раунда переговоров в регионе по Генеральному соглашению о тарифах и торговле (ГАТТ); они состоялись осенью 1984 г. Специальный представитель США по вопросам торговли Уильям Блок провел в Маниле совещание с министрами торговли стран АСЕАН и обсудил с ними вопрос о создании с участием Вашингтона «зоны свободной торговли», которая охватывала бы территорию государств — членов ассоциации. Аналогичная встреча была проведена в феврале 1985 г. В июле 1984 г. состоялась встреча на правительственном уровне, получившая название «шесть плюс пять» (шесть членов АСЕАН и пять государств — Япония, США, Канада, Австралия и Новая Зеландия, — которые не входят в ассоциацию)⁴.

В результате интенсивной деятельности американских монополий внешне-торговый оборот Вашингтона с тихоокеанскими государствами вырос в 1983 г. до 136 млрд. долл., в то время как доля стран Атлантического бассейна составила 110 млрд. долл. «Быстрое продвижение вперед в развитии стран тихоокеанского региона отвечает интересам Соединенных Штатов, — заявил 10 августа 1985 г. Р. Рейган. — В конце концов, мы тоже страна Тихоокеанского кольца. Наша торговля со странами тихоокеанского региона и Восточной Азии уже превышает торговые связи с любым другим районом мира»⁵.

Однако это обстоятельство, как считают специалисты Японского института проблем мира и безопасности, не дает оснований для заключения о том, что Тихоокеанский регион стал для США более приоритетным и что они утрачивают интерес к Западному полушарию. Думается все же, что вывод японских политологов не вполне соответствует истине. Да, действительно, военно-промышленный комплекс США не ослабляет внимания к западноевропейскому театру военных действий, но вместе с тем Пентагон, являющийся высшим штабом всей военной машины США, предпринимает значительные усилия к тому, чтобы укрепить позиции и расширить свое военнополитическое влияние в АТР.

Не ограничиваясь экономическими мероприятиями, Вашингтон продолжает наращивать военную мощь в АТР, пытается создать региональные блоки и союзы на Дальнем Востоке, превратить Восточную Азию и омывающий ее Тихий океан в такой же рубеж развертывания ядерных средств передового базирования, каким уже стали Западная Европа и прилегающая к ней Атлантика. Такого рода действия, предпринимаемые Соединенными Штатами Америки и их союзниками в регионе, ведут к усилению напряженности, нарушению сложившегося здесь стратегического паритета, на-

правлены на достижение военного превосходства над СССР, создание анти-советского, антисоциалистического «восточного фронта».

В Заявлении Советского правительства от 23 апреля 1986 г. говорится, что «определенные политические круги в США и Японии не представляют будущего азиатско-тихоокеанского района иначе, как в форме противоборства различных стран»⁶. С этой целью Пентагон производит в АТР методическую модернизацию ракетно-ядерных и обычных вооружений, которая реализуется по следующим основным направлениям.

Базирующийся в Пёрл-Харборе (Гавайские острова) 3-й флот США является одним из крупнейших оперативно-стратегических ударных военно-морских соединений. Он имеет в своем составе 30 атомных подводных лодок, в том числе 8 относящиеся к стратегическим ядерным силам, 5 авианосцев, 72 боевых корабля основных классов, 26 десантных кораблей и 32 корабля службы обеспечения⁷. В начале мая 1986 г. флот пополнился модернизированным авианосцем «Мидуэй», оснащенный современной системой радиоэлектронной разведки, а также качественно новыми атомными подводными лодками (ПЛАРБ) системы «Огайо» с 24 баллистическими ракетами «Трайидент С-4».

В 1983 г. США разместили на острове Гуам эскадрилью стратегических бомбардировщиков В-52G (15 единиц), а также крыло самолетов-заправщиков КС-135 стратегического авиационного командования. Бомбардировщик В-52G, оснащенный 12 крылатыми ракетами с ядерными боеголовками, способен покрыть расстояние более 12 тыс. км. Таким образом, по неполным данным, стратегические ядерные силы США в зоне Тихого океана имеют более 190 баллистических ракет, которыми оснащены находящиеся на постоянном дежурстве ПЛАРБ, и 180 крылатых ракет, являющихся штатным вооружением стратегических бомбардировщиков.

Зона оперативной ответственности 7-го флота со штабом в Екосука охватывает обширную акваторию западной части Тихого океана (36 млн. кв. миль) от Южного полюса вплоть до дальневосточных границ СССР. Флот включает в себя 70 боевых кораблей общим водоизмещением 700 тыс. т, в том числе 2 авианосца и один вертолетоносец, 20 атомных и дизельных подводных лодок, 23 корабля охранения, 6 десантных кораблей и 8 кораблей службы обеспечения⁸. Две группы кораблей 7-го флота США находятся в Индийском океане и в зоне Персидского залива.

С середины 1983 г. началось оснащение 7-го флота крылатыми ракетами «Томагавк» с обычными и ядерными боеголовками. Как отмечалось в японской печати, к концу 80-х гг. на кораблях предполагается разместить до 1000 крылатых ракет «Томагавк». На каждом авианосце, являющемся основной ударной силой флота, находится до 200 ядерных боезарядов. Всего корабли 7-го флота, как следует из официальных данных министерства обороны США, насчитывали, по состоянию на 1983 г., 1500 ядерных боезарядов различной мощности. Принимая во внимание поступающие на оснащение крылатые ракеты «Томагавк», число ядерных единиц флота к началу 90-х гг. может быть доведено до 2 тыс.

Обращает на себя внимание постоянное увеличение боевого состава 7-го флота США. В него после модернизации были включены линейные корабли «Айова» и «Нью-Джерси» (с 32 крылатыми ракетами «Томагавк»). Планируется увеличение численности боевых кораблей, приписанных к крупнейшей военно-морской базе США в Японии Сасэбо. В настоящее время здесь находятся подводная лодка и десантно-транспортный корабль. Линкор «Нью-Джерси» в конце августа 1986 г. впервые вошел в гавань Сасэбо, вызвав бурные протесты японской общественности. В 1987 г. число кораблей здесь возрастет в 4 раза и составит 3 подводные лодки, 4 десантно-

транспортных корабля и 1 фрегат. В районе Сасэбо (Сакибэ) намечено строительство десантной базы. В марте 1985 г. на Окинаве расквартирован батальон (250—300 человек) спецвойск США «зеленые береты», которые включены в состав «сил быстрого развертывания»⁹. Как известно, в связи с варварскими бомбардировками авиацией США мирных городов Ливии в апреле 1986 г. все американские базы на территории Японии были приведены в полную боевую готовность, и по первому сигналу Пентагона «силы быстрого развертывания» вышли на старт для переброски в район Средиземного моря.

Важную роль в качестве плацдарма для нанесения первого удара Пентагон отводит Южной Корее. Дислоцированные на юге Корейского полуострова войска США имеют в своем арсенале более тысячи тактических ядерных боезарядов. Кроме того, здесь размещаются две эскадрильи носителей ядерного оружия — истребителей-бомбардировщиков F-16. Ведется подготовка к сооружению пусковых установок ракет среднего радиуса действия «Першинг-2» и наземных комплексов крылатых ракет «Томагавк».

С марта 1985 г. специально оборудованную японскую авиабазу Мисава (северо-западная часть острова Хонсю) начали прибывать американские истребители-бомбардировщики F-16, способные наносить ядерные удары по дальневосточным районам СССР. В марте 1986 г. здесь планировалось завершить формирование одной эскадрильи F-16 (24 машины)¹⁰. Еще одна эскадрилья таких же самолетов прибудет сюда позже. С учетом 72 машин подобного типа, размещенных на базах Южной Кореи, общее количество носителей ядерного оружия США, которые базируются у границ СССР и КНДР, достигнет почти ста единиц. Не исключена возможность появления на территории Японии наземных комплексов крылатых ракет «Томагавк» и «Першинг-2». В одном из докладов министерства обороны США в качестве вероятных пунктов их размещения были названы Мисава и Сасэбо, а также районы Сирэтоко на острове Хоккайдо и Ога в префектуре Акита¹¹. Таким образом, Пентагон практически реализует свою стратегию максимального приближения средств доставки ядерного оружия к территории Советского Союза с целью повышения фактора внезапности нанесения первого удара.

Первостепенное место в системе военных приготовлений на Дальнем Востоке США отводят своему ближайшему союзнику в Азии — империалистической Японии, на территории которой размещается 127 из 300 баз и других военных объектов США¹², приходящихся на зону Тихого океана. Вооруженные силы Японии, как и Южной Кореи, в частности их сухопутные контингенты (в совокупности около 700 тыс. человек), призваны существенно дополнить морскую мощь действующих в Тихом океане 3-го и 7-го американских флотов.

Большое значение для подготовки и проведения стратегических операций имеют расположенные на территории Японии различные станции слежения, наблюдения и радиолокации, которые входят в общую систему обеспечения ракетно-ядерных сил США наряду с размещенными в Южной Корее, на Филиппинах, на Палау в Микронезии и на Маршалловых островах. К ним относятся, в частности, станции ЛОРАН-С, с помощью которых американские ПЛАРБ осуществляют точную координатную привязку своего местонахождения во время пуска ракет по целям. Сюда же можно отнести и три действующих на территории Японии американских центра наблюдения за подводной обстановкой — системы гидроакустической разведки СОСУС, которые обеспечивают ядерные подводные лодки США необходимой навигационной и разведывательной информацией.

Как отмечает японская печать, острова Страны восходящего солнца покрыты широкой сетью различных радиолокационных средств, в задачу которых входит наблюдение за передвижением советских надводных кораблей и подводных лодок и передача собранной информации разведывательным органам Пентагона.

На Хоккайдо, в районе авиабазы Мисава, на островах Кюсю, Окинава и в других местах Японского архипелага ведется строительство складов, предназначенных для хранения ядерных боеприпасов США, которые могут быть завезены сюда в обход провозглашенных парламентом 12 февраля 1968 г. трех неядерных принципов (не обладать, не производить и не ввозить ядерного оружия на территорию страны) аналогично тому, как уже сейчас осуществляются систематические заходы в порты Японии американских атомных кораблей с ядерным оружием на борту.

В японской прессе как о достоверном факте сообщается, что в апреле 1984 г. штаб американских войск в Японии запросил согласия японского правительства на строительство на острове Хоккайдо баз для танков, бронетранспортеров и орудий, предназначенных для использования в качестве передового центра снабжения 25-й пехотной дивизии США, которая в настоящее время дислоцируется на Гавайских островах, но в случае осложнения военно-политической обстановки на Дальнем Востоке должна быть перебросена на территорию Японских островов для совместных действий с «силами самообороны»¹³. В мае МИД Японии дало отрицательный ответ, однако под нажимом Вашингтона уже в ноябре вынесло компромиссное решение об использовании с этой целью крупного складского комплекса в Сагамихара, префектура Канагава, куда сразу же стала перебрасываться боевая техника из Южной Кореи. Хотя чиновники из Касумигасэки¹⁴ пытались доказать, что этот объект используется лишь для временного дислоцирования американских бронированных машин, сам факт накопления в непосредственной близости от столицы вооружения для проведения агрессивных операций войсками США взволновал японскую общественность, справедливо считающую, что Вашингтон все глубже вовлекает их страну в свои авантюристические планы.

Как стало известно из итогов 16-го японо-американского совещания на рабочем уровне по вопросам обеспечения безопасности, проходившего в Гонолулу с 16 по 18 января 1986 г., Япония взяла на себя обязательство установить на одном из островов архипелага Рюкю (в качестве наиболее подходящих названы острова Иэдзима, Мэгэдзима и Китайдзима, расположенные в районе острова Окинава)¹⁵ радар с дальностью действия до 4 тыс. км. Для сооружения радара Управлению национальной обороны (УНО) Японии отпущена сумма в 35 млрд. иен¹⁶. Сооружению радара, как подчеркивает УНО, отдан приоритет в программе военного строительства на 1986—1990 гг.

Японский радар включается в общую систему американских станций радиолокационного наблюдения. Два радара будут установлены в западной части Тихого океана на островах Амчитка (Алеутские острова) и Гуам, и еще 12 — на западном побережье США. По данным УНО, радар на архипелаге Рюкю будет вести постоянное наблюдение за деятельностью советских военно-воздушных и военно-морских баз в районе Владивостока и всю перехваченную информацию передавать военному ведомству США.

Японо-американское совещание в Гонолулу, доклад министра обороны США К. Уайнбергера в военной комиссии американского сената 5 февраля 1986 г., состоявшийся с 3 по 6 апреля визит шефа Пентагона в Японию во время его длительного турне по странам Дальнего Востока, Юго-Восточ-

ной Азии и Австралии, завершившиеся в апреле переговоры премьер-министра Я. Накасонэ в Вашингтоне с представителями американской администрации и, наконец, XII майская встреча руководителей «семерки» ведущих капиталистических государств в Токио лишней раз подтвердили, какое большое значение США придают азиатско-тихоокеанскому региону и роли в нем своего надежного военного союзника в Азии — Японии.

«Япония,— подчеркнул глава американской делегации на переговорах в Гонолулу помощник министра обороны Р. Армитидж,— является замком на медвежьей клетке, которая закрывает выходы Советского Союза в Тихий океан»¹⁷. Если очередной пятилетний план строительства «сил самообороны» на 1986—1990 гг., который вступил в силу 1 апреля 1986 г., будет успешно выполнен, Япония, по мнению Армитиджа, сможет к концу 80-х гг. обеспечить надежный контроль за кораблями советского Тихоокеанского флота, проходящими через международные проливы Лаперуза, Сангарский и Корейский. Как известно, на японские военно-морские и военно-воздушные силы Пентагон возложил задачу совместно с войсками США «закрывать» (то есть минировать) эти проливы, чтобы блокировать Советский Союз с моря, обеспечить не только противовоздушную оборону Японского архипелага, но и осуществить боевое патрулирование морского и воздушного пространства на расстоянии тысячи морских миль от берегов Японии.

К. Уайнбергер в своем докладе о военном бюджете США на 1987 финансовый год, сделанном в Капитолии, оценивая роль Японии, отметил, что страна «Ямато»¹⁸ в Азии, а члены НАТО в Европе играют роль «географических и идеологических баррикад» в сковывании СССР. Поэтому военный союз Японии с США, как считает военный министр, следует рассматривать в качестве филиала блока НАТО на Дальнем Востоке. По его оценке, японо-американский военный союз представляет собой образчик блоковой политики США¹⁹.

Во время пребывания в Японии в апреле 1986 г. высокий военный гость из Вашингтона был удостоен чести присутствовать на специально устроенных для него учениях 7-й бронетанковой дивизии на острове Хоккайдо, которая отрабатывала наступательную задачу «прорыва укрепленной обороны противника», что явно противоречит японской концепции «исключительной обороны». Подключение единственной в Японии бронетанковой дивизии, оснащенной 240 современными средними танками типа «74», к провокационным военным играм в непосредственной близости от границ с СССР свидетельствует о том, что практические дела в Японии явно расходятся с риторическими декларациями правительства о приверженности миру.

Как стало известно из сообщений японской печати, военное ведомство Японии приступило к разработке долгосрочного плана строительства «сил самообороны», рассчитанного на период до 2000 г. Основной акцент в плане делается на усиление войск «северного направления», дислоцированных на острове Хоккайдо и в северо-восточной части острова Хонсю. Сухопутную группировку войск здесь планируется довести до 80 тыс. человек, а в случае возникновения «чрезвычайных обстоятельств» перебросить на Хоккайдо из западных и южных районов страны еще 30 тыс. человек. Эти замыслы, скоординированные со стратегией Пентагона, полностью совпадают со сценарием вооруженного захвата «северных территорий» — то есть южной части принадлежащих Советскому Союзу Курильских островов,— разработанным чиновниками УНО и опубликованным в июльском номере журнала «Гундзи кэнкю» («Военное обозрение»). Авторы этого реваншистского пасквиля предусматривают создание на Хоккайдо ударного корпуса численностью 30 тыс. человек для внезапного десантирования на Курилы²⁰.

Синхронное просачивание в прессу информации о планах наращивания

боевой мощи на севере Японии и появление в органе УНО подборки антисоветских статей под общим заголовком «Возвратим северные территории» вряд ли является случайным.

Во время переговоров в Токио руководитель военного ведомства США потребовал увеличения вклада Японии в наращивание ее военного потенциала, уровень которого, по расчетам военных специалистов, должен быть втрое или даже вчетверо выше по сравнению с нынешними «силами самообороны», насчитывающимися около 250 тыс. человек. Шеф Пентагона добивался от японских коллег скорейшего решения вопроса о строительстве запасного аэродрома для морской авиации США, базирующейся в настоящее время в Ацуги, в самом центре густонаселенного промышленного мегалополиса Японии. Уже в течение длительного времени население этого города выражает протесты против ночных тренировок палубной авиации США, совершающей взлеты и посадки на аэродроме в темное время суток. Неистовый рев реактивных двигателей сверхзвуковых американских самолетов, отрабатывающих слепые посадки в условиях крайне ограниченной видимости, приводит в отчаяние жителей окрестных городов, лишенных ради «прихотей» военного командования США спокойного отдыха даже ночью после изнурительного дневного труда. Перед лицом гневного народного протеста японское правительство вынуждено было пойти на компромиссное решение. УНО предложило для сооружения запасного аэродрома остров Миякэдзима, расположенный в океане в 150 км к югу от Токио. Однако поселковый совет Миякэдзима в январе 1984 г. принял резолюцию протеста против намечаемого строительства, и с тех пор проблема остается нерешенной²¹.

На переговорах в Токио К. Уайнбергер призвал Японию увеличить финансовый вклад в содержание американских баз на японской земле, подыграл амбициям японских правящих кругов, претендующих на более значительную роль в вопросах обеспечения региональной безопасности, стремящихся к активному подключению «сил самообороны» к совместным с США операциям по боевому патрулированию тысячемильной океанской акватории и блокаде международных проливов как составной части азиатско-тихоокеанской стратегии Вашингтона. Пентагон видит основную функцию вооруженных сил своего дальневосточного союзника в непосредственном участии в военных авантюрах США в АТР.

Это подтверждается следующими фактами: в декабре 1985 г. Япония и США подписали соглашение «О проекте плана совместных боевых операций» на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств, иными словами, военного конфликта на Дальнем Востоке. В январе 1986 г. стороны договорились о завершении к лету или концу текущего года начатого в 1983 г. совместного исследования проблемы «охраны» морских коммуникаций. В январском номере военно-морского бюллетеня США помещена статья начальника штаба ВМС США адмирала Уоткинса, в которой он, касаясь проблемы совместной с Японией «охраны» торговых путей, пишет, что в случае возникновения военного конфликта в каком-либо месте Дальнего Востока США нанесут ядерный удар по подводным лодкам СССР, находящимся в Охотском море.

Такое заявление американского адмирала дало повод японским обозревателям сделать обоснованное предположение, что Тихий океан, Охотское и Японское моря станут в будущем главными военно-морскими театрами ядерных операций Пентагона, в которые неизбежно вовлечется и Япония, а тысячемильная зона «охраны коммуникаций» не ограничивается только южной полусферой от берегов Японии до Гуама и Филиппин, она автоматически распространяется на север, включая Охотское море²².

Что касается вопроса о так называемой тысячемильной зоне, то ею уже далеко не ограничивается сфера действия «сил самообороны». Отвечая на запрос в парламенте, премьер-министр Я. Накасонэ заявил в начале 1986 г., что если понадобится, то боевые корабли японских ВМС будут эскортировать авианосцы США вплоть до берегов Америки. В мае 1986 г. Япония в четвертый раз приняла участие в многосторонних маневрах «Римпак-86», которые, как известно, проводятся в центре Тихого океана, примерно в 4—4,5 тыс. миль от Японских островов. Что же такое маневры «Римпак»? Начиная с 1970 г. четыре тихоокеанские страны — США и Канада, расположенные на северо-восточном побережье океана, Австралия и Новая Зеландия, обрамляющие Великий океан с юго-запада, образуя своего рода кольцо вокруг океана, — начали проводить через каждые два года военно-морские учения, получившие название «Тихоокеанское кольцо» («Rim of Pacific Exercises»), что в сокращенном варианте звучит на английском «Римпак». В 1980 г. к этой группе стран впервые присоединилась Япония. С 26 февраля по 18 марта 2 эскадренных миноносца, 8 противолодочных самолетов и 700 матросов, солдат и офицеров ВМС Японии приняли участие в маневрах «Римпак-80». Впоследствии участие Японии в этих военно-морских играх стало регулярным²³.

Поскольку ранее «силы самообороны» проводили совместные игры только с вооруженными силами США, с которыми Японию связывает «договор безопасности», оппозиция и демократическая общественность расценили данную акцию как подключение японской армии к запрещенной конституцией системе «коллективной обороны». Отстаивая право «сил самообороны» на участие в многосторонних учениях, УНО выступило с разъяснением, в котором квалифицировало их как отвечающие требованиям «исключительной обороны» — концепции, юридически обосновывающей любые действия японской армии в обширном регионе далеко за пределами Японии и оправдывающей эти действия интересами «самообороны»²⁴.

В конце апреля 1986 г. 1-я флотилия эскортных сил морского флота Японии в составе вертолетоносца «Сиранэ» водоизмещением 5200 т, 6 эскадренных миноносцев, 1 подводной лодки и 8 противолодочных патрульных самолетов Р-3С вышла из японской военно-морской базы Екосука и взяла курс на Гавайские острова, чтобы в четвертый раз принять участие в маневрах «Римпак-86», которые продолжались с 15 мая по 29 июня. На этот раз состав участников несколько изменился. Место Новой Зеландии, являющейся, кстати, членом военного блока АНЗЮС (Австралия, Новая Зеландия и США), которую США не пригласили на маневры в связи с тем, что правительство этой страны ответило решительным «нет» на запрос Вашингтона о разрешении американским атомным кораблям с ядерным оружием на борту заходить в новозеландские порты, теперь «достойно» заняла Англия, демонстрируя свою верность неоглобалистским амбициям США и в районе Тихого океана. Именно с территории Англии с разрешения правительства М. Тэтчер американские бомбардировщики совершали весной 1986 г. пиратские налеты на Ливию. А четыре года тому назад, в марте — июне 1982 г., боевая эскадра Великобритании высадилась десант на принадлежащие Аргентине Фолклендские острова, используя авианосцы, атомные подводные лодки, новейшие самолеты, а также данные разведывательных спутников США. Опыт проведения английским флотом крупных десантов был в полной мере использован на маневрах «Римпак-86», поскольку здесь также отработывалась тактика десантирования «синими» отрядами (Великобритания, Канада и Япония) на захваченные по сценарию «красными» войсками острова в Тихом океане.

Во время переговоров в Токио К. Уайнбергер пытался убедить правительство Японии, которое, кстати, одним из первых одобрило программу

«стратегической оборонной инициативы» Р. Рейгана, последовать примеру ФРГ и дать официальное согласие на участие в американских планах «звездных войн». Как известно, Токио в апреле 1986 г. направил в США третью миссию видных экспертов, в состав которой, помимо высокопоставленных правительственных чиновников, было включено 20 представителей от крупнейших японских концернов, поставляющих Пентагону высокую военную технологию. В результате поездки по Америке японские специалисты пришли к выводу, что Японии следует принять участие в исследовательских разработках США, пытающихся создать «космический щит» или, иными словами, перенести гонку ядерных вооружений в космос. Военно-промышленные круги Японии прельщает перспектива получения крупных прибылей от американских «спецзаказов», и, если даже не будет принято решение на правительственном уровне, против чего резко выступает вся демократическая общественность страны, сотрудничество в СОИ будет осуществляться на уровне частных корпораций. Да оно фактически уже действует с момента появления американской космической программы, поскольку в соответствии с подписанным в ноябре 1983 г. соглашением Япония поставляет Пентагону все необходимые компоненты, используемые в разработках программ «звездных войн». Чтобы нейтрализовать антиамериканские настроения в японском народе, обеспокоенном вовлечением их страны в опасные планы перенесения ядерных вооружений в космос, Вашингтон выступил с идеей создания на Дальнем Востоке «региональной оборонной инициативы» (РОИ) с участием Токио и Сеула, которые якобы будут заниматься космическими разработками ради обеспечения собственной безопасности.

Однако в какую бы тогу ни рядили деятели из Пентагона свои зловещие планы, их суть остается неизменной: использование мощного научного потенциала Японии влечет включение ее в глобальную американскую систему милитаризации космоса, означает дальнейший, более опасный виток гонки ядерных вооружений, серьезно ухудшает международную обстановку.

Военный министр США охарактеризовал как «благоприятное» военное сотрудничество между Вашингтоном и Токио, которое базируется на «договоре безопасности» 1960 г. и «Руководящих принципах» 1978 г. Несмотря на то что обе страны переживают полосу неразрешимых противоречий в области торговли, что выражается в громадном торговом сальдо в пользу Японии, достигшем в 1986 г. 60 млрд. долл., американская администрация в общем занимает примиренческую позицию в отношении Японии, добиваясь от нее соответствующей «компенсации» в сфере военных приготовлений. США и Японию объединяет целый ряд общих важных интересов, которые отодвигают на задний план неудовлетворенность Вашингтона по поводу «замедленного» (по масштабам Пентагона) наращивания японского военного потенциала. Президент Р. Рейган видит в премьер-министре Я. Накасонэ лидера, на которого «можно положиться», задающего тон в общем хоре «семёрки» крупнейших капиталистических стран, главы государств и правительств которых собираются ежегодно «для решения мировых судеб». Именно Я. Накасонэ выразил первым «сочувствие» агрессивным действиям США против Ливийской Джамахирии. Благодаря Накасонэ, и это ценят в Вашингтоне, Япония заметно активизировала свою внешнеполитическую деятельность, принимая на себя все большую ответственность за события на региональном и глобальном уровнях.

В последние годы значительно возросло число американо-японских контактов на правительственном уровне: только в 1983 г. госсекретарь Дж. Шульц встречался с министром иностранных дел Японии 9 раз²⁵. Темы двусторонних консультаций вышли за рамки «договора безопасности» и торгово-экономи-

ческих проблем и поднялись на уровень обсуждения направлений сотрудничества по различным международным проблемам. Так, например, повестка дня переговоров 1984 г. включала в себя: положение на Корейском полуострове, состояние советско-китайских отношений, кампучийскую проблему, размещение ядерного оружия средней дальности, положение на Среднем Востоке и др. В январе 1985 г. обсуждались вопросы тихоокеанского сотрудничества, отношения Японии к СОИ, оказание «стратегической» помощи развивающимся странам.

Встречи руководителей военных ведомств двух стран, по оценкам японской печати, проходили, как правило, в «дружественной атмосфере». Однако шеф Пентагона и его представители, как отмечается в прессе, стали в более деликатной форме, но с прежним упорством проводить политику пристраивания Токио к своей военной колеснице. Тактика деятелей из военного ведомства США несколько изменилась: методами рекомендаций и «дружеских» советов они стали глубже вникать в строительство «сил самообороны». Делая акцент, в том числе и в официальных документах, на низкий боевой опыт японской армии, Пентагон стал проявлять заботу о том, чтобы существенно повысить ее боевую способность. В настоящее время сухопутные войска Японии имеют запас боеприпасов лишь для ведения трехдневных боевых операций, и заместитель министра обороны Р. Армитидж подсказал руководителям УНО, чтобы они приняли меры для увеличения боезапасов в арсеналах для обеспечения трехмесячных боевых потребностей.

Много внимания вашингтонские шефы уделяют увеличению сроков ведения «силами самообороны», особенно военно-морскими подразделениями, автономных операций в открытом океане, а для этого рекомендуют строить плавучие базы, которые могли бы обеспечивать жизнедеятельность и боеспособность кораблей, находящихся на боевом дежурстве. Инструкторы Пентагона разъясняют своим японским партнерам, что обнаружение и борьба с подводными лодками «противника» в открытом океане — дело не только дорогостоящее, но и чрезвычайно трудное. Поэтому они советуют Японии сосредоточить свои усилия на повышении эффективности блокады морских проливов, что позволит ей «малой ценой» иметь силы сдерживания, способные поставить надежный заслон советскому флоту²⁶.

Инструкции подкрепляются и практическими мероприятиями. Штаб вооруженных сил США в Японии интенсивно привлекает «силы самообороны» к различного рода учениям и маневрам, на которых, в частности, отрабатывается тактика минирования проливов, боевого прикрытия атомных авианосцев США, ведения противолодочных операций и организации противовоздушной обороны.

Насколько уплотненными и разносторонними были эти военные игрища, можно проследить на примере. В феврале 1984 г. военно-морские подразделения Японии и флот США провели совместное учение по тралению мин во Внутреннем море (в учениях участвовало 27 кораблей и 10 патрульных самолетов со стороны Японии и 2 американских самолета-инструктора). Весной вдоль южного побережья острова Хонсю было проведено противолодочное учение, в котором было задействовано 8 кораблей «сил самообороны» и 4 корабля американских ВМС, участвовала также и морская авиация обеих сторон. В ходе этих учений танкер «сил самообороны» впервые заправил в море американский корабль.

В июле состоялись маневры по отработке совместных минно-тральных операций в заливе Муцу. Со стороны Японии было представлено 27 боевых кораблей и 19 патрульных самолетов, со стороны США — 9 боевых машин морской авиации. В сентябре американский авианосец «Мидуэй» и 6 других

боевых кораблей приняли участие в ежегодных учениях военно-морского флота Японии. Отрабатывалась задача совместной с ВВС США организации противовоздушной обороны, и впервые были испытаны боевые возможности самолета раннего предупреждения Е-2С, поступившего на оснащение ВМС Японии. Одновременно сухопутные армии двух сторон провели совместные маневры у горы Иватэ (1600 солдат «сил самообороны» и 600 американских пехотинцев). В октябре подразделения сухопутных войск «сил самообороны» в составе 230 человек совместно с 50 морскими пехотинцами США провели учения со стрельбой боевыми артиллерийскими снарядами на острове Хоккайдо.

В ноябре военно-морские подразделения Японии в составе 15 боевых кораблей и нескольких самолетов совместно с 7 кораблями и самолетами ВМС США провели противолодочные учения при поддержке авианосца США, который одновременно участвовал в маневрах американского флота «Фри-текс-84»²⁷.

По неполным данным, в 1985 г. было проведено 20 совместных американо-японских учений, на которых отрабатывались задачи активизации взаимодействия видов вооруженных сил в бою. Американское военное командование считает слабым местом в боевой подготовке «сил самообороны» отсутствие у командования навыков координации совместных боевых действий с американскими войсками, поэтому данному вопросу уделяется перво-степенное внимание на всякого рода военных играх.

По американским оценкам, наиболее уязвимым местом так называемых «оборонительных возможностей» Японии является проблема баз. Существующие базы, как считают в Пентагоне, не обеспечены эффективной противовоздушной обороной, не имеют защищенных и подземных укрытий для авиации и другой боевой техники. Наконец, все большее значение приобретает социальная сторона проблемы. Дело в том, что в первой половине 80-х гг. заметно набирает силу народное движение за ликвидацию баз, особенно среди проживающих в их окрестностях местных жителей. Японская печать отмечает, что решению проблемы не помогают никакие денежные компенсации. Так, хотя в течение длительного времени не решен вопрос о закрытии базы морской авиации в Ацуги, население города добилось снижения до минимума числа полетов сверхзвуковых самолетов.

На длительные сроки затянулось решение проблемы строительства жилого комплекса для семей американских военнослужащих в районе бывшего депо в курортном местечке Дзуси префектуры Канагава. В июле 1982 г. мэр этого городка, получив уведомление от УНО, дал согласие на строительство, не согласовав этот вопрос с горожанами. По их требованию мэр подал в отставку, его место занял представитель оппозиции, которая выступает против строительства. Несмотря на усилия правительства, вопрос до сих пор остается открытым. Жители Дзуси протестуют против присутствия в их местечке американской военщины.

Проблема американских баз остро стоит не только в Японии. Уже в течение нескольких лет дамоклов меч занесен над крупнейшими американскими базами — авиационной Кларк-Филд и морской Субик-Бэй — на Филиппинах. Их судьба, несмотря на отчаянные усилия американской администрации, будет решена путем народного референдума, в результате которого, как полагают, будет высказано мнение за их ликвидацию. Предвидя такую перспективу, США арендовали 18 тыс. акров земли на островах Сайпан и Тиниан (группа Северных Марианских островов) для строительства запасного аэродрома и военного порта.

Таким образом, сложные противоречия в бассейне Тихого океана и

азиатско-тихоокеанском регионе в целом Вашингтон по сложившемуся стереотипу пытается решить путем использования стандартных рычагов силового давления, ведущего к нагнетанию напряженности,— усиления военного присутствия в регионе, строительства новых баз, сколачивания блоков и союзов, создания всякого рода «осей» и «военизированных треугольников», формирования замкнутых военных группировок, которые отнюдь не содействуют стабилизации обстановки и разрядке напряженности.

Единственно приемлемой альтернативой американской глобальной гонке ядерных вооружений и военным приготовлениям США в АТР могут служить новые конструктивные предложения СССР, содержащиеся в речи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева во Владивостоке 28 июля и в Заявлении по телевидению 18 августа 1986 г. о продлении Советским Союзом одностороннего моратория на испытания ядерного оружия до 1 января 1987 г.

Обратившись ко всем странам АТР с призывом к сотрудничеству во имя мира, советский руководитель выдвинул широкомасштабную комплексную программу обеспечения азиатской безопасности, включения азиатско-тихоокеанского региона в общий процесс создания всеобъемлющей системы международной безопасности, решения вопросов регионального урегулирования.

СССР решительно выступает за то, чтобы поставить прочный заслон на пути распространения и наращивания ядерного оружия в Азии и на Тихом океане, начать переговоры о сокращении активности военных флотов, обсудить меры доверия и неприменения силы в регионе. Советский Союз предложил сократить до пределов разумной достаточности вооруженные силы и обычные вооружения в Азии²⁸.

На пути к оздоровлению военно-политической атмосферы в регионе предстоит преодолеть немало трудностей. Необходимо прежде всего не допустить превращения АТР в арену силового противоборства. Несмотря на различие политических систем, идеологий и мировоззрений, народы АТР связаны общностью жизненных интересов, которые нельзя решать в одиночку. Нужен целый комплекс коллективных усилий по ликвидации до конца нынешнего столетия ядерного и химического оружия, которые способствовали бы созданию благоприятных условий для развития взаимовыгодного сотрудничества. Советский Союз выразил готовность принять самое активное участие в таком региональном мирном сотрудничестве и использовать ради этих благородных целей экономический и научно-технический потенциал всех стран АТР.

В регионе четко прослеживаются две противоположные тенденции: правящие круги США стремятся превратить АТР в своего рода «фланг НАТО», который включал бы Японию, Южную Корею и других военных союзников Вашингтона, в еще один, «восточный фронт» ядерной конфронтации с СССР; Советский Союз предлагает другую, более разумную возможность — превратить Тихий океан в зону добрососедства и сотрудничества, которая не разъединяла бы, а сплачивала народы. За этой второй тенденцией — будущее, ибо ее поддерживают все миролюбивые силы не только стран региона, но и всего мира. Выработка концепции азиатской безопасности, которая включала бы в себя отказ от поддержки извне антиправительственных и террористических вооруженных группировок, мирное урегулирование споров на основе пяти принципов мирного сосуществования, реализация советской программы ядерного разоружения — долговременная задача. Ее предстоит решать поэтапно, переходя от простого к сложному, путем объединения усилий всех заинтересованных государств азиатско-тихоокеанского региона.

- ¹ In: Asian Security 1985. Tokyo, 1985, p. 23.
- ² «Department of State Bulletin», April 1985, p. 13.
- ³ «Правда», 24.IV.1986.
- ⁴ In: Asian Security 1985, p. 3.
- ⁵ «Department of State Bulletin», April 1985, p. 8.
- ⁶ «Правда», 24.IV.1986.
- ⁷ In: Military Balance, 1985—1986. L., 1985, p. 6, 11.
- ⁸ In: Military Balance, 1985—1986, p. 14; Бэй хандо букку 1985 (Справочник по вопросам обороны 1985). Токио, 1985, с. 261.
- ⁹ Asian Security 1985, p. 36.
- ¹⁰ In: Military Balance, 1985—1986, p. 14.
- ¹¹ См.: «Мировая экономика и международные отношения», 1985, № 10, с. 24.
- ¹² См.: Бэй хандо букку 1985, с. 255.
- ¹³ Asian Security 1985, p. 35.
- ¹⁴ Правительственный квартал Токио, где расположено министерство иностранных дел.
- ¹⁵ См.: «Акахата», 18.I.1986.
- ¹⁶ См. там же.
- ¹⁷ Там же, 6.II.1986.
- ¹⁸ Старое название Японии.
- ¹⁹ См.: «Акахата», 9.II.1986.
- ²⁰ См.: «Гундзи кэнкю», 1986, № 7 с. 24—49.
- ²¹ In: Asian Security 1985, p. 34.
- ²² См.: «Акахата», 9.II.1986.
- ²³ In: «Asahi Evening News», December 3, 12, 24, 1979.
- ²⁴ См.: Вооруженные силы Японии. История и современность. М., 1985, с. 171.
- ²⁵ In: Asian Security 1985, p. 29.
- ²⁶ Ibid., p. 34.
- ²⁷ Ibid., p. 36.
- ²⁸ См.: «Правда», 29.VII.1986.

*М. И. КРУПЯНКО,
кандидат экономических наук*

В 80-е гг. весьма динамично развиваются японо-китайские отношения в торгово-экономической области, во многом определяющей весь комплекс взаимоотношений двух стран. К середине 80-х гг. годовой объем двусторонней торговли составил около 19 млрд. долл., хотя еще 10 лет назад он достигал всего 3,7 млрд. долл. В 1985 г. Китай стал вторым по значению объектом японского экспорта после Соединенных Штатов и шестым — по импорту. Более чем пятикратный рост объема товарооборота на протяжении одного десятилетия был в значительной мере обусловлен расширением японского экспорта в КНР, который в 1984—1985 гг. увеличился на 72,9 %¹. При этом поставки грузовых автомобилей и автобусов японского производства на китайский рынок в 1983—1984 гг. возросли более чем в 5,5 раза (с 3,7 тыс. до 20,6 тыс.), легковых автомобилей — в 11,2 раза (с 8,2 тыс. до 71,7 тыс.), цветных телевизоров — в 4,2 раза (с 573,4 тыс. до 2,4 млн.). Свыше половины стоимости японского импорта из Китая составляли закупки энергоносителей и продовольствия². После нескольких лет осторожного выжидания японские инвесторы приступили к долгосрочным капиталовложениям на китайском рынке. По данным на конец 1984 г., на территории КНР находилось 66 совместных японо-китайских предприятий, тогда как еще 5 лет тому назад их насчитывалось не более 10. Только в 1983—1984 гг. объем прямых японских инвестиций в КНР увеличился с 3 до 11 млн. долл.³. Активно развиваются контакты в научно-технической области. Все более заметный вклад Япония вносит в подготовку китайских специалистов в высших и средних специальных учебных заведениях страны. Китай получает помощь в технической модернизации и перевооружении многих предприятий.

Закономерен вопрос, как Японии за столь короткий исторический период, прошедший с момента подписания в 1974 г. японо-китайского Торгового договора и до середины 80-х гг., удалось не только достичь заметных результатов в развитии торгово-экономических и научно-технических связей с КНР, существенно опередив своих конкурентов из США и стран Западной Европы, но, что более важно, и завоевать позиции привилегированного торгового партнера Китая среди всех других ведущих индустриальных держав Запада. Ведь на долю Японии в 1984 г. приходилось более 46 % всей стоимости экспорта стран ОЭСР в КНР и 47 % всего импорта, то есть примерно столько же, сколько на все другие промышленно развитые капиталистические страны вместе взятые.

Такая постановка вопроса тем более заслуживает внимания, если учесть, что еще в конце 60-х — начале 70-х гг. во многих странах, да и в самой Японии, высказывалось немало пессимистических прогнозов о неизбежности затяжного конфликта между Японией и Китаем из-за наличия целого ряда серьезных противоречий. К их числу в то время относили различия в социально-экономических системах, соперничество за экономическое влияние в Азии, не-

совпадение стратегических интересов, тайваньский вопрос и связанную с ним серьезную оппозицию некоторых влиятельных кругов Японии курсу на расширение торгово-экономических связей с Китаем в ущерб отношениям с Тайванем. Наконец, в начале 70-х гг. было еще трудно предположить, что китайское руководство пойдет на получение хотя бы одного льготного иенowego займа или примет «безвозмездную» помощь от Японии, что Китай согласится на приглашение в качестве экономических советников японских специалистов, будет проявлять такую настойчивость в привлечении японского капитала для организации смешанных японо-китайских предприятий в промышленности и сфере услуг. Однако сегодня неоспоримым является тот факт, что Китай сам выступает инициатором широкого участия Японии в экономической жизни страны, настойчиво приглашая Токио увеличивать техническую и финансовую помощь.

Задумываясь о причинах, которые привели к заметному сближению позиций обеих стран в торгово-экономической области, на первый взгляд возникает соблазн свести их к таким факторам, как географическая близость, взаимодополняемость торговых структур, известная общность культурных традиций. Не принижая значения всех перечисленных выше факторов, следует отметить, что столь традиционный подход к анализу японо-китайских отношений в экономической области сегодня уже не может удовлетворить исследователей этого вопроса, ибо он не позволяет выявить весь комплекс причин, скрытые определяющие факторы экономической политики Японии в отношении КНР.

Более того, трудно согласиться и с распространенной точкой зрения, что решающую роль в стимулировании японо-китайской торговли играла проводимая КНР политика «открытых дверей», направленная на поощрение контактов с ведущими промышленными державами капиталистического мира. Разумеется, было бы неправильно недооценивать значение этого фактора, поскольку потребности развивающейся китайской экономики действительно требуют возрастающего притока новейшей техники и технологии. Однако при этом нельзя отводить Японии роль пассивного партнера КНР, ибо это значит, что будут упущены из виду и недооценены возможности активной наступательной японской экономической дипломатии. Япония накопила в этой области опыт, о чем и свидетельствуют результаты ее экономической политики в отношении КНР.

Анализ особенностей стратегии японского монополистического капитала при освоении китайского рынка позволяет выделить ряд аспектов, характерных для экономической политики Японии на современном этапе. Прежде всего это — использование возможностей так называемой «частной дипломатии», которая оказалась весьма эффективной в период отсутствия официальных отношений между Японией и КНР в 50—60-е гг., но которая не утратила своей важности и в 80-е гг. после нормализации японо-китайских отношений. «Частная дипломатия», то есть политика использования каналов частных японских фирм, способствовала формированию еще в 50—60-е гг. разветвленной сети тесных личных контактов между представителями японского бизнеса, с одной стороны, и сотрудниками государственных учреждений Китая — с другой. При этом японская сторона всегда последовательно и целеустремленно реализовывала на практике основной курс правительства в отношении Китая — курс на «отделение экономики от политики», развивала торговлю на базе частных торговых соглашений, активизировала коммерческую деятельность по линии «дружественных фирм». В тот период Япония направляла в КНР по частным каналам не только многочисленные делегации деловых кругов, но и официальные делегации, в задачу которых входило также формирование в ходе встреч и бесед с китайскими представителями благоприятного климата для последующих этапов развития японо-китайских отношений, для повышения роли «китайского фактора» во внешней политике Японии.

При этом важно подчеркнуть, что в условиях отсутствия официальных отношений между Японией и КНР «частная дипломатия» не только решала задачи формирования нового климата в отношении развития связей с Японией среди китайской общественности, но и обеспечивала условия для создания благоприятствующего этому климата в самой Японии, где в тот период имелось немало противников развития японо-китайских отношений среди влиятельных политических деятелей и руководителей бизнеса. О чем, как не об успехе «частной дипломатии», свидетельствует, например, образование в декабре 1970 г. Парламентской лиги содействия восстановлению японо-китайских отношений, в состав которой вошли представители всех политических партий Японии. Примечательно, что данная надпартийная организация создала условия для блокирования части членов парламентской фракции ЛДП с оппозицией, чтобы противостоять «ястребам» в парламенте, выступавшим с откровенно антикитайских позиций.

Одной из сильных сторон экономической дипломатии Японии на частном уровне, безусловно, является и то, что она позволяет фирмам свободно регулировать масштабы торговли, не связывая себя жесткими обязательствами, а действовать в соответствии с быстро меняющимися обстоятельствами. Вот почему даже в условиях отказа китайской стороны от выполнения контрактов по закупкам японского оборудования для крупномасштабных проектов сотрудничества в конце 70-х — начале 80-х гг. не была серьезным образом задета основа двусторонних отношений. Частному капиталу при финансовой поддержке правительства Японии удалось тогда найти решение многих сложных проблем и сохранить позиции на китайском рынке. Сделать это, используя лишь официальные каналы двусторонних отношений, было бы намного сложнее, ибо тогда надо было бы идти на резкое обострение межгосударственных отношений. Однако возможности «частной дипломатии», особенно использование каналов универсальных торговых компаний Японии («сого сеся»), деятельность которых отличается большой свободой маневра в предложении различной экспортной продукции и условий ее поставок, нередко позволяли значительно смягчить для обеих сторон нежелательные последствия периодически возникавших осложнений.

Созданная еще в 50—60-е гг. в рамках «частной дипломатии» разветвленная сеть личных контактов и сегодня обеспечивает японским бизнесменам возможность быстро адаптироваться к строгим требованиям китайского рынка, уменьшать всякого рода трения из-за различий социально-экономических систем. Дело в том, что промышленные и торговые японские фирмы строят свою коммерческую деятельность в КНР в строго регламентированных китайскими властями условиях. В результате они иногда теряют привычную для них оперативность и мобильность. Для того чтобы как-то смягчить действие этого объективного фактора, руководители японского бизнеса активно прибегают к услугам установленных ранее личных контактов в китайских учреждениях, что способствует некоторому ускорению продвижения необходимой документации, получению информации, материалов, заметно убыстряет ведение переговоров и т. п.

Все это, однако, не означает, что «частная дипломатия» как одна из сильных сторон экономической стратегии Японии в отношении КНР не имеет уязвимых мест. Главным из них, видимо, следует считать то, что такая дипломатия ослабляет позиции японских фирм, так как Китай активно использует слабости механизма межфирменной конкурентной борьбы, оказывая на японскую сторону сильное давление и добываясь на переговорах немалых уступок.

Следует подчеркнуть, что японская экономическая дипломатия в отношении Китая всегда строилась с учетом возможностей маневрирования и использова-

ния различных методов в зависимости от конкретно решаемых в данное время монополистическими кругами Японии стратегических и тактических задач на китайском рынке. В 50—60-е гг. с помощью «частной дипломатии» японский бизнес решал прежде всего стратегическую задачу — закрепиться в Китае, создать там свои опорные пункты. В 70—80-е гг. важная роль стала отводиться другому направлению экономической стратегии Японии в отношении КНР — так называемой политике уступок. С ее помощью монополистические круги рассчитывали заметно активизировать торгово-экономическую деятельность в Китае, а также выиграть конкурентную борьбу за китайский рынок с монополиями Соединенных Штатов и стран «Общего рынка».

Пропагандистским обеспечением политики уступок Китаю в экономических вопросах явилась формула, согласно которой Япония должна искупить свою вину перед китайским народом за ущерб, причиненный японским милитаризмом в годы второй мировой войны. Как заметил один японский бизнесмен в беседе с корреспондентом американской газеты: «Вы же понимаете, что мы здесь наделали во время войны. И сейчас нам надо вести себя в Китае тихо»⁴. Этот японский предприниматель отразил весьма распространенное среди деловых кругов Японии мнение о необходимости мириться с неизбежными потерями в торговле с китайцами.

Очевидно при этом, что использование такой политики уступок, следует подчеркнуть, расчетливых уступок, в коммерческих отношениях с Китаем приносит японскому капиталу гораздо большие прибыли, нежели использование жестких приемов, давления на партнера и т. п. Можно привести немало примеров того, как японская сторона, активно используя эту тактику, добивалась для себя значительных преимуществ на переговорах с китайскими представителями. Так было и на переговорах по вопросам заключения крупномасштабного соглашения о строительстве с помощью Японии Баошаньского металлургического комбината, когда японская сторона пошла на удовлетворение большинства китайских требований о месте и сроках строительства, сумме кредитов, выборе ведущего подрядчика и т. п., отстояв, правда, за собой право отвечать за техническое руководство проектом — от разработки документации до ввода в строй оборудования; так было и в случае решения вопроса о возобновлении поставок японского оборудования для крупномасштабных проектов, когда китайское руководство попыталось аннулировать многие заключенные ранее соглашения. Япония пошла тогда на уступки Китаю и предоставила дополнительные кредиты для завершения строительства. При этом монополистический капитал Японии выиграл главное — возможность сохранить свою ведущую роль при участии в проектах, продолжить экспорт оборудования на многие миллиарды долларов.

Бесспорный успех монополистическому капиталу Японии в активном освоении китайского рынка приносит и политика постепенного «наведения мостов». Эта политика нацелена на достижение тактических целей в Китае, включая подготовку условий для успешного завершения переговоров по конкретным направлениям экономического сотрудничества, сбыта на китайском рынке отдельных партий товаров, продвижения новых образцов готовой продукции и т. п.

Она предполагает несколько этапов. На начальной стадии японские фирмы стремятся направить в КНР возможно большее количество делегаций специалистов, руководителей фирм, бизнесменов. Это необходимо для установления контактов в КНР с заинтересованными организациями, которые впоследствии выступают как бы проводниками интересов японских фирм на переговорах. В свою очередь японская сторона приглашает тех же китайских ответственных лиц в Японию, где знакомит их с последними достижениями научно-технического прогресса в данной области предстоящего сотрудничества.

На втором этапе Япония направляет в Китай для проведения исследований ограниченные группы специалистов, в задачу которых входит составление документации, согласование с китайскими властями их требований и пожеланий в отношении будущего проекта, обсуждение возможных сроков его реализации. Далее, японские фирмы приглашают к себе китайских специалистов для изучения на месте особенностей работы японского оборудования, закупки которого предстоят китайской стороне в рамках того или иного проекта. Наконец, на последней стадии японские фирмы предлагают китайским партнерам подписать соглашение. Таким образом, политика «наведения мостов» предполагает постепенное втягивание китайских партнеров в экономические связи с японскими фирмами, что также способствует более активному освоению китайского рынка.

Немалое значение для успешного осуществления экономической политики Японии в Китае имеет создание среди японских бизнесменов благоприятного по отношению к Китаю климата. Это достигается тем, что японское правительство с помощью средств массовой информации постоянно поддерживает интерес к Китаю, его экономическим успехам, достижениям в области развития науки, техники, культуры, словом, делает все для того, чтобы доказать надежность Китая как партнера, показать огромные потенциальные возможности этого рынка сбыта. Кроме того, в японской прессе крайне редко встречаются критические материалы по поводу особенностей программы модернизации КНР, проблем, с которыми сталкиваются китайские руководители на этом пути. Пожалуй, единственное, на что обращена критика японских журналистов,— это на унаследованное Китаем «тяжелое прошлое», из-за чего сегодня ему бывает нелегко быстро набирать темпы экономического развития, не сбросив с себя этот груз. Японский деловой мир внимательно следит за характером публикаций на китайскую тему, как бы определяя таким образом пульс государственной политики в этом направлении.

В первой половине 80-х гг. стали более заметны новые грани проблемы развития японо-китайских отношений в торгово-экономической области.

Прежде всего обращает на себя внимание появление в определенных кругах Японии признаков беспокойства по поводу выхода на китайский рынок новых партнеров из числа социалистических стран. Дело в том, что по мере нарастания противоречий в торгово-экономической области с ведущими капиталистическими державами Запада Китай стал проявлять в середине 80-х гг. все более заметный интерес к расширению контактов с Советским Союзом и восточноевропейскими социалистическими странами. При этом китайская сторона учитывает ряд выгодных для себя обстоятельств. К ним относятся преимущества планового характера ведения хозяйственной деятельности в социалистических странах, позволяющие Китаю рассматривать товарооборот с ними в рамках своих пятилетних программ развития народного хозяйства. Это важная для Китая сторона его внешнеэкономической политики, отсутствующая в торговле с капиталистическими странами. Кроме того, Китай получает возможность стабильного экспорта своей продукции на рынки социалистических стран при полном отсутствии каких-либо нежелательных последствий в виде протекционистских мер в отношении китайского экспорта, к которым в последнее время нередко прибегают США и страны «Общего рынка». Наконец, для Китая выгодно частично осуществление торговых сделок с социалистическими странами на бартерной основе, что позволяет китайской стороне экономить резервы иностранной валюты.

Областью значительных затруднений в отношениях между Японией и Китаем, масштабы которых пока еще предвидеть трудно, является хронический дисбаланс в торговле в пользу Японии. Японский экспорт в КНР

превышает закупки китайских товаров в 1,5—2 раза. Такое развитие торговли вызывает тревогу не только в Пекине, но и в Токио. При сохранении этой тенденции на ближайшее будущее все успехи экономической политики Японии в отношении КНР, приобретенные в предшествующий период, могут быть сведены к минимуму, так как у китайских партнеров просто не окажется средств оплачивать растущие закупки японской продукции. Именно поэтому Япония проявляет большую заботу о росте экспортного потенциала Китая, в том числе за счет поставок на внешние рынки нефти и нефтепродуктов. Японское правительство в координации с японскими нефтеперерабатывающими и энергетическими компаниями регулярно составляет планы закупок китайской нефти и коксующегося угля.

Сегодня Япония озабочена также появлением в Китае откровенно анти-японских выступлений. Их диапазон постепенно расширяется, от критики текста японских школьных учебников до высказываний против возрождения японского милитаризма. Так, в сентябре 1985 г. в Японии появились сообщения из Пекина о многолюдных антияпонских студенческих демонстрациях под лозунгами «Долой кабинет Накасонэ», «Нет — японскому милитаризму» и т. п.⁵ Деловой мир Японии, возможно, и не принял бы это всерьез, если бы антияпонские выступления не служили фоном для выдвижения в Китае требований о прекращении экономической экспансии со стороны Японии. Подобные требования обычно используются Китаем с целью получения дополнительных уступок, но за ними все яснее вырисовываются элементы китайской протекционистской политики, что вынуждает Японию всерьез задумываться о регулировании своего экспорта в КНР и увеличении импорта из этой страны.

В условиях, когда трудности в торгово-экономических отношениях Японии и Китая увеличиваются, внимания заслуживает, на наш взгляд, заметная активизация деятельности японских банков на территории КНР, которые в 70-е гг. не проявляли признаков большой заинтересованности в операциях на китайском рынке.

Характерно, что сразу же после того, как китайское руководство подтвердило свою приверженность политике «открытых дверей» во внешнеэкономической сфере в 1979 г., Банк Токио в феврале 1980 г. открыл свое первое представительство в Пекине. По данным на 1985 г., в Китае действовали 13 представительств городских банков Японии, два банка долгосрочного кредита и четыре Трастбанка. Всего на территории КНР к середине 80-х гг. работали отделения 43 японских банков⁶.

Одновременно с ростом числа представительств банков заметно активизировалась и их деятельность, сопровождавшаяся расширением масштабов операций на китайском рынке. Особую активность проявляют 3 японских банка: Хоккайдо такусёку гинко, Санва гинко и Тоё сингё гинко. Поощряя их разностороннюю деятельность, китайские власти дали разрешение этим банкам осуществлять операции на территории всей специальной экономической зоны Шэньчжэнь и иметь свои отделения в городе Шэньчжэнь. В Китае хотели бы, чтобы их примеру следовали и другие японские банки, которые пока еще проявляют некоторую сдержанность.

Основное внимание руководства японских банков в КНР сосредоточено на следующих направлениях деятельности. Во-первых, сбор экономической информации о состоянии китайской экономики и распространение этой информации среди заинтересованных японских промышленных и торговых фирм. Во-вторых, финансирование крупномасштабных проектов японо-китайского экономического сотрудничества по модернизации китайских предприятий и увеличению выпуска промышленной продукции на внутренний и внешние рынки. В-третьих, распространение государственных ценных бумаг КНР на япон-

ском рынке ссудного капитала. По данным на 1985 г., три ведущих китайских банка выпустили облигации восьми займов для свободного размещения в Японии. Японские банки рассматривают эти операции как весьма перспективные и выгодные⁷. В-четвертых, финансирование деятельности смежных японо-китайских предприятий в КНР, в чем особенно заинтересована китайская сторона. Объектами финансирования преимущественно являются мелкие и средние предприятия. Наконец, в-пятых, расширение масштабов кредитования промышленных предприятий на территории КНР, а также китайских предприятий за рубежом. В 1985 г. в городе Шэньчжэнь был организован специальный Фонд кредитования промышленного развития КНР, учредителями которого стали банки Китая и Японии. Он был создан для кредитования на льготных условиях производственной деятельности мелких и средних предприятий в специальной экономической зоне Шэньчжэнь. Однако, по оценке специалистов, масштабы деятельности этого Фонда могут быстро увеличиться, если учесть растущие потребности в привлечении капитала со стороны многих китайских предприятий⁸.

Весь ход событий указывает на то, что правящие круги Японии и в дальнейшем будут прилагать все возможные усилия в рамках экономической дипломатии для сохранения за Японией позиции главного торгового партнера Китая среди ведущих капиталистических держав Запада. При этом Токио учитывает, что китайское руководство, высоко оценивая роль японской технической и финансовой помощи в развитии китайской экономики, исходит не только из схожести языка и культуры обеих стран, их географической близости и взаимодополняемости торговых структур. Сегодня Китай смотрит на Японию главным образом как на страну, экономика которой в отличие от США или стран «Общего рынка» развивается более стабильными темпами, что позволяет ему не опасаться резкого усиления протекционизма в отношении китайского экспорта. С проявлением такого протекционизма Пекин уже столкнулся на американском и западноевропейском рынках. Япония же, по оценкам китайской стороны, напротив, проявляя интерес к расширению закупок в КНР, не чинит серьезных помех расширению китайского экспорта. В этих условиях китайское руководство может рассчитывать на увеличение технической и финансовой помощи со стороны Японии, а последняя — на повышение роли китайского фактора в своей внешней политике.

¹ См.: «Асахи симбун», 17.I.1986.

² Цусё хакусё. Какурон. Токио, 1985, с. 679—681.

³ In: «New York Times», 19.III.1985.

⁴ «International Herald Tribune», 22.VIII.1985.

⁵ См.: «Асахи симбун», 18.IX.1985.

⁶ In: «Asiabanking», December 1985, p. 27.

⁷ См.: «Емпури симбун», 9.VI.1985.

⁸ In: «Asiabanking», December 1985, p. 28.

Деятельность общественных организаций КНР в условиях хозяйственной реформы

От редакции. В настоящее время осуществление хозяйственной реформы является одним из главных направлений внутренней политики КНР. Для реализации задач, поставленных реформой, руководством страны мобилизованы различные общественно-политические силы, среди которых в последнее время все большее внимание стало уделяться общественным организациям. В публикуемых ниже сообщениях рассматривается участие в хозяйственной реформе комсомола, профсоюзов и женских организаций.

Работа КСМК на современном этапе

Молодежным организациям в Китае, и особенно комсомолу, всегда отводилась важная роль в решении задач, стоящих перед страной. После 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва и 3-го пленума ЦК КСМК 11-го созыва (декабрь 1984 г.) в центр внимания молодежных организаций были поставлены задачи, связанные с проведением экономической реформы.

В «Постановлении о полном развитии роли КСМК в условиях хозяйственной реформы», принятом на 3-м пленуме ЦК КСМК 11-го созыва, предлагалось всю комсомольскую работу строить вокруг экономического строительства и нужд реформы¹. Вслед за Всекитайской партийной конференцией (1985), на которой были определены основные направления экономического и политического развития страны на 1986—1990 гг., в конце ноября 1985 г. состоялась Всекитайская конференция КСМК, определившая задачи молодежи на новом этапе.

На комсомольской конференции отмечалось, что за период с 1982 г. удалось оживить комсомольскую работу в стране, переориентировав ее на производственную деятельность во имя «четырех модернизаций», найти качественно новые для Китая формы работы комсомола².

Практическое участие комсомольских организаций в реформе в настоящее время выражается в экономическом сотрудничестве между комсомольскими комитетами разных провинций страны, выдвижении молодежи на руководящие хозяйственные посты, создании «центров по выдвижению кадров», ассоциаций молодых управляющих предприятиями того или иного города³, создании в рамках комсомольских организаций центров по учету и удовлетворению запросов молодежи, включающих в себя центры профподготовки безработной молодежи, центры по обмену научно-техническими знаниями. Практикуется создание молодежных предприятий, что позволяет привлечь к труду безработных без обращения к финансовой помощи государства. В основном это мелкие предприятия, функционирующие в сфере обслуживания.

Формы участия деревенской молодежи в реформе варьируются — от создания молодежных специализированных дворов, которых в КНР на середину 1985 г. насчитывалось около 12 млн., дворов «образцовых в научном и техническом отношении» до создания чисто молодежных хозяйств. Молодежные хозяйства строятся главным образом по принципу опоры на собственные силы и накопления. В основе создания молодежных хозяйств лежит предоставление членам КСМК и молодым крестьянам кредита на обзаведение хозяйством, закупку необходимого инвента-

ря и т. д. Кредит предоставляется из собственных средств ячейки или комитета КСМК. На базе молодежных хозяйств создаются вечерние университеты культуры и науки, группы производственно-технических знаний, центры по идейному воспитанию, обмену информацией, культурно-массовой работе и др.

Практическое участие комсомольских организаций различных ступеней в реформе выражается также в их повысившейся роли внутри так называемой «системы ответственности» директоров¹, согласно которой комсомольские комитеты принимают участие в обсуждении вопросов продвижения молодежи по службе, имеют право голоса при распределении жилья, выступают с инициативой об увеличении зарплаты и т. п.⁴ Для поощрения талантливой молодежи на некоторых предприятиях в соответствии с постановлением ЦК КСМК и министерства финансов за счет отчислений от прибыли создаются фонды, насчитывающие в некоторых организациях более 100 тыс. юаней⁵. Часть фондов используется для обеспечения организационных мероприятий комитета комсомола.

Наряду с появлением новых форм работы молодежных организаций в производственной сфере возникают и новые формы идейно-воспитательной работы, главная задача которой увязывается с экономическими преобразованиями в стране. ЦК комсомола удалось воссоздать и наладить работу комсомольской и молодежной печати почти во всех провинциях и городах страны. Восстанавливается система комсомольской учебы. В настоящее время возобновили работу Центральная школа КСМК (ЦКШ), комсомольские школы почти всех провинций, при ЦКШ открыты курсы по переподготовке кадровых работников комсомола. Создан научно-исследовательский институт молодежных проблем при Академии общественных наук, в 1985 г. открылось новое учебное заведение — Политическая академия китайской молодежи, которая, как отмечалось в печати, станет центром подготовки политработников для учреждений, занимающихся работой с молодежью, а также базой проведения научных исследований по молодежным проблемам.

Перед молодежью и комсомольцами Китая ставится задача воспитания в предстоящей пятилетке «новых людей», обладающих идеалами, моралью, культурой и дисциплиной. Стать «новыми людьми», в трактовке первого секретаря ЦК КСМК Сун Дэфу, значит «сознательно закалить» себя в практике реформы и осуществления «четырёх модернизаций» и «стать талантливыми специалистами»⁶.

Наряду с успехами в области идейно-воспитательной работы на конференции признавалось и наличие серьезных упущений. В частности, отмечалось, что части молодежи по-прежнему присущи «буржуазные и феодальные взгляды», «гнилой образ жизни», пустозвонство, нежелание работать. Кроме того, из материалов конференции следует, что в КСМК до сих пор еще не выработано достаточно действенных мер, способных оказывать соответствующее идеологическое воздействие на умы значительной части китайской молодежи. Поэтому в предстоящей пятилетке предполагается создать широкую общественную сеть идеологического воспитания молодежи, учитывая особенности ее разных социально-классовых групп, найти пути, чтобы «разбить формы, блокирующие идейное воспитание со стороны КСМК». Еще большее внимание предполагается уделять культурно-спортивному досугу молодежи, строительству молодежных домов, дворцов молодежи, проблемам образования, трудоустройства, быта, семьи и брака.

В последние годы наблюдается определенный отход в молодежной пропаганде от героев-штампов типа Лэй Фэна, Чжан Хайди и других, появление новых героев — бойцов НОАК, «отличившихся» на службе в приграничных районах Южного Китая. В 1985 г. отличники НОАК ездили по стране с лекциями на военно-патриотическую тему. Всего, по данным отдела пропаганды ЦК КПК, было прочитано более тысячи лекций, охвативших более 5 млн. слушателей.

Таким образом, работа молодежных организаций в последние годы в известной степени отошла от привычных форм и претерпела заметные изменения. Наметилась тенденция предоставлять комсомольским и другим молодежным организациям больше свободы действий, самостоятельности при решении хозяйственно-экономических вопросов, выборе путей и средств идейно-политической работы. Новым моментом стало появление у комсомольских организаций денежных средств за счет отчислений от премиального фонда, от сверхурочных заработков и т. п., которые они расходуют

по своему усмотрению как на создание молодежных предприятий, хозяйств, так и на проведение различных мероприятий и поощрение активистов, что является одним из факторов, способствующих росту авторитета комсомола.

В 1985—1990 гг. значительное место будет отводиться организационному и кадровому строительству комсомола. Вопрос этот стал почти традиционным. Если обратиться к истории, то еще на X съезде КСМК (1978) Ху Цили отмечал, что «это вопрос стратегического характера, он имеет отношение не только к развертыванию нынешней комсомольской работы, но и к превращению комсомола в резерв партии»⁸. Но в то время вопрос о комсомоле как о резерве партии не мог быть решен, так как еще сказывалось влияние «культурной революции»: система руководства партии комсомола была уничтожена, наблюдалось расчленение системы комсомольского руководства, неподчинение нижестоящих комсомольских организаций вышестоящим, отсутствие связей между комсомольскими организациями и т. п.

На XI съезде КСМК (декабрь 1982 г.) в докладе тогдашнего первого секретаря ЦК КСМК Ван Чжаого и в выступлениях делегатов съезда говорилось о том, что в 1982 г. удалось, хотя и частично, провести упорядочение молодежных организаций. Но несмотря на работу, проделанную в этом направлении, в низовых звеньях китайский комсомол до конца в тот период не был воссоздан. Особое беспокойство вызывало состояние комсомольской работы на селе, где были «обнаружены организации, находящиеся на грани развала», «в парализованном состоянии»⁹. Здесь, несмотря на принятые в 1982—1985 гг. меры, способствовавшие «ускорению организационного строительства комсомола», такие, как «расширение системы выборности комсомольских кадровых работников в деревнях и крупных поселках страны», «осуществление системы передвижек комсомольских кадровых работников и системы экзаменов»¹⁰ и др., деятельность комсомольских организаций на настоящий момент пока еще не достигла нужного уровня.

Состояние дел в китайском комсомоле в настоящее время дает возможность его руководству ставить вопрос о «прекращении ограничения количественного роста» рядов КСМК, которое наблюдалось в предыдущие годы. На конференции, в частности, было объявлено об увеличении рядов комсомола до 52 млн. человек, по сравнению с 48 млн. на X съезде (1978), XI съезде (1982), 2-м, 3-м пленумах ЦК КСМК 11-го созыва (1983—1984). Кроме того, исследуется вопрос об использовании разнообразных форм работы для «ускоренного создания комсомольских ячеек и комсомольских групп», о более широком охвате массы комсомольцев и молодежи комсомольской работой, об «открытии дверей комсомола для всех молодых людей, отвечающих требованиям, предъявляемым к комсомольцу». В настоящее время наблюдается количественное увеличение самых низовых звеньев комсомола — комсомольских ячеек и комсомольских групп, развивается тенденция организации комсомольских ячеек не только в производственных сельских бригадах, но и в «рабочих единицах», состоящих из нескольких крестьянских дворов.

В предстоящие годы ряды комсомола намечается увеличить за счет приема молодежи из сельской местности, учащихся средних школ. Предполагается также, что ряды комсомола значительно вырастут за счет приема молодежи, занятой в сфере обслуживания и на мелких частных предприятиях. Такого широкого охвата молодежи комсомольской работой в Китае ранее не наблюдалось.

В организационном строительстве важное место отводится и «строительству рядов» комсомольских кадровых работников. На XI съезде КСМК в результате проведения определенной работы в организационном строительстве в Уставе КСМК появилось положение о том, что КСМК является не только «помощником, но и «резервом партии». Появилась в Уставе и новая глава о «кадровых комсомольских работниках». В последние годы, и это было отмечено на Всекитайской комсомольской конференции, руководящий состав КСМК стал важным резервом руководящих кадров партии и государства. В период между XI съездом КСМК (декабрь 1982 г.) и Всекитайской комсомольской конференцией (ноябрь 1985 г.) в центральных руководящих органах этой организации произошли важные персональные изменения, связанные главным образом с выдвижением руководящих деятелей комсомола на высокие партийные и государственные посты. Так, избранный на XI съезде КСМК первым секретарем Ван Чжаого был в мае 1984 г. назначен заве-

дующим канцелярией ЦК КПК; Ху Цзиньтао, сменивший его на посту первого секретаря ЦК КСМК, был в июле 1985 г. избран первым секретарем комитета КПК провинции Гуйчжоу; Каюм Баодун, член Секретариата ЦК КСМК 11-го созыва, избран кандидатом в члены ЦК КПК 12-го созыва в сентябре 1985 г.; Цзя Чуньван, член Постоянного комитета ЦК КСМК 11-го созыва, в 1984 г. стал заместителем секретаря Пекинского горкома КПК, а в 1985 г. назначен министром госбезопасности, в настоящее время вошел в состав членов ЦК КПК 12-го созыва; Чэнь Хаосу, член Секретариата ЦК КСМК 11-го созыва, в 1984 г. стал заместителем председателя народного правительства Пекина.

Китайское руководство, как представляется, удовлетворено персональным составом руководящих органов ЦК КСМК и тем, как им проводится политический курс среди китайской молодежи. Подтверждение этому мы находим в выступлениях на Всекитайской конференции КСМК Сун Дэфу и Хао Цзяньсю. Но это касается, на наш взгляд, только центральных руководящих органов комсомола. В целом же уровень политической, теоретической и практической подготовки комсомольских кадровых работников, ряды которых насчитывают 210 тыс. человек, как отмечалось на конференции, все еще остается достаточно низким, что предопределяет большую работу в этом направлении.

Т. В. ЛАЗАРЕВА

Работа профсоюзов КНР в условиях реформы

Основная задача деятельности китайских профсоюзов в настоящее время официально связывается руководством Китая с хозяйственной реформой в городах. Всекитайская федерация профсоюзов (ВКФП), которая насчитывает 80 млн. членов (70 % от общего числа рабочих и служащих)¹¹, призвана «встать в первых рядах реформ», не только «решительно поддерживать реформу», но «активно участвовать в ней» и «стать инструментом» ее проведения¹². Выступая на торжественном собрании, посвященном 60-летию образования ВКФП, член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета КНР Вань Ли подчеркнул, что осуществление реформы невозможно без активного участия более чем 110 млн. рабочих и служащих¹³.

Вместе с тем состоявшиеся в последние два года заседания руководящих органов ВКФП, совещания и конференции, проводившиеся профсоюзами КНР как на всекитайском, так и на провинциальном уровне, свидетельствуют, что процесс поиска форм и методов работы китайских профсоюзов в условиях реформы в городах проходит достаточно сложно, противоречиво и на разных этапах неравнозначно.

Анализ материалов и документов китайских профсоюзов показывает, что к началу проведения реформ ВКФП оказалась недостаточно подготовленной к предъявленным со стороны партии и государства конкретным задачам работы среди рабочих и служащих. После X Всекитайского съезда профсоюзов (октябрь 1983 г.) и до 3-го заседания Президиума Исполкома ВКФП (июнь 1984 г.) руководство китайских профсоюзов, с одной стороны, призывало трудящихся активно включиться в осуществление реформ, но, с другой стороны, сосредоточило все внимание на реорганизации структуры профсоюзов. Решение об «упорядочении и строительстве» 350 тыс. профсоюзных организаций страны в течение 1984—1986 гг., принятое Всекитайским рабочим совещанием по организационной работе профсоюзов в апреле 1984 г., практически отодвигало на три года активное включение профсоюзов в решение задач экономического строительства.

По мере развертывания экономической реформы стали шире вводиться системы производственной ответственности предприятий и ответственность их руководителей, распространяться практика распределения по труду в вопросах заработной платы, премирования и т. д., изменяться порядок найма путем расширения сферы применения подряда и заключения индивидуальных трудовых контрактов. Все эти мероприятия непосредственно затронули интересы широких масс трудящихся. В китайской печати уже весной — летом 1984 г. стали появляться сообщения о затруднениях в проведении реформ. Выступая 27 мая 1984 г. на приеме отличников труда и профсоюзных работников, присутствовавших на второй сессии ВСНП шестого созыва

и второй сессии ВК НПКСК шестого созыва, председатель ВКФП Ни Чжифу сказал, что еще имеются такие рабочие и служащие, которые «не понимают важного значения реформ, что приводит к возникновению разного рода идеологических проблем»¹⁴.

По данным обследования, проведенного ВКФП летом 1984 г., «в разных слоях рабочих и служащих наблюдалось различное отношение к реформе». Профсоюзная печать сообщала, что некоторые «ставят под сомнение» целесообразность реформ и «выражают опасение», что их проведение приведет «к дальнейшему увеличению разрыва в жизненном уровне населения из-за разницы в доходах». Это, по их мнению, «идет вразрез с преимуществами социалистической системы»¹⁵.

Кроме того, отмечалось, что в некоторых партийных организациях не изжито влияние «левой» идеологии, отрицается значение профсоюзов и их специфические методы работы¹⁶. Такого рода взгляды и настроения, по мнению «Гунжэнь жибао», стали «идеологическим препятствием на пути дальнейшего осуществления реформы»¹⁷.

Первым документом, в котором формулировались задачи работы профсоюзов в условиях экономической реформы в городе, явилось Уведомление ВКФП от 26 октября 1984 г. В нем указывалось, что профсоюзы должны сплотить массы рабочих и служащих и руководить ими; мобилизовывать их на активное участие в преобразованиях; помогать в реализации системы ответственности на предприятиях; укреплять работу собраний представителей рабочих и служащих (СПРС) и способствовать укреплению демократического управления. Содержанием профсоюзной работы, согласно Уведомлению, должны стать защита «законных интересов» рабочих и служащих, воспитание у них чувства «хозяина» страны, создание условий для развития творческой инициативы трудящихся масс и повышения культурного и профессионального уровня рабочих и служащих¹⁸.

Задачи профсоюзных организаций на новом этапе были закреплены в решениях 2-го пленума Исполкома ВКФП 10-го созыва (23—27 декабря 1984 г.). В работе пленума приняли участие 281 человек из состава членов и кандидатов в члены Исполкома ВКФП, а также члены финансово-ревизионной комиссии ВКФП. Выступившая на пленуме Хао Цзяньсю, кандидат в члены Секретариата ЦК КПК, подчеркнула необходимость направить профсоюзную работу на решение задач экономического строительства. В принятом пленумом постановлении «Полностью выявить роль профсоюзных организаций в реформе хозяйственной структуры» были сформулированы восемь основных задач, стоящих перед китайскими профсоюзами: поставить проведение реформ в центр работы всех профсоюзов; добиться сознательного отношения широких масс рабочих и служащих к экономической реформе; всемерно развивать демократическое управление предприятиями и «оздоравливать» строительство СПРС; активно участвовать в реформе системы распределения общественных фондов потребления и доходов рабочих и служащих, изживать «уровниловку»; улучшать качественный состав рядов рабочего класса; укреплять работу низовых профорганизаций; в условиях расширения связей с границей и внутреннего экономического оживления «активно» развернуть строительство профорганизаций на предприятиях смешанного капитала; «усиленно» искать новые пути профсоюзной работы с китайской спецификой¹⁹.

Важным элементом работы профсоюзов в условиях реформы является требование «активизировать» идейно-политическую работу, в ходе которой следует не только пропагандировать и разъяснять в массах необходимость реформ, «помогать рабочим и служащим разбираться в проблемах и уметь понимать отношения между интересами государства, коллектива и отдельной личности», но и «до конца искоренить влияние «левой» идеологии»²⁰.

Для организации и совершенствования форм проведения идейно-политической работы среди рабочих и служащих в 1984—1985 гг. на местах состоялись совещания, продолжали организовываться общества по изучению идейно-политической работы среди рабочих и служащих, по всей стране было широко развернуто движение за чтение книг²¹, состоялись церемонии награждения активистов этого движения и т. д.

Много внимания руководство ВКФП уделило лозунгу «наследовать и развивать» славные революционные традиции рабочего класса Китая». Особенно это проявилось

в мероприятиях, посвященных празднованию в 1985 г. 60-летия образования ВКФП. Перед профсоюзами была поставлена задача «усилить патриотическое, коллективистское, социалистическое и коммунистическое воспитание рабочих и служащих; вести... борьбу с проявлениями групповщины, анархизма, индивидуализма и др.; защищать интересы государства и коллектива»²².

Однако принятые меры не дали ожидаемых результатов, и руководство ВКФП вынуждено было вновь вернуться к рассмотрению задач профсоюзной работы в условиях проведения в стране хозяйственной реформы²³.

9—13 ноября 1985 г. состоялся 3-й пленум Исполкома ВКФП. Пленум рассмотрел вопрос о необходимости «усиления роли профсоюзов в экономической, политической и социальной жизни» страны в свете решений Всекитайской партийной конференции и принял два постановления: «Сплотиться и бороться за выполнение седьмого пятилетнего плана» и «Об усилении профсоюзной работы в процессе преобразования экономической системы в городах». Подчеркнуто, что вся работа городских профсоюзных организаций должна отвечать требованиям экономических реформ. С этой целью было рекомендовано: разворачивать трудовое соревнование, развивать движение за рационализацию, улучшать руководство предприятиями, способствовать повышению эффективности производства, расширять научно-техническое сотрудничество. Профсоюзы КНР должны играть «свою роль» в деле экономического международного сотрудничества и охраны интересов китайских трудящихся. Профсоюзные организации «обязаны принимать меры» к улучшению жизни рабочих и служащих, «участвовать» в преобразовании системы социального обеспечения, рекомендовано усилить культурно-массовую и спортивную работу профсоюзов²⁴.

3-й пленум Исполкома ВКФП отметил, что идейно-политическая работа профсоюзов «отстает от темпов развития реформ»²⁵. Выделив задачу «всеми мерами выступить против всего, что препятствует реформам», пленум сделал акцент на «необходимости» ее усиления²⁶. Выступая на пленуме, заместитель председателя ВКФП Ло Гань подчеркнул, что идейно-политическая работа должна в настоящее время сконцентрироваться на разъяснении «текущей обстановки и политических установок». Исходя из того, что эффективная воспитательная работа профсоюзных организаций среди рабочих и служащих будет способствовать выполнению планов седьмой пятилетки, он предложил поддержать инициативу, выдвинутую Всекитайским совещанием по вопросам идеологического воспитания на предприятиях (октябрь — ноябрь 1985 г.), провести в 1985—1986 гг. кампанию «по воспитанию в духе уяснения нынешней обстановки и политики»²⁷.

Орган ВКФП газета «Гунжэнь жибао» отмечала «реально существующие вопросы», которые «вызывают у части рабочих и служащих неправильное понимание нынешней обстановки в стране». В ходе данной кампании следует «прививать рабочим и служащим марксистский метод анализа» и «умение отличать главное от второстепенного»²⁸.

Вопросы реализации установок пленума ВКФП были рассмотрены на собрании Всекитайского общества по изучению идейно-политической работы среди рабочих и служащих, прошедшем в Шанхае в декабре 1985 г. Выступивший на собрании председатель общества Гу Дачунь (до 3-го пленума Исполкома ВКФП был заместителем председателя ВКФП) рассказал о работе общества со времени его создания в январе 1983 г. К настоящему времени во всех провинциях, автономных районах и центральных городах действует 7735 отделений общества, насчитывающих свыше 50 тыс. активистов; в издаваемом обществом журнале «Сысян чжэньчи гунцзо яньцзю» («Изучение идейно-политической работы») опубликовано свыше 16 тыс. статей и докладов. В 1985 г. общество активизировало свою работу: было проведено 2649 различного рода семинаров, совещаний, конференций, в работе которых участвовало свыше 85 830 человек²⁹.

Стремление китайского руководства заинтересовать рабочих и служащих в улучшении хозяйственной деятельности предприятий вынуждает его заявлять о том, что «необходимо твердо гарантировать широким массам рабочих и служащих... право на участие в демократическом управлении предприятиями»³⁰. Система СПРС, как известно, в 1982 г. была введена на 200 тыс. предприятиях. В 1985 г. она была распространена на учреждения просвещения³¹.

С введением «Временных положений о работе директоров государственных предприятий» в 1984 г. в значительной степени урезаны статус и полномочия СПРС. Под руководством директора образуется управленческий комитет предприятия, в состав которого, помимо директора, назначаемого вышестоящими органами и входит секретарь парткома, председатель профкома, инженерно-технические работники и представители рабочих. Директор завода имеет право принимать решения по вопросам производства, технической реконструкции предприятия, решать кадровые вопросы и принимать меры поощрения и наказания рабочих и служащих.

Наметившиеся противоречия в функциях СПРС и правах директора на предприятиях вынуждают китайское руководство заявлять, что «демократическое управление — важнейшая отличительная черта наших социалистических предприятий и ее нельзя игнорировать»³². Характерно, что на 2-м пленуме Исполкома ВКФП (декабрь 1984 г.) подчеркивалось, что введение системы ответственности директоров предприятий «отнюдь не означает ущемления демократии и положения рабочего класса как хозяина предприятия»³³. На 6-м расширенном заседании Президиума Исполкома ВКФП (10—14 июля 1985 г.) перед профсоюзами была поставлена задача активно способствовать внедрению системы ответственности директоров и продолжать укреплять СПРС³⁴.

В китайской печати неоднократно отмечались затруднения, связанные с проблемой сочетания прав, предоставленных в последнее время руководителям предприятия, со статусом СПРС и их функциями, закрепленными в Конституции КНР. В частности, в интервью заместителя председателя ВКФП Ло Ганя говорилось, что управляющие на некоторых предприятиях «не признают роли профсоюзов и самостоятельно принимают все решения, не консультируясь с рабочими». Ло Гань заявил, что новая система управления, которая постепенно вводится на китайских предприятиях, обеспечивая управляющим более широкие полномочия, должна предоставлять более широкие права профсоюзам. Задача профсоюзов, по его словам, заключается в «обеспечении демократического управления предприятиями при участии СПРС», которые вместе с администрацией должны обсуждать все проблемы предприятия, включая экономические показатели, вопросы заработной платы др.³⁵

В условиях внедрения системы ответственности директоров предприятий перед профсоюзными организациями ставится сложная задача: с одной стороны, всемерно поддерживать авторитет руководителя предприятия, с другой — укреплять систему демократического управления предприятиями, которая, по словам «Гунжэнь жибао», «оздоравливает» и «повышает» роль СПРС³⁶.

В китайской печати неоднократно приводились данные об участии СПРС в управлении. Так, сообщалось, что в 1984 г. в Ухани избрано при участии СПРС 1179 директоров и управляющих предприятиями³⁷, в Харбине — 1056 руководителей³⁸.

В настоящее время в целях повышения экономической эффективности предприятий придается большое значение развертыванию профсоюзными организациями движения за научно-техническое новаторство и развитию социалистического трудового соревнования. В октябре 1984 г. в Пекине по инициативе ВКФП и Государственного экономического комитета была открыта Выставка достижений 17 городов Китая в техническом новаторстве и сотрудничестве. Стимулом для дальнейшей работы профсоюзов в этом направлении может стать принятое в конце апреля 1985 г. ВКФП совместно с Государственным экономическим комитетом, Государственным комитетом по делам науки и техники КНР и ЦК КСМК Уведомление о развитии движения рационализаторов и новаторов в области науки и техники, в котором определенная роль в организации движения отводится профсоюзным организациям³⁹. По оценке ВКФП, в ходе движения за рационализацию ежегодно поступает и рассматривается более 1400 тыс. рационализаторских предложений⁴⁰.

Другим средством для повышения трудовой активности широких масс является организация социалистического соревнования⁴¹. В связи с этим 3-й пленум Исполкома ВКФП (ноябрь 1985 г.), исходя из задачи «активно вести борьбу за осуществление экономических реформ в городе», подчеркнул необходимость мобилизации и организации рабочего класса на социалистическое трудовое соревнование⁴². Следует отметить, что при подведении итогов соревнования из-

менены оценочные критерии. Если раньше главными были идейно-политические вопросы, то теперь — экономическая эффективность.

Анализ материалов китайской профсоюзной печати показывает, что к настоящему времени ВКФП не смогла развернуть соревнование по всей стране. Это вызвано, на наш взгляд, рядом причин: уровнем отношения широких слоев рабочего класса к вопросам производства, поощрением конкуренции¹³ и др. Отрицательное влияние оказывает и сложившееся в течение многих лет пренебрежительное отношение к передовикам производства. В настоящее время принимаются меры, направленные на повышение авторитета и роли передовиков и отличников производства (совещания представителей передовых коллективов и образцовых рабочих, собеседования ветеранов — передовиков труда 50-х гг. с молодыми передовиками, организация движения учебы у передовиков и др.).

В настоящее время приобретает особое значение проводимая ВКФП кампания сделать профсоюз «родным домом» для рабочих и служащих, направленная на то, чтобы профсоюз стал притягательным в глазах широких масс трудящихся и тем самым способствовал преодолению существующего «отрыва от масс».

С этой целью ВКФП усилила культурно-массовую и спортивную работу профсоюзов, чему в значительной степени способствовало состоявшееся в январе 1985 г. Всекитайское совещание по вопросам финансовой деятельности профсоюзов, которое санкционировало увеличение расходов низовых профсоюзных организаций по этой статье¹⁴.

По данным ВКФП, в настоящее время 25 % профсоюзных средств расходуются на организацию школ и различных курсов для повышения общеобразовательного и технического уровня рабочих и служащих¹⁵, в которых обучается около 11 млн. человек¹⁶. Кроме того, различными видами самообразования охвачено около 9 млн. человек¹⁷. В Тибетском автономном районе в учебных группах, действующих при профсоюзах, занимается 59 % рабочих и служащих¹⁸.

В китайской печати стали чаще появляться сообщения об организации профсоюзами дворцов культуры, домов профсоюзов, библиотек-читален и др. В сентябре 1985 г. ВКФП совместно с Государственным комитетом по физкультуре и спорту после 30-летнего перерыва провела 2-ю Всекитайскую спартакиаду рабочих и служащих. Кроме того, профсоюзы принимают участие в работе, направленной на улучшение условий труда, в строительстве жилья, благоустройстве городов, организации туристских экскурсий и т. д.

Вместе с тем следует отметить, что деятельность ВКФП в условиях проведения реформ в плане организации культурно-массовой и спортивной работы в настоящее время не приняла действительно широкого масштаба и носит большей частью характер кампании.

Особо следует выделить создание в настоящее время профсоюзами КНР совместно с индивидуальными предпринимателями предприятий по бытовому обслуживанию населения (магазины, мастерские, парикмахерские и др.) с привлечением профсоюзных средств¹⁹. Тенденция к увеличению числа такого рода предприятий может в будущем сказаться на характере профсоюзов КНР как на организации рабочего класса страны.

Подводя итоги деятельности профсоюзов на нынешнем этапе реформы хозяйственной структуры в городах, следует сказать, что на данном этапе ВКФП не смогла добиться в полном объеме решения всех поставленных перед ней задач, хотя отдельные ее мероприятия достаточно результативны.

О. Б. ГОРОВОКОВА

Всекитайская федерация женщин и реформа*

Женский вопрос в целом, а особенно социальное положение женщин являются актуальными проблемами сегодняшнего Китая. Китайские женщины играют важную роль в народном хозяйстве страны. По сообщению агентства Синьхуа, в 1986 г. число женщин — рабочих и служащих достигло 43 млн., что составляет 36,4 % от общего их числа. В отраслях производства женский труд представлен следующим образом: промышленность — 33 %; сельское, лесное и водное хозяйство — 34,9 %; торговля,

сфера обслуживания — 37,5 %; городское коммунальное хозяйство — 37,2 %; в области науки занято 34,5 %; в области культуры, образования и здравоохранения — 38,2 %; в области финансов и социального страхования — 35,1 %; в области транспорта и связи — 19,8 %; в строительстве и геологии — 22,5 %⁵⁰.

Что же касается деревни, то там насчитывается свыше 150 млн. работающих женщин, а это составляет половину общего числа рабочих рук. Особенно большую роль играют женщины в хлопководческих районах страны. Так, в 15 главных хлопководческих провинциях и автономных районах большая часть подрядов на производство хлопка падает на долю женщин. В предстоящие годы, в частности в седьмой пятилетке (1986—1990), как подчеркивалось в китайской печати, женщинам будет отводиться более значительная роль в китайском обществе⁵¹.

Задачи преодоления традиционных представлений о роли и месте женщин в обществе и решение новых проблем, возникших за годы существования КНР, в той или иной форме связываются с проведением хозяйственной реформы и частично возлагаются на женские организации. Как подчеркивала китайская печать, реформа экономической системы не может быть успешно осуществлена без широкой поддержки и активного участия в ней женщин, и дальнейшее их раскрепощение находится в тесной связи с успешным проведением реформы⁵².

Вскоре после 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва (сентябрь 1984 г.), принявшего «Решение ЦК КПК о реформе экономической системы», ВКФЖ опубликовала Указание, призывающее изучать и пропагандировать этот документ. В Указании, в частности, выражалась надежда, что «работники федераций женщин под единым руководством партийных комитетов будут разъяснять новые вопросы и новую обстановку, возникшую в женских массах в условиях реформы, будут глубже вторгаться в практику, пойдут в низы и будут способствовать интеллектуальному росту женщин и развитию их физических способностей»⁵³. Вопросы экономической реформы и работа с женщинами обсуждались на второй сессии Исполкома ВКФЖ пятого созыва, проходившей в Пекине с 20 по 23 декабря 1984 г. Выступившая на сессии председатель ВКФЖ Кан Кэцин⁵⁴ заявила, что в настоящее время самым главным в идейно-политической работе является пропаганда среди женщин «Решения ЦК КПК о реформе экономической системы». Она призвала руководящие группы федераций женщин продолжать избавляться от «левого» влияния, вести борьбу со старыми традиционными взглядами на женщин и руководить участием широких масс в экономической реформе⁵⁵. На сессии выступила также кандидат в члены Секретариата ЦК КПК (с сентября 1985 г. член Секретариата ЦК КПК) Хао Цзяньсю, отметившая, что уровень женской работы «еще отличается от требований ЦК КПК и во многих случаях не отвечает задачам современного периода». Хао Цзяньсю подчеркнула, что главные моменты женской работы в настоящее время заключаются в том, какова роль женщин в экономической реформе, насколько растет их научный и культурный уровень, обеспечиваются законные права и интересы женщин и детей, как проходит реформа и организационное строительство в самих женских организациях и какие изменения произошли в их методах руководства и стиле работы⁵⁶. В марте 1985 г. по инициативе ВКФЖ было проведено торжественное собрание, на котором были награждены 150 активных участниц проведения хозяйственной работы в городе и деревне. Как отмечало агентство Синьхуа, среди них находилось много директоров предприятий, которые отличаются высокими деловыми качествами, хорошо зарекомендовали себя в работе по управлению предприятиями и выявлению способных работников.

В связи с новыми задачами, поставленными перед страной, в последнее время особенно остро встал вопрос о подготовке руководящих кадров. Одной из форм подготовки женщин к выдвижению на руководящую работу является прием в КПК. Данные о количестве женщин в КПК не публиковались, однако в китайской печати неоднократно подчеркивалась их малочисленность. Как известно, после устранения «четверки» из партийных и правительственных органов было удалено большое количество женщин, выдвинувшихся в годы «культурной революции». В настоящее время китайские руководители стремятся осуществить новый набор из наиболее активных сторонников современной экономической политики КПК. Так, в 1984 г., по данным орготдела ЦК КПК, в КПК было принято 214 тыс. женщин, что вдвое превысило число

принятых в 1983 г. В Пекине в 1984 г. женщины составили одну треть от общего числа вступивших в КПК; в Шанхае, Тяньцзине и в провинции Ляонин — более одной четверти. Как писала китайская печать, среди вновь принятых в КПК женщин есть представительницы интеллигенции пожилого и среднего возрастов, есть и «новые таланты», проявившие себя в науке, образовании, здравоохранении, спорте, информационной работе, а также в промышленности и сельском хозяйстве⁵⁷.

При ВКФЖ функционирует Институт по подготовке кадров для работы среди женщин. Слушатели этого учебного заведения имеют богатый опыт практической работы на низовом уровне и направляются на учебу федерациями женщин на уровне провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. Слушатели изучают основные теоретические положения марксизма-ленинизма, теорию китайского женского освободительного движения и работу по специальности, связанную с правами и интересами женщин. В последнее время введены специальные занятия по законодательству и детской работе⁵⁸.

Наибольшие трудности с подготовкой кадров возникают на низовом уровне, особенно в сельской местности. Например, сообщалось, что в районе Чандэ провинции Хунань в районных и волостных (поселковых) руководящих группах очень мало подготовленных кадровых работников из женщин. Так, из 2829 кадровых работников 344 районных и волостных (поселковых) партийных комитетов и правительств женщин только 116, что составляет 4,1 % от общего числа работников. В уезде Анься в 5 % поселковых руководящих групп (волостной уровень) вообще нет подготовленных женских кадров. Главными причинами такой ситуации называют, во-первых, позицию местных руководящих партийных работников, которые предпочтение отдают мужчинам, и, во-вторых, недовольство самих женщин работой на низовом уровне. Отмечалось, что женщины по собственному желанию выходят из руководящих групп, меняют специальность или уезжают с мужем в город⁵⁹.

По последним данным, в активе ВКФЖ 70 тыс. функционеров⁶⁰. Свою деятельность ВКФЖ направляет через отделы и канцелярии своего центрального аппарата: отдел охраны прав женщин, детский отдел, отдел пропаганды, отдел по изучению истории женского движения КНР, международный отдел и др.⁶¹ Есть и довольно разветвленный аппарат федераций на местах. Например, в Шанхайской городской федерации женщин имеются отдел пропаганды, отдел охраны прав женщин и детей, отдел по работе с женщинами и детьми, международный отдел и канцелярия⁶².

В связи с экономической реформой в стране проводятся разного рода мероприятия, связанные с вопросами труда и быта китайских женщин. Так, в декабре 1984 г., вскоре после принятия «Решения ЦК КПК о реформе экономической системы», в Пекине состоялся Всекитайский семинар «Женщины и современный образ жизни». На 4-м Всекитайском собеседовании, посвященном вопросам бытового обслуживания, состоявшемся в Даляне в декабре 1984 г., поднимались вопросы ведения домашнего хозяйства. Выступившая на собеседовании заместитель заведующего отделом охраны прав женщин ВКФЖ Го Цзюньчжи отметила, что «в области затрат времени на домашнее хозяйство Китай является еще очень отсталой страной». Например, сказала Го Цзюньчжи, рабочие и служащие женщины Пекина ежедневно в среднем тратят на домашнюю работу 3 ч. 43 мин.; из 1 тыс. рабочих и служащих женщин Тяньцзиня у 84,1 % домашние обязанности настолько тяжелы, что влияют на работу, учебу и отдых. По стране в целом, сказала Го Цзюньчжи, ежедневно у плиты «крутится» около 200 млн. человек. В целях сокращения затрат времени на домашнее хозяйство и облегчения домашнего труда Го Цзюньчжи предложила развивать пищевую промышленность, увеличивать выпуск бытовых электротоваров, решать энергетическую проблему: в городах активнее осуществлять баллонное и централизованное газоснабжение жилых помещений, в деревне ускорить снабжение горячей водой от установок по использованию солнечной энергии и установок для получения и использования метана⁶³.

В последнее время в Китае усилилось внимание к вопросам брака и семьи. В 1984 г. впервые в истории Китая в Гуанчжоу был организован методологический семинар по вопросам изучения семьи. В принятой на заседании декларации, в частности, отмечалось, что необходимо придавать большое значение изучению теории семьи, создавать марксистское учение о семье, учитывая китайскую специфику, распространять знания о семье, в особенности усиливать воспитание молодежи

и новобрачных⁶⁴. В том же году состоялся Всекитайский методологический семинар по проблемам брака и семьи. Семинар был организован Китайским комитетом по изучению вопросов брака и семьи при ВКФЖ, отделением социологии китайской Академии общественных наук и Китайским обществом правоведения. На семинаре говорилось о роли и месте женщин в семье, об изменениях, возникших в сельской семье, во взаимоотношениях между членами семьи, в образе жизни, потреблении, о столкновении новых и старых представлений о браке и семье и т. д.⁶⁵

Как известно, рождение девочек в Китае до сих пор вызывает недовольство в семье, особенно в деревне. Об этом неоднократно писалось в китайской печати. Например, газета «Чжунго фунюй бао» опубликовала материал, где осуждалось жестокое обращение родственников с женщиной, родившей девочку⁶⁶. В целях проведения воспитательной работы в области семьи при федерациях женщин создаются курсы и разного рода общества, разворачивается кампания за выдвижение примерных родителей, поощряется учеба крестьянок, оказывается помощь в воспитании детей⁶⁷, пропагандируется образцовая семья «пяти хорошо»⁶⁸.

В условиях хозяйственной реформы больше внимания стало уделяться вопросам ликвидации неграмотности и повышения культурно-образовательного уровня женщин, составляющих подавляющее большинство неграмотных в стране⁶⁹. С целью более активного воздействия на неграмотную часть женского населения в последнее время местные отделения федераций женщин вырабатывают специальные правила по борьбе с женской неграмотностью, вплоть до принятия определенных мер общественного воздействия. Например, в провинции Цзянсу, где 80 % всех неграмотных в возрасте от 12 до 40 лет составляют женщины, провинциальная федерация женщин выработала новые «правила» по борьбе с неграмотностью, в соответствии с которыми неграмотные женщины моложе сорока лет не награждаются вымпелами «8 марта» и не получают звания образцовой семьи «пяти хорошо». В правилах также подчеркивалось, что звание женского делегатского собрания «четыре хорошо»⁷⁰ не может быть присвоено организации, если в контролируемых ею районах есть неграмотные женщины моложе сорока лет⁷¹.

Федерации женщин в сотрудничестве с другими организациями создают разного рода женские школы, курсы и другие учебные заведения, в том числе вечерние. Например, в городе Сиане (провинция Шэньси) в 1984 г. был открыт женский институт со сроком обучения два-три года. В институт было принято около 100 девушек. Они изучают финансовую работу на промышленных предприятиях и компьютеры. Как отмечало агентство Синьхуа, по окончании института девушки будут приняты на работу по специальности. Тогда же в Пекине, по решению ВКФЖ, был открыт институт для подготовки женщин-администраторов⁷². В городе Фучжоу (провинция Фуцзянь) в 1985 г. был создан первый в стране частный женский университет «Хуанань». В нем ведется обучение слушательниц английского языка для работы в особых экономических зонах, имеются факультеты дошкольного воспитания детей, питания и конструирования одежды. Обучение платное и рассчитано на три года. Хотя государство не берет на себя обязанности по распределению выпускниц университета, однако слушательницы, показавшие в учебе лучшие результаты, могут поехать за границу для продолжения учебы.

С целью привлечения более широкого круга женщин к выполнению задач, поставленных экономической реформой, в последнее время в Китае создаются женские комиссии при демократических партиях. В частности, в 1984 г. была создана женская комиссия при партии «Чжигундан». Деятельность женских комиссий при демократических партиях Китая направляется на развитие движения за звание знаменосца «8 марта», семьи «пяти хорошо», на организацию культурно-ознакомительных мероприятий для женщин, на налаживание питания и т. д.⁷³

Наряду с успехами, достигнутыми в решении женского вопроса, еще существует ряд серьезных проблем. В частности, в связи с проведением хозяйственной реформы в китайской печати высказывались опасения, что в современных условиях, когда предприятиям предоставляется большая самостоятельность, женщинам будет еще сложнее устроиться на работу, чем раньше. И хотя в некоторых провинциях и городах были выработаны документы, регулирующие соотношение принимаемых на работу мужчин и женщин, однако зачастую они не принимаются во внимание.

Например, в Тяньцзине в конце 1984 г. 97 % принимаемых на работу составляли мужчины и лишь 3 % — женщины; в железнодорожном управлении Шэньяна среди 975 человек, принятых на работу, не было ни одной женщины; в некоторых районных управлениях связи Шанхая соотношение при приеме на работу мужчин и женщин составляет 20 к 5⁷⁴.

По свидетельству китайской печати, «уважительное отношение к мужчинам и пренебрежение к женщинам» при приеме в учебные заведения и на работу приводит к тому, что неуклонно растет число молодых женщин, «ожидающих» работу, иными словами, безработных. Так, в Шанхае, по тем же данным, в 1984 г. 70—80 % безработной молодежи составили девушки⁷⁵. В деревне до сих пор продолжают существовать феодальные представления о женщине как «существе низшего порядка», известны случаи умерщвления новорожденных девочек и жестокого обращения родственников с женщиной, родившей девочку, часто нарушается законодательство, защищающее женщин и детей, и т. д. Кроме того, обращает на себя внимание явно недостаточная роль женщин в общественно-политической жизни страны: в правительственных органах и общественных организациях они составляют всего лишь 16,5 % от общего числа работников⁷⁶.

Анализируя деятельность ВКФЖ на современном этапе, следует отметить, что в условиях реформы федерация по-прежнему большое внимание уделяет вопросам идейно-политической работы среди женщин. Так, на третьей сессии Исполкома ВКФЖ пятого созыва (ноябрь 1985 г.) вновь говорилось о важности проведения идейно-политической работы, ее долговременности, а женские организации назывались важным звеном партии в ее проведении⁷⁷. В целях усиления пропагандистской работы в последнее время резко увеличилось количество периодических изданий для женщин. Так, с октября 1984 г. впервые в истории Китая стала выходить женская газета, орган ВКФЖ, «Чжунго фунюй бао». Кроме журнала «Чжунго фунюй» («Женщины Китая»), издаваемого на китайском и английском языках, в стране сейчас издается около тридцати журналов для женщин.

Опыт проведения хозяйственной реформы активно пропагандируется на международной арене⁷⁸. В частности, выступившая на Всемирной конференции женщин в Найроби кандидат в члены Политбюро ЦК КПК, член Госсовета КНР Чэнь Мухуа заявила, что реформа экономической системы, проводимая в Китае, создала благоприятные условия для развития творческих способностей женщин, для дальнейшего вовлечения их в народное хозяйство и улучшения их социального положения⁷⁹.

Представляется, что окончательные выводы о влиянии экономической реформы на положение женщин делать еще преждевременно. Действительно улучшение их положения находится в прямой связи с решением целого ряда общегосударственных задач, включая и рост материального благосостояния населения в целом. Однако повышение уровня материального благосостояния само по себе еще не обеспечивает подлинного социального равенства китайских женщин.

Т. М. ЕМЕЛЬЯНОВА

¹ См.: «Жэньминь жибао», 15.XII.1984.

² «Чжунго циннянь бао», 4.XII.1985.

³ В феврале 1985 г. создана Ассоциация молодых управляющих предприятиями Китая. Председателем Ассоциации избран член Секретариата ЦК КСМК 11-го созыва, заместитель председателя ВКФМ и член Постоянного комитета ВКФМ 6-го созыва Чжан Баошунь.— «Жэньминь жибао», 1.VII.1986.

⁴ См., напр., о деятельности комитета комсомола Чаоянского машиностроительного завода провинции Ляонин в 1984—1985 гг.— «Чжунго циннянь бао», 1.IX.1984; 25.I.1985.

⁵ «Чжунго циннянь бао», 13.XI.1984.

⁶ Там же, 4.XII.1985.

⁷ Там же.

⁸ «Жэньминь жибао», 28.X.1978.

⁹ «Чжунго циннянь бао», 28.XII.1982.

¹⁰ Там же, 4.XII.1985.

¹¹ См.: «Гунжэнь жибао», 30.IV.1985.

- ¹² Там же, 3.VIII, 10.VII.1984.
- ¹³ См.: «Жэньминь жибао», 1.V.1985.
- ¹⁴ «Гунжэнь жибао», 28.V.1984.
- ¹⁵ Там же, 4.VII.1984.
- ¹⁶ См. там же, 21.IX.1984.
- ¹⁷ Там же, 4.VII.1984.
- ¹⁸ См. там же, 27.X.1984.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же, 4.VII.1984.
- ²¹ Движение за чтение книг началось по инициативе профсоюзов Шанхая в мае 1983 г.
- ²² «Жэньминь жибао», 1.V.1985.
- ²³ Показателем неудовлетворенности работой ВКФП, на наш взгляд, явились значительные кадровые изменения в руководстве китайских профсоюзов после X съезда (октябрь 1983 г.). Переведены и освобождены от работы пять (из семи) заместителей председателя ВКФП (Гу Дачунь, Вэй Цзяньсин, Ван Цзялунь, Цзян И, Чэнь Цзюньшэн); от должности секретаря ВКФП освобожден Лю Ши. В состав Президиума Исполкома ВКФП вошли Фан Цзядэ, Юй Цинхэ и Ли Жунгуан.
- ²⁴ «Гунжэнь жибао», 14, 15.XI.1985.
- ²⁵ Там же, 14.XI.1985.
- ²⁶ «Жэньминь жибао», 14.XI.1985.
- ²⁷ «Гунжэнь жибао», 21.XI.1985.
- ²⁸ Там же, 6.XII.1985.
- ²⁹ «Гуанмин жибао», 17.XII.1985.
- ³⁰ «Жэньминь жибао», 28.XII.1984.
- ³¹ См.: «Гунжэнь жибао», 6.II.1985.
- ³² Вторая сессия ВСНП шестого созыва. Пекин, 1984, с. 33 (на кит. яз.).
- ³³ «Гунжэнь жибао», 6.II.1985.
- ³⁴ «Жэньминь жибао», 17.VII.1985.
- ³⁵ "China Daily", 30.I.1985.
- ³⁶ «Гунжэнь жибао», 25.V, 3.VIII, 26.X, 28.XII.1984.
- ³⁷ См. там же, 3.VIII.1984.
- ³⁸ См. там же, 12.XI.1984.
- ³⁹ «Жэньминь жибао», 2.V.1985.
- ⁴⁰ См.: «Гунжэнь жибао», 30.IV.1985.
- ⁴¹ См. там же, 8.VIII, 17.X.1984; 26.I, 1.III.1985.
- ⁴² См. там же, 14.XI.1985.
- ⁴³ С октября 1980 г. в стране действует Временное положение о развертывании и защите социалистической конкуренции
- ⁴⁴ См.: «Гунжэнь жибао», 15.I.1985.
- ⁴⁵ См. там же, 30.IV.1985.
- ⁴⁶ In: "Beijing Review", 1984, № 7.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ См.: «Гунжэнь жибао», 5.II.1986.
- ⁴⁹ См. там же, 25.VI.1985.
- * Всекитайская федерация женщин (ВКФЖ) была создана в 1949 г. на I Всекитайском съезде женщин и называлась тогда Всекитайской демократической федерацией женщин. Согласно Уставу, ВКФЖ является руководимой КПК массовой организацией трудящихся, а также патриотически настроенных женщин, поддерживающих социализм и объединение родины. ВКФЖ является руководящим органом федераций женщин на местах, которые создаются согласно административному делению страны (см.: Устав ВКФЖ.— «Жэньминь жибао», 13.IX.1983).
- ⁵⁰ "Women of China", 1986, № 3, p. 13.
- ⁵¹ См.: «Жэньминь жибао», 7.III.1986; «Чжунго фунюй бао», 18.IV.1986.
- ⁵² См.: «Хунци», 1985, № 5, с. 17.
- ⁵³ «Чжунго фунюй бао», 24.X.1984.
- ⁵⁴ Кан Кэцин (р. в 1912 г.) — вдова выдающегося китайского военачальника Чжу Дэ, является заместителем председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая шестого созыва, председатель Всекитайского народного комитета защиты детей.
- ⁵⁵ См.: «Чжунго фунюй бао», 26.XII.1984.
- ⁵⁶ См. там же.
- ⁵⁷ См.: «Жэньминь жибао», 7.III.1985.
- ⁵⁸ In: "Women of China", 1984, № 9, p. 41.
- ⁵⁹ См.: «Чжунго фунюй», 1984, № 12, с. 40.

⁶⁰ Данные беседы в Комитете советских женщин с членами делегации ВКФЖ, посетившей СССР в июне 1986 г.

⁶¹ Данные беседы с членом Секретариата ВКФЖ Ван Дзи в Пекине в июне 1985 г.

⁶² Данные беседы с руководящей деятельницей Шанхайской городской федерации женщин Тао Даюй в Шанхае в июне 1985 г.

⁶³ См.: «Чжунго фунюй бао», 12.XII.1984.

⁶⁴ См.: «Цзятин», 1984, № 8, с. 2.

⁶⁵ См.: «Жэньминь жибао», 9.XII.1984.

⁶⁶ См.: «Чжунго фунюй бао», 21.XI.1984.

⁶⁷ См.: «Жэньминь жибао», 2.I.1985.

⁶⁸ Требования, предъявляемые к семье «пяти хорошо»: усердно работать и учиться; уважать членов семьи и соседей; планировать рост семьи и заниматься воспитанием детей; соблюдать дисциплину и законы; вежливо вести себя в обществе.— «Beijing Review», 1985, № 9, p. 17.

⁶⁹ По данным, опубликованным в 1983 г., женщины составляли 70 % от общего числа неграмотных страны.— «Жэньминь жибао», 14.IX.1983.

⁷⁰ «Четыре хорошо»: хорошо вести идейно-политическую работу; активно участвовать в мероприятиях, направленных на улучшение здоровья населения, связанных с учебой и работой; правильно вести организационную работу; придерживаться правильного стиля работы и поддерживать связь с массами.

⁷¹ См.: «Чжунго фунюй бао», 10.X.1984.

⁷² In: «Women of China», 1984, № 9, p. 42.

⁷³ См.: «Чжунго фунюй бао», 31.X.1984.

⁷⁴ См. там же, 30.I.1985.

⁷⁵ См. там же.

⁷⁶ In: «Women of China», 1986, № 3, p. 13.

⁷⁷ «Жэньминь жибао», 13.XI.1985.

⁷⁸ В условиях хозяйственной реформы заметно активизировались международные контакты ВКФЖ. В настоящее время ВКФЖ поддерживает связи более чем с 240 женскими и детскими организациями из более чем 120 стран и регионов мира («Жэньминь жибао», 8.III.1986). В последние годы, после почти 25-летнего перерыва, состоялся обмен делегациями между Комитетом советских женщин (октябрь 1985 г.) и ВКФЖ (июнь 1986 г.).

⁷⁹ См.: «Жэньминь жибао», 18.VII.1985.

Экономическая доктрина Всемирного банка и хозяйственная реформа в Китае

С. А. МАНЕЖЕВ,
кандидат экономических наук

В конце октября 1985 г. представители так называемой группы Всемирного банка, объединяющей такие крупнейшие международные финансовые учреждения капиталистического мира, как Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Международная ассоциация развития (МАР) и Международная финансовая корпорация (МФК), официально распространили специальный доклад под названием «Китай: долгосрочные проблемы развития и возможности выбора»¹. Состоящий из семи объемных томов и заключающий в себе обширную и разнообразную информацию, собранную в Китае выездными исследовательскими миссиями МБРР, доклад Банка сразу же привлек к себе пристальное внимание во многих странах мира и в первую очередь в самой Китайской Народной Республике. Объясняется это тем, что на страницах этого внушительного документа Всемирный банк активно вступает в ведущуюся в последние годы в Китае дискуссию о путях дальнейшего развития страны.

Доклады такого рода уже более 30 лет составляются экспертами Банка и предлагаются правительствам различных стран Азии, Африки и Латинской Америки в качестве готовых программ социально-экономического развития. При этом содержащиеся в докладах Банка рекомендации являются не просто благими пожеланиями. На практике эти рекомендации тесно увязываются с решениями, касающимися кредитного содействия Банка, и главное — с общими направлениями внешней политики империалистических держав, что предоставляет им широкие возможности в наиболее концентрированном виде оказывать влияние на социально-экономическое развитие стран бывшего колониального и полуколониального мира.

Что касается Китая, то, вступив в МБРР весной 1980 г., на сегодняшний день он уже стал третьим по величине заемщиком Банка после таких его давних клиентов, как Индия и Бразилия. Займы МБРР и МАР в последние годы составляют до 45 % общей суммы привлекаемого Китаем внешнего кредитного содействия. Этим, судя по всему, и объясняется то внимание, с которым в Китае относятся к экономическим разработкам Всемирного банка. Основные тезисы доклада были весьма быстро переведены на китайский язык и опубликованы в Пекине². С 1985 г. в Китае действует постоянное представительство Всемирного банка, проводятся выставки публикаций МБРР, пропагандирующие его экономические идеи³. Все это определяет актуальность и практическую значимость тщательного рассмотрения доклада Всемирного банка по экономике КНР, наиболее комплексно отражающего систему его взглядов по вопросам хозяйственной реформы в Китае.

«Сбалансированная» тенденциозность

Для оценки нынешнего состояния и перспектив китайской экономики авторы доклада оперируют стандартной схемой расстановки стран по «степени бедности», применяемой Банком при определении льготности кредитования того или иного заемщика. В частности, определив, что в 1981 г. размеры валового национального продукта (ВНП) КНР в расчете на душу населения не превышали 350 долл., они без особых колебаний заносят Китай в весьма обширную рубрику «стран с низким уровнем дохода»,

по сути дела отождествляя его по уровню развития с такими государствами, как Пакистан, Шри Ланка, Гамбия, Сьерра-Леоне, Мадагаскар и т. п.⁴

Масштабность задач, встающих перед китайской экономикой в контексте официальных установок руководства КНР в области народнохозяйственного развития, говорит сама за себя. Ведь для того чтобы, как предполагают в КНР, к середине XXI века Китай смог встать в один ряд с передовыми в экономическом отношении странами, среднедушевые размеры его ВВП должны возрасти на 5,5—6,5 % ежегодно. Как отмечают авторы доклада, важным и во многих отношениях решающим этапом этой программы долгосрочного экономического роста должно стать намечаемое руководителями КНР учетверение валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в период 1980—2000 гг. при одновременном увеличении душевого ВВП до 800 долл. (или в среднем на 5 % ежегодно), то есть до современного уровня таких стран, как Таиланд и Филиппины.

Рассматривая обоснованность подобной постановки вопроса, нельзя не отметить, что, весьма охотно оперируя сопоставлениями обобщающих технико-экономических показателей (среднедушевой национальной продукт, отраслевая структура ВВП и т. п.), авторы доклада, как свойственно представителям буржуазной экономической науки, абстрагируются от их конкретного социально-экономического содержания. В результате, несмотря на видимую логичность и аргументированность их позиции, она грешит не только известной упрощенностью подходов, но и принципиальной недооценкой ряда важных аспектов развития. «Категория развития,— отмечает советский экономист Л. З. Зевин,— представляет собой сложное явление, в котором органически соединены технология, экономические, политические и социальные факторы»⁵. В этих условиях сопоставление количественных показателей необходимо сочетать с анализом сущности и характера производственных отношений, включая формы собственности, методы управления и регулирования народного хозяйства, систему распределения и т. д.

Справедливости ради следует отметить, что в ходе своих рассуждений авторы доклада обращают внимание на наличие в КНР ряда особенностей народнохозяйственной структуры, не вписывающихся в сложившиеся стереотипы МБРР. Отмечается, в частности, необычно высокий уровень таких важных показателей, как норма накопления, калорийность питания населения, средний уровень грамотности, продолжительность жизни и т. п.⁶ Все это не только заметно выделяет Китай на общем фоне наименее развитых стран, но и ставит его в некоторых отношениях вровень, а то и впереди многих государств со значительно более высоким уровнем среднедушевого ВВП.

Авторы доклада не идут дальше простой констатации этого факта. Между тем наличие непосредственной взаимосвязи между указанными особенностями и такими основополагающими чертами социально-экономического развития КНР, как отсутствие эксплуататорских классов и частного присвоения, а также ведущая роль государства в народнохозяйственном строительстве, ставит Китай в особые условия по сравнению с развивающимися странами, характеризующимися аналогичными усредненными технико-экономическими показателями, открывает перед ним значительно более широкие перспективы развития.

Определяя альтернативные пути и возможности экономического роста Китая в период до 2000 г., эксперты Банка используют метод экономического моделирования. Схематично разбив китайскую экономику на 20 различных секторов (растениеводство, электроэнергетика, нефтедобыча, машиностроение, транспорт, торговля и т. д.), составители доклада в рамках каждого из них ведут расчеты по объему производства, материалоемкости, занятости, капитальным вложениям и ценам, взаимосвязывая около 600 переменных. В итоге вниманию читателя предлагаются три основных прогнозных модели экономического развития Китая, условно обозначенные как «вариант учетверения», «умеренный вариант», «сбалансированный вариант» и характеризующиеся следующими основными показателями.

«Вариант учетверения», таким образом, практически совпадает с основными установками китайского руководства: темпы прироста валовой продукции промышленности и сельского хозяйства гарантируют ее увеличение к 2000 г. ровно в 4 раза, а темпы прироста душевого ВВП доводят его абсолютные размеры до 830 долл. Однако, отмечают авторы доклада, достижение таких результатов обусловлено целым рядом важных предпосылок, и прежде всего существенным повышением эффективности капитальных вложений, особенно в таких хронически отстающих отраслях, как энерге-

тика и транспорт. Достаточно указать, что средняя эффективность капитальных вложений в энергетике должна соответствовать такому уровню, который достигается на объектах, сооружающихся с помощью МБРР в Китае и других странах мира. В противном случае, предостерегает доклад, возможности топливно-энергетической промышленности и транспорта не смогут обеспечить прогнозируемые темпы промышленного развития, поставив под угрозу срыва достижение планируемых в КНР показателей.

Альтернативные модели экономического развития
КНР в 1981—2000 гг., предлагаемые Всемирным банком
(основные показатели, в ценах 1981 г.)

	Вариант учетверения (%)	Умеренный вариант (%)	Сбаланси- ропанный вариант (%)
Валовой национальный продукт (средне-годовые темпы прироста)	6,6	5,4	6,6
Среднедушевой ВНП* (среднегодовые темпы прироста)	5,5	4,3	5,5
Валовая продукция промышленности и сельского хозяйства (среднегодовые темпы прироста)	7,2	6,0	6,4
Норма накопления	29	29	26
Производство важнейших секторов народного хозяйства (среднегодовые темпы прироста):			
сельское хозяйство	4,5	3,7	4,6
тяжелая промышленность	8,1	6,9	7,0
легкая промышленность	7,9	6,5	7,1
инфраструктура	7,3	6,1	7,0
сфера услуг	7,2	6,0	10,5

*Среднегодовые темпы прироста населения во всех вариантах приняты равными 1%.

Источник: China: Long-Term Development Issues and Options, p. 36, 38.

В отличие от динамичного, но связанного с высокой степенью риска сценария «учетверения», «умеренный вариант» ориентирует китайскую экономику на относительное замедление темпов развития. Данный вариант вполне надежен, но при этом он не обеспечивает выход Китая к 2000 г. в разряд «стран со средним уровнем дохода» и тем самым на неопределенное время откладывает возможность достижения им уровня передовых стран. Главной причиной этого является низкая экономическая эффективность. По подсчетам авторов доклада, для достижения целей учетверения при том уровне эффективности капитальных вложений и роста производительности труда, который заложен в «умеренный вариант», потребовалось бы довести норму накопления до 36 %, что чревато резким снижением жизненного уровня китайского народа и серьезной социальной нестабильностью.

И наконец, третий, так называемый сбалансированный вариант, в рамках которого официальные установки руководства КНР по росту ВНП в период до 2000 г. достигаются при одновременном сокращении нормы накопления с 29 до 26 % и соответствующем увеличении общественного и личного потребления. Таким образом, здесь предусматривается наиболее существенное повышение экономической эффективности. Ключом к этому объявлен опережающий рост сферы услуг (торговля, кредитно-финансовые операции и т. д.), доля которой в общей численности занятых к концу столетия должна возрасти до 25 % против 10 % в 1981 г. Результатом этого, отмечается в докладе, должно явиться сокращение избыточных товарных запасов и общее повышение эффективности использования оборотных фондов, оптимизация инвестиционных решений, развитие специализации и кооперирования в промышленности и сельском хозяйстве. И хотя ускоренный рост сферы услуг не сможет обеспечить для КНР желаемого учетверения промышленного и сельскохозяйственного производства, это будет иметь,

по мнению авторов доклада, и свои привлекательные стороны, связанные с сокращением дефицита энергетических и транспортных ресурсов.

Таким образом, каждая из предлагаемых экономических моделей имеет свои плюсы и минусы, претендуя на объективное отражение альтернативных путей развития КНР. Однако обращает на себя внимание тенденциозность авторов при формировании системы допущений, подборе сравниваемых статистических показателей и периодов времени по каждому из вариантов. Так, эффективность капитальных вложений по «умеренному варианту» весьма произвольно соотносится с уровнем СССР в 1950—1975 гг. или Индии в 1960—1982 гг., а аналогичный показатель по варианту «сбалансированного» роста сравнивается с уровнем Японии в 1950—1980 гг. и стран со средним уровнем дохода в 1960—1982 гг.⁹ Подобные научнообразные сопоставления подчинены единственной цели — найти объективизированные статистические подтверждения реализму выводов доклада.

Более того, сопоставив предлагаемые экспертами МБРР расчетные сценарии роста, нетрудно заметить, что лишь в одном из них, а именно в «сбалансированном варианте», предусмотрены конкретные пути повышения эффективности общественного производства, а ведь именно от этого, как справедливо отмечается в докладе, в решающей мере будет зависеть судьба программы модернизации в КНР. При этом рост эффективности через расширение сферы услуг, и прежде всего торговли, ставится в прямую зависимость от состояния рыночных отношений. Таким способом подводится теоретическая база для дальнейших рассуждений, касающихся экономической роли государства. В итоге, незаметно перейдя почти исключительно к разработке форм и методов воплощения в жизнь «сбалансированного варианта» как оптимального пути развития, авторы «закладывают» в него широкий круг рекомендаций в области осуществления хозяйственной реформы в КНР.

«Рыночный социализм», кейнсианство и специфика Китая

Одобрительно отзываясь об осуществляемой в КНР реформе хозяйственной системы, авторы доклада квалифицируют ее в качестве «одной из наиболее далеко идущих попыток улучшить функционирование социалистической экономической системы». Более того, отмечается, что эта попытка является лишь начальной стадией воплощения в жизнь общей стратегии КНР по строительству «социализма со спецификой Китая»⁹.

Оценивая перспективы китайской экономики, эксперты МБРР выдвигают тезис о том, что единственная возможность существенно повысить эффективность общественного производства в КНР заключается в предоставлении широкого простора для действия рыночного механизма. В качестве важнейшего звена в системе предлагаемых мероприятий выдвигается реформа цен. В первую очередь предлагается незамедлительно повысить цены на энергоресурсы и некоторые виды промышленного сырья. Стимулируя резонирующий рост цен на продукцию энергоемких отраслей, это должно содействовать увеличению производства энергоресурсов, повсеместной их экономии и, следовательно, смягчению энергетической проблемы в КНР. В области цен на сельскохозяйственную продукцию рекомендуется отказ от государственных дотаций и переход на рыночное регулирование, что также равнозначно существенному повышению цен (в том числе на зерновые — на 50—60 %, на растительное масло — на 80 % и т. д.)⁹. В конечном итоге вся экономика ориентируется на рыночное ценообразование со снятием государственного контроля, что приведет, по мнению авторов доклада, к автоматическому балансированию спроса и предложения, ликвидации хронической нехватки многих видов продукции. Государству при этом отводится второстепенная роль проведения интервенционных операций на рынке с целью смягчения чрезмерно резких колебаний цен на отдельные товары¹⁰.

Для обоснования этих рекомендаций теоретики Банка пытаются использовать существующие в КНР просчеты в области централизованного ценообразования и связанные с этим перекосы в системе цен. Китайская печать в этой связи обращает внимание на необоснованно низкий уровень цен на горнорудную продукцию, на сырье и энергию. «Если не изменить это положение, — пишет, в частности, газета «Жэньминь жибао», — то не удастся воздействовать на предприятия обрабатывающей промышленности, не удастся повернуть их на рельсы технического прогресса, улучшения

системы управления, снижения затрат и повышения эффективности»¹¹. Ликвидация этого положения, придание цене роли общественного норматива затрат, побуждающего к совершенствованию производства, требуют целенаправленных усилий по приближению цен к общественно необходимым затратам.

Однако вместо этого Китаю предлагается хорошо известная по работам сторонников теории «рыночного социализма» концепция, отождествляющая оптимальную структуру производства и распределения материальных благ с теми пропорциями, которые стихийно складываются на рынке под воздействием неконтролируемых колебаний цен. Неправомерно отождествляя платежеспособный спрос с реальными общественными потребностями, теоретики Банка акцентируют внимание на преимуществах, извлекаемых по отдельности в благоприятные рыночные условия производственными единицами и отдельными лицами. Они, однако, не принимают в расчет тот ущерб, который будет нанесен при этом оставшейся части менее рентабельных предприятий и менее обеспеченных слоев населения. Поэтому вполне последовательным выглядит утверждение авторов доклада, что «на определенном этапе задача ускорения развития... вступает в противоречие с задачей равенства в распределении доходов»¹². В развитие этого тезиса эксперты Банка предлагают поощрение имущественной дифференциации как основного катализатора развития путем понижения заработной платы основной массы китайских рабочих при одновременном обеспечении высокого уровня доходов удачливых индивидуальных предпринимателей, профессиональных управляющих (менеджеров), отдельных крестьянских хозяйств¹³. Естественным следствием такой политики явится гипертрофия частнохозяйственных интересов, общий рост безработицы и социального неравенства.

Кроме того, предлагаемое снижение доли производственного накопления будет ограничивать развитие капиталоемких видов производства, в частности топливно-энергетической промышленности. Кардинальное повышение цен на энергоносители в этих условиях будет не столько содействовать росту их производства, сколько сдерживать потребление, стимулируя перестройку народного хозяйства КНР в сторону преимущественного развития сельского хозяйства, сферы услуг, легкой промышленности и других наименее энергоемких отраслей за счет соответствующего ограничения роста ключевых отраслей (машиностроение, транспорт, химическая промышленность и т. д.), предъявляющих повышенный спрос на энергоресурсы. Результатом этого может явиться не только обострение проблемы материально-вещественного наполнения темпов экономического роста, но и замедление реальной модернизации, предусматривающей создание комплексной системы современных видов промышленного производства.

И наконец, отмечая необходимость государственных стабилизационных программ, аналитики МБРР опускают вопрос об обеспечении их адекватными финансовыми и материальными ресурсами. Между тем для поддержания существующего уровня жизни населения при отмене государственных дотаций на продукты питания, по расчетам самих же авторов доклада, необходимо повысить доходы городских жителей на 25—45 %¹⁴. В результате финансовые возможности государства могут не только не увеличиться, но даже сократиться. В условиях нехватки у государства такого объема материально-финансовых ресурсов, который позволял бы полностью контролировать ситуацию на рынке, такие интервенции чреваты возникновением неблагоприятных ситуаций. Так, в начале 1985 г. в провинции Хунань попытки властей сбить резко подскочившие цены на зерно посредством продажи риса из государственных запасов натолкнулись на скоординированные действия перекупщиков, получивших до 20 % прибыли на перепродаже государственного зерна по ценам свободного рынка¹⁵. В итоге предпринятая товарная интервенция послужила каналом перекачивания государственных средств в индивидуальный сектор.

В целом, как показывает опыт, даже частичное снятие государственного контроля над ценообразованием при наличии острого дефицита на целый ряд важных товаров ведет к неизбежному росту цен. По данным официальной статистики, уровень роста цен на потребительские товары в 1985 г. составил 8,8 % (в 1984 г. — 2,7 %)¹⁶. Опасный характер этой тенденции с тревогой отмечают в Китае. В частности, на международной конференции по проблемам управления экономикой, проходившей в Пекине под эгидой Академии общественных наук Китая и Всемирного банка (декабрь 1985 г.), с китайской стороны было заявлено, что в условиях КНР предлагаемая иностран-

ными экспертами ликвидация государственного контроля над ценами уже в течение 7-й пятилетки (1986—1990) может привести к развитию «всесторонней инфляции»¹⁷.

Важным элементом системы рекомендаций Банка является существенное усиление хозяйственной самостоятельности предприятий. При этом меры, предпринимаемые Китаем в этом направлении в последние годы, рассматриваются лишь как прелюдия к действительно кардинальному решению проблемы взаимоотношений предприятий и государства, ибо, как считают авторы доклада, «в условиях сложной и изменчивой рыночной экономики... государство не в состоянии знать и определять, что следует делать каждому конкретному предприятию; это делает бессмысленным и расточительным прямое государственное управление предприятиями»¹⁸.

Предлагается широкое внедрение акционерной формы организации предприятий, где основными пайщиками должны выступать разные учреждения. Как образец подобной «рассеянной» формы общественной собственности приводится пример некоторых крупнейших компаний ФРГ с участием государства в акционерном капитале. В число «свобод», которыми наделяются хозяйственные единицы, включаются: самостоятельное определение объема и ассортимента продукции; самостоятельность принятия инвестиционных решений, подкрепленная передачей предприятиям основной части прибыли; свободная переориентация производственного профиля на более прибыльные сферы деятельности; неограниченное право создания совместных предприятий с иностранными фирмами и, наконец, «полная свобода увольнения ленивых, нерадивых, а также просто избыточных для производства рабочих»¹⁹. Для приведения в действие всех этих «деталей» рыночного механизма предлагается развязывание всесторонней конкурентной борьбы между предприятиями. При этом подчеркивается, что «неудачник должен ощутить на себе всю силу рыночной конкуренции: его нужно заставить или улучшить работу, или найти новое поле деятельности, или прекратить существование»²⁰.

Какие же функции отводятся во всей этой пестрой картине государственным органам планирования и управления? В докладе ясно говорится о том, что «государство должно сократить прямое участие во многих экономических сферах, включая процесс производства, торговую деятельность, ценообразование, обеспечение занятости»²¹. Вместо этого государственным органам предлагаются известные кейнсианские рецепты управления совокупным спросом путем «установления таких налогов и ставок ссудного процента, которые так или иначе определяли бы прибыльность различных видов деятельности». Обязательность плановых директив должна уступить место методам косвенного контроля, а среднесрочное и долгосрочное планирование подменяется программированием отдельных отраслей народного хозяйства по примеру Франции и Японии.

Таким образом, приходится еще раз убедиться, что для обоснования разумности своих рекомендаций эксперты МБРР весьма умело ссылаются на реальные трудности и проблемы экономического положения в КНР. Действительно, отмечавшееся в Китае в 60—70-е гг. преобладание административных методов хозяйственного руководства и недооценка экономических рычагов управления явились важной предпосылкой падения эффективности общественного производства. В этой связи, как неоднократно отмечалось в работах китайских экономистов, внедрение в экономику хозрасчетных отношений, направленных на развитие хозяйственной самостоятельности предприятий, усиление их экономической заинтересованности и ответственности за результаты производственной деятельности, выступает одной из важнейших задач современной экономической политики КНР. Это положение является отправной точкой и для логических построений экспертов МБРР, которые, не останавливаясь на этом, проводят хорошо знакомую по деятельности Банка во многих развивающихся странах линию на всемерное развитие свободного предпринимательства и насаждение рыночного механизма. При этом, однако, авторы доклада не учитывают ряд существенных особенностей китайской действительности. В итоге возможные последствия их рекомендаций выходят далеко за рамки экономической рациональности и целесообразности.

Хорошо известен тот факт, что в Китае наблюдается хронический дефицит квалифицированных кадров. Технические специалисты составляют лишь 3 % общей численности рабочих и служащих КНР. Среди руководителей государственных предприятий и учреждений лишь 6,4 % имеют высшее или незаконченное высшее образование²².

В этих условиях неограниченное расширение самостоятельности хозяйственных единиц на практике может привести к многочисленным неоправданным решениям и, следовательно, к растрате дефицитных хозяйственных ресурсов.

Необходимо учитывать и наличие в КНР множества малозффективных и просто убыточных промышленных объектов — только последние составляют свыше 15 % общего количества государственных предприятий²³. Низкая эффективность этих предприятий не всегда связана с нерациональностью цен — сплошь и рядом она обусловлена такими долговременными факторами, как устарелость и изношенность оборудования, низкая квалификация рабочей силы, недостаток сырья, энергии и т. д. Вряд ли все эти проблемы можно решить, предоставив таким предприятиям полную хозяйственную самостоятельность и подвергнув их разрушительному воздействию рыночной конкуренции. Результатом этого неизбежно явятся массовые разорения и закрытия не только недостаточно эффективных объектов, но и ряда нормально работающих предприятий, продукция которых окажется излишней по отношению к стихийно сложившемуся платежеспособному спросу. Даже если вслед за авторами доклада «вынести за скобки» угрозу массовой безработицы и связанные с ней социальные осложнения и конфликты, подобная ситуация в чисто экономическом плане выглядит далеко не однозначно. Временный выигрыш в повышении эффективности группы преуспевающих предприятий может не окупить потери, связанные с сокращением значительных производственных мощностей и выпадением из хозяйственного оборота крупных материальных, финансовых и людских ресурсов.

И наконец, нельзя не учитывать огромные размеры территории Китая при остром дефиците транспортных средств и сильной неравномерности развития отдельных районов и отраслей. Насаждение рыночного механизма в этих условиях приведет скорее не к образованию единого общенационального рынка, а к возникновению нескольких обособленных региональных рынков со своими особенностями товарного наполнения, конъюнктуры и ценообразования. И если для империалистических монополий, стремящихся к «освоению» в первую очередь наиболее развитых отраслей экономики и районов КНР, такая ситуация может выглядеть благоприятной, то с точки зрения национальных интересов Китая все это чревато дальнейшей региональной дезинтеграцией, усугублением неравномерности в развитии и размещении производительных сил страны.

Рассмотренные аспекты рекомендаций МБРР дают достаточное представление об их возможных экономических результатах. Однако этим далеко не ограничивается их вероятное воздействие на социально-экономическое развитие Китая. Как известно, при социализме государство реализует свое право собственника основных средств производства прежде всего через определение производственного профиля хозяйственных единиц, размещение предприятий, установление и регулирование хозяйственных связей между ними и, наконец, через обязательность исполнения государственных плановых директив²⁴. Ликвидация этих функций государства, подмена их рыночным механизмом, по сути дела, превращают государственную собственность в юридическую форму, лишенную реального экономического содержания. Таким образом, рекомендации Банка нацелены на создание атомистической структуры собственности, сводящей экономику к сумме отдельных предприятий и нивелирующей экономическую роль государства.

Этой же цели служат рекомендации Банка в области стимулирования многоукладности в КНР. При этом основная роль отводится развитию частного предпринимательства, какое-либо ограничение которого рассматривается как «подавление потенциально динамичных сил в экономике»²⁵.

Что касается государственного сектора, то его предлагают ориентировать на существенное сужение масштабов и сферы деятельности. В частности, в докладе рассматривается возможность сокращения удельного веса государственных капитальных затрат во всех капитальных вложениях до 20 % против почти 70 % в настоящее время²⁶. Если учесть, что доля госбюджетных вложений при этом неизбежно должна будет упасть до уровня менее 10 % общего объема капиталовложений, станет ясно, что возможности государственного маневрирования экономическими ресурсами и централизованного определения характера и путей развития ставятся в крайне ограниченные рамки²⁷. Вместо этого государству предлагается принять на себя социальные издержки функционирования рыночного механизма, обеспечив выплату пособий по

безработице, финансирование профессиональной переподготовки потерявших место рабочих, помощь бедным сельским районам и т. д.²⁵ Не говоря уже о том, что предполагаемое Банком резкое сокращение доходов государственного бюджета оставляет открытым вопрос о наличии у государства достаточных для всего этого финансовых ресурсов, подобная постановка вопроса лишает государство свойственной ему при социализме функции активного формирования социального облика общества, превращает его как бы в амортизатор социальной напряженности.

Таким образом, строительство «социализма со спецификой Китая» по рецептам Всемирного банка в конечном итоге предполагает отказ от целого ряда важных принципов и методов социалистического развития. Не случайно, в китайской печати появляются материалы, весьма критически оценивающие рекомендации иностранных экспертов в области расширения зоны действия рыночных отношений в экономике КНР. В частности, рассматривая предложение предоставить государственным предприятиям полную хозяйственную самостоятельность, газета «Гуанмин жибао» отмечает, что в условиях плановой экономики хозяйственная самостоятельность предприятий должна ограничиваться определенными рамками. В противном случае, предупреждает газета, могут возникнуть серьезные расхождения интересов предприятий и государства²⁶. Оценивая рекомендации экспертов Всемирного банка в области изменения отношений собственности в Китае с акцентом на развитие негосударственной собственности, китайские специалисты высказывают мнение, что это «идет вразрез» с линией руководства КНР на построение социалистического общества²⁷.

По пути «догоняющего развития»

Наряду с анализом сугубо внутренних аспектов хозяйственной реформы немалая роль в системе рекомендаций Банка отведена сфере внешних экономических отношений. Это естественно, ведь невысокий уровень экономического развития, нехватка материальных и финансовых средств, технических знаний и организационного опыта — все это увязывает перспективы динамичного хозяйственного роста Китая с расширением его экономических отношений с более развитыми странами. В этой связи авторы доклада отмечают, что в перспективе более глубокая вовлеченность КНР в международный экономический обмен будет способствовать росту эффективности общественного производства и повышению уровня доходов населения. Отмечается, однако, и другая сторона вопроса, а именно вероятность усиления экономической нестабильности, инфляционных тенденций и региональных диспропорций в результате более активного воздействия стихийных колебаний мирового капиталистического рынка на китайскую экономику. Однако, как считают авторы доклада, обширная территория Китая, многоотраслевой характер его народного хозяйства, а также ограниченное участие внешней торговли в процессе воспроизводства «значительно снижают вероятный ущерб от неожиданного изменения обстановки на международном рынке по сравнению с более предсказуемыми издержками изоляционизма»²⁸. Исходя из этого, в докладе предлагается ряд мер по дальнейшему развитию политики «открытых дверей», проводимой в последние годы Китаем.

Отмечается, в частности, что необходимой предпосылкой реализации преимуществ международного экономического обмена является решительная децентрализация управления внешнеэкономическими связями путем повсеместной передачи предприятиям права независимого осуществления экспортно-импортных операций, а также значительного расширения и активизации деятельности сети внешнеторговых компаний, включая компании коллективной и индивидуальной собственности. Следствием всего этого должно явиться, как отмечается в докладе, расширение доступа предприятий КНР к современным видам товаров и технологии, возникновение на китайском рынке конкуренции между иностранными и отечественными производителями аналогичной продукции, призванной стимулировать повышение эффективности общественного производства в КНР.

В избежание принятия ошибочных внешнеторговых решений наделение предприятий правом свободного выхода на внешний рынок, по мнению авторов доклада, должно осуществляться в тесной увязке с мероприятиями по перестройке всего хозяйственного механизма КНР. В этой связи аналитики Банка вновь обращаются к реформе цен, рекомендуя принять за основу внутреннего ценообразования в Китае цены миро-

вого рынка. Это должно обеспечить «рациональную ориентацию» китайских предприятий на развитие производства и экспорта продукции с относительно низкими издержками производства при одновременном расширении импорта товаров, изготовление которых внутри страны обходится дороже, чем их приобретение за рубежом. Именно по этому направлению, считают авторы доклада, и будет осуществляться наиболее эффективное включение КНР в систему международного разделения труда³².

Оценивая внешнеэкономические рекомендации экспертов Банка, следует прежде всего отметить несостоятельность их попыток представить внешний по отношению к Китаю мир в качестве некой однородной системы, отношения с которой ведут к однозначным результатам. Игнорируя существование двух социально-экономических систем — капиталистической и социалистической, — авторы доклада тем самым изначально нацеливают Китай исключительно на развитие хозяйственных отношений с капиталистическими странами. Возникают опасения возникновения таких издержек развития международного экономического обмена, как привнесение в народное хозяйство КНР экономической нестабильности, усиление разрывов в уровнях развития приморских и внутренних районов страны, развитие инфляционных тенденций и т. д. В последние годы в ходе проведения Китаем политики «открытого доступа», ориентированной в первую очередь на расширение экономических контактов с развитыми капиталистическими странами, все эти неблагоприятные явления действительно имеют место в китайской экономике. Однако (и об этом лучше всего свидетельствует исторический опыт самого Китая) существует и совершенно иной вариант эффективного подключения внешних факторов к процессам народнохозяйственного строительства. Широкое сотрудничество КНР с социалистическими странами в 50-е годы наглядно показало, что основанные на принципах братского сотрудничества, подлинного равноправия, взаимной выгоды и невмешательства во внутренние дела экономические отношения в рамках мирового социалистического хозяйства носят стабильный и планомерный характер, способствуют динамичному, пропорциональному развитию.

Что касается предположений авторов доклада относительно характера участия КНР в международном разделении труда, то в их основе лежит традиционно исповедуемая Банком доктрина «сравнительных издержек производства», а точнее — ее статическая модель, превратившая ряд верных положений А. Смита и особенно Д. Рикардо в застывшие стереотипы, одинаково применяемые ко всем ситуациям и странам. В случае с Китаем, учитывая наличие здесь огромных трудовых ресурсов и низкого уровня заработной платы, эта доктрина обосновывает «рациональность» импорта из развитых стран техникоемкой и наукоемкой продукции (продукция машиностроения, химической промышленности, электронно-вычислительная техника и т. д.) в обмен на вывоз главным образом трудоемких изделий отечественного производства (продукция легкой и текстильной промышленности, кустарных промыслов, сельского хозяйства). В этом же ключе рассматриваются и проблемы технологического развития КНР. Рекомендую самостоятельную разработку и совершенствование технологии производства в «относительно зрелых отраслях» (текстильная, пищевая промышленность и т. п.), авторы доклада призывают КНР в развитии наиболее прогрессивных и технологически сложных видов производства (электронная промышленность и др.) опираться в первую очередь на более дешевые и качественные импортные образцы техники и технологии³⁴.

Таким образом, подход к КНР с мерками доктрины «сравнительных издержек производства», дополненный ориентацией на цены мирового рынка, ставит китайскую экономику в условия, определяемые не столько внутренними потребностями социально-экономического развития, сколько сугубо внешними по отношению к национальной экономике факторами, приводит в действие механизм технологической зависимости, препятствует развитию процесса индустриализации и диверсификации общественного производства. Как справедливо отмечают советские экономисты, продвижение вперед в рамках этой схемы возможно лишь в наименее перспективных областях, которые изживают себя в развитой экономике. В реальной действительности современного мира это означает «имитирующий», догоняющий тип развития, отвечающий интересам не столько отстающих в своем развитии стран, сколько промышленно развитых империалистических центров и крупнейших монополий³⁴. Логическим итогом этого является возрастание зависимости национальной экономики от внешних экономических связей, консервация экономической отсталости. Не случайно на состоявшемся в Пекине симпозиуме по проблемам стратегии развития внешнеэкономических

связей КНР (декабрь 1982 г.) было заявлено, что теория «сравнительных издержек производства» Д. Рикардо, несмотря на ее «справочную ценность», «не может служить руководящей идеей социалистической внешней торговли Китая»³⁵. Такая оценка китайских экономистов выглядит вполне обоснованной.

Наконец, немалые сомнения вызывают и предложения экспертов Банка относительно широкомасштабной децентрализации управления внешнеэкономическими связями. Как известно, в ходе реформы своей внешнеторговой системы Китай уже приобрел определенный и при этом весьма противоречивый опыт на этом поприще. В частности, в последние годы наряду с расширением сети центральных компаний Министерства внешнеэкономических связей и внешней торговли КНР многократно увеличено число различного рода местных и отраслевых внешнеторговых компаний, значительно увеличены внешнеэкономические права местных органов власти, государственных предприятий и других хозяйственных единиц.

Все это явилось одним из важных факторов очевидного подъема внешней торговли Китая, активизации его роли в международном разделении труда. Однако с народно-хозяйственной точки зрения эти достижения в значительной мере нивелируются проявлением элементов бесконтрольности и стихийности во внешнеэкономической сфере.

В частности, в докладе премьера Госсовета КНР Чжао Цзыяна на IV сессии ВСНП шестого созыва (март 1986 г.) отмечены вызывающие беспокойство факты «слепой конкуренции» между внешнеторговыми компаниями при заключении экспортно-импортных сделок, дублирования импорта, чрезмерного ввоза некоторых потребительских товаров³⁶. Следствием всего этого является нарушение единой политики внешнеторговых цен, ухудшение условий для производства и реализации целого ряда товаров внутри страны. Одновременно в Китае отмечают и заметное расширение так называемых экономических преступлений, приобретающих опасный характер по мере вовлечения в незаконные сделки с импортными товарами и иностранной валютой крупных государственных предприятий и организаций³⁷.

Таким образом, результаты применяемой Китаем в ограниченных масштабах децентрализации управления внешней торговлей далеко не всегда отвечают задаче повышения эффективности внешнеэкономической деятельности. Как показывает опыт, мероприятия реформы внешнеторговой системы нередко затрудняют единство действий многочисленных предприятий и организаций КНР на внешнем рынке, осложняют плановое руководство и государственный контроль во внешнеэкономической сфере, что в конечном итоге сказывается на стабильности экономического, валютно-финансового и социального положения в КНР. В этих условиях последовательное воплощение в жизнь рекомендаций Банка в области управления внешнеэкономическими связями будет означать фактическую отмену в КНР государственной монополии внешней торговли и государственной валютной монополии, которые, как известно, принадлежат к числу важнейших элементов социалистического механизма хозяйствования. Результатом этого неизбежно явится нарастание зависимости китайской экономики от стихийных колебаний мирового капиталистического хозяйства и проникновения иностранного капитала.

Именно этим целям в конечном итоге и подчинены рекомендации Банка во внешнеэкономической сфере. Выдвигая как аксиому положение о том, что иностранные инвестиции оказывают исключительно благоприятное влияние на экономическое развитие Китая, авторы доклада с одобрением отзываются о предпринимаемой в последние годы в КНР последовательной либерализации «инвестиционного климата» для иностранного капитала. Более того, призывая Китай к дальнейшим шагам в этом направлении, они рекомендуют распространить на всю территорию страны немалые инвестиционные и налоговые льготы, а также другие привилегии для иностранных вкладчиков капитала, действующие пока лишь на весьма ограниченной площади так называемых особых экономических зон. Тем самым перспективы хозяйственного развития Китая ставятся в определенную зависимость от функционирования иностранного капитала.

Все это свидетельствует о том, что за внешней фундированностью доклада Всемирного банка и претензиями его авторов на беспристрастность теоретического анализа скрывается вполне определенный расчет империалистических партнеров Китая подтолкнуть КНР на путь несоциалистического развития, приблизить страну к

той точке, когда, по образному выражению представителя одного из ведущих транснациональных банков капиталистического мира «Сити бэнк» Р. Хьюбера, «возврата к старому образу жизни уже не будет»³⁵. Направляя Китай на занятие подчиненного, зависимого положения в мировом капиталистическом хозяйстве, предложения экспертов Банка расходятся с коренными интересами китайского народа.

¹ In: China: Long-Term Development Issues and Options. The report of a mission sent to China by the World Bank. Wash., 1985.

² См.: «Цзинцзи жибао», 5.IX.1985.

³ In: «China Daily», 23.X.1985.

⁴ In: China: Long-Term Development Issues and Options. The report of a mission sent to China by the World Bank, p. 23; Development Co-operation. Paris, 1983, p. 247—248.

⁵ Л. З. Зевин. Страны различного уровня развития в мировом хозяйстве: проблемы экономических отношений. М., 1985, с. 8.

⁶ In: China: Long-Term Development Issues and Options. The report of a mission sent to China by the World Bank, p. 23.

⁷ Ibid., p. 37.

⁸ Ibid., p. 160.

⁹ Ibid., p. 150.

¹⁰ Ibid., p. 54.

¹¹ «Жэньминь жибао», 3.III.1985.

¹² China: Long-Term Development Issues and Options. The report of a mission sent to China by the World Bank, p. 28.

¹³ Ibid., p. 161.

¹⁴ Ibid., p. 150.

¹⁵ См.: «Цзинцзи цанькао», 9.IV.1985.

¹⁶ См.: «Жэньминь жибао», 1.III.1986; Чжунго тунцзи няньцзянь — 1985. Пекин, 1985, с. 532.

¹⁷ См.: «Гуанмин жибао», 4.I.1986.

¹⁸ China: Long-Term Development Issues and Options. The report of a mission sent to China by the World Bank, p. 165.

¹⁹ Ibid., 133, 166, 171.

²⁰ Ibid., p. 166.

²¹ Ibid., p. 177.

²² См.: «Хунци», 1982, № 5; Чжунго тунцзи чжайяо — 1985, с. 24.

²³ См.: «Цзинцзи яньцзю», 1984, № 7, с. 17.

²⁴ См., в частности: П. Бунич. Централизованное управление и самостоятельность предприятий. — «Вопросы экономики», 1985, № 9, с. 55.

²⁵ China: Long-Term Development Issues and Options. The report of a mission sent to China by the World Bank, p. 171.

²⁶ Ibid., p. 146; Чжунго тунцзи чжайяо — 1985, с. 66.

²⁷ Подсчитано исходя из того, что в настоящее время госбюджетные вложения составляют около 40 % общего объема государственных капитальных затрат (см.: Чжунго тунцзи няньцзянь — 1984. Пекин, 1984, с. 302).

²⁸ China: Long-Term Development Issues and Options. The report of a mission sent to China by the World Bank, p. 162.

²⁹ См.: «Гуанмин жибао», 4.I.1986.

³⁰ См. там же.

³¹ In: China: Long-Term Development Issues and Options. The report of a mission sent to China by the World Bank, p. 98.

³² Ibid., p. 98—101.

³³ Ibid., p. 114.

³⁴ См.: Э. Е. Обминский. Развивающиеся страны и международное разделение труда. М., 1977, гл. III; Л. З. Зевин. Указ. соч., с. 29.

³⁵ «Гоцзи маои ваньти», 1983, № 2, с. 5.

³⁶ См.: «Жэньминь жибао», 14.IV.1986.

³⁷ In: «China Daily», 31.VII.1986.

³⁸ «New York Times», 27.XI.1985.

Китайские экономисты о банкротстве предприятий

*Е. Ф. АВДОКУШИН,
кандидат экономических наук*

Среди важнейших целей нынешней экономической реформы в Китае заметное место уделяется значительному оживлению деятельности промышленных предприятий (особенно крупных и средних)¹. На страницах китайской печати идет заинтересованное обсуждение вопросов, касающихся расширения прав социалистических предприятий, повышения экономической ответственности, создания целостной системы их эффективного управления и функционирования. Сообщалось, что в феврале 1985 г. проходило Всекитайское совещание по экономической работе, центральным вопросом которого было определение путей и средств «оживления» крупных и средних государственных предприятий. Совещание выдвинуло десять направлений такой работы: ускорить внедрение системы ответственности директора, учредить поисковые группы новаторов; увеличить конкурентоспособность основной продукции в соответствии с рыночными требованиями; осуществлять принцип единоначалия в сочетании с многообразием форм управления, способствовать развитию многообразных экономических объединений; снизить затраты энергоресурсов и сырья; последовательно уменьшать регулирующей налог на передовые базовые крупные предприятия; открыть рынок средств производства, учредить торговые центры материальных ресурсов; части крупных и средних предприятий предоставить право выхода на внешний рынок; придать большую гибкость директивному плану; поставить величину зарплаты в зависимость от эффективности труда; упорядочить ныне существующие компании, реформировать систему управления крупными предприятиями².

В рамках поиска путей оживления хозяйственной деятельности предприятий, ее рационализации в середине 80-х гг. большое внимание китайских экономистов привлекал вопрос о судьбе отстающих, убыточных предприятий. Многие китайские экономисты пришли к мнению, что наиболее приемлемым решением этой проблемы является ликвидация таких предприятий, объявление банкротами.

3 декабря 1986 г. в центральной печати КНР был опубликован «Закон Китайской Народной Республики о банкротстве предприятий», принятый на 18-м заседании Постоянного Комитета ВСНП шестого созыва 2 декабря 1986 г.

Принятие Закона о банкротстве явилось итогом длительной дискуссии, которая велась на страницах китайской печати и в которой приняли участие многие видные китайские ученые.

Впервые о необходимости введения статуса предприятия-банкрота китайские экономисты заговорили в 1980 г. при обсуждении проблемы социалистической конкуренции. В дальнейшем, как правило, не обращаясь специально к проблеме банкротства социалистических предприятий, китайские экономисты в той или иной степени касались этого вопроса опять же в связи с действием закона конкуренции при социализме. Активное обсуждение проблем, связанных с необходимостью и возможностью признания банкротами некоторых предприятий в условиях социализма, призывы к принятию специального Закона о банкротстве появились в китайской печати в 1984 г.

Поднимая вопрос о банкротстве предприятий при социализме, китайские экономисты прежде всего обосновывали необходимость постановки такого вопроса. Аргументом, наиболее часто выдвигавшимся в пользу необходимости провозглашения статуса предприятия-банкрота, принятия Закона о банкротстве была прежде всего

констатация многочисленных примеров убыточности китайских предприятий в сочетании с их технической отсталостью, неэффективным, часто неквалифицированным управлением. Так, в соответствии с данными китайского экономиста Янь Калиня, число убыточных предприятий в 1980 г. составляло 9660, а их убытки в совокупности достигли 3,2 млрд. юаней, в 1982 г. — соответственно 10 898 предприятий и 4,2 млрд. юаней⁷. В 1983 г. совокупные убытки государственных предприятий составили 18 % государственного национального дохода⁸. Благодаря предпринятым мерам по расширению самостоятельности государственных предприятий, усилению конкуренции между ними, отказа от уравниловки («еды из большого котла») и особенно после того, как на всех промышленных, транспортных, торговых предприятиях была введена система налогового обложения, заменившая систему отчислений от прибыли предприятий, положение дел заметно улучшилось, однако не настолько, чтобы проблему убыточности предприятий можно было считать решенной.

К середине 80-х гг. в промышленности КНР по-прежнему сохранялось до 20—30 % убыточных предприятий (а по отдельным районам еще больше), как правило технически слабо оснащенных, с устаревшим оборудованием, с низкой профессиональной подготовкой работников и т. п.⁹

Проблемы оживления, упорядочения в промышленности, закрытия убыточных предприятий, фактически находившихся на иждивении у государства, по-прежнему оставались чрезвычайно актуальными. Газета «Чайна дэйли» рассказывала о состоянии дел одного химического завода, находящегося на положении иждивенца у государства более 16 лет. Имея 10 млн. юаней собственных средств, этот завод за период с 1967 по 1976 г. принес убытка на сумму 9,6 млн. юаней. В 1983 г. его совокупные потери составили более 25 млн. юаней, то есть в 2,5 раза превысили его наличные фонды. Выступая в пользу принятия Закона о банкротстве, газета подчеркивала, что если бы такой завод объявили обанкротившимся ранее, то потери государства составили бы только 10 млн. юаней, а не 25, как теперь⁹.

Многие экономисты, описывая ситуацию с убыточными предприятиями, сетовали на то, что в течение длительного периода в отношении отстающих предприятий осуществлялась политика их сохранности и предоставления льгот. Некоторые предприятия хозяйствовали с убытками, доходя до фактического состояния банкротства, однако благодаря помощи государства их существование не подвергалось сомнению. Подобная позиция государства, по мнению китайского экономиста Чжэнь Ю, способствовала возникновению отношений своеобразного «патернализма».

Иными словами, государство по-отечески относилось к своему «ребенку»-предприятию⁷. К тому же многие полагали, как указывает Янь Калинь, что государство — «большой магазин», из которого можно брать сколько хочешь, тратить без счета, и все равно не обанкротишься. Отношения «патернализма», иждивенчества способствовали формированию привычки у предприятия кормиться за счет государства, что мешало повышению активности в работе, вело к замедленному росту технического уровня, низкой эффективности управления, серьезным производственным потерям и др. Указывая на положение, сложившееся в управлении государственными предприятиями, китайские экономисты, подчеркивали, что сохранение убыточных, нерентабельных предприятий — это также результат политики уравниловки. Причем, эта уравниловка длительное время рассматривалась как «преимущество социализма», хотя в действительности такое «преимущество» дискредитирует социализм⁸.

Обосновывая необходимость принятия Закона о банкротстве, многие китайские экономисты указывали на то, что социалистическая экономика — это «плановая товарная экономика», в которой действуют законы товарного производства: стоимости, спроса и предложения, конкуренции. Сама логика развития товарного производства ведет, как считает экономист из провинции Шаньдун Ли Байхань, к возможности банкротства как «особой категории капитализма», узаконив статус обанкротившегося предприятия и при социализме⁸. Характерно, что в отличие от тех экономистов, которые связывали принятие Закона о банкротстве главным образом с необходимостью избавления от явно убыточных предприятий как обузы для государства, Ли Байхань, Ни Цзисян и другие китайские экономисты предлагали внедрить «систему банкротства» предприятий, исходя из действия общих закономерностей товарной экономики и прежде всего действия закона стоимости и закона конкуренции. Наиболее четкой в этом отношении является точка зрения Ни Цзисяна. По его

мнению, наличие обанкротившихся предприятий является «необходимым результатом движения социалистической товарной экономики, итоговым проявлением действия закона стоимости, закона спроса и предложения и особенно закона конкуренции»¹⁰. Цель социалистического производства, по Ни Цзисяну, должна реализовываться через конкуренцию, при которой происходит отбор победителей и побежденных. Причем, плановые пропорции в народном хозяйстве предусматриваются устанавливаться также через законы стоимости и конкуренции. Принцип распределения по труду у Ни Цзисяна, в свою очередь, также направлен главным образом на поддержание конкурентоспособности предприятий¹¹. Фактически действие законов товарного производства предстает у него как стихийный процесс, посредством которого происходит отбор победителей и побежденных, в результате чего устанавливается пропорциональность и повышается эффективность экономики. При таком подходе к регулированию социалистической экономики трудно усмотреть разницу между капиталистическим и социалистическим механизмом хозяйствования.

Указанный подход к механизму регулирования социалистической экономики вызвал неоднозначные отклики китайских экономистов. В дискуссии, развернувшейся на страницах «Цзинцзисюэ чжоубао», одни экономисты фактически его поддерживали, лишь несколько скорректировав остроту «товарных» рецептов регулирования экономики. Так, например, Фань Цзяньчунь указывал, что отбор сильнее всего в результате конкуренции «соответствует закономерностям социалистической товарной экономики», что введение «системы банкротства» «необходимо», что социализм без этого «не сможет достичь богатства и силы государства, зажиточности народа». Другие экономисты (Линь Ципин, Чжан Дзюй и др.) указывали на несогласие с Ни Цзисяном в отношении того, что в процессе конкуренции может фактически стихийно происходить отбор предприятия.

Проблема банкротства предприятий, подчеркивал Ли Ципин, обязательно должна решаться на плановой основе, с непосредственным участием государства¹². По мнению Чжан Дзюя, концепция банкротства, предложенная Ни Цзисяном, «теоретически дискуссионна, а практически несостоятельна», поскольку исходит из закономерностей товарной экономики вообще, абстрактной товарной экономики, которая объективно не существует, так как в реальной действительности всегда существует конкретная товарная экономика, обусловленная определенными экономическими условиями и отношениями¹³.

Многие китайские экономисты попытались показать различия между банкротством предприятий при социализме и капитализме, другие указывали на общность такого банкротства. Так, Сяо Янь эту общность усматривал в наличии товарного производства при социализме и капитализме (и его «общих» черт), в действии конкуренции и возможности появления победителей и побежденных («естественного отбора»). Закрытие (банкротство) предприятий, подчеркивал Сяо Янь, «отнюдь не является особенностью капиталистической экономики», а есть «общее проявление товарной экономики, необходимый результат рыночной конкуренции и самоокупаемости»¹⁴. Однако затем, раскрывая различия между банкротством предприятий при капитализме и социализме, он вынужден был признать, что глубинной причиной банкротства при капитализме являются все же циклические кризисы и действия монополий. Другие экономисты (например, Чжан Дзюй), подчеркивая различия между капиталистической и социалистической товарной экономикой, твердо указывали на то, что банкротство предприятий при капитализме обуславливается действием экономических кризисов, конкурентной борьбой в условиях господства частной собственности на средства производства. В условиях же социалистической товарной экономики законы товарного производства познаются и планомерно используются. Их действие обусловлено основным экономическим законом социализма, исходя из требований пропорционального, эффективного развития всего общественного производства, без ущерба для производительных сил. Что касается конкуренции, существующей между отдельными товаропроизводителями, то при социализме эти отношения, указывает Чжан Дзюй, не являются характерным содержанием взаимоотношений между социалистическими предприятиями. Результатом конкуренции при социализме является повышение технического уровня предприятия, его эффективности. Ее итогом должно быть последовательное, совместное движение к благосостоянию, а не разорение и банкротство предприятий, как при капитализме. Итак, банкротство предприятий,

заклучает Чжан Дэюй, абсолютно «не является необходимым результатом движения социалистической товарной экономики» и его нельзя сводить к последствиям проявления закона стоимости, закона спроса и предложения и закона конкуренции¹⁵.

Линь Ципин в свою очередь, критикуя точку зрения Ни Цзисяна, указывает, что банкротства при капитализме и социализме имеют существенные различия. При социализме отстающие предприятия не могут подвергаться естественному отбору в процессе конкуренции, а через плановую деятельность они последовательно «закрываются, объединяются, преобразуются».

Существенное отличие банкротства при социализме и капитализме заключается также в том (это подчеркивают многие китайские экономисты), что социалистические предприятия, будучи общенародной собственностью, в случае банкротства лишь передают право собственности (путем урегулирования, распродажи и т. п.) другим государственным предприятиям. В этом случае форма собственности не меняется, работники предприятия-банкрота остаются сохозяевами государственной собственности. Поэтому нельзя сказать, что государственная собственность подвергается банкротству. При капитализме в результате банкротства капиталист сразу же теряет все «четыре права» — право собственности, владения, распоряжения и пользования в пользу других капиталистов. Поэтому в условиях плановой товарной экономики более приемлемо, считает Линь Ципин, говорить не о банкротстве предприятий, а об их закрытии, прекращении деятельности, объединении и преобразовании¹⁶. Подобный подход был подмечен и некоторыми другими китайскими экономистами. В этой связи хотелось бы заметить, что вывод, который делают китайские теоретики относительно непоколебимости государственной формы собственности, вполне правомерен, однако огромные убытки, которые приносят предприятия-банкроты, тем не менее существенно задевают государственную собственность, нанося ей заметный урон, что не может не отражаться на эффективности ее функционирования и авторитете социалистической собственности.

В ходе дискуссии, признавая необходимость и возможность введения Закона о банкротстве в условиях социализма, китайские экономисты активно обсуждали вопрос, в каких случаях объявлять о банкротстве социалистических предприятий. Подчеркивалась необходимость дифференцированного подхода в отношении банкротства государственных, коллективных и индивидуальных предприятий. Отдельные экономисты полагали: поскольку средства производства государственными предприятиями не могут быть использованы по их усмотрению, а постоянно остаются в собственности государства, то для них понятие банкротства не приемлемо. Банкротство, считали эти экономисты, допустимо только в отношении предприятий коллективной и индивидуальной собственности¹⁷. Их оппоненты, несогласные с такой постановкой вопроса, считают, что признание подобного подхода означало бы нарушение принципа равенства предприятий перед социалистическими законами (например, в отношении уплаты долгов), поставило бы государственные предприятия в привилегированное положение. Это не способствовало бы росту эффективности производства. Они полагают также, что введение Закона о банкротстве для предприятий государственной собственности является одним из важных средств реализации принципа самокупаемости¹⁸.

Большинство китайских экономистов поддержали точку зрения о том, что предприятия всех форм собственности могут быть объявлены банкротами, однако необходимо установить различия между такими предприятиями, «рациональные границы» банкротства. Поскольку источники формирования основных фондов и соответствующие права на них у государственных и негосударственных предприятий различны, количественные рамки пределов ответственности также должны различаться. Что касается негосударственных предприятий, которые являются собственниками своих фондов, то они могут быть объявлены банкротами тогда, когда неспособны вернуть долг кредиторам и не могут продолжать воспроизводство. С государственными предприятиями дело обстоит сложнее, поскольку, в отличие от предприятий коллективной и индивидуальной собственности, они связаны более или менее тесными финансово-экономическими связями с государством, а также со своими партнерами.

Итак, какое же предприятие следует считать находящимся в состоянии банкротства? Здесь мнения китайских экономистов разошлись. Помимо точек зрения (Ни Цзисян, Фань Цзянчунь и др.), когда банкротом может стать любое предприятие, проигравшее в конкурентной борьбе, большинство китайских экономистов считают, что

банкротство означает такое состояние, когда в нормально сложившихся производственных условиях товары, выпускаемые предприятием, не реализуются, денежные затраты не окупаются, финансовые потери растут и, следовательно, нечем платить заработную плату рабочим и служащим предприятия, отсутствуют средства для приобретения основных и пополнения оборотных фондов. Причем это — не временные трудности, а состояние, продолжающееся по крайней мере в течение двух лет¹⁹. Существует и такое мнение, что банкротом предприятие может быть объявлено в том случае, если оно не погашает свою задолженность вовремя и величина его долга превысила стоимость всех его наличных фондов²⁰. Если же фонды предприятия по стоимости превышают сумму его долга, должны быть приняты другие формы урегулирования²¹. По мнению Янь Калиня, решение о банкротстве предприятия должно приниматься строго дифференцированно по разным предприятиям в зависимости от суммы имеющихся убытков, времени убыточности предприятия²². В этой связи Цао Сыюань из технико-экономического центра при Госсовете КНР выступил с предложением запретить банкам предоставлять займы тем предприятиям, чьи совокупные потери оцениваются от 50 до 80 % общей стоимости их фондов²³. Банк, ведущий отношения с предприятием-банкротом, должен заранее уведомить связанные с ним хозяйственные организации о финансово-экономическом состоянии их партнера. Банк должен оказать соответствующую поддержку такому предприятию, например отказаться от взимания штрафов.

В целом, характеризуя причины банкротства предприятий, многие китайские экономисты сводили их к двум моментам: во-первых, слабая материальная основа предприятий, в частности отсталая техника, устаревшее оборудование, низкое качество товаров, высокая их себестоимость; во-вторых, человеческий фактор — неэффективное руководство, бессильное предостеречь ухудшение положения предприятия, низкая сознательность рабочих и служащих, их слабая трудовая активность. Для того чтобы избежать закрытия предприятий по причине банкротства, нужно заметно активизировать работу по устранению вышеназванных причин.

Точка зрения, которую отстаивали Линь Ципин, Янь Калинь и другие экономисты, считающие, что предприятия-банкроты необходимо ликвидировать, представляется более предпочтительной. Прежде всего вполне оправданна и с экономической и моральной стороны ликвидация безнадежно убыточных предприятий. Ликвидация, упорядочение этих предприятий не должны в полной мере отождествляться с реальным банкротством. Здесь скорее используется форма банкротства, нежели реальное содержание этого процесса. Объявление же предприятия банкротом вследствие поражения в конкурентной борьбе, что отражает мнение многих китайских экономистов, представляет уже реальную форму банкротства. Допуская в известной степени конкурентную форму соревнования между предприятиями при социализме, следует все же иметь в виду, что не закон стоимости должен быть регулятором этого процесса, точнее, главным образом не он, а закон спроса и предложения. Решающим должно быть, видимо, поражение в соревновании за качество товаров, удовлетворение спроса потребителя, а не конкуренция в ценах товаров. К соревнованию за качество может, конечно, подключиться в определенной степени и конкуренция в ценах товаров. Однако, если качество высокое, то и высокая цена не всегда отпугивает потребителя. Примеры из практики наглядно свидетельствуют об этом. Предприятие, производя дорогие высококачественные товары, может перестроиться и на более дешевые, ходовые товары, если возникнут определенные трудности сбыта. Вероятность банкротства в такой ситуации снижается.

Ну, а если уж банкротство произошло, то оно предполагает, как указывают китайские экономисты, целый ряд последующих мероприятий. Предприятие закрывается и должно нести ответственность перед государством и другими хозяйственными организациями. Банкротство означает прежде всего, что предприятие утрачивает право хозяйственного пользования средствами производства. Многие считают, что имущество предприятия должно распродаваться посредством торгов, а вырученные средства направляться на покрытие долгов. Если долги превышают вырученные средства, государство берет часть долгов на себя, а если вырученные от распродажи имущества средства больше долга, то остаток поступает в пользу государства. Кадровые работники снимаются с работы и понижаются в окладе. Что касается небольшого числа ответственных лиц, включая ИТР и специалистов, то они подвергаются штрафу и административным взысканиям, вплоть до привлечения к ответственности по закону. Члены партии

подвергаются внутрипартийным санкциям²⁴. Рабочие, как и ганьбу, переходят в категорию ожидающих работу и либо самостоятельно ищут работу, либо через бюро по трудоустройству вновь распределяются на работу.

Объявление предприятий банкротами при социализме, подчеркивается всеми без исключения китайскими экономистами, необходимо осуществлять на основе принципов социализма. После того как предприятие обанкротилось, его рабочим и служащим государством должна быть оказана разносторонняя помощь. Им должна быть предоставлена работа по специальности или же возможность повышения профессионального уровня или приобретения новой специальности. Выдвигаются предложения об учреждении специальной системы страховых выплат работникам обанкротившихся предприятий. С этой целью должны осуществляться регулярные отчисления в размере 5—8 % от заработной платы рабочих всех промышленных предприятий²⁵. При закрытии предприятия его работникам (за исключением ответственных) должно быть выплачено пособие²⁶.

Многие экономисты продолжают считать, что условия для введения «системы банкротства» еще не созрели. К числу внутренних факторов относят низкий уровень управленческого аппарата, недостаточную квалификацию кадров и др., а среди внешних факторов выделяют наличие системы нерациональных цен, чрезмерное административное вмешательство государства в дела предприятий, отсутствие системы социальных гарантий для ликвидированных предприятий и др. Соглашаясь с этими аргументами, китайский экономист Чэнь Юнцзе, например, считает, что не нужно ждать, когда созреют условия, а следует смелее вводить «систему банкротства». Так, он полагает, что Закон о банкротстве заставит предприятие постоянно заниматься регулированием цен, что оно не будет стремиться к повышению цен на свою продукцию, а будет заботиться только об усилении своей конкурентоспособности.

Рассуждения китайского экономиста представляются малоубедительными, поскольку в условиях дефицита на многие товары конкурентоспособности можно добиться и при повышении цен на выпускаемую продукцию. Можно ее добиться и при монопольном положении в отрасли и в некоторых других случаях. Столь же маловероятно и уменьшение административного вмешательства в дела предприятий со стороны правительственных органов. Закон о банкротстве может подстегнуть министерства к еще большему вмешательству в дела «своих» предприятий, чтобы помочь им избежать закрытия. Так, Чжэнь Ю полагает, что введение «системы банкротства» может привести к уменьшению производственного потенциала отрасли, и как следствие этого может появиться боязнь выполнить задание неполностью. И следовательно, не исключено еще большее вмешательство в дела предприятий²⁷.

Основным условием для осуществления Закона о банкротстве, по мнению многих китайских экономистов, является развитие социалистической товарной экономики, когда все предприятия становятся относительно независимыми товаропроизводителями, осуществляющими свою деятельность на принципах хозрасчета и самоокупаемости, на основе действия законов товарного производства. По мнению Янь Калиня, следует последовательно расширять самостоятельность предприятий, избавляясь от последствий «болезни компаний», то есть реорганизовать систему управления, организационную структуру управленческих органов предприятий, их объединений, которые в последние годы усложнили свою структуру, увеличили давление на предприятия, усилили вмешательство в их дела. Предлагается также реформировать систему управления трудовыми ресурсами путем активизации бюро по трудоустройству²⁸. Помимо этих условий, в китайской печати выдвигаются требования четкого разграничения права собственности и права хозяйствования между государством и предприятием. По мнению Чжэнь Ю, положение о том, что предприятие несет полную хозяйственную ответственность за вверенные ему средства производства, а также за свои прибыли и убытки, является «теоретической основой статуса о банкротстве предприятий»²⁹.

В этой связи следует подчеркнуть, что принятие Закона о банкротстве является в известной степени завершением, выражением в сравнительно целостном виде концепции «плановой товарной экономики», выдвинутой на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва. Введение Закона о банкротстве социалистических предприятий добавляет новое звено в механизм реальной товарной экономики: признание важной регулирующей роли закона стоимости, осуществление конкуренции (закона конкуренции)

и, наконец, возможность закрытия предприятия-банкрота, что дает реальную основу для неформального, широкого действия «социалистической конкуренции» в Китае. На это обстоятельство указывали многие китайские экономисты³⁰.

Как отмечалось выше, китайские экономисты важнейшей причиной введения Закона о банкротстве выдвигали необходимость ликвидации отстающих, убыточных предприятий, что, по их мнению, должно принести значительное повышение эффективности во всем народном хозяйстве. Закон о банкротстве предприятий должен также создать у государственных предприятий чувство повышенной ответственности за свою судьбу, «чувство опасности» у персонала предприятий, который вынужден будет активнее участвовать в делах своего предприятия. Он должен способствовать также расширению демократизации управления производством, повышая сознательность хозяйственных решений и способствуя хозяйскому отношению к делу. Предприятие будет вынуждено активнее заботиться о конкурентоспособности своей продукции, повышая ее качество и снижая себестоимость. По мнению Фань Цзянчуня, Закон о банкротстве подтолкнет к объединению мелких предприятий или к интеграции их с крупными, чтобы устоять в конкурентной борьбе. Кроме того, будет обновляться техника, появятся энергичные, инициативные работники и др.³¹ Цзэн Чжэн и Чэнь Сянгуан в свою очередь считают, что введение Закона о банкротстве будет способствовать сокращению чрезмерно быстрого роста фондов потребления на предприятиях, усилению технического преобразования предприятий, уменьшит величину непроизводительных капиталовложений, побудит к использованию кредита для реконструкции, прекратит распыление фондов, ограничит капиталовложения определенными рамками, приучит к бережливости и, наконец, это должно привести к пониманию необходимости создания и увеличения собственных фондов, гарантирующих от сползания предприятия к состоянию банкротства³².

Закон о банкротстве, по-видимому, может дать определенный положительный импульс китайской экономике путем ликвидации давно изживших себя предприятий, концентрации средств и специалистов, появлению чувства ответственности взамен чувства иждивенчества у многих работников государственных предприятий. Однако возлагать на него надежды, подобные тем, которые высказали Фань Цзянчунь, Цзэн Чжэн и другие экономисты, вряд ли правомерно. Закон о банкротстве не панацея, не волшебное средство, с помощью которого можно быстро изменить положение дел к лучшему: В условиях социализма его, видимо, следует рассматривать, говоря словами Ли Цюаньдэ, как «крайнее средство»³³, перед введением которого нужно «изо всех сил спасать»³⁴ отстающее предприятие всеми доступными социализму средствами.

Одним из эффективных путей вывода предприятий из состояния банкротства называется аренда государственных социалистических предприятий. Китайская печать популяризировала эксперимент по аренде государственных, промышленных, торговых и др. предприятий, осуществляемый с августа 1986 г. в городе Ухань. В соответствии с правилами эксперимента объявляются открытые торги на арендный подряд убыточных предприятий. Подрядчиками могут стать как коллективы, так и отдельные лица, как ганьбу, так и группы рабочих. Так, находящийся в состоянии, близком к банкротству, Уханьский завод автодвигателей (его долг достиг 12 млн. юаней при стоимости его имущества в 15 млн. юаней) с персоналом в 1,5 тыс. человек был взят в аренду группой из 21 рабочего этого же завода. Несмотря на небольшой срок, прошедший со времени начала эксперимента, как сообщает «Цзинцзи жибао», уже 35 бывших убыточных мелких и средних предприятий Ухани, взятые в арендный подряд, стали получать прибыль³⁵.

Конечно, преимущества социализма нужно утверждать не только политической системой, гуманизмом, социальными благами, но и экономическими результатами, высокой производительностью и эффективностью. И в этой связи Закон о банкротстве должен сыграть свою регулирующую роль, способствуя укреплению хозяйственной системы социализма, мобилизации его экономических преимуществ. Возможность объявить предприятие банкротом должно рассматриваться, видимо, как один из регулирующих плановых рычагов повышения эффективности государственных предприятий. Однако преувеличивать роль этого рычага в деле всестороннего оживления деятельности предприятий вряд ли правомерно, поскольку процесс оживления деятельности китайских предприятий достаточно сложный и многоплановый.

Реализация Закона о банкротстве вряд ли будет проходить достаточно гладко, она несет с собой к тому же и очевидные негативные явления. Прежде всего этот процесс, видимо, столкнется с противодействием сил, вызванных к жизни ведомственными интересами, поскольку приведет к определенному падению производственного потенциала отрасли, региона, что может поставить под сомнение выполнение плана. Грядущая проблема безработицы, которую вызовет в большей или меньшей степени введение статуса о банкротстве предприятий, видимо, породит сопротивление, особенно со стороны местных органов власти, перед которыми остро встанет проблема занятости, если, конечно, не будет создана вневедомственная, общегосударственная служба трудоустройства.

В этой связи среди негативных последствий, которые несет с собой введение Закона о банкротстве, «самая большая проблема — это безработица»³⁶. Для Китая это действительно серьезная проблема. Только-только удалось осуществить заметные сдвиги в решении вопроса «ожидающих работу». Поэтому новое пополнение в их когорту из числа персонала обанкротившихся предприятий вновь поставит проблему с особой остротой. Однако это обстоятельство, как считает Фань Цзянчунь, не может поставить под сомнение идею введения Закона о банкротстве. Тем более что сразу же после его принятия не возникнет большой армии безработных вследствие повышения уровня руководства предприятий, а также потому, что «на начальном этапе товарной экономики» в Китае имеются широкие перспективы для развития и, следовательно, поглощения рабочей силы³⁷. Сходные взгляды отстаивают и другие китайские экономисты³⁸. Оптимизм и последовательность их в отстаивании выдвинутой идеи, несомненно, положительный фактор. Насколько оптимизм китайских теоретиков окажется подтвержденным практикой, покажет ближайшее будущее.

Ко времени принятия «Закона КНР о банкротстве» в декабре 1986 г. в Китае уже имелся определенный опыт по спасению приближающихся к банкротству предприятий и по ликвидации убыточных предприятий, практика действий в ситуации банкротства предприятий³⁹. С начала 1985 г. в городе Шэньяне осуществлялся эксперимент по закрытию промышленных предприятий городской коллективной собственности в результате банкротства.

Так, в результате закрытия и преобразования убыточных предприятий по производству азотных удобрений в 1978—1981 гг. размеры потерь сократились с 600 млн. до 40 млн. юаней. При закрытии и перепрофилировании небольших убыточных сталелитейных заводов с 1978 по 1982 г. потери снизились с 630 млн. до 70 млн. юаней. Закрытие нерентабельных производств позволило сэкономить ресурсы, фонды, способствовало динамичному развитию других предприятий. В то же время интересы рабочих и служащих ликвидированных предприятий подверглись «определенному ущемлению»⁴⁰. Китайская печать сообщала о банкротстве обувной фабрики в Тяньцзине⁴¹. Банкротство фабрики произошло вследствие ее плохого управления и невысокого уровня профессионального мастерства рабочих. Хозяйственная деятельность фабрики была остановлена, однако оборудование сохранилось и рабочие не были уволены. Посредством нового, эффективного управления ее предполагалось вернуть к жизни.

По условиям эксперимента в Шэньяне предприятие, чей совокупный долг равен или превышает стоимость наличных фондов, а также в случае, если без влияния объективных («политических») причин 2 года подряд оно допускает убытки в размере более 80 % от стоимости фондов, то такое предприятие оказывается в положении предприятия-банкрота, подлежащего закрытию. Затем в течение года ему оказывается разносторонняя помощь. Если это не приносит успеха, то предприятие уже окончательно переводится в положение банкрота. Выявляется ответственность руководителя, все фонды замораживаются. Рабочим и служащим таких предприятий в течение полугода выплачивается уменьшенная зарплата, а со второй половины года — денежное пособие для поддержания существования. Работникам управленческого аппарата выплата заработной платы прекращается сразу, им выдается определенное денежное пособие⁴².

Теоретические обсуждения необходимости принятия в Китае Закона о банкротстве, знакомство с положениями, выдвинутыми по этому вопросу некоторыми венгерскими экономистами⁴³, изучение опыта выхода из состояния банкротства

американских фирм⁴⁴, определенный практический опыт, накопленный в последние годы,— все это в конечном счете вылилось в разработку «Закона Китайской Народной Республики о банкротстве предприятий».

¹ См.: «Цзинцзи жибао», 17.XI.1984.

² См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 2.VI.1985, с. 22.

³ См.: «Бэйцзин жибао», 19.X.1984.

⁴ См. там же; «China daily», 7.I.1985.

⁵ См.: «Бэйцзин жибао», 19.X.1984; «Цзинцзи жибао», 8.IV.1986. В 1986 г. из 6 тыс. предприятий государственной собственности более 1600 работали с убытками.

⁶ In: «China daily», 25.V.1985.

⁷ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 16.III.1986, с. 7.

⁸ См.: «Бэйцзин жибао», 19.X.1984.

⁹ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 2.VI.1985, с. 7.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 24.III.1985.

¹² См. там же, 2.VI.1985.

¹³ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 2.VI.1985.

¹⁴ «Бэйцзин жибао», 19.X.1984.

¹⁵ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 2.VI.1985.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ См.: «Шэхуэй кэсюэ», 1984, № 11.

¹⁸ См.: «Цзинцзисюэ вэньчжай», 1985, № 2, с. 25.

¹⁹ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 2.VI.1985, с. 7.

²⁰ In: «China daily», 8.IX.1984; 25.V.1985.

²¹ См.: «Бэйцзин жибао», 19.X.1984.

²² См. там же.

²³ См.: «Бэйцзин жибао», 19.X.1984; «China daily», 8.IX.1984.

²⁴ Подобные требования являются вполне оправданными. Известно, что В. И. Ленин подчеркивал необходимость того, что «тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали за безубыточность своих предприятий. Если это оказывается ими не достигнуто, то, по-моему, они должны быть привлекаемы к суду и караться в составе всех членов правления длительным лишением свободы (может быть, с применением по истечении известного срока условного освобождения), конфискацией всего имущества и т. д.» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, с. 150—151).

²⁵ См.: «Бэйцзин жибао», 19.X.1984; «China daily», 8.IX.1984.

²⁶ В настоящее время в Китае создается система страхования по безработице. Она охватывает не только работников обанкротившихся предприятий, но и тех, у кого закончился срок трудового договора (либо он был расторгнут). Система также касается работников, уволенных за нарушение дисциплины. Для всех этих лиц предусмотрена дотация в размере 50—75 % их заработка. Период выплаты пособия зависит от трудового стажа: тем, у кого он более 5 лет, дотация выплачивается 2 года, у кого менее 5 лет — только год.

²⁷ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 16.III.1986.

²⁸ См.: «Бэйцзин жибао», 19.X.1984.

²⁹ «Цзинцзисюэ чжоубао», 16.III.1986.

³⁰ См.: «Шинце цзинцзи даобао», 7.I.1985, с. 3; «Шэхуэй кэсюэ чжаньсянь», 1985, № 1, с. 36; «Цзинцзисюэ чжоубао», 16.III.1986, с. 7.

³¹ См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 16.III.1986.

³² См. там же.

³³ «China daily», 8.IX.1984.

³⁴ «Бэйцзин жибао», 19.X.1984.

³⁵ См.: «Цзинцзи жибао», 20.XI.1986.

³⁶ «Цзинцзисюэ чжоубао», 2.VI.1985.

³⁷ См. там же.

³⁸ См., например: Ван Хайбо. Изучение проблем экономики промышленности Китая.— «Юньнань жэньминь чубаньшэ», 1984, с. 245—246.

³⁹ См.: «Жэньминь жибао», 25.IX.1986.

⁴⁰ См.: «Бэйцзин жибао», 19.X.1984.

⁴¹ In: «China daily», 4.V.1985.

⁴² См.: «Хэйлунцзян жибао», 22.III.1985.

⁴³ Китайские экономисты знакомы с книгой венгерского экономиста Яноша Корнаи «Экономика дефицита». — «Цзинцзи кэсюэ чубаньшэ», 1986.

⁴⁴ In: «China daily», 4.V.1985; «Цзинцзи жибао», 16.XI.1986.

ИСТОРИЯ

Борцы за народное дело

Лю Бочэн — выдающийся военачальник и государственный деятель Китая

А. С. ТИТОВ,

В. Н. УСОВ,

кандидат исторических наук

7 октября 1986 г. на 95-м году жизни скончался видный китайский военный и политический деятель — коммунист, один из основателей Народно-освободительной армии Китая, Маршал КНР Лю Бочэн. Вся его жизнь была неразрывно связана с героической революционной борьбой китайского народа за свое национальное и социальное освобождение и построение нового социалистического Китая. Как подчеркнул выступивший на траурном митинге в Пекине Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан, это — большая утрата для китайского народа.

Лю Бочэн родился 4 декабря 1892 г. в уезде Кайсян (провинция Сычуань) бедной крестьянской семье. В то время в результате открыто реакционной политики цинского (маньчжурского) правительства и усиления агрессии империалистических держав политическая обстановка в Китае обострилась, что привело к Синьхайской революции 1911 г. и созданию Китайской республики. В. И. Ленин, оценивая ход революционных событий в Китае, писал: «Китайская демократия не могла свергнуть старого порядка в Китае и завоевать республику без громадного духовного и революционного подъема масс»¹.

Пятнадцатилетний Лю Бочэн стремился активно включиться в революцию. Вместе с тысячами студентов и учеников старших классов он вступил в особый отряд революционной «студенческой армии». В 1912 г. Лю Бочэн сдал экзамен в военную школу в Чунцине. В следующем году он вступил в ряды Сычуаньской армии, сражавшейся против милитариста Юань Шикая. В ответ на запрет Юань Шикаем, которого поддерживали империалистические державы, партии Гоминьдан (ноябрь 1913 г.), а также разгон парламента и установление своей диктатуры (январь 1914 г.) Сунь Ятсен, будучи в эмиграции в Японии, реорганизовал в июне 1914 г. Гоминьдан в Китайскую революционную партию (Гэминдан). Эта партия мыслилась им как боевая организация, способная свергнуть диктатуру Юань Шикая. В том же 1914 г. в Гэминдан вступил Лю Бочэн.

Но революция 1911 г. и дальнейшее развитие событий не принесли китайскому народу освобождения ни от феодального гнета, ни от империалистического засилья; трудящиеся массы не получили никакого облегчения; продолжавшиеся между милитаристскими группировками войны, поддерживаемые империалистическими державами, подрывали и разрушали экономику Китая, препятствовали его объединению, дезорганизовывали полити-

ческую жизнь в стране. За короткий период службы в местных войсках провинции Сычуань Лю Бочэн от командира роты вырос до командира полка.

В 20-е гг. Лю Бочэн, после знакомства с сычуаньским революционером У Юйчжаном (членом КПК), стал знакомиться с литературой об Октябрьской социалистической революции в России, о Ленине, о марксизме и постепенно из патриота-демократа стал превращаться в коммуниста. В мае 1926 г. Лю Бочэн стал членом КПК. В том же году наряду с другими китайскими коммунистами он принимал активное участие в Северном походе Национально-революционной армии против северных милитаристов с целью объединения, демократизации и национального освобождения Китая. Он был командиром в 15-й армии и офицером связи с сычуаньскими войсками, которые были склонны поддержать Северный поход.

После предательства Гоминьдана и разрыва единого фронта с коммунистами в 1927 г. Лю Бочэн был одним из организаторов и руководителей Наньчанского восстания, которое положило начало созданию Красной армии Китая. Во время Наньчанского восстания он был членом фронтового комитета КПК и начальником военного штаба революционного комитета. С этого момента вся жизнь Лю Бочэна неразрывно связана с революционной армией, с ее героической борьбой за национальное и социальное освобождение Китая.

С 1927 г., после поражения Наньчанского восстания, до 1930 г., уже имея богатый боевой опыт, Лю Бочэн учится в Советском Союзе, сначала в Высшем пехотном училище, а затем в Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Лю Бочэн принял участие в VI съезде КПК (июнь 1928 г.), который в связи с разгулом гоминьдановской реакции после поражения революции 1925—1927 гг. пришлось проводить в селе Первомайском Нарофоминского района Московской области. Он выступил с содокладом по военным вопросам, а также предложил участникам съезда специальный доклад «История вопроса Наньчанского восстания».

По возвращении в Китай (1930) Лю Бочэн находился на ответственной военной и партийной работе. В январе 1932 г. он был назначен начальником Военной академии в Жуйцзине — столице Центрального советского района. Основываясь на военном опыте СССР, он разработал типовые схемы регулярных частей и соединений Красной армии Китая, которые были одобрены военным советником Коминтерна О. Брауном (Ли Дэ) и утверждены Реввоенсоветом. В октябре 1932 г. Лю Бочэн был назначен начальником главного штаба Красной армии Китая, вместе с Чжу Дэ разрабатывал планы военных операций. По свидетельству лиц, близко знавших его, штабной работой Лю Бочэн владел в совершенстве, был блестящим тактиком партизанской и маневренной войны. Являясь начальником главного штаба, Лю Бочэн принимал активное участие в строительстве и укреплении Красной армии Китая и в повышении ее боеспособности.

Во время Северо-западного похода главных сил Центрального советского района в 1934—1935 гг. Лю Бочэн командовал авангардными частями и одержал ряд блестящих побед над гоминьдановскими войсками в провинциях Гуйчжоу, Юньнань и Сычуань. Будучи родом из Сычуани и долгое время неся службу в войсках, действовавших в этих провинциях, Лю Бочэн хорошо знал местные условия. Под его руководством авангардные части Красной армии успешно форсировали труднопредолимую реку Уцзян (провинция Гуйчжоу), обеспечив тем самым главным силам Красной армии возможность занять важные города Цзунь и Тунцзы и получить

передышку. Под непосредственным руководством Лю Бочэна в начале мая 1935 г. успешно была форсирована река Янцзы в верхнем ее течении (Цзиньшацзян) в провинции Юньнань. В результате главным силам Красной армии был открыт путь в провинции Сикан и Сычуань. Но на пути на север предстояло пройти через районы, населенные народностью «и» (лоло), которые были враждебно настроены к китайцам и вели вооруженную борьбу против них, являвшуюся реакцией на шовинистическую политику угнетения со стороны господствовавших классов Китая.

Зная язык и обычаи народности «и», Лю Бочэн возглавил авангардный отряд и провел переговоры с ее вождями. Он разъяснил им цели и задачи Красной армии, которая ведет вооруженную борьбу против их угнетателей — местных и гоминьдановских сатрапов, в том числе и против их ненавистных врагов, местных милитаристов Лю Сяна и Лю Вэньхуэя. В результате население не только не нападало на части Красной армии, но оказывало им всяческое содействие, снабжая продовольствием, выделяя проводников и даже вступая в ряды Красной армии и создавая партизанские отряды.

Лю Бочэн был одним из героев Великого похода Красной армии, участники которого прошли около 12 тыс. км по территории 11 провинций, провели сотни боев с реакционными гоминьдановскими войсками. Успешное завершение Великого похода имело исключительно большое значение для дальнейшего развития китайской революции, для организации борьбы китайского народа против японских захватчиков.

В 1937 г., с начала войны против японских захватчиков, Лю Бочэн назначается командующим 129-й дивизии 8-й Национально-революционной армии (8-й НРА), районом действий которой были провинции Шаньси, Хэбэй, Хэнань, Шаньдун. В 1937 г., в самый напряженный момент борьбы на шаньсийском фронте, когда японские захватчики, не встречая организованного сопротивления, пытались с ходу захватить административный центр город Тайюань и всю провинцию, 129-я дивизия Лю Бочэна совместно с другими частями 8-й НРА оказали им упорное сопротивление, подняв боевой дух китайской армии и воодушевив китайский народ на дальнейшую борьбу против японских агрессоров.

После падения в ноябре 1937 г. Тайюаня 129-я дивизия Лю Бочэна нанесла ряд ударов японским захватчикам в юго-восточной части провинции Шаньси, создав в горном районе Тайхан антияпонскую опорную базу, которая стала главным местом пребывания полевого управления 8-й НРА. Затем часть войск 129-й дивизии перешла Пекин-Ханьжоускую железную дорогу и развернула партизанскую войну в провинциях Хэбэй, Шаньдун и Хэнань. В апреле 1938 г. был создан крупный пограничный район Шаньси-Хэбэй-Шаньдун-Хэнань и образовано его демократическое правительство.

В течение всей войны Лю Бочэн действовал в тесном контакте с командованием 8-й НРА — Чжу Дэ и Пэн Дэхуаем. Вместе с ними он участвовал в разработке и осуществлении плана крупной наступательной операции 8-й НРА против японских оккупантов в Северном Китае в 1940 г., известной как битва «ста полков». Цель этой операции заключалась в том, чтобы одновременным внезапным ударом по гарнизонам противника дезорганизовать его тылы, нарушить связь, разрушить шоссейные и железные дороги, уничтожить отдельные гарнизоны, расширить территорию освобожденных районов, оживить войну сопротивления, поднять боевой дух китайского народа и нанести удар по капитулянтским настроениям правящих кругов Китая.

Наступательная операция, продолжавшаяся в течение трех месяцев, нанесла серьезный урон японским оккупантам: было уничтожено, по воспоминаниям

маршала Пэн Дэхуая, около 30 тыс. солдат и офицеров японской армии и их марионеток², захвачено большое количество вооружения и боеприпасов, уничтожено около 3 тыс. укрепленных пунктов, разрушено свыше 260 мостов и тоннелей, около 500 км железнодорожного пути, 1500 км шоссе и т. д. Противнику потребовалось более месяца, чтобы восстановить сообщение по железным дорогам Чжэндин-Тайюань и Пекин-Ханькоу.

По признанию японцев, битва «ста полков» стала внезапной демонстрацией того, как активна еще китайская война в момент, когда японская армия, уже пренебрегая Китаем, готовилась к наступлению на юг — в Индокитай.

Как вспоминал Пэн Дэхуай: «В штабе японских войск в Северном Китае эта битва была названа сражением, когда Япония сделала себе характеры»³.

К концу войны против японских захватчиков войска под командованием Лю Бочэна превратились в мощные, закаленные в боях соединения вооруженных сил КПК. В январе 1944 г. войска Лю Бочэна развернули наступление на фронте освобожденного района Шаньси-Хэбэй-Шаньдун-Хэнань, которое успешно продолжалось весь год. Осенью 1944 г. войска Лю Бочэна форсировали Хуанхэ на юге провинции Шаньси и, вытеснив противника из западной части провинции Хэнань, создали там освобожденный район. Под угрозой оказались захваченные японцами города Чжэнчжоу и Лоян. В том же году в освобожденном районе Шаньси-Хэбэй-Шаньдун-Хэнань была очищена от врага территория с населением более 5 млн. человек, объединены антияпонские базы в юго-западной и западной частях провинции Шаньдун. Таким образом, войска под командованием Лю Бочэна внесли значительный вклад в борьбу против японских захватчиков.

На VII съезде КПК, состоявшемся в 1945 г., Лю Бочэн был избран членом ЦК КПК.

Когда Чан Кайши при поддержке американских империалистов после капитуляции Японии в 1945 г. развернул наступление против вооруженных сил КПК и освобожденных районов, войска под командованием Лю Бочэна не только отстояли освобожденный район Шаньси-Хэбэй-Шаньдун-Хэнань, но и решительными контрударами отвлекли силы врага с других фронтов.

После начала общего наступления вооруженных сил КПК против войск Чан Кайши в июле 1947 г. войска Лю Бочэна форсировали реку Хуанхэ, уничтожили за месяц боев более 9 бригад противника — 56-тысячную гоминьдановскую группировку — в треугольнике между Хуанхэ, Великим каналом и Лунхайской железной дорогой, вышли местами к реке Янцзы и создали освобожденный район в горах Дабешань.

В 1948 г. войска под командованием Лю Бочэна продолжали громить гоминьдановские войска. В сентябре 1948 г. они совместно с частями Ли Сяньняня и Чэн Гэна освободили столицу провинции Шаньдун город Цзинань.

В ноябре 1948 г. войска под командованием Лю Бочэна были реорганизованы во 2-ю полевую армию, командующим которой остался Лю Бочэн, а политкомиссаром — Дэн Сяопин. В конце того же года, после того как гоминьдановские войска были разгромлены в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), 2-я полевая армия Лю Бочэна совместно с 3-й полевой армией под командованием Чэнь И начали военную операцию на Центральном фронте по разгрому крупной группировки гоминьдановских войск в районе города Суйчжоу, которая прикрывала подступы к району Шанхай — Нанкин. Здесь противник имел укрепленные, глубокоэшелонированные позиции вдоль реки Хуайхэ и ее притоков. В этом районе произошла битва, получившая

название Хуайхайской. Общее командование Центральным фронтом было возложено на Чжу Дэ. Битва закончилась полным поражением гоминьдановских войск, а их командующий Ду Юймин был взят в плен.

В Хуайхайской битве, особенно на первом ее этапе, 2-я полевая армия Лю Бочэна сыграла очень важную роль. Константин Симонов как корреспондент «Правды», побывавший в октябре 1949 г. на месте Хуайхайской битвы, так описывал события: «В результате смелого и решительного маневра войсками Лю Бочэна была окружена группировка из четырех гоминьдановских армий. Бои с окруженной группировкой продолжались двенадцать суток.

Над полем боя временами висело до ста вражеских самолетов, они бомбили и обстреливали войска Народно-освободительной армии и сбрасывали на парашютах окруженной группировке боеприпасы и продовольствие. Но ни эти меры, ни попытки других гоминьдановских армий соединиться с окруженными частями, ни попытки окруженных частей пробиться из кольца не дали никаких результатов, и к исходу двенадцатого дня боев свыше ста тысяч гоминьдановцев было убито, ранено и, главным образом, взято в плен...»

«В этом грандиозном сражении были разгромлены и взяты в плен основные силы Чан Кайши, сосредоточенные в то время в Центральном Китае и прикрывавшие переправы через Янцзы,— писал К. Симонов.— Блистательные успехи, достигнутые в этой операции 2-й полевой армией под командованием Лю Бочэна при содействии 3-й полевой армии под командованием генерала Чэнь И, по существу предопределили и успех последующей переправы через Янцзы и взятие Нанкина и Шанхая»⁴.

Через несколько дней после посещения мест, связанных с Хуайхайской битвой, К. Симонову удалось встретиться с героем этой битвы генералом Лю Бочэном, который был проездом в городе Чанша. Представители гарнизона устроили в его честь товарищеский ужин, на котором присутствовал и К. Симонов.

«Этот непрерывно воюющий уже третье десятилетие, больше десяти раз раненный, много раз похороненный гоминьдановской печатью и много раз воскресавший, генерал Лю Бочэн — скромнейший из скромных, сидел на устроенном в его честь ужине так, будто все происходившее в этот вечер вовсе не относилось к нему, будто он был случайно попавшим сюда гостем, больше всего желавшим остаться незамеченным.

Товарищи генерала Лю Бочэна говорят, что еще никому никогда не удавалось видеть его отдыхающим. Очевидно, если он и отдыхает, то отдыхает от одной работы, занимаясь другой. Этот человек, с наполовину потерянным зрением... в самые трудные времена войны против японцев и гоминьдановцев ухитрялся систематически переводить многочисленные советские военные книги, начиная от капитальных трудов по стратегии и тактике и кончая отдельными заинтересовавшими его статьями из журнала «Военная мысль». В течение многих лет он отдавал этому делу все свои «свободные» часы, работая при свете ночника в землянках, полуразрушенных хибарках»⁵,— писал автор книги «Сражающийся Китай».

«Со своей круглой, коротко остриженной, седеющей головой, со своим удивительно спокойным выражением лица, одетый в черный, без всяких знаков отличия гражданский френч — он больше похож на пожилого профессора университета, чем на одного из самых боевых генералов китайской Народно-освободительной армии»⁶.

В апреле 1949 г. после освобождения Нанкина Лю Бочэн назначается председателем Нанкинского военного контрольного комитета, мэром города.

После образования Китайской Народной Республики в октябре 1949 г. Лю Бочэн избирается членом Центрального народного правительственного совета Китая, заместителем председателя Народного революционного военного совета Китая и членом Постоянного комитета Народного политического консультативного совета Китая.

С 1950 по 1954 г. Лю Бочэн находился в городе Чунцине и являлся председателем Военного административного (с января 1953 г. — Административного) комитета Юго-Западного Китая и заместителем секретаря Юго-Западного бюро ЦК КПК.

В конце 1950 г. Лю Бочэн был назначен ректором Военной академии Народно-освободительной армии Китая. За несколько лет под его руководством была подготовлена целая группа военных командиров, обладающих высокими деловыми и моральными качествами. После реорганизации правительства в 1954 г. Лю Бочэн стал заместителем председателя Государственного комитета обороны, членом Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и начальником управления общей подготовки и главной инспекции Военного совета НОАК. В 1955 г. ему было присвоено звание Маршала КНР, он был награжден орденами «1 августа», «Независимости и свободы» и «Освобождения» 1-й степени.

С октября 1951 по декабрь 1954 г. Лю Бочэн был членом правления Общества китайско-советской дружбы. В 1956 г. он участвовал в работе VIII съезда КПК, был избран в состав Политбюро ЦК КПК восьмого созыва. С сентября 1957 г. являлся ректором Военной академии и ее политкомиссаром.

Ху Яобан подчеркнул на траурном митинге 16 октября 1986 г.: «В 1958 г. Лю Бочэн незаслуженно подвергался критике за так называемый «догматизм в работе по строительству армии». В 1980 г. партией было признано, что «борьба против догматизма» в 1958 г. была ошибочной»⁷.

В январе 1966 г. Лю Бочэн был назначен заместителем председателя Военного совета ЦК КПК. В ходе «культурной революции» подвергался резкой критике в хунвэйбиновских газетах, дацзыбао и листовках, подвергался притеснениям со стороны «четверки».

Лю Бочэн был членом ЦК КПК седьмого созыва, членом Политбюро ЦК КПК восьмого — одиннадцатого созывов, заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП второго — пятого созывов.

В 1982 г. в связи с ухудшением здоровья и преклонным возрастом по его просьбе Лю Бочэн был освобожден от всех военных, партийных и административных постов и ушел на заслуженный отдых.

Лю Бочэн много сил и внимания уделял подготовке и воспитанию высококвалифицированных командных кадров, организации штабной службы и укреплению обороны КНР. Его замечательное командное искусство и оперативная тактика способствовали превращению его в крупного военного ученого. Его перу принадлежат ряд теоретических трудов в области стратегии и тактики, в которых применительно к китайским условиям он использовал достижения зарубежной военной науки, в том числе советской.

Лю Бочэн не мыслил жизни без Коммунистической партии Китая, и как-то зимой 1942 г. в дни своего 50-летия он обронил такую фразу: «Если я умру, прошу на моей могиле поставить мемориальную доску и написать: «Это могила китайского большевика Лю Бочэна». Это будет для меня наивысшим утешением»⁸.

Лю Бочэн был искренним другом Советского Союза. Светлая память о маршале Лю Бочэне, талантливом военачальнике, крупном общественном

и политическом деятеле, друге советского народа, навсегда сохранится в нашей памяти.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 403.

² Воспоминания Пэн Дэхуая. Пекин, 1981, с. 237 (на кит. яз.).

³ Там же.

⁴ К. Симонов. Сражающийся Китай. М., 1950, с. 10—11.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 8—9.

⁷ Выступление Ху Яобана на траурном митинге в Пекине.— «Жэньминь жибао», 17.X.1986.

⁸ Цит. по: Дэн Сяопин. Памяти Бочэна.— «Жэньминь жибао», 21.X.1986.

Из истории отечественного
востоковедения

«Письмо о китайском торге» А. Н. Радищева

*Д. И. БЕЛКИН,
кандидат филологических наук*

Смертный приговор за книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» Александру Николаевичу Радищеву заменили десятилетней ссылкой в Илимск, в места, относительно близкие к границам Поднебесной. Мужественный писатель, будучи деятельной личностью, даже в тягчайших условиях не упустил возможности разобраться в преимуществах и ущербных сторонах кяхтинской торговли. Многие причины и обстоятельства побудили его дать это развернутое описание. Его «Письмо о китайском торге» — весьма важный документ эпохи. К сожалению, это произведение наиболее яркого выразителя революционной мысли России конца XVIII в. несправедливо пребывает на периферии науки. Его охотно цитируют, но мало и слабо изучают¹.

...За несколько лет до Радищева его сослуживец (1778—1780) по коммерц-коллегии Михаил Чулков попытался рассмотреть сходные проблемы в много-томном «Историческом описании Российской коммерции». Более семисот страниц посвятил он Китаю во второй книге третьего тома². Историко-экономическое исследование М. Д. Чулкова и трактат А. Н. Радищева различны не только хронологией и объемом привлеченных материалов. Хотя в общественной позиции авторов встречаются сходные моменты, цели их совершенно различны. М. Д. Чулков стремился объединить все известные тогда документы по истории торговли русских с Китаем — донесения и рапорты Лоренца Ланга, Л. В. Измайлова, С. В. Рагузинского и др. Радищев же, исходя из реального положения дел в Кяхте, желал повлиять (в рамках возможного) на торговлю русских купцов с Китаем.

В своем «Письме» к А. Р. Воронцову Радищев опирался на труд М. Д. Чулкова, хотя прямо не ссылаясь на него. Он, видимо, полагал, что президенту коммерц-коллегии А. Р. Воронцову содержание тома было хорошо известно. А. Н. Радищев взял оттуда статистические данные о торге в Кяхте за последние 30 лет — с 1758 по 1788 г. Познания Радищева о Китае складывались из разных источников, выявление которых небезынтересно, поскольку Китай в «Письме» рассматривается как часть ориентального мира и представлен в сугубо реалистическом плане. В годы студенчества Радищев столкнулся в Европе с модой на все «китайское», весьма популярной там во второй половине XVIII в. Следует упомянуть и результаты углубленного чтения в Лейпциге сочинений французских просветителей, в частности Гельвеция, неоднократно восхищавшегося образом добродетельного китайца, проявляющего заботу о народном благе. Позднее немало сведений о странах Востока Радищев почерпнул из трудов Гердера и Рейналя³. Во время работы над «Путешествием из Петербурга в Москву» писатель имел возможность прочесть переводы с маньчжурского А. Агафонова, вышедшие в обеих столицах (1788). Несомненно, Радищеву были знакомы труды о Китае Алексея Леонтьева, привлекавшие внимание современни-

ков широтой тематики. Знакомство с работами отечественных китаеведов расширилось благодаря участию в разборе донесений об объемах менового торга, которые поступали в петербургскую коммерц-коллегию от администрации на русско-китайской границе.

В творчестве А. Н. Радищева эти источники преломлялись отнюдь не обособленно друг от друга. Различные аспекты ориентального мира попеременно привлекали к себе внимание автора «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Письма о китайском торге», которое было завершено им в Илимске не позднее осени 1792 г.⁴

В существующих комментариях к этому сочинению практически не рассмотрено отношение Радищева к Востоку. Мало сказано и о мотивах, побудивших ссыльного писателя взяться за перо. Эти проблемы и стали центром предлагаемого исследования.

Решение Радищева подготовить для А. Р. Воронцова трактат о русско-китайской торговле формировалось в Сибири исподволь. 15 марта 1791 г. он писал президенту коммерц-коллегии из Тобольска, где, обходя указ царицы, задержался на полгода: «Время моего здесь пребывания я, по возможности, старался употребить себе в пользу приобретением беспристрастных о здешней стороне сведений... Но, признаюсь, трудно уловить истину» (III, 355—356). А. Н. Радищев знал, что Воронцов продолжает прислушиваться к его мнению, ценит его добросовестное отношение к делу, а потому не торопился с выводами. «Говоря о городе и деревнях,— писал Радищев из Тобольска,— не могу не упомянуть Вашему сиятельству об общем или почти общем желании возобновления китайского торга. Пользы, от него проистекающие, велики, согласен. Но как я часто раскольник бывал во многих мнениях, то и в сем случае мне вред от пресечения торга с Китаем не столь кажется повсеместным. Думаю, что есть и некоторая польза. Но мысли мои о сем еще не зрелы, и я их не осмеливаюсь предложить Вашему сиятельству» (III, 357—358).

Правительство Екатерины II предпринимало все возможные меры для нормализации отношений с цинским Китаем и восстановления кяхтинского торга. Еще в 1790 г. Государственный совет, разбирая «дело ламы Габуна», отмечал, что необходимо как можно скорее восстановить русско-китайскую торговлю, «от пресечения которой лишается казна ежегодно до 600 000 рублей пошлинного дохода, а партикулярные люди в сибирских наместничествах обращения капитала, простирающегося миллионов до трех рублей»⁵. Видный чиновник коммерц-коллегии, каким был тогда Радищев, не мог не знать подобных фактов.

В «Описании Тобольского наместничества» содержится следующее замечание (одно из многих, на которые указывал А. Н. Радищев, объясняя, почему он не видит большого вреда от перерыва в торговле с Китаем): «Но выгоды сего торга были бы гораздо больше, если б пошлина с товаров, на Кяхте собираемая, не была в 50 процентов»⁶. «Тобольские купцы, не имея сами больших капиталов, а с малыми не в состоянии получать барыш в столь медлительном торгу, принуждены бывают занимать большие суммы, платя рост чрезмерный, дабы можно было все нужные делать на торгу издержки». Еще не доехав до Кяхты, как намеревался, Радищев правильно подметил такое важное обстоятельство, как сложность и обременительность таможенной системы. «Капитал, в торгу употребленной, возвращается не прежде почти двух лет, а между тем, опричь платежа пошлин, которые платятся переводом в Тобольске, Екатеринбурге или Москве, бывают по торгу беспрестанные издержки, и для того надлежит иметь в запасе

другой капитал, равной почти употребленному на покупку товара». Эти обстоятельства, заключает Радищев, «стесняют шествие торговли» (III, 140—141).

С 1762 по 1792 г., несмотря на заинтересованность царского двора, торговля с Китаем прерывалась 14 раз. Искусственные задержки в развитии торговли наносили большой урон экономическим интересам обеих стран. Отсюда постоянная сдержанность писателя в определении достоинств и изъянов этого торга⁷, подробная аргументация своей позиции. Вопрос о торговле с Китаем настолько занимает Радищева, что упоминания о ней встречаются практически во всех письмах к А. Р. Воронцову. 8 мая 1791 г. он пишет: «Мне хотелось бы сказать Вашему сиятельству о чем-то более занимательном и вернуться к тому предмету, который я мимоходом затронул в одном из моих писем: это — торговля с Китаем» (III, 376). И хотя ссыльный Радищев сетует, что ему «недостает многих данных», содержание письма показывает, что он обстоятельно изучил в Тобольске номенклатуру меновой торговли российских купцов в Кяхте, основу которой, как известно, составляла сибирская «меховая рухлядь разного именованья»⁸ (II, 9). Радищев был внимателен ко всему: к результатам пушного промысла сибиряков, местам добычи зверя, ценам на шкурки. В его письмах теоретические рассуждения о секретах связи внешней торговли с внутренней соседствуют с деталями быта местных жителей. «По моему мнению,— заключает писатель,— лишь большой недостаток в чае, употребление коего стало первой необходимостью, заставляет желать торговли с Китаем». В деталях, с цифрами в руках рассматривал Радищев последствия ввоза в Россию грубых китайских тканей.

Столь же внимателен он и в оценке интересов китайской стороны. Очень осторожно Радищев дает понять А. Р. Воронцову, что в торговле мехами большую выгоду, как ему представляется, получают гости из-за рубежа. «Если, говоря о пользе китайского торга, сослаться на то, что там скупалась вся наша пушнина, я сказал бы, что, напротив, почти весь пушной товар, добываемый в Сибири, продают в Россию; отборные меха, что имеют спрос у китайцев, поступают с Алеутских и других островов».

Радищев много размышляет об оправданности, о допустимости средств, какими ведется торг, о его социальных последствиях. «Торговый промысел, отнимающий у земледелия руки, кои могли быть ему посвящены,— грабительский промысел, душащий в сердце человека зачатки жалости» (III, 377). Для Радищева подобная торговля малопривлекательна. И в цитируемом, и в последующих письмах из Сибири, в которых затрагивались проблемы внешнего торга, отчетливо проступают черты нравственного и общественного облика их автора, стремившегося к органическому единству морали и политики.

Характерно, что за многие месяцы пребывания в Тобольске Радищев в своих пространственных обращениях к А. Р. Воронцову ни разу не останавливается на причинах, приведших к прекращению торга. Безусловно, случай ограбления на границе 1 мая 1785 г., который китайская сторона использовала как повод для закрытия торга в Кяхте на целых семь лет, хорошо был известен в Петербурге. «На брегах Невы» не раз ставился вопрос о возобновлении торга. Судя по письмам из Тобольска, осведомленность Радищева о ходе подготовки к переговорам в Кяхте не единожды обсуждалась им с местным губернатором А. В. Алябьевым, который, к слову сказать, получил из Петербурга выговор за продолжительную задержку осужденного писателя⁹. Действительно, Радищев пользовался здесь полной свободой, общался с тобольским населением, имел доступ к архивным документам,

изучал природу, быт и хозяйство Тобольского наместничества. «Как богата Сибирь своими природными дарами! Какой это мрщный край!» — восхищенно восклицал Радищев (III, 387). В Тобольске в конце марта 1791 г. состоялся его знакомство с директором Кяхтинской таможни П. Д. Ванифатьевым, ехавшим из столицы по делам службы и доставившим Радищеву письма и книги от Воронцова. Здесь же, в Тобольске, как установил А. А. Шмаков, Радищев встретился еще с одним человеком, сумевшим посвятить опального литератора в дела кяхтинского торгова. Этим человеком был Егор Дитмар, советник Иркутской таможни, возвращавшийся туда из Петербурга¹⁰. Не исключено, что беседы с ним, как и с П. Д. Ванифатьевым и А. В. Алябьевым, натолкнули Радищева на мысль глубже рассмотреть значение меновой торговли в Кяхте, побудили обратиться к моральной, человеческой стороне раскрывающихся здесь экономических отношений. И в подневольных условиях Радищев жил искренним стремлением быть полезным народу, России и потому столь остро сознавал меру своей ответственности за предложенные рекомендации, которые к тому же плохо согласовывались с волей императрицы.

Правительство Екатерины II в 1782 г. отказалось от монополии на торговлю с Китаем, которая к тому времени стала малоодоходной, и разрешило частную пушную торговлю. Руководство коммерц-коллегии — и этого не мог не знать один из ее ведущих чиновников — нуждалось в высококвалифицированной информации о размерах обмена «мягкой рухляди», возобновившегося на границе после семилетнего перерыва. И Радищев пожелал представить такие сведения. Социальные проблемы кяхтинского торгова, как и всей тогдашней исторической судьбы Сибири, очень волновали писателя, который видел в них часть судьбы Родины. Ведь именно в это время А. Н. Радищев обдумывает трактат «О человеке, его смертности и бессмертии» с подлинно гуманистической идеей гражданской активности. Отсюда его живой интерес к беседам с сибирскими администраторами, не только хорошо знавшими историю и потребности местного купечества, но и ответственными за получение таможенных доходов от пограничного торгова с Китаем.

Перебравшись 8 октября 1791 г. в Иркутск, писатель информирует президента коммерц-коллегии о том, что продолжает собирать материалы по торговле с китайскими купцами. «Предварительно то только сказать могу, что Иркутская губерния более страдает от пресечения сего торгова, нежели Тобольская» (III, 394). Он выслушивает о сем предмете мнения местных чиновников, не исключено, что знакомится с некоторыми документами. «Здесь все с нетерпеливостью ожидают ответа китайского трибунала о кяхтинском торговле и надеются, что ответ будет благосклонный. Мне очень приятно будет, если зимний путь станет неделеем позже, ибо буду иметь случай видеть китайцев» (III, 398). Немало сведений Радищев почерпнул из бесед с генерал-губернатором Иркутским и Кольванским И. А. Пилем¹¹, с которым, по словам его жены, бывал «всякой день вместе». Последний по должности своей был причастен к переговорам с китайской стороной и довольно регулярно сообщал о них в Петербург.

Общение с чиновным миром Иркутска, от которого зависела дальнейшая судьба автора «Путешествия», имело для него неоднозначные последствия. Среди лиц, с которыми встречался Радищев, многие могли рассказать — и рассказывали — о формах торгова в Кяхте, о претензиях сторон на переговорах. Беседы о кяхтинской торговле каждый раз помогали Радищеву глубже вникнуть в экономику и культуру Сибири. Собеседниками Радищева оказывались и иркутский губернатор Л. Т. Нагель, которому по должности надлежало подписать на границе соглашение о возобновлении торгова,

и вице-губернатор А. С. Михайлов, которого Радишев знал еще по Петербургу и который был для него «единственным знакомым в этой губернии» (III, 408). Встречался Радишев и вел в Иркутске беседы о торге с И. Л. Долгополовым, надворным советником, командированным сюда еще в 1789 г. коммерц-коллегией для переговоров о возобновлении торгового с китайскими пограничными властями и принимавшим в них участие. Хотя И. Л. Долгополов общался с Радищевым лишь короткое время, но успел оказать ему немало добрых услуг. К сожалению, он покинул Иркутск в конце октября, а Михайлов — в начале декабря 1791 г. «с намерением больше не возвращаться» (III, 407). Радищева весьма печалил отъезд добрых знакомых и советчиков.

Такое обращение губернского начальства с «государственным преступником» вызвало недовольство в среде менее заметных и более ретивых городских чинов: в столицу был отправлен донос о том, что к Радищеву «здесь относятся лучше», нежели он того заслуживает. Иркутское дворянство и чиновники рассматривали Радищева как «опасного арестанта, разрушающего покой общественной», и настаивали на немедленной пересылке его к месту конечного заключения, в Илимский острог (III, 632). В письме Радищева из Иркутска можно встретить фразу: «Правду говорили, будто здешние люди, во всяком случае некоторые из них, самый что ни на есть дурной народ, и это заставляет меня торопиться с отъездом». В нетерпеливом ожидании зимнего пути писатель провел в Иркутске два с лишним месяца. Задерживали Радищева, усугубляя его страдания, простуженные дети, которых Е. В. Рубановская привезла еще в Тобольск. «Мне объявили, что я не могу долго оставаться в этом городе», — сообщает он А. Р. Воронцову. Однако государственные интересы продолжали привлекать внимание Радищева. «От китайцев нет еще ответа», — сообщает он А. Р. Воронцову (III, 408—409).

Мнение Н. А. Финкельштейн о том, что предложение заняться на месте вопросом российской торговли с Китаем исходило от могущественного покровителя (II, 364), нуждается в уточнении. Перечисленные обстоятельства, письма Радищева, цитированные выше, показывают, что ему самому принадлежала эта идея.

Среди иркутских знакомцев, в беседах с которыми раскрывались перед писателем малоизвестные стороны торгового дела в Кяхте, необходимо назвать Григория Ивановича Шелихова. Их первая встреча произошла в начале ноября 1791 г. Об известном путешественнике и предприимчивом купце Радищев был слышан еще в Тобольске. Вероятно, в числе книг, полученных им от А. Р. Воронцова и вскоре прочитанных, была первая часть только что изданных в Москве «Записок» Г. И. Шелихова. Радищев упоминает об этой книге как хорошо известной не только ему, но и А. Р. Воронцову. Знакомство с Г. И. Шелиховым оставило заметный след в мироощущении ссыльного Радищева.

Незадолго перед встречей с Радищевым Шелихов возвратился в Иркутск из очередной поездки в Охотск, куда, по словам Радищева, ездил встречать свои суда из Америки. Смелый купец, промышлявший пушниной и близко стоявший к делам кяхтинского торгового дела, прежде имел неоднократные встречи с китайскими курьерами¹².

Общение с такими людьми, причастными к переговорам в Кяхте, как И. Л. Долгополов и Г. И. Шелихов, добавило немало реальных черт к книжным представлениям Радищева о жизни и культуре, нравах и обычаях китайцев, о заинтересованности их купечества в русском рынке для сбыта чая и приобретения пушнины, о «строгостях» цинской администрации. Но не только

широкие познания собеседников способствовали ориентальной осведомленности Радищева. Недавний чиновник коммерц-коллегии понимал, что с ростом населения не мог не увеличиваться в Сибири спрос на китайские товары, что расширялась материальная база для частной торговли, которая, по его складывавшимся убеждениям, должна была носить совсем иной характер.

...В начале 1792 г., преодолев бесчисленные трудности и унижения, Радищев с частью семейства попадает в глухой Илимск¹³, так и не повидав китайских купцов.

Не исключено, что к экономическим и политическим причинам, побуждавшим президента коммерц-коллегии внимательно следить за ходом переговоров в Кяхте и торопить сомневающегося Радищева представить подробную экономическую характеристику края, по которому тот проезжал, прибавилась еще одна, вызванная событиями вокруг Китая. В это самое время в Англии начали готовить миссию в Пекин с целью установления дипломатических отношений и получения права свободного поселения и передвижения англичан в Китае¹⁴. Полномочный министр в Лондоне граф С. Р. Воронцов с целью ограждения торговых интересов русского купечества настаивал, чтобы Петербург немедленно выслал в Пекин российскую миссию. В письме к брату от 13 января 1792 г. он рекомендовал: «Мне кажется, что предполагаемая экспедиция представляет прекраснейший случай положить конец несчастью бедного Радищева, пристроив его к этой миссии для дел по торговле как человека, отлично разумеющего эту часть»¹⁵. Неизвестно, сообщил ли А. Р. Воронцов об этой идее Радищеву. Зато известно, что Воронцов торопил его с написанием трактата. «Я надеюсь,— сообщает Радищев из Илимска в Петербург,— что возьму себя в руки и в состоянии более уравновешенном постараюсь выполнить все, что вы мне приказываете» (III, 423).

Возможно, Радищев преувеличивал, когда прежде писал А. Р. Воронцову, что «материя сия для меня, как первенственный хаос, покрыта еще мглою» (II, 26). Вероятнее всего, ему нужно было время, чтобы сопоставить услышанное и увиденное за полтора года нелегкого пути в Илимск с тем, что когда-то читал, что знал по службе. Он остро сожалел как человек осведомленный, что «мало времени был в середине торгового Сибирского, то есть в Иркутске, и не видел совсем, каким образом бывает торгу сему исток в Китай» (II, 26). В интересах России А. Н. Радищев очень хотел, несмотря на трудности пути из Илимска, побывать в Кяхте во время торгового, ближе изучить его. «Я бы почел в положении моем благодеением, если бы позволено мне было отлучаться от места моего пребывания. Верьте, что причина тому единственно научение» (II, 26). Среди биографов писателя бытуют разные мнения: одни считают, что А. Р. Воронцов пытался хлопотать, другие — что «не заметил» этого намека¹⁶.

Рядом с объективными трудностями, обусловленными подготовкой трактата о торговле с Китаем,— необходимостью изучить экономику края, предметы торговли, вопросы финансов — существовали не менее сложные субъективные затруднения. Надо было заново заставить себя сесть писать после суда, вынесшего смертный приговор, после того, как палач уничтожил написанную и напечатанную в собственной типографии книгу, писать, находясь в глухой забайкальской стороне, в нелегких условиях заточения, писать о делах в сегодняшней России, заранее опасаясь, как отнесутся к написанному им, «государственным преступником», власть придержащие, тем более что в торговле с китайскими купцами его не все привлекало.

...Итак, не позднее осени 1792 г. «Письмо о китайском торговле» было завершено. В отличие от писем из Илимска на французском языке, которые Радищев отправлял, как правило, с оказией А. Р. Воронцову, «Пись-

мо о китайском торге» составлялось с самого начала на русском. Факт этот довольно примечателен. Он соответствует многим особенностям отечественной словесности второй половины XVIII в. Письма путешественников стали литературным жанром писателей-сентименталистов, выделяясь своей доверительной интонацией. В наследии Радищева можно встретить несколько таких произведений, например «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске» (1782). Многими художественными особенностями, присущими жанру сентименталистской прозы, обладает и подготовленное в Илимске «Письмо о китайском торге». Оба произведения сближает документально-повествовательное начало, элементы очерка, публицистический пафос, государственный, гражданский подход к рассмотрению свершающегося события. Мнение Н. А. Финкельштейн, будто трактату о китайском торге эпистолярная форма была придана «условно» (II, 360), нуждается в более глубоком обосновании. Прежде всего Радищев вряд ли представлял себе иную форму трактата, чем та, в которой воплотил свои рассуждения. Пространные письма к А. Р. Воронцову на французском и русском языках, отличающиеся страстной диалогичностью, были своеобразным подступом к трактату, художественными и идейными его фрагментами. В стереотип жанровой формы «письма к другу» Радищев внес высокий дух гражданственности.

Отправляя «Письмо о китайском торге» в северную столицу с опозданием против обещанного срока на целых полгода, Радищев предлагает Воронцову вначале ознакомиться с его «кратким содержанием», которое, на наш взгляд, заметно отличается по структуре от трактата. В центре «краткого содержания» — вопросы морали, а не экономики и финансов. Анализируя мнения участников торговли с китайцами, Радищев посчитал, что «способы этой торговли должны быть в некоторых отношениях преобразованы». Планы преобразования поначалу виделись Радищеву не столько в финансовом, сколько в нравственном плане. «Доверие и честность не только не лежат в основе сделок между купцами, но как те, так и другие делают все на свете, чтобы лучше обмануть друг друга, и когда обман удастся, обманщик потешается простотой обманутого, а обманутый называет счастьем преступную ловкость обманщика» (III, 472). Порочая нечестность, Радищев отстаивает человеческое достоинство, которое должно присутствовать во всех ситуациях. Ссылный писатель не соглашается с теми участниками торгова на Кяхте, которые уверяли его, будто «китайцы всегда недобросовестны» (III, 472). В этом утверждении проступают и высокая культура самого Радищева, и, конечно же, знание некоторых сторон конфуцианской морали и способность оценить ее. Кстати, о «мудреце Китая» писатель вспоминал еще в своем «Путешествии», в главе «Бронницы». И в последующие годы Радищев сохранял интерес к «мужу дивному». О Конфуции он, в частности, говорит в «Песне исторической» (I, 76—77).

Будучи искренне убежден, что торговые отношения между соседствующими странами должны опираться на верность принятым обязательствам, Радищев предлагает исправить теневые стороны в кяхтинской торговле нравственными мерами. Это, разумеется, не самая сильная сторона его позиции, однако она привлекает своим благородством. «А нельзя ли подать китайцам пример торговой честности? Это было бы, несомненно, превосходно если и не с политической точки зрения, то по крайней мере с точки зрения разума и добродетели». В своем трактате Радищев объективно оценивает поведение русского купечества. Он рекомендует А. Р. Воронцову принять меры против торгашеского надувательства: «Не явится ли средством к достижению доверия сортовое клеймение товаров, продаваемых в тюках или связках?» Отстаивая честь России, Радищев не закрывает глаза на то, что не

все русские участники торго будут приветствовать предлагаемые им меры, в том числе и «клеименные товаров». Он предупреждает: «Это вызовет нареkania, в особенности со стороны сибиряков,— но кто же не знает их коварства!» (III, 472).

Останавливается Радищев и на неравноправии русских и китайских купцов в определении цен на свои товары, считая равноправие и здесь нравственным принципом. Гости из Китая имеют возможность сами «назначать твердые цены» на все свои товары, русские же купцы необоснованно лишены такой возможности. И Радищев просит А. Р. Воронцова предоставить сибирякам «полную свободу продавать свои товары по желаемой цене». Изменения условий торго в свете требований справедливости должны, по мысли Радищева, вызвать изменения не только среди русских, но и китайских купцов. «Кто знает, не заставит ли это тех же китайцев переменить или вовсе отменить их твердые цены; хотя, по правде говоря, изменение простого обычая было бы для китайцев чем-то необыкновенным» (III, 473).

В самом тексте трактата подобных реминисценций о Китае нет, поскольку там Радищев стремился выяснить другое: была ли торговля с Китаем выгодной для России, как считали в Петербурге, какое влияние она имела на обменный курс, какую пользу извлекали из нее земледельцы. Для Радищева торго с китайцами «не есть основание благосостояния обширной Сибири» хотя бы уже потому, что торго этот «долго будет зависеть от каприза Китайского Богдыхана или его Мандаринов» (II, 6). Мы не располагаем пока фактами, говорящими, насколько глубоко разбирался Радищев в политике изоляционизма цинских правителей. Существовавшие запреты на выезд китайским купцам за границу Поднебесной он именует «капризом», но, с другой стороны, общаясь в Иркутске с участниками переговоров в Кяхте, он узнавал, что Пекин проявлял мало инициативы в установлении торгово-экономических связей¹⁷.

Вместе с тем в «Письме о китайском торго» обосновывается положение, которое Радищев повторяет несколько раз: «пресечение торго с китайцами «не есть столь великий вред для России, как то обыкновенно поставляется» (II, 9). Мало того, и теоретически, и с цифрами в руках он стремился разносторонне обосновать это положение. Тонко и глубоко разбираясь в вопросах экономики и финансов, Радищев справедливо считал, что меновой торго как форма экономической связи разных государств устарел, что он более выгоден китайской стороне. Преимущество, которое Радищев увидел в прекращении торго и которое представлялось ему привлекательным не в свете общих отношений с Китаем, причастно было к земледелию, к тогдашней судьбе Сибири. «Поселяне», лишённые хлопчатобумажных китайских товаров, «стали разводиться лен в большем количестве, деревенские и городские бабы стали прясть и ткать: ибо к немалому своему удивлению, я во многих местах Сибири слышал, что многие бабы выучились сему рукоделию назад тому три или четыре года» (II, 28). Развивая и уточняя мысль о положительных последствиях, вызванных в Сибири закрытием торго, Радищев насчитал, конспектируя свой же трактат, одиннадцать пунктов (II, 363). Вместе с тем он писал А. Р. Воронцову: «И если я говорю, что не так велик вред от пресечения торго на Кяхте, как кажется, то не утверждаю, чтобы его возобновление было вредно» (II, 25). Он видит в «кяхтинской проблеме» лишь часть проблемы развития Сибири, страны, народа и, с другой стороны, лишь часть, даже эпизод русско-китайских отношений.

В «Письме о китайском торго» Радищев проявляет доскональную осведомленность в аргументациях сторонников и противников торговли России с Китаем. Не повторение чужих мыслей, а диалектическое рассмотрение

проблемы — вот что характеризует Радищева как автора «Письма». Стремление к объективности — это и особенность его трактата, и такая же фундаментальная черта мировосприятия самого писателя. Так, помимо личных впечатлений, вынесенных им от встреч с участниками торгового дела в прошлом, он пользуется ведомостью¹⁸ отпущенных в Китай товаров за 1792 г. (II, 9), делая при этом вывод несколько неожиданный. Торговля в Кяхте, оказывается, не способствует развитию земледелия в Сибири, поскольку в основе его — результаты охотничьего промысла¹⁹. Предпочтение, которое местные жители отдавали охоте перед сельским хозяйством, писатель охарактеризовал как «попятный путь к невежеству» (II, 10). В согласии с Монтескье, имя которого не раз упоминается в трактате, Радищев признает, что климат Сибири, географическая среда влияют на характер местных жителей, на их обычаи и нравы. И он более настойчиво, чем в предыдущих письмах к А. Р. Воронцову, предлагает, чтобы правительство приняло меры — и нравственные, и финансовые — к преобразованию существующего уклада, чтобы оно содействовало развитию земледелия. Если бы ему, к примеру, неизвестны были размеры злоупотребления в государстве, то он бы «подал совет давать премии всем желающим оставлять жизнь лесную и звероловную и, селясь в местах плодородных, упражняться в земледелии» (II, 29). Автор «Путешествия из Петербурга в Москву» остался неизменным защитником интересов русского крестьянства.

В содержании «Письма о китайском торге» проступает и осторожное несогласие с Монтескье об исключительной роли географического фактора в общественном развитии. Суждение это представляется Радищеву несколько преувеличенным. Он все чаще задается вопросом: «Климат ли изменился или образ жизни?» (III, 376).

Анализируя ассортимент товаров, «от китайцев получаемых» (II, 12), Радищев проявил особый интерес к шелку. Подоплека этого интереса заключалась в следующем: «Шелковые рукоделия в России тем полезнее, что большую часть производятся сельскими жителями и на их счет. Тот же человек, который летом управляет сохой и косою, тот же зимою сидит за шелковым станом» (II, 13). Очевидность радищевской позиции не требует комментариев.

Постигнув, что торговля в Кяхте в узком смысле важен лишь для Сибири «или некоторой ее части», «лежащей по сию сторону Енисея» (II, 16), и постоянно подчеркивая это обстоятельство в письмах к А. Р. Воронцову, Радищев посчитал нужным рассмотреть формы возможно широкого сближения торгующих сторон, их большей заинтересованности друг в друге. Он советовал президенту коммерц-коллегии «давать китайцам образцы шелковых товаров» (II, 13), которые затем находили бы в России большой рынок сбыта. Выполнение китайскими мастерами русских заказов освободило бы страну от ввоза дорогих европейских изделий из шелка. Подобные меры распространял Радищев и на фарфор, предлагая, чтобы посуда из него «была бы покрепче», тогда в России ей был бы обеспечен «большой расход» (II, 14).

Цитированные нами рекомендации А. Р. Воронцову свидетельствуют, что Радищеву сделалось известно стремление китайских купцов прочно закрепиться на рынке России путем исполнения долговременных заказов русских. Подобные факты имели место в истории кяхтинского торгового дела. В перечне рекомендаций ссыльного писателя есть пункт об увеличении ввоза сахара из Китая, поскольку его мало в России и он дорог.

Подход Радищева к торговле в Кяхте — подход экономиста, сторонника системы протекционизма, обеспокоенного интересами народных масс, а не дво-

рянства. Ссылного писателя, к примеру, опечалили «бедные Барабинские поселяне» (II, 19), лишенные извоза в зимнее время. Он отмечал, что в торге участвовали «не токмо великие капиталисты, но большая часть купцов, там торгующих, суть люди маломощные, безденежные и пропитание свое добывающие потом лица своего; не токмо торгуют купцы на Кяхте, но некоторые крестьяне и многие иноверцы, а особливо Буряты или Братские» (II, 20—21). Именно об этих участниках торга печется ссылный писатель, об их нуждах болит его сердце. «Письмо о китайском торге» — это одновременно попытка изображения жизни русских крестьян и народностей азиатской части России. Почти теми же словами, какими в «Путешествии из Петербурга в Москву» описал Радищев жизнь и быт крестьян европейской России, рассказал он в «Письме» о «Барабинских поселенцах». Он надеялся, что отдаленные результаты возобновившегося торга позволят сменить им «смрадное свое рубище на теплую одежду», увидеть родственников после двадцатилетней разлуки, и если «малой хотя прибыток от проезжающих» перепадет «сим несчастным», то «желание мое будет всегда, чтоб торг на Кяхте не пресекался николи» (II, 34).

Радищев не скрывает, что значительная польза торга, по его наблюдениям, в том, что на Кяхте обращаются малые капиталы, «давая пропитание большому числу людей». В перспективе это обстоятельство, к которому не раз обращается автор, «может иметь благое действие на хлебопашество» (II, 21—22).

Конкретность социальных оценок Радищева сказалась и на его отношении к Китаю. Отгороженный от мира не только Великой стеной, но и внешней политикой Цинов, Китай продолжал привлекать к себе и мысль европейских философов, и аппетиты набиравшей силу буржуазии. Однако в трактате Радищева ориентальная экзотика полностью отсутствует. Для недавнего чиновника-таможенника китайские купцы не сказочные персонажи, а равноправные участники торга, как некогда в Петербурге европейские, с которыми он имел дела в столичной таможне. Он нигде не противопоставляет западных торговых людей восточным, нигде не говорит о превосходстве одних народов над другими. Радищева волнует нравственность человека. И в этом одна из привлекательных сторон его собственного облика, его действительный гуманизм.

Находясь в сибирской ссылке, Радищев внимательно всматривался в образ жизни нерусского купечества. Он упоминает о монголах, живущих «под игом Китайского правительства» (II, 24), отмечает, что их единоверцы «Братские» (буряты.— Д. Б.) «потаенно», в годы закрытия торга в Кяхте, продавали «Мунгалам много не только мерлушек, но и всякого зверя» (II, 24). Его огорчает, когда тунгус «начнет по-здешнему гулять, то есть уливаться до бесчувствия» (II, 27).

Как финансист, он отвергает распространенное в ту пору мнение, будто «торг Китайской» понижает курс денег. Свои доказательства Радищев выстраивает, опираясь на достаточно известные коммерц-коллегии сведения о торгах в Херсоне, Оренбурге, Астрахани, Енисейске. Он перечисляет А. Р. Воронцову иностранные товары, которые могли бы быть «прибыточны» (II, 18), если торговать ими в Кяхте. Он выступает за такое развитие производительных сил восточной части России, которое дало бы возможность поднять этот край и развернуть широкую торговлю с иностранными государствами, в том числе и с Китаем, не допуская с чьей бы то ни было стороны попыток политического давления на Россию.

Писатель не исключал, что подготовленное им на русском языке «Письмо о китайском торге» может обрести по воле А. Р. Воронцова более

широкий адрес. Этому способствовали также указанные выше элементы эпистолярного жанра.

Таким образом, мы видим, что тематика «Письма о китайском торге» тесно сопрягается, во-первых, с образом жизни сибирских земледельцев и звероловов, их нуждами и бедами. Глубокая заинтересованность писателя в облегчении судеб российского крестьянства роднит «Письмо о китайском торге» с «Путешествием из Петербурга в Москву».

Во-вторых, освещение китайской тематики в «Письме» исключительно объективно отражало стремление Радищева помочь малоимущим российским торговцам в Кяхте, защитить экономические интересы этой части населения. Писатель ратовал за более совершенные экономические связи между Россией и Китаем.

В-третьих, «Письмо» содержит не только представления Радищева о современном ему Китае, оно включает также программу этических норм, осуществление которых улучшило бы в будущем торговые и государственные отношения России и Китая. Обосновывая важность скорейшей реализации в родной стране просветительных идей, писатель включил в текст «Письма» сведения об образе жизни народностей азиатской части России. Радищева как гуманиста интересовал не условный, не декоративный, а реальный мир Востока.

И наконец, опубликованное в 1811 г. сыновьями писателя «Письмо о китайском торге» способствовало утверждению в русской словесности элементов реализма в изображении ориентального мира. Это произведение говорило о значении для человеческого характера как географической, так и общественной среды, обращало внимание на роль реальных обстоятельств в формировании сознания и нравственности.

г. Горький

¹ Последнее по времени содержательное исследование «Письма о китайском торге» было выполнено 30 лет назад.— См.: А. А. Шмаков. Из разысканий о Радищеве.— «Ученые записки Челябинского педагогического института», т. II, вып. 1, Челябинск, 1956, с. 86—96.

² См.: М. Чулков. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной государя имп. Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни имп. Екатерины Великая, сочиненное Михайлом Чулковым, в 7 томах (21 книге). М., 1781—1788.

³ In: K. Bittner, J. G. Herder und A. N. Radišev.— «Zeitschrift für slavische Philologie», Hiedelberg, 1956, Band XXV, Heft 1, S. 8—53; Radišev und China von Beata Hill-Paulus.— Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas, herausgegeben von Hans-Berndt Härdter und Peter Scheibert. Band 14, 1977, S. 214—219; см.: В. И. Моряков. Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века. Рейналь и Радищев. М., 1981.

⁴ О времени завершения А. Н. Радищевым «Письма» см. комментарии Н. А. Финкельштейн (II, 360—370). Цитаты из сочинений Радищева, кроме переводов некоторых французских писем, приводятся по Полному собранию сочинений издания АН СССР (М.— Л., т. I — 1938, т. II — 1941, т. III — 1952). Сноски даются в тексте (римские цифры обозначают том, арабские — страницу). Е. В. Приказчикова полагает, что 1792 г.— это начало работы над «Письмом о китайском торге», а конец 1794 г.— время его окончания.— См. ее монографию «Экономические взгляды А. Н. Радищева». М.— Л., 1949, с. 57.

⁵ Цит. по: Е. Л. Беспрозванных. Приамурье в системе русско-китайских отношений (XVII — середина XIX в.). М., 1983, с. 122.

⁶ Биограф Радищева А. И. Старцев привел доказательства того, что «Описание» это принадлежит С. Н. Янову, «сочувственнику» опального писателя в Тобольске.— См.: А. И. Старцев. Университетские годы Радищева. М., 1956.

⁷ Различное отношение к торгу с Китаем Радищева и Екатерины II вне социальных корней этого обстоятельства — таков смысл статей зарубежных исследователей творчества А. Н. Радищева.— In: Radišev und China von Beata Hill-Raulus, S. 218, 219.

⁸ «На Кяхте производится торг всеми сибирскими товарами и товарами, из России привозимыми, как-то: тонкими и ординарными сукнами и пр., выменивая китайские товары, как-то: чай китайский, шелковые материи, фарфоровую посуду, лакированные вещи и др.» (III, 139).

⁹ См. комментарии Н. В. Алексеевой к сибирским письмам Радищева (А. Н. Радищев. Избр. соч. М.—Л., 1949). Высокая оценка этих комментариев дана в академическом издании, где они частично перепечатаны (III, 605—606). По сей день комментарии Н. В. Алексеевой не утратили своей научной ценности.

¹⁰ См.: А. А. Шмаков. Указ. соч., с. 89.

¹¹ Как указывает биограф писателя Д. С. Бабкин, И. А. Пиль был не только связан многолетней дружбой с А. Р. Воронцовым, но и обязан ему продвижением по службе. Через Пиль была организована Воронцовым доставка писем, денег, книг и вещей, необходимых Радищеву. Последний в свою очередь только через Пиль направлял свою корреспонденцию Воронцову. Их связь, как подчеркивает Д. С. Бабкин, «носила секретный характер». Все письма и посылки Радищеву из Петербурга Воронцов отправлял курьером коммерц-коллегии. Он ни разу не пользовался услугами почты. Иногда письма к Радищеву отправлялись вместе с письмами купцов, занятых торговлей с Сибирью, чем также достигалась секретность в доставке их. Письма Радищева И. А. Пиль вкладывал в общий пакет со своими бумагами, скреплял своей сургучной печатью и в таком виде отправлял также с курьером Воронцову. Когда в 1794 г. И. А. Пиль подал в отставку и уехал из Иркутска, Радищеву стало очень сложно вести переписку с А. Р. Воронцовым и родными. Для устранения возникших трудностей потребовались новые меры со стороны А. Р. Воронцова (III, 624, 625).

¹² См.: А. А. Шмаков. Указ. соч., с. 88.

¹³ Следующими словами описал И. А. Пиль дорожные трудности, какие преодолевал, добираясь к месту ссылки, автор «Путешествия из Петербурга в Москву»: «Выехав из Иркутска декабря 19-го, приехал в определенное ему место сего месяца 3-го числа. Хотя расстояние не весьма далеко, но по глубоким по дороге снегам и проселочной дороге скорее доехать не мог».— См. обзор И. М. Троцкого «Из истории сибирской ссылки А. Н. Радищева» («Литературное наследство», т. 9—10, 1933, с. 446).

¹⁴ Имеется в виду малорезультативное посольство к императору Поднебесной Цяньлуну опытного дипломата Дж. Макартнея в 1792—1794 гг.

¹⁵ Цит. по А. Н. Радищев. Избр. соч., с. 801.

¹⁶ См. там же: А. Г. Татаринцев. Радищев в Сибири. М., 1977, с. 212.

¹⁷ См.: Х. Трусевич. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М., 1982, с. 63, 64, 237, 247—248.

¹⁸ Не исключено, что документ этот был прислан в Илимск П. Д. Ванифатьевым.

¹⁹ Почти сорок лет спустя Иакинф Бичурин, оказавшись в тех же местах, буквально радищевскими словами описал образ жизни забайкальцев: «...Относительно опытов земледелия что-то сомнительно, ибо в окрестностях вовсе неприметно, чтоб начинали когда-нибудь распахивать землю. Здешние жители получают достаточное содержание от рыбных и звериных промыслов... Промышляют белку, соболей, лисиц; также сохатых, оленей и козюль, коих мясо употребляют в пищу. Все сии выгоды достаточно заменяют хлебопашество и поддерживают кочевую беспечность, свойственную большей части сибиряков. Даже летом у себя не занимаются они рыбным промыслом, а предоставляют это Бурятам, приезжающим сюда с острова Ольхона».— «Телескоп», 1833, ч. 13, кн. 4, с. 571.

ХУ ШЭН

От редакции:

В ноябре 1986 г. в уезде Чжуншань провинции Гуандун проходила международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения великого китайского революционера-демократа Сунь Ятсена. Ниже приводится сокращенный текст тезисов доклада президента Академии общественных наук КНР Ху Шэна.

Зачинатель демократической революции в Китае Сунь Ятсен с ранних лет питал искренние чувства к социализму и даже считал себя социалистом. Субъективный социализм Сунь Ятсена, возникший в общественно-исторических условиях Китая нового времени и ставший отражением его страстного желания сделать государство богатым и могущественным, а народ счастливым, в конечном итоге привел его в последние годы жизни к последовательному осуществлению курса на сотрудничество с коммунистической партией. Мы с чувством уважения оцениваем субъективный социализм Сунь Ятсена как важную характерную особенность его идеологии, из которого можно почерпнуть некоторые выводы, имеющие большое значение для сегодняшней практики социализма. В тексте статьи не затрагиваются высказывания Сунь Ятсена, сделанные им после 1924 г., в период сотрудничества гоминьдана и коммунистической партии.

I

1. В 1903 г. в ответном письме одному другу Сунь Ятсен писал: «Социализм, о котором Вы спрашиваете, есть то, о чем мне, Вашему младшему брату, приходится усиленно думать и нельзя забывать ни на мгновение». Он писал, что по его убеждению, необходимо осуществить «уравнение прав на землю». Тогда Китай смог бы избежать пропасти между бедными и богатыми, характерной для Европы и Америки, а также возникновения «большого конфликта» (первоначально опубликовано в «Шанхай цзинчжун жибао», апрель 1904 г.)¹. По имеющимся у нас документальным материалам, в этом письме Сунь Ятсен впервые упоминает о социализме. Однако это отражает лишь тот факт, что Сунь Ятсен уже в то время тщательно осмысливал идеи социализма, тщательно следил за социалистическим движением на Западе. Во время посещения в Брюсселе Международного социалистического бюро — руководящего органа II Интернационала — в мае 1905 г. Сунь Ятсен имел беседу с председателем бюро Э. Вандервельде и секретарем бюро Гусманом. Согласно записям журналиста Санда, писавшего для печатного органа бельгийской социалистической партии «Лё Пёпль» («Народ») и будто бы принимавшего

участие в этой беседе, Сунь Ятсен тогда просил о принятии его партии в члены Международного социалистического бюро и называл себя «китайским социалистом». Сунь Ятсен заявлял: «Китайские социалисты должны, используя машины, ввести способ производства европейцев, но должны избежать их разного рода пороков», способствовать тому, чтобы Китай от «средневекового способа производства непосредственно перешел к этапу социалистического производства, а рабочим нет необходимости выносить муки капиталистической эксплуатации»².

2. В октябре 1905 г., то есть 5 месяцев спустя после вышеупомянутого посещения бюро II Интернационала, Сунь Ятсен в первом номере «Минь бао» («Народ»), печатного органа Объединенного союза (Тунмэнхуэй), впервые выдвинул «три великих принципа»: национализм, народовластие, народное благосостояние. Он говорил, что эти три принципа возникли один за другим в истории развития Европы и Америки, и XX век «неизбежно станет эпохой выхода принципа народного благосостояния на авансцену истории». Он считал, что Европе и Америке «до социальной революции недалеко», и, если Китай пойдет по их стопам, «ему также не миновать второй революции». Поэтому необходимо заблаговременно осуществить принцип народного благосостояния, «совершить политическую и социальную революцию одновременно»³. Здесь еще не совсем ясно, что народное благосостояние, о котором идет речь, и означает социализм. Согласно же высказыванию Сунь Ятсена в 1906 г. в речи на собрании, посвященном годовщине начала издания «Минь бао», «социалистические партии потому так ратуют за народное благосостояние, что богатые и бедные не равны, и они хотят предпринять меры для выправления ситуации; такие люди изо дня в день набирают силу, постепенно создавая сложную и стройную науку»⁴. Становится очевидным, что принцип народного благосостояния трактуется им как иная формулировка социализма. В «Минь бао» (№ 4, май 1906 г.) Чжу Чжисинь в статье о социализме разъяснял, что социализм первоначально переводился как принцип народного благосостояния — по образцу перевода на японский язык. В статье Фэн Цзыю о народном благосостоянии прямо говорилось: «Миньшэнчжуи»⁵ (Socialism) японцами переводится как шэхуйчжуи»⁶. Как видно, по крайней мере среди некоторых соратников Сунь Ятсена принцип народного благосостояния и социализм тогда воспринимались как синонимы, и есть основания полагать, что это не было искажением взглядов Сунь Ятсена. В 1921 г. в лекции о трех народных принципах, прочитанной в Гуанчжоу, он разъяснял: «Принцип народного благосостояния и есть то, что теперь называют социализмом. Уважаемые господа, припомните: я когда еще выступал за принцип народного благосостояния! Соотечественники лишь теперь, с запозданием, заговорили о социализме. Социализм как учение перенесено в Китай недавно, и я изначальный термин «социализм» переводил ранее более подходящим термином «принцип народного благосостояния»⁷. Это ясно подтверждает, что Сунь Ятсен в 1905 г. выдвигал термин «принцип народного благосостояния» в качестве перевода термина «социализм».

3. 1905 год относился ко времени, когда передовая китайская интеллигенция действительно начала познавать идеи социализма и социалистическое движение Запада. Сунь Ятсен, понимая социализм как принцип народного благосостояния, уже в то время ставил перед китайской революцией задачу осуществления его как одного из трех «великих принципов». Можно с уверенностью сказать, что Сунь Ятсен не отвергал социализм, а принимал его. Он считал, что в ходе китайской революции одновременно с принципами национализма и народовластия следует осуществлять принцип народного благосостояния, то есть социализм. Конкретное же содержание принципа народного благо-

состояния он в то время выражал через идеи «уравнения прав на землю» и «национализации земли». Сунь Ятсен считал, что Китай, осуществляя эти положения и развивая подобно западным странам промышленность, народное хозяйство, сможет вместе с тем избежать их пороков, то есть таких явлений, как создание монополий, а также возникновения пропасти между богатыми и бедными и даже возникновения социалистической революции. Поэтому, хотя Сунь Ятсен и выражал готовность принять идеи социализма и полагал, что возможно одновременное осуществление политической и социальной революции, в действительности он вовсе не призывал к осуществлению в Китае социалистической революции. Напротив, он рассчитывал, что Китай сможет избежать ее. Поэтому, если говорить, что принцип народного благосостояния Сунь Ятсена и есть социализм, то это — социализм во избежание социалистической революции.

4. По своему содержанию принцип народного благосостояния, провозглашенный Сунь Ятсеном — уравнивание прав на землю и национализация земли, — в действительности не является социализмом. В период Объединенного союза, то есть до Синьхайской революции, Сунь Ятсен, согласно своему пониманию, включил социализм в свою революционную программу и уверенно осуществлял выдвинутую им революцию национализма (в то время означавшую свержение маньчжурской династии) и революцию народовластия (означавшую превращение Китая в демократическую республику). Сунь Ятсен считал революцию народовластия только политической революцией. Однако по существу она также является социальной революцией, после которой капиталистическое общество приходит на смену феодальному. Иначе говоря, эта политическая революция прокладывает дорогу такой социальной революции, без осуществления которой успех первой не может быть прочным. Революция, осуществленная Объединенным союзом под руководством Сунь Ятсена, явилась демократической революцией, ставившей своей целью установление буржуазно-демократической республики и развитие капитализма. У Сунь Ятсена, видевшего подъем социалистической революции в странах капиталистического Запада, не было сомнений и колебаний в отношении данной революции. Напротив, он считал, что таким образом нашел способ избежать социалистической революции.

5. Ярким антиподом Сунь Ятсену в отношении к социализму был Лян Цичао, выступавший в то время против революции, за конституционные улучшения. Лян Цичао после поражения «Ста дней реформ» бежал в Японию. Он также выступал за развитие капитализма, за развитие промышленности в Китае с целью изменения отсталого облика страны. Поэтому он в 1901—1902 гг. проявлял готовность сотрудничать с членами революционной партии, в своих статьях также пропагандировал антиманьчжурскую революцию. В 1903 г., перебравшись из Японии в США, он совершил десятимесячное путешествие с целью изучения положения в стране. Дин Вэньцзян и Чжао Фэнтянь пишут в «Биографической хронике Лян Цичао» (с. 334): «Когда господин (Лян Цичао) вернулся из Америки, его высказывания сильно изменились. Полный отказ от идей «анархизма» и «революционного свержения маньчжурской династии», в которые он раньше верил, явился крупным изменением его политического мышления». Он стал выступать за конституцию, против революционного пути, на котором стояла группа Сунь Ятсена. Между сторонами начался ожесточенный спор. В его «Заметках о путешествии по новому континенту», представляющих собой запись впечатлений от поездки в Америку, помимо указаний на слабые места политического и общественного строя США, было значительно больше похвал в их адрес. Он встречался со многими членами социалистической партии, которые «наперебой советовали Китаю в случае

осуществления реформ начинать с социализма». «Я (Лян Цицао о себе), считая, что они совсем не знают внутренней ситуации в Китае, был не в состоянии основательно спорить об этом с ними». «Крайний социализм,— писал Лян Цицао,— неприемлем не только в Китае, но и в Европе и Америке; при осуществлении на деле его пороки будут неисчислимы» (там же, с. 41—42). По его мнению, социализм в Европе и Америке также неприемлем. Что касается Китая, то в его статье «Действительно ли необходима социальная революция Китаю?», написанной в ходе его дискуссии с членами революционной партии, говорится: «Я считаю, что, оценивая будущее экономики нынешнего Китая, следует на первое место ставить поощрение капиталистов и на второе — защиту трудящихся» («Синьминь цунбао», № 86, с. 17). Это означало, что Китай должен развивать капитализм, о социализме же еще не могло быть и речи. Могут ли в результате развития капитализма повториться старые изъязвы Европы и Америки и сложиться ситуация, при которой социалистическая революция станет неизбежной? Он считал, что с учетом исторического опыта общественного развития Европы и Америки «можно устранить несчастье раньше, чем это случится, и избежать путь ошибок» (там же, с. 16). Он полагал, что возможно принять меры к тому, чтобы Китай избежал возникновения «второй революции». Это как будто тождественно представлениям Сунь Ятсена. Однако его подход был совсем иным в отношении путей избежания революции. После 1903 г. Лян Цицао выступал не только против социальной революции, о которой говорил Сунь Ятсен, но и против антиманьчжурской. Он полагал, что нужно лишь «действовать в рамках порядка», выдвигать правительству «справедливые требования», считал это единственно возможным средством осуществления «политической революции». Конституционная монархия — самое большее, что может быть результатом такой «политической революции». Это значительно расходится с планами группы Сунь Ятсена по созданию демократической республики. Изменения, происшедшие в идеях Лян Цицао 1903 г., вызваны, конечно, и другими причинами, однако они также неотделимы от его взглядов на социализм.

6. В ходе полемики по проблемам социализма между группой Сунь Ятсена и Лян Цицао в течение нескольких лет после 1903 г. Лян Цицао формулировал некоторые моменты даже определеннее (например, он отмечал, что национализация земли — это еще не социализм, и, как было сказано выше, он полагал, что в реальных условиях Китая того времени нельзя было осуществить социализм). После того как Лян Цицао в «Заметках о путешествии по новому континенту» отверг социализм, он говорил: «В последнее время идеи государственных социалистов становятся более здравыми, очень многие из них могут быть использованы в Китае, к тому же сделать это легче, чем в Европе и Америке» («Иньбинши хэцзи», 22, с. 42). Не исключая абсолютно идею социализма, он говорил также: «Если в настоящее время Китай займется законодательными делами, то должен он или нет заимствовать дух социализма, проповедуемого нынешними учеными,— это вопрос другой» («Синьминь цунбао», № 86, с. 5). Эти взгляды действительно близки взглядам Сунь Ятсена. Главное разногласие между ними заключалось в следующем. Одна сторона полагала, что буржуазно-демократическая революция может содержать в себе социальную революцию, после чего социалистической революции уже не будет. Поэтому она смело и активно осуществляла буржуазно-демократическую революцию. Другая же сторона считала, что буржуазно-демократическая революция не может содержать в себе социальную революцию, хотя и создает предпосылки для будущей социалистической революции. Отсюда делался вывод, что в настоящее время не следует осуществлять буржуазно-демократическую революцию.

Тот факт, что революционная группа, возглавлявшаяся Сунь Ятсеном, высказывалась за активное осуществление необходимой в тех исторических условиях буржуазно-демократической революции под знаменем социализма (хотя палитра этого знамени была по меньшей мере нечеткой), — явление, порожденное историческими условиями Китая.

II

7. Синьхайская революция свергла господство Цинской династии, установила Китайскую Республику. 3 марта 1912 г. на съезде членов союза, созванном в Нанкине, руководство Объединенного союза обнародовало «Общий устав Объединенного союза Китая», вторая статья которого гласила: «Основная цель данного союза — укрепление Китайской Республики, осуществление принципа народного благосостояния». В «Общие принципы союза» вошел также пункт об «осуществлении государственной социальной политики»⁸. Почему в то время не говорилось о трех народных принципах, а говорилось только о принципе народного благосостояния? Является ли принцип народного благосостояния, о котором тогда шла речь, именно социализмом? Не прошло и месяца, как Сунь Ятсен в своем выступлении перед членами Объединенного союза (в то время Сунь Ятсен уже оставил пост временного президента в пользу Юань Шикая) дал ясный ответ на эти вопросы: «Сегодня, когда отреклась от власти маньчжурская династия и установлена Китайская Республика, осуществлены принципы национализма и народовластия, до сих пор не взялись лишь за принцип народного благосостояния. Отныне все наши силы должны быть обращены именно на это»⁹. «Сегодня, когда республика создана, можно предвидеть, что будут и свобода деятельности, и расцвет производства. Однако необходимо предотвратить один порок — появление капиталистов... Поэтому, с одной стороны, преследуется цель обогащения и могущества государства, а с другой стороны, надо предотвратить порок капиталистической монополии. Этой установки, направленной на предотвращение порока, не существует вне социализма. В политической программе нашего союза политика государственного социализма также введена именно для этого»¹⁰. Отсюда видно, что Сунь Ятсен по-прежнему считал, что принцип народного благосостояния, о котором он говорит, и есть социализм. До марта 1913 г. (в этом месяце был убит Сун Цзяожэнь) в большинстве своих речей и статей он говорил то же самое. В октябре 1912 г., выступая с речью в Шанхае перед членами Социалистической партии Китая, Сунь Ятсен говорил: «Что касается моего отношения к социализму, то я действительно приветствую святость его выгоды для государства, людей, что составляет истину этого общества; сосредоточивая производимые продукты в общественном владении, получается от него выгода. Когда будет осуществлен социализм, молодые люди смогут получать образование, старые будут находиться на содержании общества, каждый будет заниматься определенным трудом, каждый будет благоустроен. Государство нашей Китайской Республики станет тогда социалистическим государством»¹¹. После 1913 г. он вел борьбу против Юань Шикая, потерпел неудачу в ходе движения в защиту конституции 1912 г. В течение нескольких лет вопрос о принципе народного благосостояния — социализме — им почти не затрагивался. Только с 1919 г. он снова в некоторых своих рукописях и речах говорил о принципе народного благосостояния, по-прежнему утверждая, что «принцип народного благосостояния — это социализм»¹². В своей речи, произнесенной в июне 1921 г., он вновь повторяет: «Принцип народного

благосостояния и есть социализм»¹³. Каково же все-таки содержание понятия социализма, о котором он говорил в то время?

8. «Уравнение прав на землю» Сунь Ятсен сделал основным содержанием принципа народного благосостояния. И до и после Синьхайской революции (вплоть до 1944 г.) идея уравнения прав на землю не была направлена против земельных отношений, существовавших в обширных сельских местностях Китая. Это касалось вопроса о цене на землю в городах, к тому же — после будущего развития промышленности (только к 1924 г. Сунь Ятсен стал трактовать уравнение прав на землю как принцип «каждому пахарю свое поле»).

Речь шла о том, что одновременно с развитием промышленности в десятки раз поднимается цена на землю, что дает выгоду помещикам, и это крайне несправедливо. Способ разрешения вопроса: помещики сами устанавливают цену на землю, государство взимает налог с этой цены или в соответствии с ней выкупает землю. Способ уравнения прав на землю, согласно Сунь Ятсену, означает: «1. сбор налога согласно цене; 2. национализация земли». Он разъяснил, что это не означает национализации всей земли, а только «земли с оживленным транспортным сообщением»¹⁴. Идея об уравнении прав на землю в значительной степени возникла под влиянием американской книги XIX в. «Прогресс и нищета» знаменитого Генри Джорджа. Сунь Ятсен, видимо, понимал, что осуществление его требования об уравнении прав на землю фактически создало бы условия для развития капитализма. Он говорил: «При уравнении прав на землю капиталисты должны пожертвовать земельными спекуляциями, чтобы заняться промышленностью и торговлей, тогда социальные перспективы будут иметь безграничные возможности»¹⁵.

9. После Синьхайской революции Сунь Ятсен, преисполненный воодушевления, верил, что дело экономического строительства Китая может получить скорейшее развитие. Сам от также был полон решимости «оторваться от политической сферы» и сосредоточиться на осуществлении «социальных дел», выдвинул план строительства 100 тыс. км железных дорог в течение 10 лет. Но не прокладывало ли развитие промышленности и торговли путь к капитализму? Сунь Ятсен неоднократно указывал, что Китаю следует всячески избегать «устрашающего положения», какое было в Англии, США и других странах, где вследствие развития промышленности и торговли уже неизбежно создались условия для возникновения «социальной революции». В статье, написанной в октябре 1912 г., он говорил: «Естественная эволюция капитализма в новое время приводит к тому, что рабочие часто сталкиваются с неравноправным отношением к себе, поэтому мы должны всеми силами стремиться избежать этого. Я пробовал путем глубоких раздумий и зрелого размышления найти курс, разрешающий эти проблемы. Что это за курс? Это принцип народного благосостояния»¹⁶. Как будто здесь говорится о том, чтобы не идти по капиталистическому пути. Однако в то же время он полагал, что одновременно с развитием промышленности число капиталистов увеличится. В своем выступлении в Пекине в сентябре 1912 г., он сказал: «Через 10 лет в Китае непременно будет свыше 10 тыс. крупных капиталистов»¹⁷. В суждениях Сунь Ятсена того времени можно также найти и некоторые высказывания, радикально направленные, казалось бы, против капиталистов. Однако его действительная точка зрения нашла отражение в шанхайской речи в апреле 1912 г. Говоря о том, что «принцип народного благосостояния без осуществления социализма не может быть полным», он опровергал тех, кто считал, что «социализм есть борьба с капиталистами», говорил, что Китай «ни в коем случае не может следовать этому», что «капиталистов необходимо поддерживать». В то же время Сунь Ятсен предупреждал, что «если про-

явится порочная практика капиталистов, то этого нельзя не остерегаться»¹⁸. Так называемая порочная практика означала монополизацию национальной экономики несколькими крупными капиталистами. Некоторые считают, что суньятсеновский социализм — это своего рода принцип уравнительности. К этому выводу можно прийти на основании некоторых его суждений об «уравнивании бедных и богатых»; он был убежден, что «принцип народного благосостояния отнюдь не есть принцип уравнивания бедных и богатых, а есть развитие силой государства природных данных ради реальных выгод, предотвращение автократии капиталистов»¹⁹. Он также говорил: «Каков же смысл принципа народного благосостояния? Моя точка зрения вовсе не в перераспределении средств производства, что совершенно абсурдно»²⁰. Истинная мысль Сунь Ятсена заключалась в том, что надо дать возможность развиваться капитализму в Китае. Он был лишь против монополии капиталистов. Поскольку Сунь Ятсен с самого начала придерживался такой точки зрения, он, в 1924 г. включил «сдерживание капитала» в качестве одной из частей содержания принципа народного благосостояния.

10. Хотя Сунь Ятсен предсказывал, что в Китае появится большое количество капиталистов, однако он чувствовал, что развитие китайской промышленности и торговли в опоре на частников-капиталистов вряд ли возможно. Поэтому он высказывался также за то, чтобы правительство без ущерба для суверенитета Китая привлекало иностранный капитал для развития промышленности и торговли (он высказывался за политику «открытых дверей», но решительно выступал против контроля со стороны империализма за финансовым состоянием Китая в качестве условия предоставления средств милитаристскому правительству). Он полагал, что если передать дело экономики в ведение государства, то это будет государственным социализмом. Еще в 1912 г. он говорил: Китай уже стал республикой, и можно осуществлять государственный социализм. «Земля и железные дороги, приносящие доходы, должны быть национализированы, чтобы они не стали монопольной добычей одного-двух капиталистов; а безработному населению надо дать каждому соответствующее занятие, чтобы каждый питался за счет своего труда, тогда можно исправить недочеты естественной эволюции и установить глубокую гармонию с высшей справедливостью. Тогда дух социализма мирно разрешит ожесточенную битву между богатыми и бедными»²¹. Впоследствии он многократно разъяснял эту точку зрения. Например, во время одного из выступлений в Гуандуне в 1912 г. он говорил: «Все, кто говорит о государственном социализме, заявляют, что крупные государственные дела должны регулироваться правительством — с помощью займов, например. Ирригация, железные дороги, электричество и другие отрасли, которые можно монополизировать, национализуются»²². Его общее представление о государственном социализме было весьма хаотичным. Он даже говорил, что Бисмарк в Германии тоже «выступал против социализма, ратовал за государственный социализм», а монопольная продажа табака японским правительством тоже есть государственный социализм²³. Однако он выступал против осуществления национализации железных дорог, решительно выступал также против милитаристского правительства того времени. В 1921 г. он говорил: «Хотя уже десять лет номинально существует республика, фактически это — бюрократическое государство»⁴. Конечно, он не мог полагать, что и «бюрократическое государство» сможет осуществить государственный социализм. В 1921 г., вернувшись в Гуандун и готовясь к созданию новой политической власти, он говорил: «при создании истинной республики» необходимо осуществить «принцип народного благосостояния», то есть, «пока капиталистов и помещиков немного, надо провести национализацию капитала и имущества, с помощью машин наладить промышленность

и торговлю, благодетельствовать простой народ, уничтожить классовую борьбу»²⁵. Мы здесь не обсуждаем вопрос, какое государство может осуществить социализм. Сунь Ятсен серьезно не исследовал этот вопрос. Но можно заметить, что у него фактически сформировалось следующее представление: если частный капитал осуществляет все дела — это и есть капитализм. Но его трудно избежать, все равно он неминуем. Для осуществления социализма надо осуществить национализацию, поставить под управление государством все отрасли деятельности. Национализация — это и есть социализм.

II. Формально Сунь Ятсен требовал развития социализма, фактически стоял за развитие капитализма. В рождении такого субъективного социализма был личностный фактор Сунь Ятсена, но это также является отражением особых исторических условий Китая. Синьхайская революция сыграла стимулирующую роль в развитии национального капитала. Но вследствие того, что революция отнюдь не изменила ситуации, при которой империализм угнетал Китай и господствовал над ним, она ничуть не ослабила связи производственных отношений феодализма и его политическую силу. Развитие национального капитала было крайне затруднено. Китайский народ страдал тогда вовсе не от развитости капитализма, а от его неразвитости. Суть Ятсен достаточно глубоко понимал эту ситуацию. Ему очень хотелось видеть Китай богатым и сильным, хотелось добиться счастья для народа и избавления его от эксплуатации и угнетения. Вопрос о том, как одновременно осуществить эти два прекрасных чаяния, стал для него трудноразрешимой проблемой. Сразу же после провозглашения республики он сказал: «Перед нами еще много работы, которую необходимо завершить, чтобы Китай смог приобрести положение великой и сильной страны и идти наравне с другими державами»²⁶. Он подчеркивал также, что его не удовлетворяет провозглашение Китая республикой. Необходимо, чтобы Китай из «бедного и слабого» стал богатым и сильным»²⁷. В то время, как становилось все более очевидным, что Юань Шикай разрушает республику, он по-прежнему считал, что необходимы десятки лет упорных усилий, «чтобы Китайская республика вошла в ряд цивилизованных государств мира»²⁸. Сунь Ятсен говорил также: «Воочию можно видеть, что любимое мною государство возвращается к старым порядкам, что действительно вызывает боль»²⁹. Ему принадлежат слова о том, что цели революции «заключаются в стремлении сделать Китай самым сильным, самым богатым и самым прекрасным в политическом отношении государством в мире. Эти цели достижимы при объединении народа всей страны»³⁰. Это высказывание является голосом действительно великого патриота, отражающим чаяния китайского народа, жившего в унижениях, позоре и страданиях. Сунь Ятсен также полагал, что, идя старой дорогой западных капиталистических государств, нельзя достичь счастья для народа. Он говорил: «Я много видел дисгармонии между трудом и капиталом в западных странах, а также то тяжелое положение, в котором находятся трудящиеся массы, поэтому я надеюсь, что Китай сумеет предотвратить возникновение такой ситуации. Развитие промышленности и торговли стимулирует рост производства. Но при этом возрастает опасность углубления пропасти между рабочим классом и владельцами капитала. Я хочу увидеть улучшение жизни народных масс и не желаю способствовать усилению власти кучки людей с тем, чтобы они превратились в финансовую олигархию»³¹. Он резюмировал свои воззрения в области экономики следующим образом: «С одной стороны, надо стремиться развивать промышленность и торговлю, с другой — сделать экономическую жизнь рабочих безопасной и счастливой»³². Есть и здесь противоречия? Главное в том, что на опыте западных государств он эти серьезные противоречия почувствовал. Для разрешения их и был создан его субъективный социализм.

12. Четким было отношение Сунь Ятсена к революции и строительству государства. Полагая, что Синьхайская революция уже добилась успеха, он хотел заняться строительством государства. Обнаружив, что Синьхайская революция в действительности успеха не имела, он, как и раньше, направил свои силы на дело революции. В одной из своих речей в 1920 г. он говорил: «От Китайской Республики ныне осталась лишь фальшивая вывеска. Чтобы возродить подлинную Китайскую Республику, нужна еще одна великая революция»³³. Сунь Ятсен был действительно нестигаемым революционером. В 1919 г. на вопрос о том, в каких науках он специализируется, он ответил: «То, чем я занимаюсь, — это наука революции»³⁴. Хотя Сунь Ятсен сталкивался со множеством трудностей и неудач, он настойчиво продолжал свою революционную деятельность. В 1917 г. в России победила Октябрьская социалистическая революция, и он приветствовал ее. Однако опыт России вновь заставил его еще больше почувствовать, что социалистическая революция — дело, которое может внушить опасения. В 1921 г. в одной из речей он говорил: «Необходимо понимать мучительность социальной революции, намного более кровопролитной, чем революция политическая»³⁵. В другой речи в том же году он сказал: «В России победила социальная революция, и Россия стала государством крестьян, рабочих и солдат. Последовательность фаз этой революции: от национальной к политической, от политической к социальной. При каждой смене непременно испытывались страдания, это общеизвестно. Китаю следует изучить пример России, поскорее и предельно тщательно уладить все вопросы с землей и капиталом, дабы обратить в ничто страдания, частые при революции»³⁶. Политическая революция, о которой он говорил, — это именно революция, которую он тогда возглавлял. Поэтому он говорил: социалистическая революция намного страшнее демократической революции и следует всемерно избегать ее. А каким образом избегать? Он полагал, что очень легко в условиях неразвитости промышленности Китая, отсутствия условий для свершения социалистической революции заблаговременно ввести социализм. Еще в феврале 1912 г. он говорил: «Англия и Америка имеют высоко развитую цивилизацию и промышленность, осуществление там социальной революции — действительно трудное дело. Мы в Китае пока не достигли такого уровня развития, поэтому социальную революцию в нашем случае осуществить легче»³⁷. Впоследствии на протяжении нескольких лет он многократно высказывался подобным образом. Будучи неразвитой и не добившись еще необходимых политических прав, китайская национальная буржуазия тем не менее уже видела социалистическое рабочее движение на Западе, видела победу Октябрьской социалистической революции в России и, стремясь к борьбе за условия своего существования и развития, опасалась, что в будущем может произойти социалистическая революция. Таков исторический фон возникновения субъективного социализма Сунь Ятсена.

III

13. В последние годы жизни Сунь Ятсен твердо выступал за сотрудничество с Компартией Китая, чтобы дать импульс «великой политической революции», которой он жаждал. Он умер, не увидев этой великой революции, кульминацией которой был Северный поход. Конечно, он не увидел также и перемен в развитии Китая после Северного похода. В конечном итоге китайский народ осуществил под руководством Компартии Китая национально-демократическую революцию, за которую всю жизнь боролся Сунь Ятсен, и в дальнейшем вывел Китай на социалистический путь. Противоречия, которые Сунь Ятсен не смог реально разрешить, были разрешены методами, которые он не мог предугадать.

Мы не можем, исходя из последующего опыта, строго спрашивать с предшественников. Мы, наоборот, должны увидеть, что некоторые слабые стороны субъективного социализма Сунь Ятсена были присущи также и китайским коммунистам и постепенно преодолевались посредством практики, преодолеваются даже сейчас. Сунь Ятсен и китайские коммунисты жили в одинаковых социально-исторических условиях своей страны, поэтому некоторые их воззрения обладают общими чертами, это неудивительно.

14. «Выиграть войну в одном сражении» — одновременно совершить демократическую и социалистическую революцию — невозможно. Однако среди китайских коммунистов также в той или иной мере бытовали такого рода умонастроения. Сразу же после своего создания Компартия Китая определила социалистическую революцию в качестве текущей задачи, хотя вскоре осознала, что китайская революция имеет два этапа: демократическую революцию и социалистическую. В данный момент можно было совершить сначала лишь демократическую революцию, однако в течение длительного времени часто совершалась ошибка, состоявшая в смешении задач этих двух этапов, когда в ходе демократической революции в общем виде выдвигалась задача борьбы с буржуазией. Такого рода тенденции проявлялись в левоуклонистских ошибках компартии в период до и после 1930 г. Следует указать на то, что Сунь Ятсен, в полную противоположность «твердолобым» антикоммунистам, пришел от этого чисто субъективного представления к выводу о сотрудничестве с компартией. Поскольку экономика и общество Китая находились в состоянии отсталости, люди, делавшие революцию, обычно исходили из добрых побуждений, желая ускорения прогресса в Китае. Раз уж есть у нас более высокий идеал, почему нельзя осуществить его пораньше? Именно так ставил вопрос Сунь Ятсен. Однако такое стремление он выражал лишь в мыслях. Если бы он действовал на основе такого стремления, то это не только не принесло бы пользы делу, но и имело бы обратный эффект. Исторический опыт показывает, что китайская революция — это сложный длительный процесс, ее невозможно совершить, не подразделяя на этапы. Социалистическое строительство — это также сложный длительный процесс. И здесь надо двигаться вперед шаг за шагом, исходя из практики, помня древнее изречение: «Поспешишь — людей насмешишь».

15. Субъективно-социалистические идеи Сунь Ятсена включают следующее положение: поскольку в Китае не развита промышленность, то очень легко осуществить социализм. Это положение связано с идеей «выиграть войну в одном сражении». У некоторых членов Компартии Китая в ранний период также имелись подобные представления. После того как китайские коммунисты поняли, что революцию в Китае надо разделить на два этапа, они, с одной стороны, выступили против намерений осуществить социалистическую революцию уже на этапе демократической революции, а с другой стороны, — против такого представления, когда после победы демократической революции надо дожидаться развития капитализма и только после этого совершить социалистическую революцию. Последняя идея является ошибочной, потому что в Китае буржуазия была неспособна возглавить и довести до победного конца демократическую революцию. Демократическая революция в Китае могла быть завершена только под руководством пролетариата, а после победы революции должно установиться народно-демократическое государство, возглавляемое пролетариатом. При наличии таких предпосылок может сразу же последовать свершение социалистической революции, к тому же мирным путем. Следуя такой установке, действительно удалось избежать обстановки террора и кровопролития, как того хотел и Сунь Ятсен. Тем не менее, может ли подобная ситуация подтвердить состоятельность

точки зрения, по которой неразвитость капитализма сильно облегчает переход к социализму? Через семь лет после образования КНР в стране в основном было завершено преобразование системы собственности, в этот момент среди коммунистов действительно появилось такое представление, что очень легко добиться полного успеха социализма и даже перейти к коммунизму. В работе Мао Цзэдуна «Рекомендую один кооператив», написанной в апреле 1958 г., говорилось: «Очевидными особенностями шестисотмиллионного населения Китая являются бедность и невежество». «На чистом листе бумаги — без груза прошлого — хорошо писать самые новые и самые красивые иероглифы, рисовать самые новые и прекрасные картины». Можно сказать, что это высказывание представляет названный способ мышления. Практика показала, что такие представления не соответствуют действительности и чрезвычайно вредны. Социализм не может быть создан на «чистом листе бумаги» (в реальной жизни никогда не было общества «без груза прошлого», подобного «чистому листу бумаги»). Поскольку пролетариат уже пришел к власти, а силы буржуазии были очень слабы, то на пути социалистических преобразований встречались небольшие преграды. Это привело к тому, что социалистический строй установился сравнительно легко. Точка зрения Сунь Ятсена, что строительство государства является целью революции, конечно, приемлема. В исторических условиях Китая строительство социализма испытывает свои специфические трудности. Неполное познание этих трудностей может породить различные, оторванные от действительности, методы «большого скачка». Позиция, состоящая в том, что Китаю легко перейти к социализму, которой придерживались, начиная с Сунь Ятсена и кончая коммунистами, основывалась на том, что Китай не прошел этап развитого капитализма. Такая позиция действительно явилась продуктом исторических условий, когда капитализм в Китае был неразвит.

16. Следует сказать еще несколько слов о теории государственного социализма Сунь Ятсена. Если государство буржуазное, то система государственной собственности ни в коем случае не есть социализм. Лишь после создания в Китае народно-демократического государства, возглавляемого пролетариатом, стало возможным воплотить в жизнь идею Сунь Ятсена о том, что собственность государственная есть и народная, поэтому государственная экономика стала социалистической экономикой. Однако представление Сунь Ятсена о том, что стоит только национализировать различные отрасли промышленности и ввести государственное хозяйство, и тем самым осуществится социализм, примитивно и не соответствует действительности. В условиях отсталой исходной экономической базы очень легко может появиться ошибочная тенденция, когда строительство социализма пытаются осуществлять, опираясь только на государственную власть, административными мерами. С этим связано и появление неправильных представлений о том, будто строительство социализма не представляет трудности. Хотя в этом вопросе коммунисты не испытывали на себе влияние теории государственного социализма Сунь Ятсена, однако в ходе социалистического строительства у них тоже возникали ошибки подобного рода. Практика показывает, что, помимо государственного сектора, занимающего господствующее положение в народном хозяйстве, еще должна существовать социалистическая кооперативная экономика, основанная на коллективной собственности; кроме того, следует использовать и другие экономические формы. Слепая вера в государственную собственность, неверное убеждение, что государственная собственность сразу же приведет к полному благополучию, стремление к «одному цвету», незнание особенностей построения социализма на такой «бедной и невежественной» базе, как в Китае, где необходимо умело использовать разнообразные эко-

номические формы, включая некоторые переходные формы. — все это ошибочные тенденции, которые требуют тщательного искоренения. Это было понято нами лишь после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва. Создание рафинированного социалистического общества с помощью государственной власти невозможно. Развитие товарной экономики в условиях социалистического строя есть этап, через который мы не можем перескочить. Поэтому необходимо использовать закон стоимости, соединять государственное планирование и рыночное регулирование, осуществлять политику плановой товарной экономики на основе общественной собственности на средства производства. В этом мы тоже разобрались только в последние несколько лет. Что касается экономики, основанной на государственной собственности, то надо совершенствовать систему управления, хозяйствования, а также другие формы экономических отношений. Без должного разрешения этих проблем преимущество государственной собственности как социалистической экономики не сможет проявиться.

17. Сунь Ятсен неизменно подчеркивал, что Китай не должен идти старым путем капиталистических стран Запада, чтобы трудящийся народ не подвергался страданиям от эксплуататоров. Это было только благородным пожеланием. Ход исторического развития, конечно, не определяется пожеланиями людей. Китай не повторил пути Запада потому, что практически повторить его невозможно. В полуколониальном, полуфеодальном Китае присутствовали агрессивный иностранный и компрадорский бюрократический капитализм, которые, объединившись с классом феодалов-помещиков, господствовали в Китае. В Китае существовал и либеральный национальный капитализм, но он находился под давлением, не мог развиваться. Поэтому план создания буржуазно-демократической республики был обречен на провал. Национально-демократическая революция, совершенная народом под руководством Компартии Китая, явилась продолжением и развитием дела Сунь Ятсена. После победы революции лишь опыт многих побед и поражений позволил избавиться от различных оторванных от реальности утопий, исходить из конкретной обстановки в стране, строить социализм с китайской спецификой. Всесторонняя реформа и открытая внешнеэкономическая политика позволят нам восполнить недостатки, сформировавшиеся вследствие того, что Китай не прошел этап развитого капитализма, и разрешить возникшие в связи с этим трудности. Следует сказать, что это — тоже продолжение и развитие социалистических идей Сунь Ятсена то есть его чаяний на обогащение и усиление государства и счастье народа.

¹ Сунь Ятсен. Поли. собр. соч., т. 1, 1982, с. 228, Изд-во «Чжунхуа», (на кит. яз.).

² Там же, с. 273.

³ Там же, с. 288—289.

⁴ Там же, с. 327.

⁵ «Принцип народного благосостояния». — Прим. перев.

⁶ «Социализм». — Прим. перев.

⁷ Сунь Ятсен. Поли. собр. соч., т. 5, с. 476.

⁸ Там же, т. 2, с. 160.

⁹ Там же, с. 319.

¹⁰ Там же, с. 322—323.

¹¹ Там же, с. 523.

¹² Там же, т. 5, с. 191.

¹³ Там же, с. 560.

¹⁴ Там же, т. 2, с. 335, 474.

¹⁵ Там же, с. 355—356.

¹⁶ Там же, с. 492.

¹⁷ Там же, с. 442.

- 18 Там же, с. 340.
- 19 Там же, с. 442.
- 20 Там же, с. 492.
- 21 Там же, с. 509.
- 22 Там же, т. 5, с. 561.
- 23 Там же, т. 2, с. 442.
- 24 Там же, т. 5, с. 628.
- 25 Там же, т. 5, с. 460.
- 26 Там же, т. 2, с. 231.
- 27 Там же, т. 2, с. 420.
- 28 Там же, т. 3, с. 63.
- 29 Там же, с. 73.
- 30 Там же, т. 4, с. 345.
- 31 Там же, т. 2, с. 392—393.
- 32 Там же, т. 5, с. 69.
- 33 Там же, с. 262.
- 34 Там же, с. 55.
- 35 Там же, с. 480.
- 36 Там же, с. 561.
- 37 Там же, т. 2, с. 325.

Н. Е. БОРЕВСКАЯ,
кандидат филологических наук

Всеобуч: проблемы и решения

Год назад, в апреле 1986 г., на четвертой сессии ВСНП шестого созыва был принят Закон об обязательном образовании — первый из серии законодательных актов КНР по народному образованию, подготовка которых началась в 1984 г. Завершить их предполагается в течение 10 лет с тем, чтобы придать законченную юридическую основу процессу перемен, начавшихся в 80-е гг. Закону предшествовало майское 1985 г. Постановление ЦК КПК и Госсовета КНР «О реформе структуры образования», которое наметило программу коренных изменений в этой области. Всеобщее обязательное девятилетнее образование (неполное среднее) будет вводиться поэтапно: к 1990 г. — в экономически и социально развитых районах; к 1995 г. — в относительно развитых сельских районах и поселках городского типа. Конкретные сроки введения всеобщей девятилетки в прочих районах (население которых составляет четверть населения страны), в том числе в районах проживания национальных меньшинств, установлены не были — предполагается решить эту задачу к 2000 г. Сегодня картина по стране чрезвычайно пестрая. В ряде крупных городов и в приморских районах всеобщая девятилетка уже действует, но во многих районах страны еще остро ощущается нехватка начальных школ, только решается задача начального всеобуча.

Одним из условий осуществления всеобуча должно стать обязательное обучение каждого ребенка школьного возраста, впервые законодательно закрепленное в 1986 г. Закон предусматривает меры наказания в отношении тех, кто препятствует его соблюдению. Местным властям предоставлено право не допускать найма на работу детей школьного возраста, подлежащих обучению в начальной и неполной средней школе, налагать штраф, прекращать работу либо аннулировать патент предприятий-нарушителей. Предусмотрены и меры воздействия в отношении родителей или опекунов, не направляющих учиться детей школьного возраста.

Этот государственный акт имеет важное значение для развития науки, культуры, экономики Китая, ибо, по данным переписи 1982 г., среди населения в возрасте старше 25 лет средний уровень грамотности составил 5 классов. Введение принципа обязательности образования особенно актуально в условиях сегодняшнего Китая, когда распространению всеобуча серьезно мешает система дворовых подрядов, практика кооперативных и частных хозяйств, охотно принимающих на работу подростков. С другой стороны, неполные средние школы на селе имеют фактически тупиковый характер, большинство их выпускников не могут выдержать конкурсный экзамен и продолжить обучение в полной средней школе.

Процент детей школьного возраста, посещающих начальную школу, при общей по стране высокой цифре 95,7 % в отдельных районах составляет лишь 60—85 % (провинции Юньнань, Гуйчжоу)¹. На осень 1985 г. всеобщее началь-

ное образование было введено в 36,6 % из 1999 обследованных уездов. Численность неграмотной и малограмотной молодежи продолжает расти.

В целом по стране из начальной школы в неполную среднюю поступает 68 % учащихся². Охват детей неполным средним образованием неуклонно растет. В 1965 г. обучалось 12—13 % детей соответствующей возрастной группы, в 1981 г. — 50 %, а к 2000 г. эту цифру предполагается довести до 85—90 %. Соответственно возрастет количество учащихся в полной средней школе — с 12 % соответствующей возрастной группы в 1981 г. до 40—50 % к 2000 г. (это уровень больших приморских городов, достигнутый в 1982 г.)³.

Принятие Закона о всеобщем девятилетнем образовании у многих в Китае вызывает смешанные чувства — и радость, и тревогу. Многочисленные кампании по всеобучу на разных этапах существования КНР привели к недоверию относительно высоких показателей охвата детей школьным образованием, часто не подкрепленных необходимым качеством обучения. Еще памятно, как на рубеже 60-х и 70-х гг. многим начальным школам произвольно давались вывески «средних». Автор статьи «Осуществляя обязательное образование, нельзя вслепую набирать темпы»⁴ писал о том, что в уезде Цзюнь (провинция Шаньси) в последнее время появилась тенденция увеличивать набор в неполные средние школы независимо от условий. А они пока, особенно в сельских районах, остаются трудными: острая нехватка приборов и оборудования, а главное — учителей. Поэтому автор призывает сначала закрепить на достигнутом рубеже — повысить качество обучения в начальных школах. Его мнение поддержано центральной печатью.

Проблема всеобуча не проста, она имеет выходы и в экономику, и в социальную сферу. Некоторые работники образования КНР резонно предлагают учесть и демографические показатели. Рождаемость к началу 80-х гг. резко упала по сравнению с началом 70-х. Поспешное расширение сети неполных средних школ от «достигнутого» нынешней начальной школой обернется в последующие несколько лет пустыми классами. В 1985 г. численность учащихся начальных школ сократилась до 133,7 млн. за счет первых классов. К 1990—1992 гг. начальную школу будут оканчивать дети, родившиеся в 1980—1981 гг., и количество выпускников в ряде районов уменьшится чуть ли не в 2 раза (по подсчетам отдела образования района Ичунь провинции Цзянси). Поэтому, если в той же провинции выждать благоприятный момент, то для осуществления всеобщего неполного среднего образования потребуется лишь 280 тыс. новых учебных мест. В Цзянси 2889 неполных средних школ, каждую придется в среднем пополнить лишь 100 учащимися, то есть отпадет необходимость в создании новых школ⁵. Подобная ситуация характерна для всей страны.

Проблема не только в том, чтобы принять в неполную среднюю школу всех детей данной возрастной группы, но и в том, чтобы удержать их в школе. Отсев из неполных средних школ еще сохраняет тенденцию к росту. В одном из экономически развитых уездов провинции Хэйлуцзян он возрос с 20 % во второй половине 70-х гг. до 72,3 % в 1984 г.⁶ Но эта средняя по уезду цифра не представляет картины во всей полноте. Типична ситуация в одной из деревенских школ, где отсев на 1-м году обучения составлял 76 %, на 2-м — 52,6 % и лишь на 3-м упал до 15 % (остались те, кто имел надежду учиться дальше). В уезде Цзюнь (провинция Шаньси) в 1-м классе одной из неполных средних школ 52 ученика, а во 2-м и 3-м соответственно 47 и 17⁷.

Недостаток средств и нехватка квалифицированных педагогических кадров на протяжении десятилетий были и остаются серьезными препятствиями в деле развития всеобуча в Китае, хотя государственные ассигнования на образование продолжают расти. В 1981 г. они составили 10,5 % всех расходов бюджета

та, в 6-й и 7-й пятилетках их намечают довести до 15 %, а в дальнейшем — до 20 % (не считая расходов на капитальное строительство). Соотношение расходов на начальное, среднее и высшее образование в 6-й и 7-й пятилетках предполагается сохранить как 40:40:20. В 7-й пятилетке правительство КНР рассчитывает выделить на образование 116,6 млрд. юаней, что на 72 % больше, чем в 6-й пятилетке (не следует забывать, однако, о значительном росте цен за этот период). Поскольку бюджет остается весьма напряженным, государство оставляет на своем обеспечении в основном те учебные заведения, которые готовят кадры для государственного сектора экономики, для решения перспективных экономических задач и задач научно-технической революции. Государственные ассигнования используются в значительной мере на высшую школу, ключевые учебные заведения, дотации профессиональным училищам и отсталым районам, прежде всего районам проживания национальных меньшинств.

Что касается остальных учебных заведений, то закрепленный Законом об обязательном образовании курс состоит в том, чтобы максимально мобилизовать все источники, все возможности, которые открывает нынешняя экономическая реформа, — иными словами, привлечь к развитию образования и коллективный сектор, и частные предприятия, и фонды общественных организаций и партий, вклады зарубежных китайцев и т. д.

Сельская школьная сеть с конца 50-х гг. расширялась фактически за счет открытия так называемых школ на народные средства, то есть взносов населения. Поэтому рост государственных капиталовложений в образование прежде всего приходился на городские школы. В городе Вэньчжоу (провинция Чжэцзян) в 1981—1985 гг. ассигнования на образование в среднем ежегодно возрастали на 21,7 %, а в двух отсталых горных уездах этой же провинции за указанный период они возрастали соответственно лишь на 7,4 и 3,2 % в год⁸.

Постановлением 1985 г. была повышена ответственность местных органов власти, в том числе материальная, за развитие образования. Этот принцип был назван «основным звеном» развития образования. В законе 1986 г. это положение было закреплено. Статья 12 гласит: «Средства на осуществление обязательного образования и вложения в капитальное строительство выделяются совместно Госсоветом и местными народными правительствами и должны быть гарантированы... Процент прироста ассигнований, выделяемых государством на обязательное образование, должен превышать процент роста обычных финансовых доходов» на уровне провинции — на 5 %; района, города, уезда — на 2 %. С 1986 г. процент с оборотных средств, отчисляемых на нужды образования на тех же уровнях, должен составлять не менее 20 % (соответствующим провинциальным ведомствам вменено в обязанность выделять на развитие образования и определенное количество валюты)⁹.

В будущем планируется увеличить долю затрат на образование, включая капитальное строительство, с 3,5 % национального дохода в 1983 г. до 6 % за счет средств из бюджетов всех уровней — центрального, провинциального, уездного и волостного. При этом подразумевается, что налог на образование с каждого жителя будет соответствовать доходам на душу населения, поэтому есть предложение увеличить его для рабочих и служащих предприятий с 1,5 % основной заработной платы до 5 %¹⁰.

В качестве чрезвычайной меры при строительстве новых учебных заведений собираются коллективные пожертвования в размере от нескольких миллионов до нескольких десятков миллионов юаней на уезд.

Поступления от взносов учащихся — источник давний и постоянный. Взнос делился на непосредственный взнос за обучение («сюэфэй» — 5—

7 юаней за семестр в средней школе) и взнос на учебные нужды («цзафэй» — 20—50 юаней за семестр)¹¹. В статье 10 Закона о всеобщем девятилетнем образовании указано: «Государство не взимает платы за обучение с учащихся, получающих обязательное образование. Государство предоставляет стипендии неимущим, помогает нуждающимся учащимся». Плата за обучение на протяжении десятилетий была в Китае значительным подспорьем в школьном деле. В связи с этим на четвертой сессии ВСНП в апреле 1986 г. некоторые депутаты выразили беспокойство по поводу того, что отмена взноса за обучение, не имеющая твердого финансового обоснования, может привести к увеличению другого взноса — на учебные нужды. Подобные опасения небезосновательны. С начала 1986/87 уч. года руководство ряда школ района Вэньцзюань (провинция Сычуань) изобретает множество разных предлогов для сбора денег с учащихся (так называемую «условленную плату», на оборудование, на ремонт классной мебели, на электроприборы и пр.)¹².

Компенсировать отмену взноса за обучение должен так называемый дополнительный налог на образование. По решению Госсовета КНР, с 1985 г. в опытно-порядке его взимали многие провинции. С 1986 г. по утвержденному Госсоветом «Временному положению о налоге на нужды образования» его выплачивают все предприятия, организации и лица, занимающиеся частным предпринимательством. Считается, что он может стать твердым источником средств, выделяемых на сельскую школу. До сих пор отчисления из бюджета местных правительств, не определенные законодательно, являлись величиной непостоянной, зависящей от экономической ситуации и от субъективного фактора в данном районе. Теперь дополнительный налог вносят ежемесячно все предприятия коллективной собственности, совместные, индивидуальные и семейные предприятия, волостные и деревенские предприятия — в размере 1 % с налога на продукцию, добавочную стоимость и предпринимательство¹³.

Напомним, что в конце 70-х гг. в Китае была предпринята попытка централизовать управление и финансирование сельских школ хотя бы на уровне уезда. Однако в 80-е гг. утвердился курс на передачу начальных школ в ведение волостных и деревенских властей, а средних — в ведение властей уезда. Бюджет этих школ складывается (помимо государственных дотаций) в основном из отчислений от доходов сельского хозяйства, лесных и животноводческих хозяйств, предприятий перерабатывающей промышленности, подсобных промыслов.

Дополнением к бюджету школ являются доходы от малых пришкольных предприятий, где теперь трудятся взрослые рабочие, а школьники проходят трудовую практику. В 1985 г. эти доходы составили 1320 млн. юаней, а в целом за пятилетку 4120 млн. юаней, из которых непосредственно на нужды образования ушло 2290 млн. юаней, то есть около 33 % от общей суммы¹⁴. Этот источник финансирования предполагается расширить, о чем говорилось на Всекитайском совещании по подведению итогов и планированию движения за совмещение учебы с трудом, прошедшем в мае 1986 г. На практике это выгладит так. Доходы от цеха пластмасс при пекинской школе «Юйцай» составляют 5 % общего бюджета. В 1984 г. каждый преподаватель 2-й средней школы при Пекинском педагогическом университете получил за год 450 юаней в дополнение к окладу за счет прибылей от пришкольных предприятий. Нам была предоставлена возможность заглянуть в подобные цехи при школе № 2 города Гуанчжоу. Один из них, получая материал из Гонконга, делает на экспорт матерчатые туфли (прибыль — 60—80 тыс. юаней в год), другой производит электрооборудование для предприятий обрабатывающей промышленности (прибыль 15 тыс. юаней в год). В целом доход от этих

цехов составляет около четверти средств, получаемых школой от государства¹⁵.

Сочетание реформы образования с хозяйственной реформой предполагает в виде системы разнотипных учебных заведений для обслуживания определенных секторов экономики. Важное место в этой системе отводится профессионально-техническим учебным заведениям разных уровней.

Профессионально-технические школы низшей ступени, дающие неполное среднее общее образование, в постановлении 1985 г. рассматриваются как одна из форм всеобуча. Поскольку они финансируются предприятиями и ведомствами, многие в Китае рассчитывают, что это облегчит финансирование обязательного всеобуча. Расширяется и вторая ступень профессионально-технического обучения. Наряду с открытием новых техникумов и ПТУ часть полных средних общеобразовательных школ трансформировалась в профессиональные. С развитием системы специализированных дворов растет заинтересованность крестьян в получении профессионально-технического образования. С другой стороны, в условиях конкуренции предприятия все острее чувствуют насущную потребность в квалифицированных рабочих и техниках. На профессионально-техническое образование возлагает большие надежды коллективный сектор экономики, который оно призвано в значительной мере обеспечить кадрами.

В 1990 г. неполные средние школы окончат около 14 млн. человек (в 1985 г.— около 10 млн.). Если примерно 40 % из них поступят в полную среднюю школу, что составит 6,6 млн. человек (в 1985 г.— свыше 4 млн.), то 3,3 млн. человек продолжат обучение в ПТУ, техникумах и других средних специальных учебных заведениях, 800 тыс. выпускников полной средней школы смогут получить высшее образование, а 2,5 млн. смогут овладеть профессией только вне системы образования. Подобные выкладки служат обоснованием значительного расширения сети профессионально-технического обучения. По планам на 7-ю пятилетку, к 1990 г. прием в различного типа (на это в Китае делается особый акцент) профессионально-технические училища и средние специальные учебные заведения достигнет 3,6 млн., что на 65 % превысит уровень 1985 г.¹⁶

Перед профессионально-техническим образованием множество проблем. По данным анализа, проведенного НИИ науки и образования Южнокитайского педагогического университета, если в 1-ю пятилетку средний технический разряд по всем отраслям составлял 3,92, то в настоящее время он равен всего лишь 3,12¹⁷. Ни количество технических специалистов, подготавливаемых в настоящее время в ПТУ и техникумах, ни структура специальностей не соответствуют требованиям момента, особенно остро ощущается нехватка кадров по сельскохозяйственным профессиям, а также для непродуцирующей сферы. Каждая провинция вновь и вновь выдвигает требование более тесной увязки профиля ПТУ и вузов со спецификой местного производства. Сотрудники НИИ образования провинции Фуцзянь предлагают ориентировать свою систему образования на структуру провинциальной экономики: мелкие обособленные предприятия, перерабатывающую промышленность, растущую непродуцирующую сферу. В провинции Гуйчжоу, где $\frac{2}{3}$ деревень занимаются животноводством, сельскохозяйственным специальностям в средних и высших учебных заведениях обучаются лишь 9,1 % и 9,5 % от общего количества учащихся¹⁸. В средних специальных учебных заведениях провинции крайне мало, а в вузах вовсе нет факультетов, готовящих специалистов пищевой промышленности — одной из ведущих в провинции. Это расхождение могло бы быть преодолено путем расширения обмена специалистами между провинциями. Подобные предложения есть, но они пока не реализуются.

В то же время перед системами образования разных провинций встало немало общих проблем. Ряд новых социально-экономических факторов — сход крестьян с земли, интенсивное развитие поселков городского типа, постепенное изменение структуры сельскохозяйственного производства (в нем все большее место занимают процессы, выходящие за рамки земледелия) — вызывает необходимость резкого увеличения сети сельскохозяйственных ПТУ, соответствующего пересмотра номенклатуры специальностей в сельскохозяйственных вузах.

За последние годы в быстро развивающихся районах от сельского хозяйства отошло 40 % крестьян. Эти люди остались на селе или сосредоточились в поселках городского типа¹⁹. В 1981 г. было 53 тыс. поселков, где половина жителей была занята в перерабатывающей промышленности, подсобных промыслах, торговле, сфере обслуживания. В таких поселках постоянно действуют крупные сельскохозяйственные ярмарки, растет специализация производства — все это создает потребности в квалифицированной рабочей силе, в новом типе сельского жителя, чей уровень грамотности и технических знаний должен быть выше, чем прежде. Поскольку уже сейчас большинство учащихся средних школ посещают укрупненные школы поселков, то в Китае все чаще звучат требования превратить такие поселки в центры сельскохозяйственного технического образования, организовать там консультации по теле- и заочному обучению. Иными словами, предлагается уделять этим поселкам главное внимание в развитии образования на селе²⁰. Укрупнение школ на селе, особенно в горных районах, не новая для Китая проблема, но пока она еще не решена.

В последние годы принимаются меры по привлечению молодежи в систему профессионального обучения. В постановлении 1985 г. их выпускникам устанавливаются льготы при приеме на работу. Большую роль в подкреплении прав выпускников профессионально-технических школ на получение работы сыграет появление новых временных постановлений Госсовета КНР о реформе системы труда, предполагающей заключение трудовых соглашений²¹. Делаются первые шаги по налаживанию связи между профессиональными учебными заведениями средней ступени и высшей школой. С 1986/87 уч. года 2 % лучших выпускников средних специальных учебных заведений получают право поступления в соответствующие вузы.

Одной из ключевых проблем введения обязательного неполного среднего образования в Китае является необходимость обеспечения школ, прежде всего сельских, квалифицированными кадрами. В качестве временной меры с 1985 г. центральные органы образования направили на места более 3 тыс. учительских бригад, состоящих из опытных педагогов, которые инструктировали учителей сельских школ, помогали им повышать уровень своей квалификации. Подобная практика была признана успешной и, как заявил Ли Пэн на прошедшем в марте 1986 г. Всекитайском рабочем совещании по образованию, с 1986 г. она вводится повсеместно. Кроме того, в последние годы открыты новые педагогические училища и факультеты в вузах, принимаются меры по привлечению в них молодежи (целевой набор, поощрительные стипендии и т. д.). Расширяется работа по подготовке преподавателей через сеть теле- и заочных университетов.

В Законе о всеобщем девятилетнем образовании намечены конкретные меры, призванные способствовать повышению профессионального уровня учителей. В статье 13 оговорено, что «государство планомерно добивается того, чтобы преподаватели начальных школ имели образование не ниже средних педагогических училищ, а неполных средних школ — не ниже педагогических вузов». С этой целью впервые предусмотрено введение системы

квалификационных экзаменов для учителей. Экзамены и соответственно дипломы будут двух видов — с оценкой педагогических навыков и знания предмета²².

Проблема распространения всеобщего начального, а затем и среднего образования — давняя и наболевшая, решить ее пытались не раз за время существования КНР. И то, что на нынешнем этапе намечен целый комплекс мер, направленных на обеспечение этого процесса — укрепление материальной базы народного образования, развитие сети профессионально-технического обучения, модернизация программ и методов обучения, создание системы подготовки и переподготовки учителей, — вселяет надежду на то, что многие преграды будут устранены. Однако нельзя не видеть и новых трудностей на этом пути: дифференциация учебных заведений по категориям, отсутствие единообразия в учебных программах, децентрализация и как следствие возможная замкнутость местных систем образования.

Отсутствие каких-либо мер по регулированию социального состава учащихся (сегодня в Китае любят повторять «перед отметкой все равны»), система «ключевых» учебных заведений — все это тесно связано с «политикой приоритетов». Нынешняя реформа еще не может разрешить серьезное социальное противоречие, постоянно сказывающееся на системе образования, — между задачей наиболее эффективного использования интеллектуального потенциала общества и задачей преобразования общественной структуры в целях достижения социального равенства.

¹ См.: «Жэньминь жибао», 8.IV.1986.

² На 1985/86 уч. год в 76 тыс. неполных средних школ КНР обучалось 38,6 млн. учащихся.

³ См.: «Цзяоюй яньцзю», 1985, № 5, с. 16.

⁴ См.: «Жэньминь жибао», 6.VII.1986.

⁵ См.: «Цзяоюй яньцзю», 1986, № 3, с. 22.

⁶ См. там же, 1985, № 8, с. 33.

⁷ См.: «Жэньминь жибао», 6.VII.1986.

⁸ См.: «Цзяоюй яньцзю», 1986, № 2, с. 59.

⁹ См. там же, № 3, с. 9.

¹⁰ См. там же, 1985, № 5, с. 16.

¹¹ В одной из волостей уезда Цзоюнь (провинция Шаньси) ежегодные расходы на образование из расчета на каждого жителя деревни составляют от 6,7 до 10 юаней (не считая сбора на капитальное строительство), что терпимо для крестьян более зажиточных деревень и обременительно для жителей горных и бедных деревень. Сумма унифицированного взноса на учебные нужды по провинции Цзянсу в последние годы составляла 100 млн. юаней, что равнялось половине всех расходов на нужды образования в провинции.

¹² См.: «Жэньминь жибао», 3.X.1986.

¹³ См. там же, 8.V.1986.

¹⁴ См. там же, 13.IV.1986.

¹⁵ Данные получены на месте.

¹⁶ См.: «Гуанмин жибао», 8.V. и 15.IV.1986.

¹⁷ «Цзяоюй яньцзю», 1986, № 9, с. 34.

¹⁸ Там же, 1985, № 9, с. 11.

¹⁹ По официальной статистике, к концу века 40 % сельского населения Китая будет занято на предприятиях волостей и поселков городского типа, 10 % — уйдет в города, и лишь 50 % будет связано непосредственно с разными видами сельскохозяйственной деятельности («Цзяоюй яньцзю», 1985, № 8, с. 28).

²⁰ См.: «Цзяоюй яньцзю», 1985, № 6, с. 46.

²¹ См.: «Жэньминь жибао», 10.IX.1986.

²² См. там же, 2.X.1986.

ЯН ЦЗЯН

От переводчика

Тоненькая книжка. На обложке — черные сучья деревьев на фоне вечернего неба, ряды приземистых одинаковых строений на заснеженной земле. И иероглифы: «Ян Цзян. Шесть рассказов о школе кадров». Вручая ее мне, Ян Цзян, известная писательница и переводчица¹, сказала: «Книжка уже переведена на шесть иностранных языков, в том числе три раза — в различных странах — на английский. Может быть, она предвещает интерес и для советских читателей».

Я познакомился с писательницей в ее пекинском доме, придя в гости к ее мужу — крупному литературоведу, вице-президенту Академии общественных наук КНР Цянь Чжуншу. В молодые годы Цянь выступал, и очень успешно, как писатель: его роман «Осажденная крепость», вышедший в моем переводе в 1980 г., встретил теплый прием у нашей прессы и читающей публики. Им написано вступление к книге Ян Цзян.

«Школы кадров имени 7-го мая»² — одно из порождений и характерных примет периода «великой пролетарской культурной революции», ныне в Китае чаще именуемого «десятилетием смут и бедствий». Наш читатель осведомлен о событиях тех лет, в частности, благодаря переводу произведений Фэн Цицзя, Шао Хуа, Лу Тяньчжоу, Гу Хуа и других китайских писателей. Они запечатлели картины разгула хунвэйбиновщины, физического и морального террора в отношении интеллигенции и партийных кадров, которыми были особенно отмечены первые годы «культурной революции».

Ян Цзян повествует о более «спокойном» периоде, о начале 70-х гг., когда большинство китайских интеллигентов, занимающихся творческим и научным трудом (не считая тех, кто находился в тюрьмах и лагерях), было направлено в так называемые «школы кадров», чтобы проходить там «идейное перевоспитание в сочетании с производительным трудом». При чтении «Шести рассказов» следует иметь в виду, что Ян Цзян попала в сравнительно нетрудную «школу», к тому же просуществовавшую не очень долго. Очевидцы рассказывают, что во многих других «школах» и жилось труднее, и закрылись они на несколько лет позже. Чувствуется также, что писательница намеренно не заостряет внимания на драматических событиях: ее главная задача — показать бессмысленность всей этой затеи и рассказать о настроениях людей, навсегда — как им тогда представлялось — лишенных возможности заниматься любимым и действительно нужным обществу трудом (а не выращиванием овощей, себестоимость которых оказывалась во много раз выше, чем у соседних крестьян). Писательнице удалось большее: через рассказы о будничных занятиях, повседневных радостях и огорчениях вырисовывается духовный облик лучшей части китайской интеллигенции, которая нашла в себе силы пройти через все испытания и впоследствии вновь стать полезной своему народу.

¹ Ян Цзян родилась в 1911 г. в Пекине. Окончила университет в Сучжоу и аспирантуру в университете Цинхуа. С 1935 по 1938 г. стажировалась в Англии и во Франции, затем работала в ряде учебных и научных учреждений. Сейчас — профессор, старший научный сотрудник Института зарубежной литературы АОН КНР. Автор пьес, рассказов, статей. Переводит с английского, французского и испанского языков; за перевод «Дон Кихота» Сервантеса Ян Цзян удостоена испанским правительством высоких наград.

² 7 мая 1966 г. — дата написания документа, в котором сформулированы задачи «революции в области образования».

Книжка Ян Цзян, как и сходные по содержанию воспоминания известного драматурга Чэнь Байчэня, получила положительную оценку в китайской прессе (см., например, «Гуанмин жибао», 31. I. 85), а также на состоявшейся в ноябре 1986 г. в Шанхае Международной конференции по современной китайской литературе. И если осуществится предложение председателя Союза китайских писателей Ба Цзиня о создании в Китае Музея «культурной революции» (как предостережение против повторения чего бы то ни было подобного), в одном из его залов непременно найдут свое место и «школы кадров», и рассказы о них — в частности тот, который ниже публикуется с небольшими сокращениями.

В. Ф. СОРОКИН

Вступление

Закончив «Шесть рассказов о школе кадров», Ян Цзян дала мне рукопись. Мне показалось, что в ней не хватает еще одной главы, которую можно было бы назвать примерно так: «Кампания: рассказ о стыде».

Одной из важных задач школы кадров Отделения общественных наук АН Китая было проведение кампании по выискиванию «участников группировки 16 мая». Два с лишним года вся жизнь в школе проходила в атмосфере критики и обличения. Из-за сельскохозяйственных работ, строительства жилищ, переездов и т. п. ритм кампании порой замедлялся, затем вновь набирал скорость, но — подобно перемежающейся лихорадке — хворь не оставляла тела больного. На этом монументальном фоне рассказы о труде, о досуге и обо всем остальном выглядят как вставные эпизоды или интермедии.

Сейчас другие времена — как говорится, вода ушла и обнажились камни. Как и во всех других кампаниях, в этой участвовало три рода людей. Если бы дело дошло до воспоминаний, то невинно пострадавшие, подвергшиеся проработкам, написали бы, возможно, «Рассказ об обиде» или «Рассказ о негодовании». Что касается рядовых исполнителей и свидетелей травли, то они, скорее всего, написали бы «Рассказ о стыде». Одни стыдились бы, что оказались глупцами, не сумели разглядеть надуманность и вздорность обвинений, что пошли на поводу у других и травили хороших людей. Другие (и я в том числе) стыдились бы своей трусости: ведь чувствовали, что творится несправедливость, а побоялись поднять голос протеста и самое большое, на что решались, — не проявлять слишком большой активности. И был еще один сорт людей: прекрасно понимая, что речь идет о нагромождении не вяжущихся друг с другом измышлений, они тем не менее бросались в бой за это темное дело с кулаками, со знаменами и барабанами в руках. Им-то больше всех пристало бы написать «Рассказ о стыде». Очень вероятно, однако, что они не вспоминают о содеянном и стыд их не терзает. Может быть, они постарались все забыть именно из чувства стыда, но скорее — из-за его отсутствия. Люди сплошь и рядом стараются не запоминать неблагоприятные и порочащие их поступки, которые проходят через решето памяти и исчезают без следа. Кроме того, стыд делает людей боязливymi, колеблющимися, он мешает им вести суровую борьбу за существование. Ощущающий свою ущербность человек на время, а то и навсегда выпадает из первых рядов. Стало быть, стыд-де — не то чувство, которое надо культивировать, лучше с ним вообще покончить. Даже в древних канонических книгах среди «семи чувств» стыд не значился. А в новое время, когда общественная жизнь становится все более напряженной, это душевное состояние не только бесполезно, но и весьма вредно; не испытываешь его — и ладно, живи себе легко и весело.

В книге «Шесть рассказов о школе кадров» должно быть семь рассказов. Сегодня, когда объединили свои усилия коллекционеры, антиквары и филологи, поиски неопубликованных и даже ненаписанных сочинений больших и малых авторов становятся одной из быстро развивающихся отраслей литературоведения. Кто знает, может статься, когда-нибудь обнаружится отсутствующий рассказ и тогда в мире станет чуть меньше недостатков.

Цзянь Чжуншунь
Декабрь 1980 г.

1. Отправка в деревню. Рассказ о разлуке

Академия общественных наук Китая ранее называлась Отделением философии и общественных наук Академии наук Китая; мы будем просто говорить Отделение. И я, и муж принадлежали к нему — он работал в Институте китайской литературы, я — в Институте иностранной литературы. В 1969 году интеллигенция, включая работников Отделения, проходила «повторное воспитание» силами «пропагандистских отрядов рабочих и армейцев». Весь персонал был сначала «сконцентрирован» в рабочих кабинетах, в каждом из которых жило от шести до десяти человек. Ранним утром делали зарядку, потом начинались занятия — утренние, послеобеденные и вечерние. Спустя некоторое время пожилым и слабым здоровьем было разрешено вернуться домой, вечерние занятия прекратились. Мы с мужем стали жить дома, но уже было ясно, что вместе нам долго побыть не удастся: вскоре нас должны были отправить в деревню, в школу кадров. Местонахождение школы, о котором ходили противоречивые слухи, удалось в конце концов уточнить, но срок отъезда оставался загадкой.

Мы питались каждый в своей институтской столовой, всякий раз выстаивая по полчаса в очереди; готовить дома не было ни сил, ни времени. Контроль со стороны пропагандистских отрядов с течением времени поослаб, так что мы в обеденный перерыв частенько хаживали в ресторан. Там тоже нужно было ждать в очереди, да и приличной еды не подавали, но мы были вместе и могли поговорить. Третьего ноября я стояла на автобусной остановке у главного входа в Отделение. Гляжу — Чжуншу с группой сослуживцев выходит из ворот и направляется ко мне. «Подожди немного, сообщу важную новость», — шепчет он мне. Какого рода новость — по лицу не понять.

Когда мы протиснулись в автобус, он открыл тайну:

— Одиннадцатого я уезжаю — меня включили в предварительную группу.

Хотя объявление срока отъезда ожидалось со дня на день, сообщение Чжуншу прозвучало как удар грома. Через несколько дней ему исполнилось — по традиционному счету — шестьдесят лет, и мы условились отметить праздник: вдвоем полакомиться «лапшой долголетия». Вообще-то ее полагается вкушать в день семидесятилетия, но дожить до него мы не рассчитывали. И вот в самый канун юбилея он должен отправляться в дальние края.

— А почему тебя отправляют раньше других?

— Потому что есть ты. У других сложности с семьей, которые они должны сами улаживать, а я могу все оставить на тебя.

Отъезд всего института назначен на 17 ноября, пункт назначения — Лошань в провинции Хэнань.

Мы зашли в заранее облюбованную закусную, заказали дежурное блюдо «кусочки курицы в глиняном горшке» — на самом деле то были кости и кожа. Я подлила бульону в плошку с рисом, но не могла проглотить ни ложки.

На сборы оставалась всего неделя, но мужа отпустили из института только за два дня до отъезда. Сославшись на это, я несколько дней не ходила на занятия, укладывала вещи. Дело в том, что было объявлено: уезжать нужно со всем имуществом («вместе с котлом»). Будто бы было отдано распоряжение, что нас высылают до конца наших дней. Приказали забирать с собой и вещи, явно ненужные, и одежду, которую не придется носить, и дорогие для нас книги и бумаги... Багажа набиралось много, а наша дочь Аюань и зять в те дни работали на заводе и могли прийти помочь в сборах только в выходной. Глядя на других, они обмотали все вещи толстыми веревками, чтобы те не рассыпались и не продавились в пути. Увы, веревки могли помочь сохранить в целости только ящики и сундуки — вещи выносливее, чем человеческие существа.

Переносить трудности — значит закаливаться, вот мы и готовились к закаливанию. Как быть с одеждой? Старая быстро изнашивается, новую трудно стирать. Я давно уже не занималась шитьем, но все же засела за швейную машинку и кое-как изготовила несколько курток из немаркой материи, которую можно стирать раз в год. Потом я занялась штанами: много раз прострочила седалищную часть. Она стала похожа на расчерченный параллелепипед и меридианами глобус и тверда, как черепаший панцирь. Штаны вызвали у Чжуншу восторг. Он сказал, что это сиденье, которое всегда носишь на себе, никаких стульев не нужно. Еще он сказал, что о нем сейчас заботиться не стоит — этим можно будет заняться, когда и я приеду в школу. А потом и вся семья

соберется: Аюань и ее мужа Дэн тоже отправят в деревню, и они будут приглядывать за нами.

Подошел день отъезда предварительной группы. Мы с Аюань и Дэн пошли провожать Чжуншу на вокзал. Вещей при себе у него было немного, и в ожидании отъезда мы расположились в углу зала на скамейке. А в зале ожидания стоял шум, люди сновали взад и вперед. Руководитель предварительной группы, казалось, готов был раздвоиться, чтобы везде поспеть. Люди, обремененные большим багажом, явно жалели, что у них всего две руки. Поставив вещи, Дэн пошел помогать тем, у кого было много багажа. Видя его желание помочь ближним, мы с Чжуншу не могли не похвалить добрые качества, привитые новым строем, и утешали друг друга тем, что мы можем быть спокойны за Аюань, у которой такой отзывчивый и преданный муж.

Пока Дэн помогал другим, мы вдвоем собрали узлы и мешочки Чжуншу. Протиснувшись на перрон, мы забрались в вагон и заняли место, потом вышли и в неловком молчании стали ждать отправления. Помнится, когда-то я наблюдала проводы тех, кто отплывал за океан. Когда отчаливал катер, который должен был доставить пассажиров на борт лайнера, провожающие с пристани бросали цветные ленты. Катер медленно продвигался вперед, бумажные ленты обрывались одна за другой, а люди на пристани радостно хлопали в ладоши. Правда, иные при этом роняли слезы — для них оборванные ленты были символом расставания. Если бы сейчас, когда мы провожали предварительную группу, наше чувство разлуки было бы столь же зримым, как бумажные ленты, они вовсе не казались бы праздничными и яркими, да и разорвать было бы их не так легко.

Чжуншу велел нам идти домой и поднялся в тамбур. Мы смотрели на него, не зная, о чем говорить. Мне подумалось, что будет лучше, если Чжуншу увидит, как мы все вместе пойдем домой. Это вселит в него надежду, что у нас все будет в порядке. А то вдруг он заметит в наших глазах тревогу за него, в одиночку отправляющегося в дальний край. Поэтому мы подчинились его настояниям и не стали ждать до конца. Уходя, мы еще не раз оборачивались, но картина не менялась: поезд стоял на месте, у дверей вагонов толпились люди. Мы возвращались молча. Через некоторое время дочь и зять пошли на свои предприятия. Раньше они работали в одном университете, но на разных факультетах и потому были посланы на разные заводы.

Через пару дней из института сообщили, что отъезжающие в школу кадров могут брать с собой кровати, но их нужно хорошенько перевязать и незамедлительно доставить в Отделение. Необходимо было как следует затянуть толстые веревки и запирать концы, не завязывая узлов. Для этого нужны были усилия по меньшей мере двух человек, я же была дома одна, да и отпустили меня лишь на один день. Я разобрала деревянную кровать на три части и, убедившись, что связать их вместе мне не под силу, стала обматывать каждую часть веревками, помогая себе зубами. Со всех сторон я написала имя мужа. Небольшая кровать, разделенная на части, навела меня на мысль о семье, которая охвачена страхом, что военное лихолетье разбросает всех по разным углам и собраться вновь уже не удастся. Однако Чжуншу сообщил в письме, что ему — правда, после долгих розысков — все же удалось собрать воедино свою кровать.

Первыми в деревню отправились два учреждения, включая Институт китайской литературы (правда, он именовался на военный манер ротой). В день отправки первых двух рот в Отделении били гонги и барабаны, нас всех отпустили с занятий на «радостные проводы». Отъезжающие шли строем со знаменем, причем в первом ряду шагали Юй Пинбо* и его почтенная супруга. Маститые — за 70 — ученые на старости лет, словно школьники, шли строем, отправляясь в далекий край в какую-то «школу», — это зрелище показалось мне невыносимым. Я повернулась и ушла на занятия, обнаружив по дороге, что и для многих других людей участие в церемонии было невыносимо.

Ожидание отправки на перевоспитание не оставляло нам ни душевных сил, чтобы предаваться скорби и печали разлуки, ни свободного времени, чтобы почувствовать ее «кособый вкус», воспетый в классической поэзии. Поскольку часть учреждений Отделения отбыла в школу кадров, объем работы для оставшихся увеличился. Мы целыми

* Видный литературовед, специалист по китайской классической литературе (род. в 1900 г.). —
Здесь и далее прим. пер.

днями сидели на занятиях, и даже «повторно воспитывавшие» нас «рабочие-наставники» заметно заскукали. Однажды двадцатидвухлетний «наставник» проворчал: «Я весь день плавлю сталь, стою около мартена, но не устаю. А тут сижу с утра до ночи, задница болит, голова трещит, весь какой-то разбитый». Очевидно, переплавлять людей труднее, чем плавить сталь, да и сидеть на одной скамейке со штрафниками занятие не из веселых.

Считается, что людей исправляет физический труд. Мы вырыли противоздушное убежище — просторное подземное сооружение, куда стали перетаскивать книги. Сложили, перевязали. Из одного угла отволотили в другой, с одного этажа спустились на следующий. Перенесли книги своего института, взялись за чужие. Однажды нас послали вытаскивать из помещения, которое уже три года не открывалось, книги, шкафы и стеллажи — зачем-то понадобилась пустая комната. Там было столько пыли, что один из нас чихнул раз двадцать, не меньше. Да и мы, несмотря на марлевые повязки, выходили оттуда совсем серые и сплевывали черную слюну. Помнится, в ту пору уже началась жара. Тяжелые стеллажи, тяжелые книжные шкафы, неподъемные картотеки с забитыми карточками ящиками — все это приходилось таскать молодым сотрудникам. У них быстро протерлись рубашки, обнажив голое тело. Что ни говори, наше брэнное тело куда выносливее.

Слабый всегда пользуется льготами. Мне поручали лишь самые мелкие дела, а в оставшееся время я собирала посылки для находившегося в школе кадров мужа. Когда у Чжуншу выдавалась свободная минутка, днем ли, ночью, он посылал домой короткие несвязные письма. Как интересно было бы их сейчас перечитать, если бы они сохранились! Но что об этом говорить — куда более важные письма и те уничтожены.

Группа Чжуншу по прибытии на место сначала привела в порядок запущенные постройки исправительно-трудового лагеря. В первый вечер они спали на соломенных подстилках и им было жарко. Вдруг резко похолодало, выпало много снега, потом все потонуло в грязи. 17 ноября прибыл главный отряд и восемьдесят бессемейных мужчин оказались в одном помещении. Спали на земляном кане. Приехавший вместе с отцом мальчишка перед сном любил мочиться вокруг кана: он называл это «внесением удобрения». В дни отдыха все отправлялись покупать еду на базаре в соседнем поселке. Там, кроме жареных кур, продавали и вареных черепах. Я потом спрашивала Чжуншу, какой у них вкус, но он их так и не попробовал, лишь сочинил — украдкой — несколько сатирических куплетов.

В Лошани нет пригодной для обработки пустующей земли, школе кадров там нечего было делать. Спустя месяц с небольшим весь состав школы вместе с членами семей и громоздким багажом перебазировался в местечко Дунъюэ, расположенное в уезде Сисянь. Этот уезд нетрудно найти на карте, но Дунъюэ вы вряд ли разыщете. Это малонаселенные, бедные места, где зимой не найдешь топлива для жаровен. Многие сотрудницы обморозили себе лица. Стирать одежду можно было только в пруду, сидя на корточках. Чжуншу договорился с женщиной из местных, что она постирает ему новое белье. После стирки белье исчезло. Меня же беспокоило, что он может упасть в пруд. Если можно нанять прачку, то не жалко и пропавшего белья.

Тех, кто ожидал в Пекине отправки в школу кадров, естественно, интересовали дела в школе — они то и дело просили меня поделиться новостями. С особым удовольствием воспринимался рассказ о том, как товарищ Хэ Цифан* ел рыбу. В тех местах решали ловить рыбу в осушаемых водоемах, и блок питания расширил меню, включив в него карпа в красном соусе. Услышав об этом, Хэ Цифан схватил свою чашку для полоскания рта и поспешил в столовую. Начав есть, он почувствовал какой-то необычный привкус, который становился все сильнее. Озадаченный Хэ Цифан выловил из чашки самый крупный кусок — это оказалось не успевшее раствориться лекарственное мыло. Рассказ этот встречали сочувственным и грустным смехом. Мне тоже поведали о комическом случае, когда Чжуншу и другой старший сотрудник полдня не могли вскипятить воду в котле. Я выступала в роли адвоката, говоря, что котлы стояли под открытым небом, что шел снег и дул ветер и кипятить в них воду действительно нелегко. Однако люди продолжали смеяться.

* Известный поэт, литературовед, в то время директор Института литературы.

После Нового года в школе начали строить своими силами помещения для жилья. Женщины наравне с мужчинами возили большие тачки, изготовляли кирпич, возводили кровлю. Чжуншу с Юй Пинбо и несколькими другими представителями категории «престарелых и инвалидов» были освобождены от тяжелых работ, выполняя лишь мелкие, подсобные. Когда через восемь месяцев наша рота прибыла на место, люди уже жили в построенном своими руками доме.

Наша рота тронулась в путь 12 июля 1970 года. Когда уезжал Чжуншу, его провожали я, дочь и зять. Меня провожала одна Аюань. Ее муж, Дэи, еще в январе покончил с собой.

Дэи признавался, что терпеть не может группу ультралевых. Надо же было так случиться, что, когда в университете развернули поход против «группировки 16 мая», несколько ультралеваков, заподозренных в связях с этой группировкой, указали на Дэи как на их организатора и заявили, будто он располагает списком членов группы. К тому времени Дэи уже вернулся в университет, а Аюань все еще работала на заводе, так что выходные дни у них не совпадали и встречаться дома они не могли. В последний раз прощаясь со мной, Дэи сказал: «Мама, я не могу противопоставлять себя массам и не хочу вступать в конфликт с пропагандистским отрядом, но лгать, придумывать несуществующий список я тем более не могу». Накал классовой борьбы нарастал; Аюань и всех остальных вернули с заводов в университет. На факультете под руководством пропагандистского отряда по три раза в день устраивали митинги борьбы против Дэи, требуя от него выдачи списка. Тогда-то он и наложил на себя руки.

На вокзале я, как и во время проводов Чжуншу, уговорила Аюань уйти домой, не дожидаясь отхода поезда. Она не была слабой, и я вроде бы могла не тревожиться, оставляя ее одну. Но когда я увидела ее медленно удаляющуюся фигуру, меня охватила такая грусть, что я поспешила закрыть глаза. Тут же возникла отчетливая картина: дочь одиноко бродит по опустевшему дому, прибирает брошенные вещи... Я снова открыла глаза. Силуэт Аюань исчез из поля зрения. Тогда я дала волю слезам. Поезд начал набирать скорость — я расставалась с Пекином.

Встретивший нас в школе кадров Чжуншу, почерневший и похудевший, был совсем не похож на себя. Странно даже, что я его сразу узнала.

При школе был доктор по фамилии Хуан, человек простодушный и прямой. Однажды Чжуншу пришел к нему на прием и записался в регистрационной книге. Хуан сердито проговорил: «Что за чушь? Какой вы Цянь Чжуншу? Что я, не знаю, какой из себя Цянь Чжуншу?» Муж убеждал его, что это он и есть. Доктор сказал: «И жену Цянь Чжуншу я тоже знаю». Муж выдержал экзамен, правильно назвав мое имя. Однако доктор все еще сомневался, но, поскольку с медицинской точки зрения подлинное имя пациента не имеет значения, он не стал спорить. Позднее я рассказала об этом случае жене доктора Хуана. Она рассмеялась: «Что же тут поделаешь, ведь действительно не похож!»

Сейчас я уже не могу вспомнить, какое было выражение лица Чжуншу и во что он был одет. Помню лишь, что мне бросился в глаза нарыв у него на подбородке с правой стороны. Размером не больше лесного ореха, он имел весьма зловещий вид — ярко-красный посередине, темно-желтый по краям, набухший гноем. «Что это у тебя, чирей? — спросила я испуганно. — Нужен горячий компресс!» Но где здесь взять горячий компресс? Потом я видела их аптечку неотложной помощи со знаком Красного Креста: бинты, вата — все было перепачкано глиной.

Чжуншу рассказал мне, что у него уже был подобный нарыв; тогда начальство разрешило ему отдохнуть несколько дней и освободило от обязанностей кочегара. Теперь он днем отвечал за выдачу инструмента, а вечерами охранял территорию. По случаю моего приезда непосредственный начальник Чжуншу дал ему увольнительную на полдня. Но мой командир взвода был очень строг: он лишь разрешил мне, и то под конвоем, сходить на короткое свидание. Я должна была сразу же вернуться. Чжуншу проводил меня обратно, и мы расстались, мало что успев сказать друг другу. Смерть Дэи мы с Аюань до сих пор скрывали от него, и сейчас я не выбрала подходящего момента.

Спустя два дня Чжуншу прислал записку: у него действительно оказался чирей, который прорвался сразу в пяти местах. К счастью, после нескольких уколов дело пошло на поправку.

Хотя я и мой муж находились всего в часе ходьбы друг от друга, мы принадлежали к разным организациям, подчинялись строгой дисциплине и не могли ходить куда захочется. Обычным средством общения были письма. Встречи с родственниками разрешались только в выходные дни, то есть раз в десять (десятидневка называлась «большой неделей»). Но если были срочные дела, выходные отменялись. И все же по сравнению с Аюань, оставшейся в Пекине в одиночестве, мы были почти что вместе.

2. Рытье колодца. Рассказ о работе

В школе кадров было много разных видов работ. К полевым работам относилось выращивание бобов и пшеницы. В жаркое время года мы поднимались в три часа утра и на голодный желудок шли на свои делянки. К шести подвозили завтрак, после которого мы работали до полудня. В самую жару мы отдыхали, а потом опять работали до темноты. По приезде всех нас разместили по крестьянским жилищам, но долго оставаться там мы не могли, нужно было поскорее строить собственные дома. Для этого необходим кирпич. Однако настоящий кирпич достать было нелегко, и приходилось большей частью заменять его сырцом. Изготавливать же сырец стало одним из самых тяжелых занятий. Очень хлопотной и грязной работой был также уход за свиньями. Старые и слабые использовали в основном на огороде и на кухне, так что все тяжелые работы падали на плечи молодежи.

Однажды в школе состоялся, не помню, по какому поводу, торжественный вечер, на котором все номера самодеятельности были связаны с нашей работой. В одной сценке рассказывалось, как одна рота увлеклась обжигом кирпича и не заметила, что печь вот-вот рухнет. (Говорили, что такой случай действительно имел место.) А затем другая рота стала изображать рытье колодца. В сценке не было никаких реплик. Просто вышла большая группа людей и принялась вращать буровой станок, вскрикивая в такт: «Ой, ой, ой!» Люди кружились и кружились — станок не должен останавливаться ни днем ни ночью, надо поскорее добурить до конца... «Ой, ой, ой, ой!» — этот звучащий в низком регистре, все время повторяющийся возглас вызывал в памяти известную у нас по кинофильмам «Дубинушку». Перед глазами вставала картина: по берегу реки, медленно переступая сгибающимися под тяжестью груза ногами, напрягшись всем телом, бредут бурлаки. Ничего другого в этой сценке не происходило, но она казалась куда более живой и правдивой, нежели та, насчет кирпича, в которой пропагандировался лозунг «не бояться трудностей, не бояться смерти». Расходясь после вечера, все говорили, что эпизод с рытьем колодца удался на славу, причем его не нужно было даже репетировать — все точно так происходило в жизни.

Вдруг у кого-то сорвалось с языка:

— А ведь эта сценка в идейном смысле не того... Получается, что мы похожи на этих, как их...

Все понимающе улыбнулись. Наступило молчание, затем разговор перешел на другие темы.

Отделение огородников, в котором я состояла, тоже вырыло колодец, причем без помощи механизмов.

Нашей школе, можно сказать, повезло: в бассейне Хуайхэ два года стояла засуха и наводнение нам не угрожало. Однако выращивать овощи в сухой, спекшейся почве было очень нелегко. Согласно поговорке, земля в уезде Сисянь «в дождь вздувается, как нарыв, в ведро затвердевает, как медная плита». Правда, по огороду разок прошелся трактор, но он оставил повсюду лишь вывороченные комья размером больше человеческой головы и притом твердые, как кость. Прежде чем сажать овощи, необходимо было измельчить эти комья, что требовало не только усилий, но и терпения. Мы все же приготовили грядки и вырыли оросительную канаву. Однако не было главного — воды.

На расположенных неподалеку огородах другой школы нашего же Отделения был вырытый машинным способом колодец — по слухам, метров десять глубиной. Глубина колодцев, вырытых руками, не превышает трех метров, и вода в них мутная. Прежде чем пить добытую из нашего колодца воду, мы вливали в ведро пузырек дезинфицирующей жидкости; вкус получался очень странный. В глубоком же колодце вода оставалась сладкой и прохладной, в жаркий полдень после работы ковш такой воды был что небесная роса. Мы старались не только утолить ею жажду, но и ополоснуться.

Однако использовать эту воду для орошения нашего огорода оказалось делом крайне трудным. Без помпы вода не шла на наш участок. Когда же удалось заполучить помпу, выяснилось, что большая часть воды, протекая по вырытой нами канаве, уходит в землю. Не успели мы увлажнить несколько грядок, как наступила ночь и помпу у нас забрали. На этих грядках мы посеяли шпинат. Ростки появились лишь через месяц с лишним, после сильного дождя. Тогда мы решили сами вырыть колодец специально для орошения огорода. Выбрали место, начали работу.

Земля действительно была тверда как металл. Я изо всех сил ударила лопатой — на земле осталась лишь белая полоска. Молодые ребята расхохотались, но и им копать было очень трудно. Кто-то сказал, что здесь больше подойдет кирка. Поскольку моим главным достоинством была быстрота ног, я мигом сбегала в штаб роты и вернулась обратно с двумя кирками, неся их на плечах. Так повторялось несколько раз. Самые здоровые из нас по очереди долбили кирками землю, остальные откидывали ее в сторону. После целого дня остервенелой работы мы вырыли довольно глубокую яму, но воды в ней не было. Старший среди нас был «мужским шовинистом». Он ворчал себе под нос, что женщин нельзя допускать к рытью колодца — воды не будет. Женщин в группе огородников было всего две: я, самая пожилая в группе, и Асян, возраст которой не достигал и половины моего. Асян, выросшую в семье китайцев-эмигрантов, подобные рассуждения и сердили, и смешили. Она то перекидывалась шутками со мной, то подбегала к старшему, чтобы выразить возмущение его суеверием. На душе у нас все-таки было беспокойно: а вдруг воды так и не найдем — не возложат ли вину за это на нас? К счастью, когда мы приблизились к отметке в два метра, почва стала влажной, а вскоре появилась и вода.

Как ни тяжело было копать иссохшую землю, вычерпывать жидкую грязь оказалось ничуть не легче. Двое или трое из нас, разувшись, залезали в яму и подавали наверх ведра с жижей. Другие принимали ведра и опрокидывали их рядом с ямой. Скоро все вокруг оказалось залитым грязью, пришлось разуваться и всем остальным. Асян работала особенно старательно, ведра в ее руках так и летали. Мне поднимать ведра было нелегко, но я не хотела отставать от других и сгребала в кучки далеко разлетавшиеся комья грязи. Обычно размокшая земля вызывает у нас неприязненное ощущение — кажется, что к ней примешаны всякие отбросы и фекалии. Но когда ступишь в нее ногами, ощущаешь какое-то родственное чувство, она начинает казаться мягкой и приятной. Так, если близкий человек заболевает заразной болезнью, принимаешься ухаживать за ним — и отвращение к болезни пропадает. Я втихомолку посмеивалась над собой: вот и стали сказываться результаты перевоспитания.

Ручное рытье колодца в отличие от механического бурения не требует круглосуточной работы. Поэтому мы решили придерживаться распорядка, который действовал для полевых работ. Ранним утром натошак шли на огород, потом я и Асян возвращались на кухню и привозили на тачке завтрак — пампушки, жидкую рисовую кашу, маринованную капусту и кипяток. По ровной дороге или под уклон тачку толкала я, на извилистой тропинке и в гору за дело бралась Асян. Занятие это было нелегкое — по горькому опыту я знала, что стоит накрентить тачку, как кипяток и каша расплескаются. Хотя вклад каждой из нас был неравноценным, работали мы дружно, не пререкаясь по мелочам. На обед возвращались домой, потом отдыхали и снова работали до темноты. На ужин мы частенько приходили последними.

Так прошло много — не помню точно сколько — дней. Глубина колодца превысила три метра. Воды становилось все больше, копать было все трудней — пришлось обратиться за помощью. Явились двое высоченных молодых парней. Обычно колодцы роют зимой, когда вода теплее, чем воздух, мы же работали в летнюю жару, когда по контрасту вода казалась ледяной. Мы с Асян боялись, что парни простудятся, но не хотели показаться навязчивыми и наблюдали за ними издали. Они болтали, смеялись и вовсе не казались зябнувшими.

Вода сначала была им по колено, потом стала по пояс. Для целей орошения такой глубины было достаточно. Я предложила раздобыть водки, чтобы согреть парней и отпраздновать окончание работы. Идея пришлась всем по душе. Один из наших помощников — начальник «вспомогательной мастерской» — научил, как ее осуществить. Я побежала на кухню, наговорила там с три короба и получила-таки бутылку. Видимо, для острастки любителей выпить на ней был нарисован большой иероглиф «яд» с тремя восклицательными знаками, а под ним череп и скрещенные кости. Содержимого

в ней было чуть на доньшке. С этой страшной на вид бутылку я должна была пойти на «центральную усадьбу» в кооперативную лавку. Я неслась как на крыльях, чтобы успеть до ее закрытия. Талонов на приобретение спиртного у нас не было, но бутылка произвела впечатление, и мне удалось уговорить продавца. Он отпустил мне поллитра водки и — вместо закуски — полкило «фруктового» сахара, больше похожего на ком грязи. С этим я помчалась на огород.

Все уже сидели вокруг готового колодца — и те, кто копал, и те, кто только помогал. Я разлила водку в протянутые чашки, оставив немного для кухни, и разделила похожий на глину сахар. Это и был наш банкет по случаю успешного завершения работ.

Не мне судить о том, насколько они были тяжелы. Я знаю лишь, что женщина на соседней постели после рабочего дня ворочалась и стонала во сне. Не в силах заснуть, я представляла себе, как она мучается, и мне было стыдно за себя. Я слышала также, как молодые ребята жаловались, что «тоже постарели», и думала: а будь мне лет двадцать, я тоже могла бы поработать...

Когда мы приобрели водочерпалку, колодец был уже заполнен водой. Его отверстие оказалось очень широким, так что пришлось ставить длинный ворот. Впрочем, вращать длинный ворот было удобнее — не кружилась голова. Молодые ребята, войдя в азарт, делали до ста оборотов. Навешавшие наш огород признавали, что корпеть над грядками трудно, но и вращать ворот не легко.

Я вместе со всеми уходила на работу рано и возвращалась поздно, но мне давали лишь нетрудные поручения. Я все время была вместе с коллегами, и постепенно во мне родилось «чувство коллектива», или «стадное чувство», я стала одной из «наших». Кратковременная совместная работа не дает такого ощущения — потрудились и разошлись восвояси. Сложнее обстоит дело с умственным трудом. Конечно, можно коллективно работать над статьей, но между собирающими материалы и пишущими окончательный текст часто нет полного взаимопонимания. За годы пребывания в школе кадров — а казалось, что оно будет продолжаться до конца наших дней,— это чувство приобщения к «нашим» все крепло и крепло.

О тех, кто направлялся на работу в школу кадров перевоспитывать нас, иной раз говорят, что «они не мокли под дождем и не сгорали на солнце». А кто эти «они»? И кто эти «мы»? «Мы» — это все, что воспитывался трудом. Среди нас были и члены борющихся фракций, и те, кого «они» ранее сажали в «коровник». Главное, что нами командовали «они». Но не каждого, кто был начальником, кто «не мок и не сгорал», мы относили к «ним». Типичный представитель «их» — тот, кто строил из себя важную шишку, непрестанно поучал и командовал. К «ним» принадлежали и бесстыдные подхалимы, и те, которые «даже матерную ругань считают национальным сокровищем»*. Конечно, различия между «нами» и «ними» не носили классового характера, но тем не менее в ходе общения с разными людьми я начинала понимать, что такое «классовые чувства».

А вот крестьяне — те самые бедняки и низшие середняки, у которых нам полагалось учиться,— нас за своих не принимали. Они говорили: «Зачем вам самим выращивать овощи, вы их все равно покупаете!» Крестьяне по ночам воровали посаженные нами бататы и капусту, выкапывали и продавали на рынке саженцы деревьев. Они свозили к себе выращенную нами сою и еще ругали нас за то, что мы «едим казенное зерно». Для них мы были «они» — те, что «одеваются плохо, да едят хорошо и у каждого на руке часы».

3. Мой огород. Рассказ о времяпрепровождении

В нашей роте все трудились сколько хватало сил и съедали все, что могли — будем считать, что это и означает «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Впрочем, это не совсем верно, поскольку существовала разница в зарплате. Силенок у меня мало, работу я выполняла самую легкую, да и ела немного, а зарплата мне шла по высшему разряду. Можно сказать, что я пользовалась «преимуществами социализма», нанося немалый урон государству. Мне было из-за этого не по себе,

* Автор цитирует высказывание Лу Синя, относящееся к 20-м годам и направленное против псевдопатриотов-консерваторов.

но никто не обращал внимания на угрызения моей совести, я успокоилась и стала заниматься выращиванием овощей для школы.

А для этого требовалось провести подготовительные работы и прежде всего соорудить уборную. Мы рассчитывали, что наши гости помогут накопить естественные удобрения, и потому выбрали место возле большой дороги. Поставили пять столбов — четыре по углам, еще один обозначил дверной проем. Сплели мат из соломы, обтянули им столбы. Внутри врыли чан для сбора жидкости, по бокам сделали две неглубокие канавы, положили кирпичи для ног — уборная была готова, не хватало только дверной занавески. Посоветовавшись с Асян, мы сплели ее из блестящих, очищенных от внешней оболочки стеблей гаоляна. Мы остались очень довольны своей работой: тщательно сплетенная занавеска сверкала и сразу выделяла наше творение из ему подобных. Увы, на следующее утро мы не обнаружили ни занавески, ни накопленных удобрений, все подчистили прохожие (овощное поле не было огорожено). С тех пор я и Асян должны были служить «занавесками» друг для друга...

С запада, юго-запада и с юга к нашей делянке примыкали огороды трех других школ нашего же Отделения. Одно из них славилось своим сортиром, в котором канавки были выложены кирпичом, а все содержимое выводилось за пределы уборной, прямо в поле. Но и там все, что удавалось накопить, большей частью расхищалось: окрестные жители полагали, что экскременты из школы кадров особо эффективны как удобрения. Мы вырыли длинную, но неглубокую канаву для запаривания зеленых удобрений. Разделившись на группы, нарезали большие охапки травы и сложили ее в канаву, чтоб мокла. Но пока мы обедали, все наши запасы, как говорится, улетели без крыльев — видно, их утащили на корм скоту. В тех местах трава тоже вещь дефицитная, даже сухие стебли выпалывают и используют как топливо.

Роты, что прибыли раньше нас, уже воздвигали на огородах по несколько домиков. Мы тоже поспешили соорудить неподалеку от колодца нечто вроде сарая. Поставили деревянный каркас, северную стену слепили из глины, три остальные стены и крышу сплели из соломы. Сверху крышу застелили рубероидом, а снизу приладили кусок пластика. К северо-западу от нашего огорода находилась также принадлежавшая Отделению печь для обжига, вокруг которой валялось много битого кирпича. Мы забрали две телеги обломков и выложили ими пол в сарае, чтобы было не так сыро. Наконец, мы повесили довольно прочную деревянную дверь с замком — в сарае теперь можно было жить. Там поселились командир отделения овощеводов, один поэт из этого отделения и курсант по прозвищу Теленок. Они охраняли плантации, а мы могли заходить в сарай передохнуть.

Огородные грядки мы использовали главным образом под капусту и редьку, но выращивали также лук-порей, чеснок, морковь, латук, листовую горчицу и другие специи. Однако дома всех рот — за исключением прибывших раньше всех — находились на «центральной усадьбе», довольно далеко от плантации. Поэтому там тоже было выделено место для огорода, которым занимались в основном молодые курсанты. Но и дальние огороды нельзя было оставлять без присмотра, и задача эта была возложена на меня и Асян.

Первым делом мы осмотрели грядки с капустой и перевязали те растения, на которых не завязались кочаны; это отчасти помогло, хотя кочаны получились рыхлыми. Потом Асян стала носить ведрами мочу, а я, вооружившись черпаком, поливала грядки. Особые симпатии у нас вызывала длинная белая редька сорта, который именуется «слоновая кость» или «озеро Тайху». Ее клубни торчали из земли на целый вершок и были с пиалу толщиной. «Идем на рекорд!» — шутили мы между собой и расходовали на наше «сокровище» ту золу, что командир отпускал нам для удобрения моркови. «Сокровище» оказалось фальшивым. Когда настало время сбора урожая, я изо всех сил (полагая, что в земле сидят клубни с аршин длиной) потянула за ботву и сразу же полетела вверх тормашками. На самом деле я вытащила лишь несколько тощих клубеньков. Редиска удалась куда лучше.

Тем временем похолодало, северный ветер до костей пронизывал работавших в огороде. Мы все чаще возвращались на ужин уже в темноте. В декабре было закончено сооружение барака для нашей роты и она перебазировалась на «центральную усадьбу». Приглядывать за старым огородом оставили меня одну.

Командир отделения пошел на это из доброго отношения ко мне. Дело в том, что «школа», в которой находился Чжуншу, располагалась всего в четверти часа ходьбы

от этого огорода. Чжуншу заведовал выдачей инвентаря, а командир часто посылал меня за тем или иным орудием труда. Коллеги, посмеиваясь, наблюдали, как я с радостным видом бегу за инструментом, а после работы отношу его обратно. Обязанности у Чжуншу были несложные — регистрировать выдаваемый инвентарь да по очереди с другими нести ночные дежурства. Поэтому он еще исполнял функции почтальона. Ежедневно после полудня Чжуншу отправлялся на деревенскую почту, забирал периодику, письма, посылки и разносил все это курсантам своей роты. По пути он дважды проходил неподалеку от моего огорода. Иногда он подходил поближе, чтобы поздороваться со мной, но задерживаться не смел. Еще когда мы работали на пару с Асян, она нет-нет да и толкнет меня в бок: «Гляди-ка, кто идет!» Это Чжуншу нес свою почту. Мы сходились возле разделявшего территории наших школ ручья и обменивались несколькими репликами. Когда же я осталась одна, обнаружилось, что ручей высох и теперь Чжуншу может идти прямо через наш огород. Так супруги с тридцатилетним стажем получили возможность устраивать свидания в огороде, причем они чувствовали себя более счастливыми, чем молодые влюбленные из старинных романов и пьес, которые тайком встречались в саду...

Впоследствии Чжуншу обнаружил, что можно сократить путь, если воспользоваться каменным мостиком через ручей. Каждый день после обеда я видела, как из-за груды кирпичей появлялась, прихрамывая, фигурка и направлялась в мою сторону. В хорошие дни мы садились на берегу оросительного канала и несколько минут грелись на солнышке, но иногда Чжуншу появлялся с опозданием и мы успевали лишь обменяться несколькими фразами. Часто он передавал мне свои письма, в которых делился приходившими в голову мыслями. Я запирала дверь сарая, провожала его до ручья, а потом следила взором, как его фигура уменьшается и исчезает совсем. На обратном пути он, торопясь раздать почту, проходил мимо огорода. Но я все равно выходила к ручью и кричала ему вдогонку то, о чем забыла сказать при встрече.

Для меня этот огород был центром мироздания. К юго-востоку от огорода возвышался холм, который курсанты прозвали «горой Вэйхушань»*. Симметрично по отношению к нему на северо-западе находилось кирпичное производство, а дальше на север — барак, в котором жил Чжуншу. К западу от «Вэйхушаня» размещалась «центральная усадьба», а под холмом была столовая одной из наших рот, где мы получали обеды и ужины. С запада и юга нас окружали другие огороды, куда я порой ходила за кипятком. Это случалось в ветреные дни, когда в нашем примитивном очаге не удавалось развести огонь. К югу находилась и почта, куда каждый день ходил Чжуншу. К востоку, насколько хватало глаз, тянулись поля, окаймленные зеленью деревьев, за которыми пряталась ближайшая к нам деревня. А Янцунь, где мы жили сначала, находилась еще восточнее. Пребывая в центре, я словно плела невидимую паутину, в которой застревали мои мимолетные впечатления и доходившие до меня вести.

Ранним утром, наскоро перекусив, я в одиночестве направлялась в огород, на пути обычно сталкиваясь с тремя обитателями сарая, шедшими в «центральную усадьбу» завтракать. Добравшись до цели, я первым делом отыскивала запряженный среди соломы ключ, складывала в сарай принесенную с собой утварь, вновь запирала дверь и начинала обход огорода. Морковь, которую посадили в дальнем углу в твердую и бедную почву, не дала ожидаемого урожая, к тому же прохожие часто выдергивали те морковины, которые были покрупнее. Делали они это в спешке, оставляя в земле добрую половину. Я вырывала обрубок, мыла его в колодезной воде и употребляла как средство от жажды.

Капуста росла вблизи от большой дороги. Как только кочан становился крепким на вид, его тут же срубали. Обрубки белели тут и там, напоминая собой шрамы. Однажды я обнаружила три или четыре кочана, которые уже срубили, но не успели унести. Аккуратно сложенные между грядками, они ждали своей очереди. Пришлось и нам начать уборку, не дожидаясь полной спелости. Однажды я зашла за сарай и вдруг увидела трех женщин, рвавших нашу капусту. Они моментально вскочили и побежали, но у меня ноги быстрее, и им пришлось на ходу опорожнить корзины. Избавившись

* Намек на оперу «Взятие горы Вэйхушань» — один из «образцовых спектаклей», просмотр которых в период «культурной революции» являлся обязательным.

от улик, женщины успокоились и пошли спокойным шагом. По правде сказать, я погналась за ними только из чувства долга — капуста мне была ни к чему, уж лучше бы они полакомились.

То были случайные прохожие. Но часто из деревни в поход за съедобными растениями и хворостом отправлялись группы ребятишек от семи до двенадцати лет под предводительством девушки лет шестнадцати или пожилой тетки. Одетые в старье с разноцветными заплатами, они в одной руке несли корзины, в другой — нож или лопатку. Дойдя до места, подростки разбивались по двое или по трое и начинали охотиться за всем, что может пригодиться дома. Их внимание привлекали не только съедобные растения — в лесопитомнике они обдирали сучья, а некоторые смельчаки выдергивали и целые саженцы. Свою добычу они прятали неподалеку от дороги или даже опускали в воду ручья, а после украдкой пронесли в деревню.

Наши сарай и сортир тоже не были оставлены без внимания. Плетенные из соломы стены становились все тоньше и тоньше. Один за другим были унесены все пять столбов уборной. Я не решалась идти в столовую под «Вэйхушанем» до тех пор, пока не скроется из глаз последняя группа детей со связками сучьев и соломы за плечами.

Однажды на нашем и на соседнем огородах шла уборка капусты. У соседей было больше рабочих рук, много молодежи, так что работа шла не в пример нам споро. Наша слабосильная команда не знала отдыха целый день — рубили, складывали в кучки, взвешивали, регистрировали, грузили, отвозили на «центральную усадьбу». И все равно к концу дня на поле оставалось множество капустных листьев. А они задолго до захода солнца все убрали и чисто подмели за собой. Перед нашим сараем сидела пожилая крестьянка с дочерью и дожидалась разрешения собирать листья. Девочка время от времени выбегала в огород, а потом докладывала матери обстановку. Наконец она крикнула: «Всё подмели!»

Тетка встала и скомандовала: «Пошли!» Потом они заговорили между собой на местном диалекте, так что я поняла лишь несколько раз произнесенные слова «кормить свиней». Под конец тетка крикнула сердито: «Помещики и те разрешали нам подбирать листья!»

Тут я спросила, на что могут сгодиться старые, высохшие наружные листья кочана.

Девочка объяснила: надо вскипятить котел воды, бросить туда измельченные листья и залить мучной болтанкой. «Скусно!»

Мне приходилось видеть здешние «пампушки»: они были какого-то бурого цвета. Такой же цвет имела и мучная болтанка. Но пробовать эту «скусную» еду мне не довелось. А по совести, это нужно было бы сделать, хотя входившие в наш повседневный рацион жухлая капуста и прогорклая редька тоже особым вкусом не отличались.

Совсем не уродилась у нас репа — самые большие клубни не превышали размером персик. Я принялась отбирать те, что покрупнее, чтобы снести их на кухню, а пожилая крестьянка наблюдала за мной не отрывая глаз. Наконец она спросила: «А как эту штуку едят?» Я ответила, что можно мариновать, можно и варить. Затем добавила: «Большие я унесу, а маленькие можешь взять себе». Она с радостью согласилась, но на самом деле стала быстренько складывать в свою корзину те, что покрупнее. Не вступая в спор, я вывалила содержимое ее корзины в общую кучу и дала ей несколько пригоршней мелкой репы. Она тоже не протестовала и ушла с довольным видом. А мне стало не по себе — ведь я понимала, что нашей кухне не понадобится и более крупная репа. Но в ту пору я не могла решиться даже на такую смелость.

Порой сельские девушки приходили смотреть, как я поляю сорняки или прореживаю ростки. Иногда они помогали мне в прополке, получая за это свежую зелень. Освоив здешний диалект, я заводила с ними разговор. Оказалось, что девочки двенадцати и тринадцати лет уже выданы их родителями замуж. Одна подружка сказала про другую, что у нее уже есть свекровь. Та покраснела и отпиралась, но потом заявила, что и у подружки есть свекровь. Все они были неграмотны. Я первое время жила в сравнительно зажиточном доме; хозяйским сыновьям (им было девять и одиннадцать лет) не приходилось ради заработка пасти скот, и они посещали школу, но их старшая сестра оставалась неграмотной. Родители при посредстве свахи уже обручили ее с подходящим по возрасту парнем из соседней деревни, служившим в армии. Молодые люди ни разу не видели друг друга. Солдат прислал невесте письмо и фотокарточку, с которой глядело простое деревенское лицо. Парень окончил начальную школу. Родители девуш-

ки, мои однофамильцы (на этом основании они звали меня «тетенькой»), попросили меня написать ответ. Я долго не знала, как начать, но в конце концов общими стараниями мы сочинили письмо. Фотографию невесты солдат не получил.

Не знаю почему, но деревенские подростки лет пятнадцати все время болтались без дела. За спиной у каждого был короб, куда они складывали все, что попадалось на глаза. Иногда они, собравшись группой, выдергивали придорожный куст и принимались гоняться за зайцем, стуча кустом по земле и громко крича: «Ха! Ха!» Однажды несколько ребят с воплями ворвались в мой огород — по их словам, среди грядок спряталась «кошка». «Кошкой» здесь называли зайца, но я притворилась непонимающей и сказала, что кошек здесь нет. Заяц же почувствовал, что долго прятаться не удастся и опрометью бросился с огорода в поле. За ним помчались несколько собак. Скорость у зайца больше, но, когда собаки набегают с разных сторон, он начинает метаться и оказывается в окружении. Мне было видно, как заяц высоко подскочил, но в следующее мгновение был схвачен собаками. У меня внутри что-то оборвалось. С тех пор, заслышав «Ха! Ха!», я старалась не смотреть в ту сторону.

Однажды (это было третьего января 1971 года около трех часов пополудни) пришел какой-то человек и спросил, кому принадлежат два могильных холмика к юго-востоку от огорода — не школе ли кадров? Не там ли похоронен утонувший в речке тракторист из первой партии прибывших в эти места? Я ответила отрицательно и показала направление, в котором находилась его могила. Некоторое время спустя я увидела, как несколько человек стали рыть землю возле ручья, за грядкой моркови. Рядом остановилась большая тачка, покрытая циновкой из тростника, чуть дальше — группа людей в военной форме, видимо, из армейского пропагандистского отряда. «Да ведь они собираются кого-то хоронить!» — подумала я.

Издали мне было видно, как быстро работают землекопы. Один из них спрыгнул в вырытую яму, вскоре за ним последовали другие. Вдруг от группы отделился человек и побежал в мою сторону. Я подумала, что ему нужна вода для питья, но оказалось, что у них сломался черенок лопаты. Я одолжила свою.

Вокруг не было видно ни души — только люди, торопливо роющие могилу. Скоро стали видны лишь их плечи и головы. Когда могила была готова, они вытащили из-под циновки тело человека, одетого в синюю форменную одежду. Я содрогнулась.

Когда посыльный вернулся с лопатой, я спросила, кого они хоронят и отчего он умер. Тот ответил, что они из такой-то роты, хоронят самоубийцу — мужчину тридцати трех лет.

Зимний день короток; когда они потащили пустую тачку восвояси, уже стало темнеть. На казавшихся заброшенными огородах не осталось никого. Я медленно подошла к месту захоронения. Там был лишь еле заметный холмик, на который вряд ли кто обратит внимание.

На следующий день я предупредила Чжуншу, чтобы он был внимателен и не наступал на холмик — ведь труп был опущен прямо в землю, без гроба. Оказалось, что Чжуншу получил на почте некоторые сведения о погибшем. Были известны его имя и фамилия, знали также, что у него остались жена и сын. Им и были отправлены оставленные покойником пожитки.

Вскоре выпал большой снег. Я испугалась, что, когда он стает, могила раскроется и одиночные собаки утащат труп. Но могила не раскрылась, хотя земля порядком просела.

Всю ту зиму я в одиночестве сторожила огород. По утрам, когда восходящее солнце окрашивало восточную половину неба в яркие цвета, из дальних и ближних деревень тянулись вереницы крестьян разного возраста в одинаково рваной одежде. Потом они разбивались на группки по двое и по трое и скрывались из виду. Вечером они снова появлялись и шли обратно нагруженные чем-то.

Часто я забирала из столовой ужин и не торопясь ела его, стоя в дверях сарая. Постепенно меркли краски заката, опускался вечерний туман, небо как бы сближалось с бескрайней равниной. На огороде воцарялась тьма — кругом ни одной живой души, ни единого огонька. Было лишь слышно, как внутри сарая стан крыс резвятся в соломе и как шуршат сухие листья. Вымыв колодезной водой чашку и ложку, я запирала дверь и возвращалась на ночлег.

Каждый был занят делом, лишь одна я проводила дни в праздности. Мне было совестно, но это не меняло ситуации. Хотя я и далека от воинского искусства, мне

было понятно душевное состояние Лу Чжишэня в то время, когда он пребывал монахом в буддийском храме на горе Утайшань*.

Пока я жила в крестьянском доме и работала отдельно от товарок по комнате, мне было несподручно ходить с ними в одном строю. Я отправлялась на работу и с работы в одиночестве и чувствовала себя более свободной. Я вообще люблю ходить в темноте. Если у идущего в руке фонарик, он освещает лишь небольшое пространство вокруг. Без фонаря же видны и более далекие предметы. Я брела домой по тропинке, вьющейся среди пригорков и камней, и лишь на подходе к деревне различала мерцающий среди деревьев свет. Но то был не мой дом, а временное пристанище, где мне принадлежала лишь узенькая кровать под пологом. Я часто вспоминала виденный когда-то рисунок: старец с мешком за плечами, опираясь на посох, медленно спускается по тропе, ведущей к его собственной могиле. Мне казалось, что это про меня.

Наступил Новый год. В день весеннего равноденствия школа кадров нашего Отделения переселилась в Минган. Незадолго перед этим мы, овощеводы, сходили на старый огород и провели уборку: что можно было унести — унесли, а остальное уничтожили. Потом по этому участку прошелся трактор. Накануне переезда мы с Чжуншу — улучили минутку, чтобы бросить прощальный взор. Там уже ничего не было — ни сарая, ни колодца, ни грядок, исчез даже надмогильный холмик. Осталось одно бугристое поле.

(Окончание в следующем номере)

* Лу Чжишэнь — персонаж знаменитого романа «Речные заводы» (XIV в.), воссозданный повстанцев. Одно время он скрывался от преследований в буддийском монастыре.

КЮДЗО КАТО:

Николай Рерих и Япония

Ниже публикуется отрывок из книги «Заметки о путешествии по Европе и Азии» известного японского ученого-этнографа профессора Кюдзо Като, посвященный малонизвестным страницам жизни Николая Рериха — его пребыванию в Японии и выставке картин художника в этой стране. В книге рассказывается также об истории издания в Японии биографии Н. Рериха под названием «Зачарованный Гималаями». Главная заслуга в этом принадлежит профессору К. Като.

Книга профессора К. Като, одного из ведущих научных сотрудников Государственного этнографического музея Японии в Осаке, представляет собой путевые заметки о поездках автора по Дальнему Востоку, Центральной Азии и Восточной Европе, совершенных в последние несколько лет. Она вышла в издательстве Университета Хосэй в Токио в декабре 1984 г.

К. Като неоднократно бывал в СССР и поддерживает творческие контакты с коллегами из научных учреждений нашей страны. В его книге уделено большое внимание изучению Средней и Центральной Азии, Сибири и Дальнего Востока русскими и советскими исследователями, такими, как Н. Пржевальский, Н. Рерих, Г. Потанин, Н. Невский, В. Серошевский, А. Окладников, С. Токарев, Н. Пигулевская, С. Толстов, Л. Громковская и др., высоко оцениваются их заслуги как востоковедов.

Глава из книги профессора Кюдзо Като, посвященная Н. Рериху, представляет интерес во многих отношениях. Несмотря на то что имя Николая Рериха давно уже стало легендой, а может быть, именно поэтому, любые новые материалы о его многогранной жизни и художественной деятельности привлекают внимание самого широкого круга читателей. Выставки произведений Николая Рериха прошли триумфально еще при жизни художника по многим странам мира. Однако о выставке его произведений в Японии известно очень мало. Профессор Кюдзо Като рассказывает о некоторых обстоятельствах ее проведения. К сожалению, он ничего не пишет об отзывах об этой выставке. Однако известно, что упомянутые картины имели успех у японской публики.

Интерес в Японии к творчеству и личности Н. Рериха нельзя считать случайным. В последние десятилетия особенно возросло внимание японцев к изучению континентальных истоков собственной культуры. В этой связи книга профессора Кюдзо Като представляется нужной и своевременной.

А. Н. ЗЕЛИНСКИЙ,

кандидат исторических наук

«Зачарованный Гималаями»: биография Н. Рериха

Токийское издательство «Дзиммон сёин» выпустило в свет на японском языке под заголовком «Зачарованный Гималаями» биографию Николая Рериха. Эту книгу удалось издать благодаря сотрудничеству целого ряда лиц.

Судьба благоприятствовала этому начинанию уже на стадии сбора материалов. Во-первых, я сумел достать книгу «Держава света», в которой запечатлен взгляд Н. Рериха на Японию. Она вышла в 1931 г. в США на русском языке. Ее удалось обнаружить по голландскому каталогу букинистической литературы, который есть в одном из букинистических магазинов в Осаке. Этот каталог, вероятно, распространяется по всему миру. Летом прошлого, 1983 г., через месяц после того, как я сделал заказ, книгу прислали мне на дом по почте.

Во-вторых, в 1974 г. я получил «Сборник сочинений Н. Рериха» (534 с.), изданный в Москве к 100-летию со дня рождения художника. Без этой работы написание задуманной книги было бы невозможно. По моей просьбе ксерокопию этого сборника в 1980 г. привез в Японию директор Института этнографии АН СССР Ю. В. Бромлей.

При написании биографии Н. Рериха я считал, что для полного охвата темы надо пользоваться дневниками его путешествий по Центральной Азии, опубликованными как на английском, так и на русском языках. Необходимо было использовать также дневники путешествий его старшего сына Юрия Николаевича Рериха. Эти источники я обнаружил в Токио, в библиотеке «Восточных архивов» (Тоё Бунко). Конечно, лучше всего было бы иметь их под рукой. Случайно осенью 1983 г. в Токио, на аукционе букинистических книг, я увидел два экземпляра английского издания. Приобрести книги мне не удалось, но новые владельцы, купившие эти книги на аукционе, дали их мне во временное пользование.

Младший сын Н. Рериха, известный художник Святослав Николаевич, в настоящее время живет в Индии, в Бангалоре, и я решил, что необходимо обязательно встретиться с ним как с единственным ныне живущим членом семьи Н. Рериха.

И мне удалось побеседовать с ним дважды благодаря случайному стечению обстоятельств — во время моего двухнедельного пребывания в Советском Союзе, совпавшего с визитом в Москву и Ленинград С. Рериха, хотя цели наших поездок были разными. Это было совершенно невероятное совпадение.

Вернувшись весной 1981 г. из Кулу (Индия), где Н. Рерих провел последние годы своей жизни, я принялся за написание краткой биографической статьи о нем для японского ежеквартального этнографического журнала «Миндзокугаку». В процессе этой работы мне посчастливилось встретиться с Еко Такаока из Общества по изучению агни-йоги в Токио, которая прислала мне письмо, позволившее уточнить некоторые данные из жизни Н. Рериха.

После издания биографии Н. Рериха от Эмико Танака из издательства «Кумао бунко» я узнал, что в 1935 г. в Музее изящных искусств города Киото (музей был основан в 1933 г.) была открыта выставка 17 картин Н. Рериха. У искусствоведа этого музея Сигэмицу Хирано я выяснил следующее.

Когда в начале лета 1934 г. Н. Рерих вместе со своим сыном Юрием посетил Киото, в качестве знака благодарности за теплый прием, оказанный ему мэром города господином Омори, он выразил готовность предоставить в его распоряжение для экспозиции на выставке 17 своих произведений. Мэр Омори получил на это одобрение министерства иностранных дел и министерства просвещения Японии, и в сентябре 1934 г. картины прибыли в Киото из музея Н. Рериха в Нью-Йорке, а в октябре того же года в адрес Н. Рериха было направлено благодарственное письмо. В декабре 1934 г. от представителя музея Н. Рериха в Токио Черткова было передано уведомление, что по воле Н. Рериха в дар городу Киото передается одна из 17 картин в фонд средств по ликвидации ущерба от урагана и наводнения, обрушившихся на район Кансай. Такой поступок характерен для Рериха, но по неизвестным причинам город Киото этот дар не принял.

Картины Н. Рериха экспонировались в течение 50 дней — с 10 января по 28 февраля 1935 г. — вместе с 50 произведениями японских художников. После второй мировой войны, в 1951 г., Л. Хорш потребовал вернуть эти 17 картин обратно в Нью-Йорк, и в июне того же года они были погружены в городе Кобэ на американский корабль «Президент Вильсон». Остается, однако, неизвестным, было ли это сделано с согласия членов семьи Н. Рериха (сам он скончался в 1947 г.).

Все упомянутые картины были написаны в период с 1917 по 1931 г. Три из них названы «Тибет», две — «Гималаи», остальные назывались «Сказание о лесах», «Снегурочка», «Садко», «Ночной всадник», «Экстаз», «Посланец орлов», «Обитатели скалистых утесов», «Санта-Фэ», «Монголия», «Купавна», «Кулу» и «Сикким».

Мне лично жаль, что эти картины вернулись в Нью-Йорк. Полагаю, что в Японии можно было бы в качестве акта доброй воли оставить хотя бы одну из них, преподнесенную Н. Рерихом в дар городу Киото. Но раз в свое время был дан отказ, теперь ничего не поделаешь. С этой утратой приходится смириться. Еще в 1931 г. Н. Рерих писал: «Говоря о Японии, мы можем употребить слово Прекрасное. На это понятие имеет право народ...» Вот почему он, вероятно, принял решение подарить одну из картин Музею изящных искусств в Киото. Я думаю, что издание в этом городе биографии Н. Рериха через столетия после посещения его русским художником таит в себе глубокий смысл.

Командировка в Маньчжурию

*В. В. ТИХОМИРОВ,
А. М. ЦУКАНОВ*

В конце мая 1948 г. авторам этой статьи предложили срочно подготовиться к поездке в Китай в составе небольшой группы, возглавляемой И. В. Ковалевым. Для нас, в то время еще совсем молодых людей, это было большим событием. Для одного из нас (В. В. Тихомирова), ряд лет проработавшего в системе Министерства путей сообщения, предстояла поездка в неизведанную, загадочную страну. Для второго (А. М. Цуканова), завершавшего учебу на китайском отделении Московского института востоковедения, командировка могла стать продолжением и углублением знакомства с Китаем. Теряясь в догадках относительно конкретных целей предстоящей поездки в соседнюю страну, мы, однако, понимали, что они должны быть весьма серьезными. Нам было хорошо известно, что глава группы, выезжающей в Китай, в недавнем прошлом являлся министром путей сообщения СССР.

Многое выяснилось на беседе с И. В. Ковалевым, к которому мы были вызваны для инструктажа. Иван Владимирович вначале кратко остановился на главных моментах тогдашней политической обстановки в Китае, где в ходе народной революции продолжало полыхать пламя гражданской войны, развязанной реакционным гоминьданом при поддержке империалистов США. Военные действия шли и в соседней с нашей страной части Китая — Маньчжурии. Северная и центральная области этого обширного района в тот период контролировались народно-демократической администрацией; там же располагалась и крупнейшая, наиболее организованная и боеспособная часть Народно-освободительной армии Китая (НОАК) — стратегическая группировка под командованием Линь Бяо¹. По просьбе народно-демократических властей Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) Советское правительство приняло решение о направлении для оказания помощи в восстановлении железных дорог большой группы советских специалистов-железнодорожников, соответствующего оборудования и материалов. Общее руководство деятельностью этих специалистов в Маньчжурии при сотрудничестве с народно-демократическими властями было поручено И. В. Ковалеву. В состав нашей небольшой группы, выезжавшей из Москвы в Китай, вошел также главный инженер одного из управлений Министерства путей сообщения Федор Николаевич Доронин², в задачу которого входило непосредственное руководство восстановительными работами на местах в Маньчжурии. Нашей задачей, подчеркнул И. В. Ковалев, является оказание братской, международной помощи дружественному нам китайскому народу, народно-демократическим властям Маньчжурии. В то же время наша миссия имеет под собой прочную международно-правовую основу — советско-китайское соглашение о КЧЖД (Китайской Чанчуньской железной дороге)³ от 14 августа 1945 г., предусматривающее совместное управление этой железной дорогой.

Выехав 4 июня поездом из Москвы, через несколько дней мы сделали кратковременную остановку в Хабаровске. Там, в штабе тогдашнего Дальневосточного военного округа, мы посетили его командующего Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского, которому И. В. Ковалев рассказал о целях и задачах нашей поездки в Китай. Родион Яковлевич, в августе 1945 г. командовавший войсками Забайкальского фронта, громившими японских захватчиков при освобождении Северо-Восточного Китая, был хорошо знаком со многими деталями обстановки в Маньчжурии. В беседах с И. В. Ковалевым он высказал немало ценных советов и рекомендаций.

В Хабаровске к нам присоединился М. И. Сладковский, в то время — начальник Восточного управления Министерства внешней торговли СССР. Ученый-китаевед с большим опытом практической работы, Михаил Иосифович принял активное участие в решении ряда важных организационных вопросов деятельности нашей группы, особенно в первый период ее пребывания в Маньчжурии⁴.

В середине июня мы прибыли в Харбин — один из крупнейших центров Маньчжурии, узел главной железнодорожной магистрали края. Город располагается на крутом берегу основной водной артерии Маньчжурии — Сунгари, широкой и глубокой реки с очень быстрым течением мутных вод. Возникший в 1898 г. с началом строительства КВЖД, Харбин сохранил многие черты архитектуры крупных городов дореволюционной России. Во время нашего пребывания в городе существовала довольно значительная русская колония, немало русских работало и на КЧЖД.

Для проживания и работы нам был выделен небольшой удобный домик на одной из широких улиц в районе Нового города. Невдалеке располагались управление КЧЖД, здания, в которых находились центральные учреждения народно-демократических властей края, генеральное консульство СССР в Харбине. С учетом беспокойного военного времени гостеприимные китайские хозяева проявили заботу и о нашей безопасности: в отдельном строении рядом с нашей резиденцией постоянно находились несколько охранников — бойцов НОАК.

В то время на железных дорогах Маньчжурии в результате продолжавшейся гражданской войны создалось сложное положение. Гоминьдановские войска в ходе своего отступления под ударами маньчжурской группировки НОАК причинили огромный ущерб железнодорожному транспорту Северо-Востока, особенно в южной части и на Пекин-Мукденской (Шэньянской) железной дороге. На реке Сунгари, с целью задержать продвижение народных войск, были разрушены два крупных моста: между Харбином и Чанчунем и между Чанчунем и Гирином. Гоминьдановцами были также разрушены депо, мастерские, водокачки, отдельные участки железнодорожных тоннелей под крупными сопками, железнодорожное полотно и т. п.

В результате оказалось парализованным железнодорожное сообщение южнее Харбина, нарушилась связь между главными центрами Северо-Восточного Китая. А это означало не только создание помех всей народнохозяйственной жизни края, но и в огромной степени затрудняло продвижение в южном направлении соединений и частей Народно-освободительной армии Китая. Как известно, командование маньчжурской группировки НОАК еще с середины 1947 г., когда стратегическая инициатива стала переходить в руки народной армии, тщательно разрабатывало планы крупного стратегического наступления на гоминьдановскую группировку в центральной и южной части Северо-Востока. Ядро этой группировки составляли соединения так называемой «Новой 1-й армии», оснащенной американским оружием и боевой техникой и обученной в Южном Китае американскими военными советниками, а затем переброшенной в Маньчжурию транспортными средствами вооруженных сил США. Для осуществления планов НОАК прежде всего требовалось срочно восстановить железнодорожные коммуникации, и в первую очередь железнодорожные мосты через Сунгари и некоторые другие маньчжурские реки, без чего была бы невозможна переброска войск, особенно артиллерии и другой тяжелой боевой техники⁵.

В июне в Харбине были проведены детальные переговоры с представителями народно-демократической администрации Северо-Восточного Китая. С китайской стороны в них участвовали руководящие работники, занимающиеся вопросами железнодорожного транспорта, — Люй Чжэнцао, Хуан Ифэн, У Кэцзю и другие во главе с секретарем Северо-Восточного бюро ЦК КПК Гао Ганом. С советской стороны переговоры вели И. В. Ковалев, А. Ф. Журавлев, Ф. Н. Доронин, М. И. Сладковский, М. Ф. Лысков. Конкретные предложения, внесенные на этих переговорах советскими представителями, были затем одобрены и утверждены Северо-Восточным бюро ЦК КПК.

На переговорах в Харбине была согласована общая программа восстановительных работ в Маньчжурии. Она предусматривала ремонт разрушенного пути, железнодорожных сооружений и особенно мостов. План восстановления железных дорог, составленный по данным технических разведок и утвержденный Северо-Восточным бюро ЦК КПК по каждому железнодорожному направлению, предусматривал

в первую очередь работы, связанные с обеспечением успешных военных действий НОАК.

К началу работ из Советского Союза стали регулярно прибывать различные механизмы и оборудование, водолазные станции, дорожно-строительные материалы. Приехали и советские специалисты-железнодорожники: 50 инженеров, 92 инструктора восстановительных работ, 220 техников и квалифицированных рабочих. Это были лучшие в СССР специалисты своего дела, в большинстве участники Великой Отечественной войны. Все они с огромным энтузиазмом выполняли свой интернациональный долг, помогая братскому китайскому народу на переломном этапе его истории. Они работали в условиях военной обстановки, плечом к плечу с китайскими рабочими отрядами, передавая китайским товарищам свой богатейший опыт и трудовые навыки.

В итоге большой работы, проведенной под руководством советских специалистов-железнодорожников, досрочно, к 15 декабря 1949 г., было восстановлено более 10 тыс. км важнейших железнодорожных линий Маньчжурии, 120 крупных и средних мостов общей протяженностью более 9 тыс. м, в том числе крупнейшие: мост «Сунгари-II» длиной 987 м, мост через Сунгари длиной 440 м на участке Гири-Чанчунь, мост через Иньмахэ длиной 320 м на участке Харбин-Чанчунь.

Стоит несколько подробнее остановиться на восстановлении разрушенных гоминьдановскими войсками железнодорожных мостов. Дело в том, что к моменту прибытия в Маньчжурию нашей группы специалистов-железнодорожников, в том числе инженеров-мостовиков, там уже имелись проекты восстановления обоих железнодорожных мостов через Сунгари. Они были составлены в Харбине японскими инженерами, «застрявшими» в городе после капитуляции милитаристской Японии в сентябре 1945 г. Эти проекты определяли сроки выполнения работ в полтора года. По отмеченным выше обстоятельствам, столь длительные сроки никак не устраивали командование НОАК, готовившее контрнаступление в Маньчжурии. Наши инженеры-мостовики предложили свой план, предусматривавший восстановление этих мостов в рекордно короткие сроки. На первых порах предложенные советскими инженерами планы вызвали недоверие у китайской стороны. Помнится, например, скептицизм одного из руководителей восстановительных работ — Хуан Ифэна, а также главного инженера У Кэцзю. Эту недоверчивость можно было легко понять. Ведь в годы длительной японской оккупации Маньчжурии, когда экономическое и научно-техническое руководство краем полностью находилось в руках японцев, захватчики изгнали из Маньчжурии практически всю китайскую научно-техническую интеллигенцию и в результате авторитет японских специалистов был очень высок. Тем не менее советский план был принят, и, к изумлению сомневавшихся в его реальности, советская группа специалистов-инженеров и рабочих восстановила мост «Сунгари-II» в рекордно короткий срок — менее чем за три месяца. Этот мост имел особо важное значение для операций, планировавшихся командованием НОАК.

Под руководством советских специалистов параллельно шла подготовка железнодорожных войск Народно-освободительной армии Китая. Руководители группы советских специалистов предложили Политбюро ЦК КПК, народно-демократическим властям Северо-Востока Китая и командованию Народно-освободительной армии Северо-Востока Китая выделить 10 тыс. солдат для формирования корпуса железнодорожных войск и гарантировали обучение их профессиям, необходимым для организации и осуществления дальнейших работ по восстановлению железнодорожного транспорта в стране. Через короткое время все 10 тыс. солдат и командиров народных войск уже трудились на восстановительных работах. Из них был сформирован первый китайский корпус железнодорожных войск из шести бригад, каждая из которых состояла из шести батальонов. Формирование железнодорожных войск НОАК продолжалось быстрыми темпами. На 1 сентября 1948 г. их численность уже составляла 17 400 солдат и командиров. В дальнейшем в ходе продвижения войск НОАК и освобождения сети железных дорог от гоминьдановцев корпус увеличился и его численность к концу ноября 1948 г. была доведена до 30 тыс. человек.

В частях и соединениях этого корпуса все командные должности занимали китайские военнотружущие, но на основных командных должностях у них были консультанты (дублеры) — советские специалисты. По предложению советских специалистов, одобренному Северо-Восточным бюро ЦК КПК, было сформировано Цент-

ральное восстановительное управление при Главном управлении железных дорог Маньчжурии. Его возглавил опытный командир НОАК Хуан Ифэн, главным инженером был назначен У Кэцзю — по изложенным выше причинам единственный в тот период инженер-железнодорожник в железнодорожных войсках Китая, создававшихся в Маньчжурии. Консультантом (дублером) начальника Центрального восстановительного управления был Ф. Н. Доронин, дублером главного инженера — Н. М. Колоколов. С китайской стороны общее руководство всеми восстановительными работами на транспорте в Маньчжурии осуществлял опытный военачальник НОАК Люй Чжэнцао.

При подготовке китайских специалистов и организации восстановительных работ советские специалисты встречали значительные трудности. В народных войсках лишь единицы имели специальную подготовку и хотя бы минимальный практический опыт. Большинство солдат были выходцами из крестьянских семей и не только никогда не работали на железной дороге, но многие вообще ее не видели. Трудности, возникавшие в совместной работе, успешно преодолевались благодаря любознательности, трудолюбию и упорству солдат, их высокой организованности.

Серьезное внимание руководство нашей группы уделяло организации максимально возможных благоприятных условий жизни и труда китайских военнослужащих, работавших вместе с советскими специалистами. С учетом опасности эпидемических заболеваний в тот период в Маньчжурии большое значение имело также налаживание советскими медиками специальной санитарной службы в китайских железнодорожных войсках.

И. В. Ковалев вспоминает: «Работать приходилось днем и ночью, но труд этот оказался очень полезным для китайских солдат и командиров. ...Пришли они на восстановительные работы худыми, изможденными, в сильно поношенном и разношерстном обмундировании. Весь их продовольственный паек состоял из чумизы, которую они ели два раза в день, и то не досыта. У нас китайские солдаты и командиры были обмундированы, обеспечены четырехразовым полноценным питанием. Советские специалисты относились к ним подлинно по-братски. Они терпеливо и настойчиво обучали китайских восстановителей, разъясняли вновь и вновь непонятное, пока китайские солдаты, в основном крестьяне, впервые столкнувшись с современной техникой, не усваивали операцию полностью»⁶. Член Политбюро ЦК КПК Чэнь Юнь, возглавлявший в конце октября 1948 г. комиссию по приемке восстановленного моста через Сунгари, не поверил своим глазам при виде китайских солдат-восстановителей — здоровых, бодрых людей, успешно справившихся в рекордные сроки с выполнением сложных и новых для них работ.

Успешное восстановление основных железнодорожных магистралей Центральной и Южной Маньчжурии позволило произвести в больших масштабах перегруппировку и концентрацию частей НОАК на Северо-Востоке Китая, что способствовало окончательному разгрому гоминьдановских войск и полному освобождению Маньчжурии, обеспечило условия для победоносного наступления на юг.

Хорошо известно (и это признается китайскими историками), что решающее значение для окончательной победы народной революции в Китае в конце 40-х гг. сыграли три крупнейших сражения — Ляошэньское, Пекинское и Хуайхайское, причем два первых выиграла именно Маньчжурская группировка НОАК. Большое значение имел тот факт, что у этой группировки был прочный тыл и мощная база снабжения в Маньчжурии, которая непосредственно примыкает к границам Советского Союза⁷.

Руководители КНР высоко оценивали вклад советских людей в развитие китайской революции, бескорыстный характер помощи СССР, видя в этом яркое проявление искренней дружбы Советского Союза к китайскому народу. «Среди советских работников, прибывших в Китай, — писала видный общественный деятель Китая Сун Цинлин, — первыми были советские инженеры. Они работали над сложными вопросами оказания помощи, которая сделала возможным восстановление нашей железнодорожной сети на много месяцев раньше, чем было запланировано. Они сделали свою работу и ничего не попросили за это»⁸.

Мы возвратились из Маньчжурии на Родину в самом конце декабря 1948 г. Воспоминания о нашей жизни и работе в Китае, о дружественно настроенных к советскому народу китайских трудящихся, которые самоотверженно боролись за счастливое будущее своей страны, надолго сохранились в нашей памяти.

¹ На заключительном этапе гражданской войны в Китае 1946—1949 гг. эта группировка получила наименование 4-й полевой армии НОАК.

² Ф. Н. Доронин вскоре после возвращения на Родину из командировки в Маньчжурию был назначен заместителем министра путей сообщения СССР. Умер в Москве в 1970 г.

³ В прошлом КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога.

⁴ См.: М. И. Сладковский. Знакомство с Китаем и китайцами. М., 1984, с. 353—355. Член-корреспондент АН СССР М. И. Сладковский долгое время являлся директором Института Дальнего Востока АН СССР. Умер в Москве в 1985 г.

⁵ См.: О. Борисов. Советский Союз и маньчжурская революционная база. 1945—1949. М., 1975, с. 192.

⁶ И. В. Ковалев. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.). М., 1981, с. 416—418.

⁷ См.: О. Борисов. Указ. соч., с. 204.

⁸ «People's China», Peking, vol. 1, № 2, January 16, 1950, p. 7.

*М. Л. ТИТАРЕНКО,
доктор философских наук*

В переломные этапы развития человеческого общества перед революционными силами и их идеологами неизбежно возникает вопрос о целях борьбы и о выборе пути достижения этих целей. В такие периоды среди мыслителей и политических деятелей на первый план так или иначе выступает идея социального прогресса, определение его целей, движущих сил. Возникла она и перед Сунь Ятсеном.

Почему стоит обратить на этот момент особое внимание?

Потому, что именно в трактовке идеи социального прогресса наиболее ярко проявились сильные и слабые стороны учения Сунь Ятсена. Именно здесь он более всего приблизился к пониманию диалектики и движущих сил общественных процессов. Понятие социального прогресса Сунь Ятсеном складывалось и под влиянием древних идей о круговороте в природе, о единстве неба, земли и человека, о диалектическом взаимодействии сил «Инь» и «Ян». Особую роль сыграли социально-утопические концепции Мо Ди о «всеобщей любви», происхождении власти и государства и конфуцианская идея «великого единства» — «датун», идеи законопослушания легистов и духовного самосовершенствования буддистов. Знакомство с социологией западных просветителей, особенно американского социолога-моралиста Генриха Джорджа, оказало сильное влияние на общий морально-гуманистический подход Сунь Ятсена к трактовке движущих сил общественного развития.

Идеи нравственного убеждения, нравственного примера, глубоко развитые в учениях Конфуция, Мо Ди и западных просветителей, как стимула совершенствования человека и государства были доминирующими у доктора Сунь Ятсена вплоть до начала 20-х гг.

В своем известном труде «Три народных принципа» Сунь Ятсен рассматривает критерии общественного прогресса и видит главный из них в степени народовластия, с которым он связывает мир, спокойствие и счастье народа.

«По-моему, прогресс начался в Китае значительно раньше, чем в Европе и США, и рассуждения о народовластии появились давно, еще несколько тысячелетий назад. Правда, тогда были только рассуждения, которые не были осуществлены на деле. Теперь в Европе и США уже 150 лет назад образовались республики и осуществляется демократия, у древних же китайцев тоже была идея народовластия, так что, если мы хотим, чтобы в нашей стране были надолго обеспечены мир и спокойствие, если мы хотим счастья народу, если мы хотим идти в ногу с ходом мирового развития, мы не можем не обратиться к народовластию»¹.

В таком подходе Сунь Ятсена к решению проблем развития страны проявилась наиболее сильная революционно-демократическая сторона его учения, которую высоко оценивал В. И. Ленин: «Революционная буржуаз-

ная демократия, представляемая Сунь Ятсеном, правильно ищет пути к «обновлению» Китая в развитии наибольшей самостоятельности, решительности и смелости крестьянских масс в деле политических и аграрных реформ»².

Имеющиеся в нашем распоряжении труды Сунь Ятсена свидетельствуют, что в основе философии социального действия — борьба за политическое, национальное освобождение и создание республиканского Китая как необходимого этапа поступательного общественного развития. Вместе с тем в теоретических трудах подчеркивается, что «высшие принципы и совесть движут цивилизацию нравственную».

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала глубокое идеологическое воздействие на Китай, на все потоки освободительного движения китайского народа. Процесс ускорения темпов социально-политического подъема в Китае под влиянием Октября обстоятельно изучен китайскими и советскими учеными. В данном случае принципиальное значение имеет следующее: в 20-е гг. Сунь Ятсен внес существенные коррективы в свою концепцию общественного прогресса — были уточнены (в определенной степени) понятия «счастливое китайское государство» будущего, «революция», приоритетное место в его выступлениях и статьях заняли вопросы целей и задач китайской революции, союзников Китая в решении коренных проблем китайского общества.

Одним из тормозов на пути развития китайского общества, как подчеркивал Сунь Ятсен, было непонимание в течение десятилетий целей борьбы, результатов путей строительства «прекрасной и величественной Китайской Республики». В известном документе — «Письме в НКВД РСФСР» (1921) — он писал, что чрезвычайно заинтересован опытом организации Советов, армии, образования.

В последние годы Сунь Ятсен сумел подняться до понимания неотложных задач и целей революции в Китае, направленной на ликвидацию колониальных оков и феодальных пут. Он глубоко осознал необходимость тесного союза с СССР и выступал горячим пропагандистом советско-китайской дружбы. Осенью 1923 г. в телеграмме Л. М. Карахану Сунь Ятсен писал: «Истинные интересы наших стран требуют выработки общей политики, которая дает нам возможность жить на условиях равенства с другими державами и освободиться от политического и экономического рабства, навязанного международной системой, опирающейся на силу и действующей методами экономического империализма».

¹ Сунь Ятсен. Избр. произв., М., 1985, с. 458.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 406.

Изучение Китая в Узбекистане в 1918—1984 гг.

Историко-культурные связи Средней Азии с Китаем имеют многовековую историю и своими корнями уходят в глубокую древность. Этим, по-видимому, объясняется большой интерес у историков Средней Азии к изучению древней культуры китайского народа и социально-политических проблем китайского общества. Почти во всех трудах средневековых историков, географов и других представителей науки Средней Азии встречается информация о Китае. Важные и ценные сведения по истории и культуре народов Китая содержатся, например, в трудах Табари (839—923), ал-Идриси (1100—1165), Йа'кута (1179—1229), Ибн ал-Асира (ум. в 1232 г.), Ибн Батутты (1304—1372), Шараф ад-Дина Али Иезди (ум. в 1454 г.), Фасих Ахмада Хавафи (1375—1442), Абд ар-Раззака Самарканди (1413—1482), Захир ад-Дина Бабура (1483—1530), Хафиз-и Таныша Бухари (1549—?), Махмуда ибн Вали (1596—?), Мирзы Алима Ташканди (вторая половина XIX в.), муллы Нийаза Махаммада Хуканди (1802—1876) и др. Приводимые ими сведения касались в основном посольских и торговых связей Средней Азии и Китая и изредка — политических отношений между двумя странами¹.

Глубокое и всестороннее изучение истории и культуры Китая и его взаимоотношений со Средней Азией по-настоящему началось в Узбекистане с первых лет установления Советской власти и связано с образованием в сентябре 1918 г. в Ташкенте Туркестанского восточного института — первого высшего учебного заведения в Средней Азии. Инициаторами его выступили видные востоковеды В. Н. Качурбаев, М. С. Гаррицкий, П. Е. Кузнецов и др.

Туркестанский восточный институт был призван готовить для республик Средней Азии высококвалифицированных специалистов, владеющих восточными языками, знающих историю и культуру не только народов Советского Востока, но и народов сопредельных со Средней Азией стран зарубежного Востока. Институт в своем составе имел два отделения: этно-лингвистическое и педагогическое. Первые два года обучения студенты изучали общеобразовательные дисциплины, специализация же обычно начиналась с третьего курса².

Весной 1924 г. Туркестанский восточный институт был включен в состав Среднеазиатского государственного университета (ныне Ташкентский государственный университет им. В. И. Ленина) в качестве восточного факультета, просуществовавшего до сентября 1930 г. Несмотря на кратковременность своей деятельности, Туркестанский восточный институт подготовил большое число квалифицированных востоковедов, многие из которых впоследствии стали учеными, известными не только у нас в стране, но и далеко за ее пределами. В их числе можно назвать лингвистов А. К. Боровкова, К. К. Юдахина и Р. Л. Неменову; историков П. П. Иванова, В. А. Шишкина, О. А. Сухареву и А. Ю. Соколова.

В августе 1944 г., в суровую военную годину, по решению партии и правительства восточный факультет Ташкентского государственного университета возобновил свою работу. Это решение было принято в связи с перспективами развития экономических, политических и культурных связей СССР со странами зарубежного Востока. В 1944—1947 гг. на факультете функцио-

нировало четыре кафедры, среди которых была и кафедра восточнотуркестанской филологии, которой в то время заведовал Г. С. Султанов. Осенью 1953 г. эта кафедра была преобразована в кафедру уйгурской филологии во главе с одним из видных тюркологов республики И. А. Киссенем. На кафедре преподавались следующие дисциплины: уйгурский язык (У. М. Маматахунов, К. М. Мелиев, В. А. Долотин и И. И. Исмаилов), физическая и экономическая география (Н. Г. Цапенко), история и история материальной культуры Восточного Туркестана и Китая (У. М. Маматахунов, М. И. Моложатова) и т. д. Начиная с 1954/55 учебного года в качестве дополнительного восточного языка был введен и китайский язык (В. А. Долотин, М. И. Моложатова и др.). Кафедра уйгурской филологии ТашГУ главным образом занималась подготовкой преподавателей уйгурского языка и литературы для средних школ Узбекистана и Казахстана (с обучением на уйгурском языке), а также научных работников для академий наук этих республик.

В 1958 г. кафедра уйгурской филологии была преобразована в кафедру китайской филологии, что было обусловлено, на наш взгляд, растущим интересом к изучению истории и культуры китайского народа. После реорганизации кафедра китайской филологии была укреплена такими опытными педагогами, как М. И. Ларионов, О. А. Вагин, Н. И. Левушкина, М. Д. Ким, С. К. Розбакиев, И. Н. Комарова и др.

Начиная с 1977 г. кафедра китайской филологии ТашГУ стала одной из ведущих кафедр восточного факультета. В настоящее время в восьми учебных группах китайского отделения обучаются 54 студента, которые изучают, помимо языковых дисциплин (китайский и уйгурский языки), историю, экономику и государственный строй Китая.

Профессорско-преподавательский коллектив кафедры китайской филологии успешно сочетает педагогическую работу с научной и научно-организационной. К настоящему времени преподавателями кафедры опубликовано свыше 50 монографий, брошюр, научных и научно-популярных статей общим объемом около 50 печ. л. Среди них следует отметить такие работы, как «Освободительное движение неханьских народностей провинции Юньнань в 50—60-х гг. XIX в.» (М. Х. Махмутходжаев), «КПК и антиимпериалистическое движение в городах Китая в 1927—1937 гг.» (М. К. Мирджалалов), «Демократическая лига в Китае» (В. С. Ким), «Романтизм и реализм в эпическом творчестве уйгурских поэтов XVIII—XIX вв.» (У. М. Маматахунов), «Отражение освободительной борьбы народов Восточного Туркестана в произведениях советских уйгурских писателей» (С. К. Розбакиев), «Образ женщины в китайской прозе 20—30-х гг. XIX века» (Г. Ч. Мулдакулова), «Публицистика Цзоу Таофэна об СССР» (Н. Е. Хохлов), «Сравнительный анализ глаголов в китайском и узбекском языках» (А. А. Каримов) и др.

Профессорско-преподавательский состав кафедры китайской филологии принимает активное участие в работе различных конференций востоковедов и китаеведов, выступает с докладами и сообщениями. Только в 1977—1985 гг. М. Х. Махмутходжаев, С. К. Розбакиев, Г. Ч. Мулдакулова, М. К. Мирджалалов и др. выступили с научными докладами по вопросам китайского языкознания, истории китайского языка и литературы, социально-политической истории Китая и Восточного Туркестана на 28 университетских, факультетских, республиканских и всесоюзных научных конференциях.

Значителен вклад кафедры китайской филологии ТашГУ в подготовку высококвалифицированных специалистов. Так, только за 1962—1984 гг. ее окончили свыше 100 человек, которые плодотворно трудятся в республиках Средней Азии, Казахстана и РСФСР, а также за пределами страны (в Монгольской Народной Республике). Из них 15 человек (К. Ш. Хафизова, Р. М. Асланов,

М. А. Асланова, А. Х. Ходжаев, М. Х. Махмудходжаев и др.) успешно защитили кандидатские диссертации.

Изучением истории и культуры народов Китая занимаются и в институтах и учреждениях Академии наук республики. В Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР разрабатывается ряд тем литературоведческого направления, две из которых находятся на стадии завершения. Это — монография кандидата филологических наук А. Бакиева «Из истории изучения эпического стихотворения уйгуров» и работа кандидата филологических наук Д. Рузиевой «Жизнь и творчество Абдурахима Низари». В первой работе исследуются пути развития эпического жанра в уйгурской классической литературе на материале поэзии Юсуфа Хас Хаджиба Баласагунского (XI в.), Ахмада Югнани (XII в.), Хиркати (1634—1724), Залили (первая половина XVIII в.), муллы Шакира (1805—?), Билала Назима (1825—1906) и др. Большое место в этом исследовании занимает анализ поэмы Хиркати «Мухаббат ва мехнаткам» («Любовь и страдание»), занимающей важное место в эпической поэзии уйгурского народа. Работа же Д. Рузиевой посвящена всестороннему изучению жизни и творчества видного уйгурского поэта Абдурахима Низари (1776—1849), произведения которого «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Вамиг и Узра», «Чар дарвиш» и др. отражают передовые идеи народов Восточного Туркестана XVIII—XIX вв. и занимают достойное место в сокровищнице культуры его народов³.

В Музее истории народов Узбекистана при республиканской Академии наук им. М. Айбека хранится большой фонд мусульманских и китайских монет, среди которых и монеты, выбитые в городах Восточного Туркестана (Йаркенде, Аксу и Кучаре) в XVIII — начале XX в. Они, вне всякого сомнения, представляют большой интерес для изучения социально-экономических проблем Восточного Туркестана и его административного и государственного устройства. Разработкой этого направления в настоящее время занимается научный сотрудник музея И. Тухтиев.

Большая работа по исследованию средневековой истории Китая и историко-культурных связей народов Средней Азии и Китая ведется в Институте востоковедения АН УзССР.

Еще в 50—60-х годах в стенах этого института был написан ряд важных монографий, из которых хотелось бы отметить работы А. П. Савицкого «Синьцзян как плацдарм иностранной интервенции в Средней Азии» (1950), Х. З. Зияева «Восстание 1826 года в Восточном Туркестане» (1952), И. Г. Полинова «Синьцзян в период китайской революции 1911—1913 гг.» (1953), Р. Х. Шарафутдинова «Разрешение национального вопроса в провинции Синьцзян после победы китайской народной революции» (1954), Э. М. Мамедовой «История политико-экономических и культурных взаимоотношений народов Туркестанского края и Синьцзяна в период второй половины XIX в. до 1917 года» (1962), М. Кутлукова «Национально-освободительное движение в Синьцзяне 1944—1949 гг.» (1963).

В 70—80-х годах китаеоведами республики опубликован ряд интересных работ, посвященных различным аспектам истории и культуры народов Средней Азии и Китая.

В монографии А. Ходжаева «Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан (Колониальная политика Цинского Китая во второй половине XIX в.)» (1979), основанной на китайских и отчасти местных источниках, раскрывается антинародная сущность политики Цинской империи в Джунгарии и Восточном Туркестане в 1864—1877 гг. Большое внимание в работе уделяется народному движению в Джунгарии и Восточном Туркестане в 1864—1877 гг. и подавление его цинскими войсками.

Работа А. Бакиева «Уйгурская народная лирическая поэзия» (1978, на узб. яз.) посвящена исследованию некоторых жанров уйгурской народной лирической поэзии, особенностям и путям их развития. Интерес в данном исследовании представляют разделы, посвященные творчеству поэтов Садыр-палвана Хушамад-оглы (1797—1871) и Назугума (первая половина XIX в.), являвшихся одними из руководителей антицинского восстания в Восточном Туркестане в 1818—1824 гг., и Сарихан-бану (1835—1865) — известной поэтессы и просветительницы уйгурского народа прошлого столетия.

Работы Б. А. Ахмедова «Махмуд ибн Вали. Море тайн» (1977) и «Историко-географическая литература Средней Азии» (1985) вводят в научный оборот ценные персоязычные и тюркоязычные источники. Заслуживают внимания отчеты русских послов XVI—XVIII вв., содержащие ценный фактический материал о социально-экономической и политической истории Средней Азии и о политических и торговых взаимоотношениях Бухарского, Хивинского и Балхского ханств со странами зарубежного Востока и Россией.

В настоящее время востоковедами Узбекистана завершен и готовится к публикации ряд других важных исследований.

Работа М. Кутлукова «Историко-культурные и торгово-экономические взаимоотношения Средней Азии и Восточного Туркестана в XVI—XIX вв.» основана преимущественно на материалах персоязычных и тюркоязычных источников и посвящена изучению истории политических, торгово-экономических и культурных связей народов Средней Азии и Восточного Туркестана в XVI—XIX вв. Следует отметить, что в исследовании уделяется большое внимание вопросам совместной борьбы народов Средней Азии и Восточного Туркестана против агрессии джунгарских феодалов и Цинской империи.

В монографии С. Р. Розбакиева «Великий Октябрь и рождение уйгурской прогрессивной литературы» прослеживается путь развития прогрессивной уйгурской литературы под благотворным влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции и немеркнувших идей В. И. Ленина. В работе особое внимание уделяется развитию литературы проживающих в Советском Союзе уйгуров и ее влиянию на общее развитие литературы народов Восточного Туркестана.

М. Х. Махмутходжаев в монографии «Национальная политика гоминьдана (1927—1937)» рассматривает концепцию национальной политики деятелей гоминьдана в отношении народов Южного Китая, поднявших на борьбу за избавление от ига реакционного режима гоминьдана, правовые и социально-экономические аспекты политики Нанкинского правительства по отношению к неханьским народам Юга Китая.

С созданием при Институте востоковедения АН УзССР нового отдела — изучения историко-культурных взаимоотношений Средней Азии и Китая (сентябрь 1978 г.) — в деятельности китаеведов республики наметилось новое научное направление — изучение арабоязычных источников, введение в научный обиход сведений арабоязычных, персоязычных и тюркоязычных сочинений X—XIX вв. по истории Китая и Восточного Туркестана и взаимоотношениям между Средней Азией и Китаем в прошлом. Широкие перспективы развития исследований в данном направлении обусловлены наличием в Институте востоковедения АН УзССР значительного собрания сочинений на восточных языках (свыше 30 тыс. отдельных сочинений), охватывающих различные области средневековой науки: историю, географию, литературу, философию и естественные науки.

К настоящему времени уже осуществляется ряд переводов и изданий на русском и узбекском языках как отдельных сочинений, так и фрагментов из них, объединенных в проблемные сборники. Так, например, к настоящему

времени завершен научно комментированный перевод на русский язык оригинального труда крупного среднеазиатского историка Мирзы Мухаммада Хайдара «Тарих-и Рашиди» («Рашидова летопись»), посвященного социально-политической истории Моголистана¹, Восточного Туркестана и Средней Азии XIV — первой половины XVI в.

Важным, на наш взгляд, является готовящаяся в Институте востоковедения АН УзССР публикация «Путешествия Гийас ад-Дина Наккаша в Китай», представляющая собой научно комментированный перевод на русский язык соответствующего раздела сочинения Хафиз-и Абру (ум. в 1430 г.) «Зубдат ат-таварих-и Байсункури» («Избранная история царевича Байсункура»), повествующего о поездке Тимуридского посольства в Китай в 1419—1422 гг. во главе с Гийас ад-Дином Наккашем. Публикация содержит важные сведения исторического, географического и этнического характера и представляет большой интерес в изучении историко-культурных связей Средней Азии и Китая в прошлом.

На материале арабоязычных, персоязычных и тюркоязычных источников составлены и подготовлены к печати два тематических сборника. Первый из них — «Материалы по истории Средней и Центральной Азии» — включает в себя научно комментированные переводы на русский язык фрагментов из сочинений X—XIX вв., содержащих ценный фактический материал по социально-политической истории, древней и самобытной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана и об их историко-культурных связях со странами зарубежного Востока, в том числе и с Китаем. Другой сборник — «Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана», — также базирующийся на материалах мусульманских и отчасти китайских источников, раскрывает отдельные, доселе малоизученные страницы истории и историко-культурных и этнокультурных связей народов Средней Азии и Восточного Туркестана и вводит в научный оборот новые сведения и источники по истории народов Средней Азии и Восточного Туркестана XV—XIX вв. В сборник включены статьи по исторической топонимике, показывающие самобытность названий древних городов и селений Средней Азии.

Издание подобных сборников планируется осуществлять систематически. Такая работа, по нашему глубокому убеждению, будет способствовать всестороннему и глубокому изучению отдельных, недостаточно разработанных сторон истории Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана, особенно экономических (торговых), политических и культурных взаимоотношений Средней Азии и Китая.

В целом следует отметить, что изучение историко-культурных и торговых связей народов Средней Азии с Китаем в средние века остается главной темой китаеведов Узбекистана и эта работа будет продолжаться и в будущем. Основное внимание при этом будет уделено изучению арабоязычных, персоязычных и тюркоязычных сочинений X—XIX вв. и изданию научно комментированных переводов соответствующих разделов этих сочинений.

*Б. А. АХМЕДОВ,
доктор исторических наук
М. Х. МАХМУТХОДЖАЕВ,
кандидат исторических наук
г. Ташкент*

¹ Фрагменты из сочинений этих ученых в переводе на русский язык с комментариями подготовлены нами к изданию под названием «Материалы по истории Средней и Центральной Азии».

² Об институте и его деятельности подробно см.: Туркестанский восточный институт (1918—1922). Ташкент, 1924; Б. В. Луни. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии.— В кн.: «Очерки по истории русского востоковедения». Т. II, М., 1968.

³ Избранные произведения поэта, включающие отрывки из его «Махзун Гулниса», «Чар дарвиш» и «Лейли и Меджнун», изданы в 1969 г. (В. П. Юдин. Абдурехим Низарий. Талланма эсэрлэр. Алмута, 1969).

⁴ Под «Моголистаном» подразумевается восточная часть бывшего Чагатаева улуса, включая Тяньшань, Семиречье и Кашгар.

Академия наук Китая

Академия наук Китая (АН Китая) была учреждена при Государственном административном совете 1 ноября 1949 г. в соответствии с Законом об образовании Центрального народного правительства КНР, принятым 27 сентября 1949 г. на первой сессии Народного политического консультативного совета Китая¹. Академии наук Китая были переданы научно-исследовательские организации Центральной академии (Академии Синика, созданной в Нанкине в 1928 г.) и Пекинской академии наук (основанной в Пекине в 1929 г.).

Академия наук Китая является главным научно-исследовательским центром страны в области естественных и технических наук². Она выполняет и координирует фундаментальные и прикладные научные исследования, разрабатывает новые виды материалов и техники, совершенствует технологические процессы, участвует в комплексном изучении природных и сельскохозяйственных ресурсов, собирает и анализирует информацию о зарубежных научных и технических достижениях, осуществляет сотрудничество с научными организациями и обществами зарубежных стран, готовит предложения о направлениях развития науки и техники по заданию ЦК КПК и Госсовета КНР, участвует в решении проблем модернизации экономического и военного потенциалов, готовит научные и инженерно-технические кадры.

Академия наук организационно состоит из пяти отделений — физики и математики, химии, биологии, наук о Земле, технических наук. Она осуществляет научное руководство научно-исследовательскими организациями своего профиля. Кроме того, в АН Китая создан научно-организационный сектор.

Высшим законодательным органом АН Китая является сессия Объединенного научного совета (ОНС). Она проводится раз в два года. По требованию Президиума академии может быть проведена внеочередная сессия ОНС. Сессия определяет основные направления развития науки и техники, утверждает Устав АН Китая или вносит в него изменения, избирает Президиум академии, одобряет программы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), обсуждает доклад президента.

Объединенный научный совет организационно состоит из научных советов отделений. Выборы членов ОНС проводятся по отделениям АН Китая. Численный состав научного совета отделения определяется важностью и объемом НИОКР, выполняемых научно-исследовательскими организациями отделения³. В настоящее время научный совет отделения физики и математики представляют 79 членов, химии — 67, биологии — 89, наук о Земле — 75, технических наук — 90.

1-я сессия Объединенного научного совета АН Китая состоялась в 1955 г., 2-я — в 1957 г. в Пекине, 3-я — в 1960 г. в Шанхае, 4-я — в 1981 г. и 5-я — в 1984 г. в Пекине. В результате проводившихся в Китае внутривластных кампаний разрыв между 3-й и 4-й сессиями ОНС составил 21 год. В 1955 г. в работе 1-й сессии Объединенного научного совета принимала участие делегация советских ученых во главе с вице-президентом АН СССР академиком И. П. Бардиным.

В 1955 г. членами ОНС были избраны 233 ученых, в том числе 172 — работающих в области естественных наук. В период «культурной революции»

(1966—1969) и последовавших за ней других политических кампаний деятельность ОНС была полностью парализована, в живых осталось 117 его членов. В 1979 г. Объединенный научный совет был восстановлен и реорганизован. В марте 1981 г. с одобрения Госсовета Академия наук избрала дополнительно 283 члена Объединенного научного совета и увеличила его количественный состав до 400 человек. Среди членов Объединенного научного совета 15 женщин⁴. Члены Объединенного научного совета работают в 114 научно-исследовательских организациях, 27 министерствах и ведомствах Госсовета КНР и в 44 вузах страны⁵.

Президиум АН Китая является исполнительным органом Академии наук в период между сессиями Объединенного научного совета. Члены Президиума избираются на четыре года и могут быть переизбраны еще на один срок. Заседания Президиума проводятся три-четыре раза в год. Президиум избирается из 29 человек на сессии ОНС. Согласно Уставу АН Китая, две трети его состава избираются из членов ОНС, треть — из представителей Госсовета КНР и партийных органов АН Китая. Президиум выбирает президента и вице-президентов сроком на два года, а также исполнительных председателей — на четыре года. Исполнительные председатели созывают Президиум, а один из них председательствует на его заседании. Президиум назначает главного ученого секретаря и его заместителя.

В 1984 г. президентом Академии наук на второй срок избран Лу Цзяси, вице-президентами — Ян Дуншэн (на второй срок), Чжоу Гуанчжао и Сунь Хунле*.

В 1981 г. исполнительными председателями на четыре года были избраны Янь Цици, Ли Чан и У Чжунхуа, а в 1984 г. еще дополнительно Лу Цзяси (президент АН Китая), У Хэн и Цянь Сюэсэнь. Главным ученым секретарем назначен Гу Цудянь.

В 1985—1986 гг. в АН Китая входило 120 научно-исследовательских организаций. 5 из них выполняли исследования в области механико-математических наук, 13 — физических, 15 — химических, 5 — астрономии, 22 — наук о Земле, 27 — биологических наук, 29 — технических, 3 — сельскохозяйственных, 1 — истории естествознания.

Кроме того, АН Китая имеет 5 предприятий, занятых разработкой и производством специальных уникальных научных приборов и систем, Университет науки и техники, аспирантуру, научные библиотеки и издательство.

В районах наибольшей концентрации научно-исследовательских организаций образовано 12 филиалов Академии наук, направляющих и координирующих их научно-исследовательскую работу.

В 1981—1985 гг. в АН Китая происходил количественный и качественный рост научных работников, техников и других специалистов. В 1981 г. в системе АН Китая всего работало 75 тыс. человек, в 1983 г. — 78,5 тыс. и в 1985 г. — свыше 80 тыс. Из них научные работники, техники и другие специалисты составляли в 1981 г. 36 тыс., в 1983 г. — 44,3 тыс. и в 1985 г. — свыше 45 тыс. человек. В том числе научных работников и техников, занятых в НИОКР, в 1981 г. было 30 149 человек, в 1982 г. — 31 897, в 1983 г. — 32,5 тыс., в 1984 г. — 36 тыс. и в 1985 г. — свыше 40 тыс. человек. В 1985 г. старших научных и научных сотрудников насчитывалось 22 тыс. человек, или 69 % всех научных работников Академии наук. Их средний возраст не превышал 43 лет. Ученые и специалисты высшей квалификации составляли 8 %⁶.

В 1981 г. в НИОКР были заняты 337,5 тыс. научных работников и техников, в 1982 г. — 371,8 тыс., в 1983 г. — 328,1 тыс., в 1984 г. — 334,8 тыс. и в 1985 г. — 350 тыс. человек (оценка)⁷.

Согласно официальным статистическим данным, в 1981 г. 20,3 % научных

работников и техников АН Китая занимались физико-математическими науками, 17,6 — химическими, 13,5 — науками о Земле, 18,1 — биологическими науками, 29,1 — техническими, 1,2 — сельскохозяйственными, 0,2 % — историей естествознания. Соотношение между научными работниками и техниками составляло 1:0,76⁸. В 1982—1985 гг. такое соотношение научных работников и техников сохранялось.

Основные расходы АН Китая составляют около 10 % расходов государственного бюджета на НИОКР. В эту статью расходов Государственное статистическое управление КНР включает расходы на приобретение оборудования и материалов. В 1980 г. эти расходы составляли 600 млн. юаней, в 1981 г. — 644,7 млн. (+7,45 %), в 1982 г. — 668,9 млн. (+3,76 %), в 1983 г. — 678,7 млн. (+1,47 %), в 1984 г. — 714,7 млн. (+5,3 %) и в 1985 г. — 750 млн. юаней (оценка). На одного научного сотрудника в среднем приходится ежегодно 9000 юаней.

В общих расходах АН Китая по статье государственного бюджета расходы на НИОКР в 1981 г. составили 69 % и административные расходы (включая заработную плату) — 31 %, в 1982 г. — соответственно 68,2 и 31,8, в 1983 г. — 69 и 31, в 1984—1985 гг. — 70 и 30 % (оценка).

В общих расходах на НИОКР расходы на фундаментальные научные исследования в 1981 г. составили 12 %, прикладные научные исследования — 50, опытно-конструкторские работы (разработки) — 32 и прочие расходы — 6 %, в 1982 г. — соответственно 15,4, 49,7, 31,5 и 3,4 %, в 1983 г. — 16,4, 59,7 20 и 3,9 %, в 1984—1985 гг. — 16, 60, 20 и 4 %.

В 1979 г. в НИОКР Академии наук наметилась тенденция к мелкотемью. Об этом свидетельствует сокращение расходов на выполнение НИОКР по большим и средним проектам и темам. Доля расходов на НИОКР по большим и средним проектам и темам в общих расходах АН Китая сократилась с 57,2 % в 1978 г. до 43,3 в 1979 г. и 25,4 % в 1983 г.⁹

Кроме того, АН Китая выполняет определенный объем НИОКР, научных, инженерных и технических консультаций по контрактам, заключенным с министерствами и ведомствами Госсовета КНР, местными органами государственного управления и крупными промышленными предприятиями. Доля научно-исследовательских тем, выполняемых по контрактам, в общем объеме научно-исследовательских тем академии возросла с 20 % в 1980 г. до 60 % в 1985 г. В 1985 г. 85 научно-исследовательских институтов АН Китая (70 % всех академических институтов) принимали участие в выполнении НИОКР по нескольким ключевым программам и проектам 6-го пятилетнего плана экономического и социального развития Китая (1981—1985). В выполнении этих программ и проектов участвовало около пяти тысяч научных и инженерно-технических работников АН Китая, или около 16 % общего числа сотрудников. К концу 1985 г. задания 6-го пятилетнего плана в области НИОКР были полностью выполнены¹⁰.

За последние годы Китай накопил опыт в выполнении научно-исследовательских работ в области естественных и технических наук за счет научных фондов. Госсовет уполномочил АН Китая распределять средства этих фондов в масштабах всей страны. В 1982 г. в АН Китая образован научный фонд для финансирования НИОКР и организован Комитет научного фонда, который отбирает наиболее актуальные из предлагаемых тем и финансирует их. В 1982 г. было отобрано 504 темы из 1454 заявленных и финансированы НИОКР по этим темам. Фундаментальные научные исследования составили 28 % и прикладные научные исследования — 72 %. Из всех отобранных тем 57,1 % приходилось на вузы министерства просвещения, 22,7 % — на научно-исследовательские организации других министерств и ведомств Госсовета КНР,

7,9 % — на научно-исследовательские организации местных органов государственного управления, 5,2 % — на научно-исследовательские организации Академии наук и 7,4 % — на научно-исследовательские организации, работающие под ее руководством.

В 1982 г. общие расходы научного фонда на финансирование НИОКР по 504 темам составили 28,3 млн. юаней.

В 1983 г. Комитет научного фонда отобрал 949 тем из 1700 заявленных. На фундаментальные научные исследования приходилось 11 %, прикладные научные исследования — 86,6 и опытно-конструкторские работы (разработки) — 2,4 %. Общие расходы научного фонда на финансирование НИОКР выражались в сумме 41,13 млн. юаней.

За 4 года (1982—1985) Комитет научного фонда отобрал 4424 темы. Общие расходы научного фонда на финансирование НИОКР по этим темам составили более 172 млн. юаней — в среднем 40 тыс. юаней на каждую научно-исследовательскую тему и 6 тыс. юаней на каждого научного работника. Средствами научного фонда воспользовалось свыше 30 тыс. человек более чем из 400 научно-исследовательских организаций страны.

В 1982—1985 гг. на основании результатов НИОКР, выполненных за счет научного фонда, было подготовлено 8228 научных статей и докладов, из них 3097 было опубликовано в Китае и за рубежом. Результаты 163 работ получили высокую оценку.

В 1985—1986 гг. АН Китая впервые предоставила средства научного фонда в сумме 2,51 млн. юаней 140 молодым исследователям в возрасте от 22 до 35 лет, в том числе 13 исследователям, получившим образование за границей.

В 1986 г. АН Китая предоставила средства собственного научного фонда для финансирования НИОКР по 600 научным программам и проектам (в среднем 20 тыс. юаней на каждую программу или проект). Однако Академии наук не удалось оказать финансовую помощь в осуществлении некоторых больших программ фундаментальных научных исследований, требующих значительных расходов. Это негативно отразилось на фундаментальных научных исследованиях в стране¹¹.

В 1983—1985 гг. развитие науки и техники в КНР определялось стратегическим курсом: «В экономическом строительстве необходимо опираться на науку и технику, которые должны служить экономическому строительству». Премьер Госсовета Чжао Цзыян на Всекитайском совещании по науке и технике в марте 1985 г. заявил, что этот курс является правильным и все должны следовать ему. Стратегия и перспективные планы развития Китая требуют осуществления этого курса¹². Этот курс предусматривает проведение реформы системы организации НИОКР, интенсивное развитие прикладных научных исследований, подъем фундаментальных научных исследований на более высокий теоретический уровень, решение ключевых проблем экономического строительства на базе передовой науки и техники, достижение к 2000 г. в большинстве отраслей науки и техники уровня экономически развитых стран 70—80-х гг., а в некоторых отраслях — уровня 90-х гг. и конца XX в.

Реформа системы организации НИОКР в АН Китая направлена на:

- интеграцию науки с производством;
- расширение прав научно-исследовательских организаций;
- перестройку научно-организационной работы в АН Китая;
- изменение системы финансирования НИОКР;
- создание научных фондов академии для финансирования фундаментальных и прикладных научных исследований;
- внедрение системы контрактов, договоров и соглашений на выполнение НИОКР и инженерно-техническое обслуживание;

— укрепление и совершенствование горизонтальных связей научно-исследовательских академических организаций с промышленными предприятиями и отдельными отраслями народного хозяйства;

— создание научно-производственных объединений и совместных компаний и баз по развитию и внедрению новой техники и технологии;

— повышение роли научно-исследовательских и инженерных кадров и научных знаний в экономическом строительстве;

— поощрение перемещения научно-исследовательских кадров в отдаленные и мало изученные районы Китая¹³.

В соответствии с реформой системы организации НИОКР и ускорением научно-технического прогресса в 1984—1985 гг. АН Китая принимала активное участие в создании научно-производственных объединений и совместных компаний по внедрению результатов НИОКР и технических достижений в производство и освоению выпуска наукоемкой и высокотехнологичной продукции. По неполным данным, в стране было образовано свыше 100 смешанных компаний на хоздоговорной основе (30 % — в государственном секторе и 62 % — в секторе коллективной собственности), причем одна треть из них создана Академией наук совместно с министерствами и ведомствами Госсовета либо с местными органами управления. Продукция некоторых компаний идет на экспорт. Две трети основных фондов этих компаний составляют средства обществ, кооперирующихся пайщиков и собственные средства компаний, а одну треть — ссуды АН Китая и научно-исследовательских организаций. В этих компаниях занято около 1000 научных работников, инженеров и техников¹⁴.

В 1982—1985 гг., согласно пятилетнему плану экономического и социального развития Китая (1981—1985), Академия наук принимала участие в решении 29 из 38 ключевых научных, инженерных и технических проблем. Решение восьми из них было направлено на развитие сельского хозяйства. Основное внимание уделялось комплексному освоению и мелиорации земель в болотистых районах Трехречья (Амур, Сунгари и Уссури) в провинции Хэйлунцзян, а также комплексному освоению земель и изучению природных ресурсов Хуанхуайхайской равнины (в бассейнах рек Хуанхэ, Хуайхэ и Хайхэ). Семь проблем касались развития базы топливно-энергетической, химической и других отраслей промышленности в провинции Шаньси и использования энергетических ресурсов в деревне, четыре — разработки новых видов неорганических, металлических и высокомолекулярных материалов, семь других связаны с созданием ЭВМ, больших интегральных схем, сверхпроводников, лазерных устройств.

Только в изучении и оценке природных ресурсов Хуанхуайхайской равнины было занято свыше 280 научных работников и техников (биологов, геологов, химиков, математиков и специалистов дистанционного измерения). На базе собранных данных были построены три модели развития сельскохозяйственных зон.

Для решения этих 29 ключевых проблем АН Китая заключила свыше 400 контрактов на выполнение НИОКР, что в общем объеме НИОКР Академии наук составило 10 %. В этой работе было занято около 4600 научных работников, инженеров и техников, или 12 % научных и инженерно-технических кадров¹⁵.

За выполнение программ НИОКР общегосударственного значения ряд ученых АН Китая были удостоены государственных премий. С 1979 по 1983 г. в Китае было присуждено 642 государственных премии за изобретения, в том числе 82 — ученым Академии наук (из них 21 — за выполнение НИОКР совместно с учеными и специалистами других организаций). Государ-

ственные премии были присуждены за работы, выполненные за последние десять лет. Приоритет в присуждении премий был отдан достижениям в области селекции высокоурожайных сортов зерновых культур, разработке новой промышленной технологии, отдельных систем, устройств и материалов¹⁶.

По результатам научно-исследовательских работ за двадцать лет в 1982 г. было присуждено 123 государственные премии в области естественных наук, в том числе 50 премий — известным ученым АН Китая. Посмертное присуждение государственных премий ряду ученых старшего поколения рассматривается как дань уважения к их заслугам в прошлом.

Первой премии в области естественных наук были удостоены руководитель разработки атомной и водородной бомб, директор Института атомной энергии АН Китая профессор Ван Ганьчан и его коллеги по институту Дин Дачжао и Ван Чжусян — «за открытие антисигма минус-гиперон». Ван Ганьчан в 1958—1961 гг. был заместителем директора Объединенного института ядерных исследований в Дубне. В 1958 г. в этом институте он организовал группу исследователей и, используя пи-мезон в качестве бомбардирующей частицы, открыл антисигма минус-гиперон. В начале 1960-х гг. Ван Ганьчан покинул лабораторию и уехал в пустыню Северо-Западного Китая для работы в Центре ядерных исследований в долине реки Тарим.

В октябре 1985 г. событием огромной важности стало присуждение 1772 (1302 открытых и 470 закрытых) государственных премий за достижения последних лет в области естественных наук и техники¹⁷. Из 1302 открытых премий ученым АН Китая было присуждено 56 премий, в том числе 2 высших, 5 первых, 22 вторых и 27 третьих¹⁸.

Высших премий были удостоены ученые Ланьчжоуского института химической физики за разработку новой промышленной технологии производства бутадиенового каучука и ученые Чанчуньского института оптики и точной механики за создание динамической оптической системы наблюдения за космическими летающими аппаратами и ракетносителями и измерения их параметров.

За пять лет (1981—1985) Академия наук достигла определенных результатов в выполнении НИОКР по 7600 научно-исследовательским проектам. Свыше 2 тыс. результатов НИОКР были внедрены в производство и в другие сферы деятельности, в том числе 60 % из них стали ключевыми научными достижениями. Результаты НИОКР по 201 научно-исследовательскому проекту были удостоены государственных премий, и 600 результатов были отмечены премиями АН Китая¹⁹.

Высокий экономический эффект был получен благодаря внедрению некоторых результатов НИОКР. Например, по 100 научно-исследовательским проектам он составил 1 млн. юаней на проект. По шести проектам средний экономический эффект превысил 10 млн. юаней, а по двум — 100 млн. юаней на проект. Внедрение новой промышленной технологии производства бутадиенового каучука, удостоенной высшей государственной премии в 1984 г., позволило увеличить производство этого сырья до 480 тыс. т в год и получить 170 млн. юаней прибыли²⁰.

В январе 1984 г. на 5-й сессии Объединенного научного совета АН Китая член Политбюро ЦК КПК Фан И определил основными задачами научно-исследовательских организаций академии на ближайшую перспективу развитие микроэлектроники и биотехнологии, создание новых видов материалов и выполнение целевых фундаментальных научных исследований, способных обеспечить перспективное развитие народного хозяйства и научного потенциала страны.

Согласно заявлениям президента Академии наук Лу Цзяси, сделанным на

рабочих совещаниях в январе 1986 г., АН Китая в 1986—1990 гг. будет концентрировать усилия на выполнении НИОКР по 30 ключевым научным и техническим проектам, из которых 23 имеют общегосударственное значение. Эти проекты предусматривают решение научных, инженерных и технических проблем биотехнологии, новых материалов, источников энергии, изучения и освоения природных ресурсов, охраны окружающей среды и т. д. В решении научных, инженерных и технических проблем будет занято около 30 % научных и инженерно-технических работников Академии наук. Особое внимание будет уделяться развитию тех направлений естественных наук, результаты которых обеспечат создание новой техники и технологии²¹.

В 1986—1990 гг. АН Китая планирует проводить скоординированные научные исследования учеными разных отраслей науки: в области математики, химии и технологии совместно с экологическими исследованиями; исследования, связанные с проблемами мелиорации земель, экологии, природных ресурсов и дистанционного измерения, намечается осуществлять вместе с учеными, занятыми изучением возможностей использования природных ресурсов и сохранения экологической системы; в области астрономии, астрофизики и геологии — совместно с изучением Солнечной системы и Земной группы; в области теоретической физики и научного синтеза материалов — совместно с изучением физики и химии поверхности. Намечается усилить внимание к научным исследованиям в области вычислительной техники и информатики²².

АН Китая осуществляет многоплановое научно-техническое сотрудничество с зарубежными странами. По данным на январь 1986 г., она официально поддерживает связи с научно-исследовательскими центрами, компаниями и научными обществами 50 стран и территорий. С 19 странами ею подписано 43 соглашения, меморандума и протокола. С 1978 по 1985 г. Академия наук направила 5300 научных работников в 30 зарубежных стран для выполнения совместных научных исследований, стажировки и повышения квалификации. Часть из них уже возвратилась в Китай. По инициативе АН Китая было организовано в Китае около 40 международных симпозиумов, в том числе по астрофизике высоких энергий, гелиофизике и т. д.

В 1985 г. АН Китая приступила к осуществлению программы научно-исследовательских работ совместно с иностранными учеными и специалистами. В начале 1985 г. в Хэфэе (провинция Аньхой) завершено строительство Центра управляемого термоядерного синтеза общей площадью 43 тыс. кв. м. Центр состоит из 15 залов и 30 научно-исследовательских лабораторий. В нем смогут работать иностранные ученые.

В августе 1985 г. Академия наук открыла в Пекине Институт математики и Институт теоретической физики, а также 17 научно-исследовательских лабораторий (структурной химии, вакуумной физики, лабораторию по изучению ионного пучка) для выполнения научно-исследовательских работ китайскими учеными совместно с иностранными учеными в области теоретической физики, геохимии физики инфракрасного спектра, лазерной спектроскопии, цифрового моделирования атмосферы и т. д.

В 1985 г. в этих оснащенных современным оборудованием научно-исследовательских организациях к разработке 361 темы приступило 450 сотрудников АН Китая, 700 сотрудников из промышленных отраслей производства и 32 иностранных ученых и специалиста, которые совместно с китайскими учеными участвуют в разработке 24 научно-исследовательских тем²³.

АН Китая как главный научный и координационный центр в области естественных и технических наук оказывает огромное влияние на формирование и развитие научного потенциала страны. Ученые академии пользуются заслуженным авторитетом.

И. И. САРАФАНОВ

* 23 января 1987 г. газета «Жэньминь жибао» сообщила, что 22 января с. г. на 19-м заседании Постоянного комитета ВСНП 6-го созыва президентом АН Китая назначен Чжоу Гуанчжао и вице-президентом — Тэн Тэн.

¹ См.: Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы. М., 1950, с. 26.

² В 1977 г. на базе Отделения общественных наук АН Китая была образована Академия общественных наук Китая.

³ In: The Chinese Academy of Sciences. General Office. Beijing, December 1981, p. 1—19, 219—226.

⁴ См.: «Жэньминь жибао», 19.V.1981.

⁵ Членом ОНС состоял известный ученый-математик Хуа Логэн, скончавшийся 14.VI.1985 г.

⁶ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1982, с. V-360; 1983, с. V-160; 1985, с. V-245—247; Гуанхуэйды чэнцзю. Пекин, 1984, т. 2, с. 328; «Beijing Review», 1986, vol. 29, № 24, p. 27.

⁷ См.: Чжунго тунцзи няньцзянь. 1983, с. 525—527; 1984, с. 497—498; 1985, с. 594—595.

⁸ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1982, с. V-360.

⁹ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1982, с. V-360—363; 1983, с. IV-160—162; 1984, с. V-243—245; 1985, с. V-246—247; Гуанхуэйды чэнцзю. Пекин, 1984, т. 2, с. 318—331; «Beijing Review», 1986, vol. 29, № 24, p. 27.

¹⁰ In: «Beijing Review», 1986, vol. 29, № 24, p. 24.

¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 28.XII.1985; 28.I.1986; Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1983, с. IV-161; «Beijing Review», 1986, vol. 29, № 24, p. 26—27.

¹² См.: «Жэньминь жибао», 21.III.1985.

¹³ См.: «Жэньминь жибао», 20.III.1985.

¹⁴ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1985, с. V-247.

¹⁵ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1984, с. V-243—244.

¹⁶ См.: «Жэньминь жибао», 19.XII.1983; «Гуанмин жибао», 6.I.1984.

¹⁷ Согласно положению о государственных премиях, высшая премия присуждается за выдающиеся достижения, первая — за достижения мирового уровня конца 70-х и начала 80-х гг., вторая — за достижения, приближающиеся к мировому уровню конца 70-х и начала 80-х гг., третья — за достижения передового уровня Китая («Гуанмин жибао», 8.X.1985):

¹⁸ См.: «Гуанмин жибао», 8—11.X.1985, 13.X.1985.

¹⁹ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1985, ч. V, с. 246.

²⁰ In: «Beijing Review», 1985, № 42, p. 8.

²¹ См.: «Жэньминь жибао», 27.I.1986. «Beijing Review», 1986, № 24, p. 25. Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1985, с. V-246.

²² In: «Beijing Review», 1986, № 6—7, p. 8—9.

²³ См.: Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1985, с. V-247.

Русское отделение Токийской школы иностранных языков (1873—1885)

Г. Д. ИВАНОВА

С середины прошлого века — после двух с половиной веков оторванности от внешнего мира — Япония стала вступать в интенсивные контакты с Западом, в результате чего в стране возникла острая потребность в знатоках западных языков. Вскоре после незавершенной буржуазной революции Мэйдзи в 1873 г. в Токио была создана школа иностранных языков (Токё гайкокуго гакко). Размещалась она в районе Канда, которому многочисленные учебные заведения и бойкая книжная торговля придавали характер своего рода «латинского квартала».

Было открыто пять отделений — английское, французское, китайское, корейское и русское. Помимо японских учителей, для преподавания приглашались и иностранцы. В начальный период их насчитывалось пятнадцать: шестеро англичан, американец, три француза, три немца, китаец и русский¹.

На вступительных экзаменах проводился строгий отбор. Известно, например, что в 1881 г. из 250 поступавших на русское отделение зачислено было лишь сорок восемь. Через несколько недель занятий провели проверку на способность к русскому произношению, в результате повторного отсева было оставлено всего двадцать пять человек². Программа школы, рассчитанная на пять лет, давала учащимся специальность и общее среднее образование. Часть выпускников (в основном западноевропейских отделений) поступала в университеты, другая — шла на службу в правительственные учреждения, издательства, торговые и промышленные фирмы.

В учебную программу школы входили общеобразовательные предметы — история, география, логика, математика, физика. На русском отделении обучение (в последних семестрах) приближалось к программе российских гимназий. В ходу были учебники Иловайского (древняя история), Смирнова (всеобщая география), Лебедева (география России). Математика преподавалась по известным в России пособиям Малинина и Буренина, Иваницкого, физика — по Краевичу, логика — по Владиславлеву.

Русский язык изучался в разных аспектах: перевод, диктант, сочинение, чистописание, декламация. Два часа в неделю отводилось ораторскому искусству. На всех занятиях наряду с учебниками использовались произведения художественной литературы. Таким образом, литература, не значась отдельным предметом, фактически занимала существенное место в системе преподавания.

За двенадцать лет деятельности школы на ее русском отделении работало около полусотни преподавателей, их имена упоминаются в документах, хранящихся в архивах университета Хитоцубаси.

Первые четыре семестра русскому языку обучали японцы, побывавшие в России. Дзюан Сага (Кадзумаса, 1848—1898) из Канадзава изучал язык в

Хакодате, где установил контакт с православной общиной. Оттуда на корабле «Ермак» добрался до Владивостока (1869) и в одиночку совершил путешествие через всю Россию — до Новгорода. Его странствия и пребывание в Петербурге заняли три года. В Токийской школе иностранных языков Сага наряду с преподаванием участвовал в составлении русско-японского словаря.

Бункити Итикава (1848—1927) попал в Петербург еще при сёгунском правительстве (1865). За девять лет пребывания и учебы в российской столице (проживал в доме адмирала Путятина) успел жениться и овдоветь. С сентября 1873 г. преподавал в Токио — вплоть до расформирования школы в 1885 г.

Цунэтиро Фурукава (ум. в 1900 г.) родом из Сага в молодости попал на службу в консульство во Владивостоке, где и освоил русский язык. В Токио он преподавал как в первые годы существования школы, так и после ее восстановления в 1899 г.

Есибуми Куроно (р. в 1859 г.) являлся учеником первого набора школы, после ее окончания в 1879 г. был оставлен для преподавания. Он вел уроки русского языка и всеобщей истории Европы, участвовал в составлении русско-японского словаря. Куроно явился одним из учредителей общества «Хокумэйкай» («Северное сияние»), которое популяризировало знания о России, черпая материалы из русских газет и журналов.

После двух лет предварительного обучения ученики переходили под опеку русских преподавателей. Часть из них была приглашена японским министерством просвещения из числа служащих российских представительств (Трахтенберг, В. Я. Костылев), другие были политическими эмигрантами (Л. И. Мечников, А. А. Коленко, Н. Грей, Готский-Данилович).

* * *

Весной 1874 г. в Токио приехал 36-летний Лев Ильич Мечников (1838—1888) — старший брат известного микробиолога, лауреата Нобелевской премии И. И. Мечникова. За его плечами уже тогда была богатая событиями биография. В Петербурге он учился в Академии художеств и в университете — на факультетах физико-математическом и восточных языков. За участие в студенческих волнениях был исключен, после чего уехал на Ближний Восток переводчиком при дипломатической миссии. Побывал в Палестине, Турции, Греции. По убеждениям близкий к народничеству и анархизму, он принимал участие в польском национально-освободительном движении, сражался за свободу Италии в отряде Гарибальди, был ранен в сражении против австрийских войск.

Возвращение в царскую Россию Л. И. Мечникову было заказано, и он обосновался в Европе. Зарабатывал на жизнь литературным трудом — печатал статьи по этнографии, географии, стремясь соединить данные науки с социальными идеалами. Вращаясь в среде русской революционной эмиграции, помогал нелегально переправлять в Россию герценовский «Колокол», примыкал к левому, бакунинскому крылу Интернационала.

Многолетняя дружба связывала его с В. Засулич, Ткачевым, Степняком-Кравчинским и другими революционными эмигрантами. Привлекательный портрет Л. И. Мечникова нарисовала жена его брата, Ильи Ильича: «...талантливый, остроумный, блестящий, красивый, к тому же необыкновенно добрый и мягкий, он производил чарующее впечатление»³.

Обстоятельства, которые привели его в Японию, раскрываются в «Воспоминаниях о двухлетней службе в Японии», отдельными фрагментами они печатались в газете «Русские ведомости» (1883—1885). После поражения Парижской коммуны в 1871 г. революционные эмигранты почувствовали

себя в Европе неуютно. И тут дошла весть о том, что в Японии произошла «революция». Мечникову захотелось своими глазами взглянуть на «свет, забрезживший на Востоке». Вынашивая идею поездки, он прочитал сочинения путешественников Кемпфера, Зибольда, Диксона и решил заняться японским языком, для чего обратился за консультацией к парижскому востоковеду Леону де Рони. Уверение последнего, что придется пройти как минимум 4-годовой курс, показалось Мечникову чрезмерным. К тому времени он уже имел незаурядный опыт полиглота — владел тринадцатью языками — и потому взялся за дело самостоятельно.

В Женеве, своей тогдашней резиденции, Мечников разыскал японца, чтобы установить с ним прямой контакт и наладить взаимное обучение по «своего рода ланкастерской системе». Японец оказался не кем иным, как Ивао Ояма (1842—1916). Будущий маршал и министр в 1870-е гг. дважды приезжал в Европу и подолгу жил там. Встреча этих двух незаурядных (хотя и совершенно разных по политическим убеждениям) людей принесла обоюдную пользу. В результате ежедневного общения, совместных прогулок Мечников уже через полгода мог не только объясняться, но даже писать по-японски.

В 1873 г. Женеву посетил посольство Ивакура¹, объехавшее Америку и Европу. Мечников познакомился с его руководителями — Томоми Ивакура, Такаёси Кидо, Тосимити Окубо. Когда Мечников заявил им о своем желании поехать в Японию, он без труда получил приглашение на работу. Иностранцев в те годы охотно приглашали в японскую столицу. Потребность во всякого рода «западных учителях» была огромной. Мечников вспоминал: «Чуть только была открыта школа иностранных языков в столице, ученики целыми полчищами стали являться туда со всех сторон»⁵.

По западноевропейским специальностям учителя находились легко, труднее было с русскими специалистами. В русском отделении школы Мечников вел уроки математики и древней истории, на которых рассказывал о Египте, Вавилоне, Ассирии, об угнетении рабов в Древней Греции. Впоследствии эти сюжеты нашли развитие в его знаменитой книге «Цивилизация и великие исторические реки». Из русской истории ученикам запомнились рассказы о реформах Петра I, учитель сравнивал их с модернизацией, которая на его глазах протекала в Токио.

Японское общество 1870-х гг. бурлило, после недавней революции Мэйдзи обновлялись все сферы жизни. Дух времени выражало Движение за права и свободу народа (1874—1889), которое добивалось введения конституции, парламента. Участие разных социальных слоев в этом движении определило в нем два крыла: умеренное, правое, и радикальное, левое.

Видным идеологом движения был Накаэ Тёмин (1847—1901), в начале 1870-х гг. он учился во Франции, перевел на японский язык «Общественный договор» Руссо. С этим человеком Мечникова свела судьба: как раз в 1875 г. Тёмин, только что вернувшийся из Парижа, был назначен директором Токийской школы иностранных языков. Они нашли общий язык и в прямом и в переносном смысле. Тёмин свободно владел французским, Мечников же, по выражению Тёмина, говорил по-французски лучше, чем сами французы. Обнаружились и точки соприкосновения во взглядах. Несмотря на свое «западничество», Тёмин выступал против вестернизаторских крайностей японского правительства. Мечников также считал, что подражание Западу способно нанести урон самобытности японской культуры.

Россия середины 1870-х гг., когда Мечников приехал в Токио, переживала самый разгар «хождения в народ». Передовая интеллигенция считала в те годы своим святым долгом просвещать отсталое крестьянство. Идеология народничества перекликалась с анархистским отрицанием власти, гнет абсо-

лютизма в России способствовал развитию народничества. Похожая обстановка складывалась и в Японии. Революция Мэйдзи положила конец феодальной скованности, открыла простор для свободной инициативы. Но выдвинутые тогда идеи свободы скоро оказались скованными диктатурой и бюрократизмом. Видимо, именно поэтому прогрессивные японцы с готовностью впитывали вольнолюбивый дух русского народничества.

Весьма вероятно, что именно Мечников познакомил японцев с сочинениями своего друга С. М. Степняка-Кравчинского. «Подпольная Россия» вышла в японском переводе под названием «Демоны вопиют» («Они сюсю», 1884), почти сразу она оказалась жертвой правительственной цензуры, а ее переводчик Мурю Миядзаки был посажен в тюрьму.

Среди преподавателей русского отделения был и Василий Яковлевич Костылев (1848—1918), происходивший из семьи приходского священника Холмогорского уезда. Образование он получил в Архангельской семинарии и в Петербургском университете, окончил его по китайско-мальджурскомонгольскому отделению (1874). Служба в министерстве иностранных дел открыла ему возможность поехать в Токио. За девять лет пребывания в Японии (с 1874 г.) он приобрел основательное знание страны, ее языка и истории. В архиве Ленинградского отделения Института востоковедения сохранился текст его контракта с этим учебным заведением. Контракт заключался на два года (май 1876 — май 1878). Был ли он выдержан до конца — неизвестно.

Более шести лет (1878—1884) работал в Токийской школе иностранных языков Андрей Андреевич Коленко (р. в 1849). Учился Коленко в Земледельческом институте в Петербурге, участвовал в студенческих кружках. По данным био-библиографического справочника, за участие в студенческих беспорядках Коленко был арестован, заключен в Петропавловскую крепость (1870). Затем его выслали под надзор полиции на родину — в Черниговскую губернию⁶. Какими путями он попал на Японские острова, мы не знаем, но его деятельность в Токио подробно известна. Недавно японские ученые обнаружили и опубликовали тетради одного из его учеников, Куратаро Кодзима, помеченные 12 г. Мэйдзи (1879). В них содержатся конспекты уроков Коленко, из которых явствует, что изучение русской литературы начиналось в школе с «века Екатерины» (Державин, Ломоносов, Херасков, Фонвизин) и продолжалось классиками XIX века (Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Гоголь). Ученики знакомились и с авторами «второго ряда» (Загоскин, Булгарин, Сенковский и др.)⁷.

Примечательную особенность уроков Коленко составлял акцент на гражданственном пафосе литературы. Учитель анализировал общественную ситуацию, отраженную в том или ином произведении. Старался объяснить, чем обусловлено «горе от ума» Чацкого в бессмертной комедии Грибоедова, в чем состоит смысл гоголевского «смеха сквозь слезы» и т. п. Для уроков декламации (два часа в неделю) подбирались стихи декабристов Бестужева и Рылеева, проникнутые духом вольности. Ученики знали Александра Одоевского, заучивали его ответ на послание Пушкина «Во глубине сибирских руд». Было им знакомо и стихотворение В. С. Курочкина «Двуглавый орел» (1857), в котором звучало проклятье царизму:

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник bestолковый
Наших бедствий, наших зол:
Виноват во всем гербовый,
Двужычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Со стихами декабристов, народников, политических ссыльных ученики впитывали дух протеста против деспотической власти, загорались мечтой о социальной справедливости.

Одним из преподавателей школы был Николай Грей. Старшеклассникам запомнилось его выразительное чтение вслух. Учитель вставал за кафедру и читал главу, скажем, из «Мертвых душ» или из «Униженных и оскорбленных», передавая голосом и жестами характер каждого персонажа. Прослушав текст, ученики писали изложение прочитанного. Грей терпеливо правил их упражнения красной тушью.

Благодаря урокам Грея проникся любовью к русской литературе Тацуноскэ Хасэгава (1869—1909), в дальнейшем — известный писатель и лучший в Японии переводчик Тургенева, Гончарова, Гаршина и др., ставший известным под псевдонимом Симэй Фтабатэй.

Метод чтения вслух родился, можно сказать, поневоле — школьная библиотека располагала единичными экземплярами русских книг. Обучение «с голоса» оказалось неожиданно эффективным: подростки прислушивались к мелодике русской речи, приобретали навыки правильного произношения.

Пытаясь восстановить биографию Грея, японские исследователи выяснили немного: царскую Россию он покинул по политическим мотивам, принял американское гражданство. В Японию приехал с женой, по-видимому из Сан-Франциско, в 1884 г.; покинул же страну в 1886 г. Год отъезда историки уточняли, кропотливо изучая списки пассажиров-иностранцев, отплывавших из Иокогамы во второй половине 1880-х гг. На этом сведения о Грее исчерпывались.

Поиски дальнейшей информации были затруднены тем, что Грей выступал под своей «американской» фамилией, настоящая же оставалась неизвестной. Эмигранты, бежавшие за границу от царской тюрьмы, соблюдали конспирацию.

Определить подлинную фамилию Грея помог случай, которого, впрочем, автор настоящих заметок давно искал. В трудах известного народника П. Лаврова встретилось примечание, где говорилось о русской коммуне в США и среди ее членов упоминался Н. В. Чайковский. Правда, справки о нем, которые вслед за этим удалось разыскать, не упоминали о факте его пребывания в Японии. Тем не менее сопоставление всех обстоятельств жизни и хронологических дат в конце концов не оставили сомнения: в Токийской школе под именем Грея преподавал Николай Васильевич Чайковский. За пределами России он находился с 1874 по 1907 г. За то время он побывал в разных концах как Старого, так и Нового Света; из 34-летних скитаний два года, проведенных в Японии, выпали из поля зрения биографов.

Родился Н. В. Чайковский в Вятке (1850), окончил естественный факультет Петербургского университета (1872). Студентом входил в кружок, где молодежь занималась самообразованием и распространяла запрещенные книги. В него входили также С. Перовская, Н. Лопатин, Н. Чарушин, С. Кравчинский, П. Кропоткин, всего до тридцати человек*.

После разгрома кружка (1874) Чайковский, скрываясь от полиции, странствовал по России. В 1875 г. он уехал в Америку, в 1878 г. перебрался в Париж, а затем в Лондон.

В Лондоне было очень трудно найти работу, Чайковский с семьей бедствовал. Как и Л. И. Мечников, ради заработка он периодически сотрудничал в московской газете «Русские ведомости». Вероятно, по рекомендации Мечникова (возможно, переданной через их общего друга С. Кравчинского)

он отправился в Токийскую школу иностранных языков, где предоставлялась возможность получить твердый оклад.

Известны фамилии и других русских учителей школы — Богомолов, Готский-Данилович... Об этих людях достоверных сведений пока что найти не удалось.

* * *

Русскому отделению Токийской школы иностранных языков повезло: на протяжении ряда лет в ней преподавали выдающиеся личности. «Лев Ильич Мечников,— писал Г. В. Плеханов,— один из самых замечательных... представителей того поколения шестидесятых годов, которому много обязана наша общественная жизнь, наша наука и литература... Забывать таких людей, как Л. И. Мечников, было бы совсем непростительно»⁸.

О «чайковцах» П. А. Кропоткин сказал следующее: «Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей, как те человек двадцать, которых я встретил на первом заседании кружка Чайковского. До сих пор горжусь тем, что был принят в такую семью»⁹.

Такие люди, как Л. И. Мечников, А. А. Коленко, Н. В. Чайковский (Н. Грей), оказывали благотворное воздействие на учеников — своими знаниями, убеждениями, всем своим духовно-нравственным обликом. В Японии, едва успевшей сбросить с себя оковы феодализма и двухвековой изоляции от всего мира, они с большой компетентностью поставили преподавание русского языка, истории и пр. Русская классическая литература, передовая общественная мысль сделались благодаря таким учителям достоянием японцев, влились в их духовную жизнь. Тот факт, что основы русистики в Японии были заложены народниками-семидесятниками, трудно переоценить по его прямым и отдаленным последствиям.

Расширяется и наше представление о географическом распространении русской революционной эмиграции. Давно известны такие ее центры, как Женева, Париж, Лондон. В этот список следует включить и Токио.

Русские народники не только учили, но и учились в Японии. Л. И. Мечников, написавший двадцать востоковедческих работ, был убежден в том, что «Европе в свою очередь не мешало бы кое-чему поучиться у японцев в культурно-гуманитарном отношении».

В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин писал: «Благодаря вынужденной царизмом эмигрантшине революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире»¹⁰. Свою лепту в эти связи внесли и русские революционные эмигранты в Токио.

Японская русистика, основы которой были заложены в 70—80-е гг. прошлого века, получила в дальнейшем широкое развитие. Во многих университетах страны есть русские кафедры, кадры японской молодежи, занимающиеся изучением России, постоянно пополняются. Русская литература, классическая и современная, переводится, изучается и читается самыми различными кругами японского общества. Невзирая на политические осложнения, бывавшие между нашими странами в отдельные годы, уважение к русской культуре глубоко укоренилось в японском народе.

¹ См.: Садатоси Ясуги. Обзор истории изучения русского языка в Японии.— «Дайрээн» («Восточное обозрение»), 1940, № 2.

² Japan's First Modern Novel Ukigumo of Frabatei Shimei. New York, 1967, p. 22.

³ О. Мечникова. Жизнь Ильи Ильича Мечникова. М.— Л., 1926, с. 37—38.

⁴ Миссия Ивакура в составе полусотни человек выехала из Японии в 1871 г. Возглавлявшие ее члены правительства подобрали себе в помощь обещающих молодых людей разных специальностей. Они изучали различные сферы западной жизни с тем, чтобы в дальнейшем все полезное применить у себя в стране.

⁵ «Русские ведомости», 12. IV. 1885.

⁶ Деятели революционного движения в России. Т. 2, вып. 2, М., 1930, с. 618.

⁷ Масадзи Ватанабэ. Токё гайкокуго гакко то народники сэйсин. Кодзима Куратаро—но когироку—о мото—ни (Русское отделение Токийской школы иностранных языков и дух народничества. На основании конспектов Кодзима Куратаро). Отдельный оттиск (без выходных данных).

* В последние годы своей жизни Н. В. Чайковский перешел на реакционные позиции, не принял Октябрьской революции и участвовал в борьбе против Советской власти в рядах эсеров и белой эмиграции.

⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. VII, М.— Л., 1923, с. 329, 331.

⁹ П. А. Кропоткин. Записки революционера. М., 1966, с. 273.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Печать КНР о некоторых результатах развития китайского общества

В последнее время в материалах советских органов массовой информации, на страницах различных периодических изданий неоднократно отмечалось, что в СССР «с вниманием и интересом следят за тем, как китайский народ решает стоящие перед страной важные задачи. Советские люди с пониманием и уважением воспринимают выдвинутую КПК цель — модернизировать страну, построить в перспективе социалистическое общество, искренне желают успехов на этом поприще»¹.

Действительно, в КНР идет сложный, многогранный и неоднозначный процесс осуществления структурных многоступенчатых реформ, центр тяжести которых в период текущего, седьмого пятилетнего плана (1986—1990 гг.) переносится из деревни (где первоначальные мероприятия в рамках реформы считаются в основе своей выполненными в связи с ликвидацией «коммун и переходом сельскохозяйственного производства преимущественно на систему семейного подряда) в города, что подразумевает (помимо широкого спектра политико-культурных преобразований) в первую очередь реформирование промышленных предприятий и системы административного управления в рамках строительства «социализма с китайской спецификой».

По замыслу китайских руководителей, процесс этот рассчитан на длительную перспективу, «постепенное и поступательное, но неукоснительное» проведение в жизнь разноплановых и разномасштабных перемен в социально-экономической, общественно-политической и культурной областях. Выступая на государственном приеме в честь 37-й годовщины образования КНР, член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян заявил, что осуществление реформы хозяйственной системы и «политики открытого доступа» для внешнего мира («кайфан чжэнцэ») будет продолжаться; дальнейшее развитие получит и процесс оживления экономики внутри страны². В этой связи нельзя не отметить, что если прежде в тактических замыслах руководства КНР, связанных с «политикой открытого доступа», занимали западные партнеры, то в последнее время в заявлениях представителей китайской стороны и публикациях китайской печати наметилась тенденция к позитивной оценке возможности, желательности и необходимости более широкого сотрудничества с социалистическими странами, в том числе — с СССР.

Нельзя не согласиться, что КНР сегодня «находится на ответственном этапе своего развития. Под руководством КПК развернута огромная созидательная работа»³. С другой стороны, необходимо отметить, что сложные процессы и кардинальные изменения, происходящие во всех областях жизни китайского общества, зачастую носят противоречивый характер и большая часть нововведений на сегодняшний день находится на стадии эксперимента. То есть в ходе реформы идет поиск наиболее действенных, с точки зрения китайского руководства, форм хозяйствования и оптимальных методов управления социально-экономическими и идейно-политическими процессами. Подтверждением сказанному служат выступления китайских руководителей и публикации как центральной, так и провинциальной печати КНР, в которых неизменно подчеркивается, что страна сейчас «находится на перепутье» (зачастую именуемом «великим поворотным моментом» в ее истории) и, осуществляя преобразования в соответствии с тезисом о создании «социализма с учетом самобытности Китая», ищет «свой путь развития» — процесс, в ходе которого «никто не застрахован от ошибок и издержек, возникающих порой там, где их мало кто ожидает»⁴.

В целом процесс реформ в КНР продолжается, и пока, конечно, преждевременно и неправомерно было бы давать ему окончательную оценку. Тем не менее, некоторые первоначальные результаты в той или иной степени говорят об основных направлениях, ориентировочных масштабах, наиболее характерных особенностях и предполагаемых перспективах преобразований. В этой связи несомненный интерес представляют материалы, в которых сама китайская печать дает подробный упорядоченный перечень и, главное, собственную «официальную» оценку сдвигов в различных сферах общественной жизни КНР. В частности, еженедельник «Туаньцзе бао» — орган ЦК Революционного комитета гоминьдана (одной из восьми современных демократических партий Китая) — в двух своих номерах (от 22 февраля и 1 марта 1986 г.) перепечатал опубликованный общественно-политическим журналом «Баньюэтань» (выходящим в 10 крупнейших городах Китая)⁵ пространный материал, в котором перечисляются «70 серьезных достижений, которых добилась страна со времени III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва» (декабрь 1978 г.). Данная публикация была выбрана потому, что в ней в наиболее четком, подробном и систематизированном виде выражена официальная точка зрения на те сдвиги в общественной жизни КНР, которые с разных сторон дают картину различных направлений реформы. Кроме того, этот материал показателен и в том отношении, что содержит конкретные цифровые сведения, представляющие интерес для специалистов всех профилей.

Ниже предлагается изложение этой публикации.

70 достижений со времени III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва*

1. Со времени ликвидации «четверки», в особенности после III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва, «удалось избавиться от хаоса и ошибочных тенденций в области руководящей идеологии»; в различных направлениях практической работы была достигнута «важная победа» в смысле искоренения хаоса и ошибок и, таким образом, был осуществлен «великий перелом исторического характера».

2. В сфере идеологии был нанесен решительный удар по существовавшим на протяжении долгого времени «догматизму и поклонению одной личности», вновь был утвержден «идеологический курс реалистического подхода». Кроме того, «был восстановлен подлинный облик идей Мао Цзэдуна», и эти идеи «в новых исторических условиях» были подтверждены и «получили дальнейшее развитие».

3. Было покончено с существовавшим на протяжении длительного времени хаосом в обществе, достигнута политическая ситуация, характеризующаяся «стабильностью, сплоченностью и оживлением». Постепенно «были оздоровлены социалистическая демократия и законность», вновь укреплены равноправные отношения между различными национальностями Китая, был достигнут прогресс в деле дальнейшего расширения «патриотического единого фронта». «Сегодня страна переживает один из лучших периодов своей истории со времени образования КНР».

4. Партийные и государственные руководящие органы всех уровней были постепенно упорядочены и укреплены. Завершена на сегодняшний день работа по реформе ЦК КПК, Госсовета КНР и руководящих органов провинций, городов центрального подчинения и автономных районов. Большая группа кадровых работников, «чьи способности отвечают нуждам четырех модернизаций», была привлечена к работе в руководящих органах различных уровней.

5. В 1982 г. на V сессии ВСНП пятого созыва была принята новая «Конституция»⁶, являющаяся основным законом государства. Это во многом способствовало «дальнейшему строительству в области государственного законодательства».

6. Публичный суд над «десятью главными преступниками из контрреволюционной группы», возглавлявшейся Линь Бяо и Цзян Цин, исключение из партии Кан Шэна и Се Фучжи — все это позволило покончить с «контрреволюционными политическими силами, господствовавшими в течение десяти лет».

7. Была осуществлена реабилитация кадровых работников и представителей народа, пострадавших в ходе «великой культурной революции» по вине контрреволюционной группировки Линь Бяо и Цзян Цин.

8. Была реализована «должная политическая линия» в отношении «тайваньских соотечественников и уроженцев Тайваня», а также в отношении 400 тысяч добровольно сдавшихся участников предыдущих гоминьдановских восстаний. Были сняты ярлыки

помещиков и кулаков более чем с 4 млн. 400 тыс. человек. «Исправлено положение» в отношении ошибочно причисленных к капиталистам мелких торговцев и ремесленников.

9. Была расширена до уездного уровня система прямых выборов народных представителей. В 1981 г. закончена работа по осуществлению «прямых выборов на уровне уездов».

10. Был нанесен решительный удар по «серьезным преступлениям в экономической сфере и уголовным преступлениям», общественный порядок заметно улучшился. «КНР стала одним из государств мира с самым низким уровнем преступности».

11. Был исправлен «неверный взгляд» на интеллигенцию, утверждено, что интеллигенция является «частью того отряда китайского рабочего класса, который находится на переднем крае осуществления модернизации». Уважение к знаниям, к таланту постепенно стали «новым направлением в общественной жизни».

12. НОАК «добилась заметных успехов в революционизации своих рядов, их модернизации и строительстве регулярных частей»; в деле защиты государственных границ и обеспечения безопасности страны также были достигнуты значительные результаты. Было решено, что численность НОАК должна быть сокращена на 1 млн. человек.

13. Было широко развернуто строительство «социалистической духовной цивилизации», во всех районах страны появилось большое количество «культурных учреждений», «сел и деревень высокой культуры» и т. п.

14. Была развернута широкомасштабная работа по «упорядочению партии»; кроме только что начатой подобной же работы в деревне, уже более 20 млн. членов партии из учреждений уездного уровня и выше приняли участие в упорядочении партийных рядов; партийность и идеологическая сознательность членов партии были повышены, что привело к «дальнейшему улучшению партийного стиля».

15. Принятое ВСНП «Обращение к тайваньским соотечественникам» и другие шаги по решению тайваньской проблемы определили верную политическую линию в этом вопросе. Тезис «Одно государство — две системы» получил на Тайване значительный резонанс и встретил поддержку со стороны хуацяо***.

16. Была утверждена система самоуправления для национальных районов и областей, осуществляется «специфическая политика» в отношении районов проживания национальных меньшинств; «экономика и культура этих районов получили огромное развитие». Укрепилась сплоченность национальностей, отношения между ними «вступили в новый этап развития».

17. «6-й пятилетний план»**** по всем показателям перевыполнен. Производство основных продуктов промышленности и сельского хозяйства было завершено на год, а в некоторых случаях — на два раньше срока, намеченного в «6-м пятилетнем плане».

18. В последние годы начал решаться один из коренных экономических вопросов — вопрос о существовавшей на протяжении длительного времени диспропорции между легкой и тяжелой промышленностью.

19. В настоящее время уже в основе своей решена задача по реформе системы финансирования экономики.

20. В 1985 г. денежный доход от валовой продукции промышленности достиг 823 800 млн. юаней, более чем в два раза превысив цифру 1978 г.

21. За первые четыре года «6-й пятилетки» общая сумма капиталовложений составила 526 млрд. юаней.

22. Энергетическое производство продолжало расти. На конец 1985 г. КНР занимала второе место в мире по валовой добыче угля-сырца, пятое место — по выработке электроэнергии, шестое — по добыче нефти.

23. Значительное развитие наблюдается и в таких областях, как транспортные перевозки и электрификация железнодорожного транспорта. Вступили в строй четыре «большие электрифицированные железнодорожные ветки».

24. «Большой шаг вперед» сделала электронная промышленность. Удалось овладеть технологией производства «части электронной продукции нового поколения».

25. Сталелитейная промышленность «достигла нового рубежа».

26. Новые формы приобрела и политика «открытого доступа» для внешнего мира. Одна за другой были созданы четыре «специальные экономические зоны»: Шэньчжэнь, Сямэнь, Чжухай и Шаньтоу; были «открыты» Далянь, Циньхуандао, Тяньц-

зинь, Яньтай, Циндао, Ляньюньган, Наньтун, Шанхай, Нинбо, Дэньчжоу, Фучжоу, Гуанчжоу, Чжэньцзян, Бэйхай — 14 приморских городов, а также остров Хайнань.

27. На сентябрь 1985 г. было использовано иностранного капитала на сумму 20 млрд. американских долларов, успешно введено в действие более 1 800 предприятий смешанного капитала; все это способствовало «активизации экономического процесса».

28. КНР уже установила торгово-экономические связи более чем со 170 государствами и районами мира. По показателям 1984 г., общий объем экспорта и импорта возрос на 140 % по сравнению с 1978 г.

29. В новых «благоприятных условиях» получили дальнейшее развитие различные прогрессивные формы и методы в экономике; например, многие мелкие государственные торговые предприятия перешли на рельсы коллективной экономики, и число их превысило 40 тысяч, что «значительно способствовало оживлению экономического процесса».

30. В промышленности была осуществлена реформа системы планового управления экономическим процессом, была ослаблена директивность плана и предоставлена большая свобода самим предприятиям, осуществляется «система ответственности директоров заводов» и т. п.

31. Начато и развивается технико-экономическое сотрудничество между различными промышленными районами и отраслями промышленности.

32. За первые четыре года «6-го пятилетнего плана» значительно расширилось и жилищное строительство в городах, его общая цифра составила 400 300 тыс. кв. м, то есть в среднем ежегодно 10075 тыс. кв. м; последний показатель в 7 раз превышает цифры ежегодного строительства в 10-летний период «великой культурной революции».

33. Быстрыми темпами развивался и туризм. С 1981 г. по октябрь 1984 г. КНР посетило более 520 млн. туристов; с 1978 по 1984 г. общий доход от туризма в иностранной валюте превысил 5 млрд. американских долларов.

34. В сельском хозяйстве повсеместно был осуществлен переход на систему семейного подряда. Это является «великим социалистическим новшеством китайского крестьянства». В результате «страна вступила на новый путь развития социалистического сельского хозяйства, действительно обладающего китайской самобытностью».

35. Сельскохозяйственное производство в целом получило стремительное развитие. Производство продуктов питания на протяжении 6 лет непрерывно возрастало. «Проблема обеспечения населения продуктами питания и одеждой в основе своей решена».

36. «Специализированные дворы» стали «пионерами товарного производства», вышли на историческую арену. В настоящее время число специализированных сельскохозяйственных дворов по всей стране достигло 4250 тыс.

37. В сельском хозяйстве сформировались «разнообразные формы экономического сотрудничества». Появилось «семейное хозяйствование», «коллективное», «совместное», «индивидуальное» и т. п.

38. Сельскохозяйственная экономика в ходе реформы «с каждым днем все больше оживляется».

39. Доходы самих крестьян продолжали расти. В 1985 г. годовой доход каждого крестьянина в среднем составил 400 юаней, что на 13 % больше, чем в предыдущем году, и на 209 юаней выше по сравнению с 1980 г.

40. Деревенские и сельские предприятия уже превратились в «одну из важных составных частей народного хозяйства».

41. Экономическое сотрудничество между городом и деревней, осуществляющееся в разнообразных формах, уже стало «одним из важных аспектов экономического развития страны».

42. Успешно была преобразована и продолжает развиваться система подсобных промыслов в сельском хозяйстве, «в настоящее время осуществляется закупка и продажа в централизованном порядке 39 видов продукции подсобных промыслов».

43. Был сделан большой шаг вперед в деле «реорганизации и упорядочения» структуры деревенских промыслов.

44. Животноводство, «хромавшее» на протяжении долгого времени и занимавшее далеко не передовые позиции в сельском хозяйстве страны, теперь также «развивается быстрыми темпами». В 1985 г. общая продукция скотоводства достигла самого высокого уровня за всю историю страны и выросла по сравнению с показателями 1980 г. на 62,5 %.

45. Темпы строительства сел и деревень постоянно растут. За 5 лет — с 1979 по 1984 г. — в деревне было построено новых домов общей площадью 3500 млн. кв. м, что «превышает общую цифру жилищного строительства в деревне за все предыдущие 30 лет».

46. Произошли изменения и в области доходов сельского и городского населения, «где в прошлом на протяжении многих лет наблюдался застой». В течение «6-й пятилетки» среднегодовая заработная плата тружеников городов и сел возросла с 762 юаней в 1980 г. до 1176 юаней в 1985 г.

47. Начиная с 1979 г. «успешно идет процесс решения проблемы трудоустройства», в этой области достигнуты «большие успехи»: только за период «6-й пятилетки» по всей стране в городах и селах было устроено на работу около 35 млн. человек.

48. В 1985 г. был сделан «новый шаг» в деле реформы системы цен в стране; были упорядочены структура продажных цен на продовольствие в деревне и структура закупочных цен на хлопок; кроме того, была установлена большая свобода в области цен на продукты подсобных сельскохозяйственных промыслов.

49. В последние годы в ходе проведения реформы в торговле осуществляется «открытый обмен товарами» между государственными, коллективными и индивидуальными предприятиями; разнообразные формы торговли, применяемые в этой сфере, позволили создать «центр торговли». Это «сыграло заметную роль в деле оживления экономики, стимулирования производства и удовлетворения потребностей народных масс».

50. Успешно была проведена третья перепись населения. Масштабы данной переписи были беспрецедентными, она «вошла в ряд крупнейших подобных мероприятий в мире».

51. В начале 1985 г. КНР впервые организовала экспедицию в Антарктику и, кроме того, 20 февраля того же года основала в этом районе первую китайскую антарктическую научно-исследовательскую станцию «Великая стена».

52. Получила развитие реформа в области науки и техники, «достигнуты заметные успехи». Начиная с 1979 г., когда была восстановлена система научно-технического изобретательства, к концу 1985 г. уже 1089 научно-технических достижений и результатов получили официальное государственное свидетельство как изобретения.

53. В 1983 г. успешно был осуществлен комплекс научных исследований на компьютере «Млечный Путь».

54. За период с 1978 по 1985 г. КНР запустила 10 искусственных спутников. В 1984 г. был успешно проведен запуск первого спутника связи. В целом начиная с 1970 г., когда был успешно осуществлен запуск первого китайского искусственного спутника, КНР уже запустила 17 искусственных спутников Земли различной величины и назначения.

55. «Быстрыми темпами развивается дело высшего образования», общее число вузов уже достигло 1016, а количество их выпускников в период 6-й пятилетки составило 1530 тыс. человек; в настоящее время в вузах обучается 1,5 млн. студентов. За семь лет государство послало на обучение за границу более 20 тыс. студентов и около тысячи, «получающих образование на свои средства».

56. Успехи в деле образования и воспитания взрослого населения «самые заметные за всю историю». В 1985 г. общая цифра высших учебных заведений по стране, в которых обучаются взрослые, достигла 1216, а количество студентов в них — 1725 тыс.

57. В средних учебных заведениях произошли «большие перемены». В 1985 г. число специальных учебных заведений среднего уровня составило 3557, а число профессиональных сельскохозяйственных средних школ — 8070.

58. «Новые успехи» были достигнуты в системе общеобразовательных школ, по стране уже в $\frac{1}{3}$ уездов введено общее образование начального уровня.

59. «Быстрыми темпами» развивается телевидение, сейчас в стране действует в общей сложности более 300 телевизионных станций.

60. Процесс развития литературы и искусства отличается «многообразием форм и содержания»; за семь лет было создано более 800 литературных произведений больших форм, то есть в 5 раз больше, чем за 17 лет, предшествовавших «культурной революции»; число произведений средних форм ежегодно составляет около 1000, а коротких рассказов и очерков ежегодно появляется более 10 тысяч. За эти же семь лет было выпущено более 760 художественных фильмов, что также превышает цифру, достигнутую за 17 лет, предшествовавших «культурной революции». Сейчас в стране насчитывается 209 театров.

61. «Быстрыми темпами» идет процесс развития культурной жизни и в такой области, как строительство библиотек, музеев, дворцов культуры и т. п. В настоящее время библиотек провинциального, городского и уездного значения насчитывается 2216, музеев — 612, дворцов культуры — 3019, городских и сельских дворцов культуры и клубов — 24 604, культурных центров в мелких городах и селах — 8934, что «уже дало возможность создать систему общего культурного воспитания по всей стране».

62. Издательское дело «развивается с каждым днем». Если в 1979 г. в стране было выпущено более 17 тыс. названий книг, то к 1984 г. эта цифра превысила 40 700 названий, а их общий тираж составил 6300 млн. экземпляров.

63. Непрерывно повышается уровень здоровья населения. Согласно данным переписи 1982 г., в 1981 г. смертность среди новорожденных снизилась до 0,034 %, а средняя продолжительность жизни возросла до 67,8 года. Эти показатели свидетельствуют о возросшем уровне жизни в стране в последнее время в целом.

64. Прирост населения в стране значительно сократился и продолжает сокращаться в результате регулирования этого процесса со стороны государства — в первую очередь благодаря действию системы плановой рождаемости. С 1979 по 1984 г. естественный прирост населения в КНР составил 0,012 %, уменьшившись по сравнению с периодом 70-х годов на 0,057 %.

65. Спортсмены КНР «с азиатской арены вышли на мировую». Китайские спортсмены на XXIII Олимпийских играх прервали печальную традицию предыдущих 52 лет участия китайской команды в Олимпиадах, когда она не завоевала ни одной золотой медали; на последних играх команда КНР завоевала 15 золотых медалей. На IX Азиатских играх китайская команда завоевала 61 золотую медаль, заняв по этому показателю 1-е место и впервые опередив Японию.

66. Развитие массового спорта в КНР «бурно прогрессирует», вступило в свой «золотой век» — по всей стране около 300 млн. человек практикуют регулярные занятия спортом.

67. В соответствии с замыслом «Одно государство — две системы» правительство КНР провело переговоры с английским правительством, в ходе которых стороны достигли взаимной договоренности и подписали двустороннее соглашение, в соответствии с которым будет решен вопрос о Сянгане. С 1 июня 1997 г. КНР возобновит свой суверенитет над Сянганом. Решение этого вопроса «имеет важное значение как для китайского народа, так и для всех стран мира».

68. Упорядочен внешнеполитический курс страны, неуклонно и настойчиво проводится «независимая и самостоятельная внешняя политика», внешние связи «получили значительное развитие», влияние Китая на международной арене «постоянно растет». За период с начала 1979 г. и по конец 1985 г. еще 17 государств установили с КНР дипломатические отношения.

69. Расширяется обмен визитами. Только за 1985 г. руководители КНР посетили более 30 зарубежных стран во всех районах мира; в свою очередь в Китай в том же году приезжали главы государств и правительств 26 стран.

70. Начиная со времени проведения I-II пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва, КПК на основе принципов «независимости и самостоятельности, полного равноправия, взаимного уважения и невмешательства» развивала межпартийные связи с партиями других государств. В настоящее время КПК поддерживает различные виды контактов более чем со 190 политическими партиями и организациями разных стран мира, осуществляется взаимный обмен визитами, делегациями и т. д.

Материал подготовил С. Р. БЕЛОУСОВ

¹ «Правда», 1986, 1 октября.

² См.: «Жэньминь жибао», 1986, 1 октября.

³ «Правда», 1986, 1 октября.

⁴ Этот тезис, выдвинутый Дэн Сяопином (см. его «Избранные произведения» и сборник вы-
ступлений «Строить социализм с китайской спецификой»), неизменно присутствует во всех
новейших публикациях, посвященных данной проблеме.— См., например: Ван Шоушань.
Гуаньюй цзяньшэ ю Чжунго тэсэ ды шэхуэйчжунь взньти (К вопросу о строительстве социализма
с учетом самобытности Китая).— Чжунго сяньдай ши. Пекин, № 11, с. 151—160; Бай И. Шилунь
«Цзяньшэ ю Чжунго тэсэ ды шэхуэйчжунь» ды пубянь ии (По поводу общего смысла задачи
«строительства социализма с учетом самобытности Китая»).— «Цзинин шичжуань сюебао».
Шаньдун, 1984, № 3, с. 10—15; Чжан И. Гайгэ юй цзяньшэ ю Чжунго тэсэ ды шэхуэйчжунь
(Реформа и строительство социализма с учетом самобытности Китая). Пекин, 1985; Кэсюе
шэхуэйчжунь юй Чжунго ды шицзянь вэньда (Вопросы и ответы на тему «Научный социализм
и практика Китая»). Чжэнчжоу, 1985; Цзяньшэ ю Чжунго тэсэ ды шэхуэйчжунь ды чжэсюе
сыкао (Философские размышления о строительстве социализма с учетом самобытности Китая).
Гуанчжоу, 1984; Цзяньшэ ю Чжунго тэсэ ды шэхуэйчжунь чжэнчжи сыкао (Политические раз-
мышления о строительстве социализма с учетом самобытности Китая). Б. м., 1986, и др.

⁵ Выходящий два раза в месяц журнал «Баньюетань» был создан в 1980 г. Выпускается
агентством Синьхуа и курируется непосредственно агитационно-пропагандистским отделом
ЦК КПК. Журнал выходит в крупнейших городах Китая: Пекине, Шанхае, Чунцине, Ухани,
Сиани, Цзинани, Чанчунь, Фучжоу, Куньмине и Чанша. В настоящее время «Баньюетань»
является самым многотиражным периодическим изданием общественно-политического характера из
выходящих в КНР.

* Чжунгун ши ие сань Чжунцюаньхуэй илай цюйдэ цишисян чэнцзю (70 достижений
со времени III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва).— Пункты 1—40 см.: «Туаньцзе бао»,
1986, 22 февраля; пункты 41—70 см.: там же, 1986, 1 марта.

** Кавычки — в китайском тексте.

*** Под этим термином в Китае сейчас имеют в виду постоянно проживающих за
рубежом китайцев, имеющих гражданство КНР или Тайваня.

**** Кавычки — в китайском тексте.

«Жэньминь жибао» об отношениях КНР со странами Латинской Америки

В 80-е гг. наблюдается существенное оживление в отношениях между КНР и государствами Латинской Америки. Китай установил дипломатические отношения с большинством латиноамериканских государств. Активизируются межгосударственные, межпарламентские контакты, растет торговля, расширяется экономическое, научно-техническое сотрудничество. Китайские представители на различных уровнях высказываются в поддержку позиций и требований латиноамериканских государств по многим региональным и глобальным проблемам.

В первой половине 80-х гг. шел процесс расширения круга стран региона, с которыми КНР устанавливала дипломатические отношения. На май 1986 г. КНР имела дипломатические отношения с 18 странами Латинской Америки. До 10 сократилось число стран латиноамериканского региона, поддерживающих официальные отношения с Тайванем. Китайская дипломатия проявляет активность в том плане, чтобы эти страны развивали отношения с КНР.

Как пишет «Жэньминь жибао», КНР проявляет заметный интерес к расширению контактов с Кубой. Китайская печать в позитивном ключе стала отзываться о внешнеполитических акциях кубинского правительства (таких, как поддержка Аргентины во время фолклендского кризиса, солидарность с борьбой народа Никарагуа, осуждение интервенции США в Гренаду), характеризуя их как фактор, способствующий сближению Кубы с другими государствами региона¹. Проводятся встречи министров иностранных дел КНР и Кубы во время сессий Генеральной Ассамблеи ООН, увеличивается объем двусторонней торговли. Подписано соглашение о платежах на 1986—1990 гг. Стороны предприняли шаги по развитию сотрудничества в области сельского хозяйства, медицины, образования, спорта.

Что касается политики КНР в отношении Никарагуа, то, начав с перехода к поддержке деятельности сандинистского руководства, КНР приступила к активному налаживанию китайско-никарагуанских связей. В конце 1985 г. состоялся визит в Китай партийно-правительственной делегации во главе с членом Национального руководства СФНО Г. Руисом, в состав которой входил и министр иностранных дел Никарагуа Мигель д'Эското. Стороны подписали совместное заявление об установлении дипломатических отношений и соглашение о предоставлении Китаем Никарагуа беспроцентных займов. Важным событием в китайско-никарагуанских отношениях стал визит президента Д. Ортеги в КНР в сентябре 1986 г. Во время обмена мнениями по международному положению, в частности обстановке в Центральной Америке, китайская сторона, осудив антиникарагуанскую деятельность США, выразила поддержку борьбе народа Никарагуа за независимость и суверенитет своей страны. В ходе переговоров были подписаны соглашения по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Этими соглашениями предусматривалось увеличение китайской помощи никарагуанской стороне, что предполагает поставки продовольствия, оборудования и потребительских товаров на сумму около 20 млн. долл.

Отличительной чертой рассматриваемого периода стали визиты в ряд стран Латинской Америки китайских руководителей (1984—1985 гг.). Первым событием такого рода стала поездка министра иностранных дел КНР У Сюецзяня, который с 1 по 15 августа 1984 г. посетил Мексику, Венесуэлу, Аргентину, Бразилию, а также сделал кратковременную остановку в Панаме.

В ходе поездки У Сюецзянь, подчеркивая общность исторических судеб и современных интересов Китая и стран Латинской Америки, высказывался в пользу расширения китайско-латиноамериканских отношений как важного фактора укрепления единства

развивающихся стран, активизации сотрудничества между ними. Были высказаны замечания по небезызвестной концепции «борьбы двух сверхдержав», которая обуславливалась, по мнению ее авторов, напряженностью и нестабильностью во всем мире, и в частности в Латинской Америке. Избегая прямой критики в адрес латиноамериканской политики США, У Сюецзянь выступал против «вмешательства извне» в дела региона со стороны «двух сверхдержав». Китайский министр активно высказывался в поддержку деятельности «контадорской группы» по урегулированию ситуации в Центральной Америке. Он также подтвердил поддержку позиции Аргентины по проблеме Фолклендских (Мальвинских) островов, выразив надежду, что решение вопроса будет осуществлено путем переговоров. У Сюецзянь заявлял о необходимости установления нового мирового экономического порядка (НМЭП), выражал готовность сотрудничать со странами Латинской Америки по этому вопросу, а также высказался в поддержку позиции латиноамериканских стран по проблеме внешней задолженности. Большое внимание было уделено китайской стороной развитию двусторонних отношений КНР со странами региона, включая торгово-экономические и научно-технические связи. Важным шагом в этом направлении стало подписание У Сюецзянем китайско-бразильского соглашения о сотрудничестве в области атомной энергетики.

Важным событием в истории развития отношений КНР с государствами Латинской Америки стала поездка премьер-министра Госсовета КНР Чжао Цзыяна в Колумбию, Бразилию, Аргентину и Венесуэлу (октябрь — ноябрь 1985 г.). Поездка Чжао Цзыяна, сообщает «Жэньминь жибао», была призвана подвести своего рода политическую базу под уже сложившийся комплекс разносторонних связей между Китаем и странами региона. Политическим стержнем визита стало подчеркивание китайской стороной общих моментов для КНР и латиноамериканских стран. Чжао Цзыян провозгласил так называемые «8 пунктов общности», из числа которых более всего выделяются следующие: общность исторических судеб; длительное ведение борьбы за освобождение и независимость; принадлежность к «третьему миру»; необходимость длительного сохранения мира². Премьер Госсовета КНР также указывал, что Китай и регион Латинской Америки представляют собой «две важные силы» в борьбе за мир во всем мире и что чем более развитыми и сильными они станут, тем больше будет «надежд на мир»³.

В газетах КНР отмечалось, что в ходе переговоров большое внимание уделялось обсуждению широкого круга международных проблем. Премьер Чжао Цзыян призывал к объединению всех миролюбивых сил для предотвращения опасности возникновения войны, особо оттеняя при этом «независимую и самостоятельную» политику КНР. Для того чтобы сделать деятельность Китая на международной арене более привлекательной для латиноамериканских партнеров, подчеркивалось, что Китай не будет вступать в союз и устанавливать стратегические отношения с какой-либо из великих держав.

В унисон с позицией латиноамериканских государств Чжао Цзыян высказывался по политическим и экономическим проблемам региона. «Жэньминь жибао» сообщает, что, находясь в Колумбии, Чжао Цзыян заявил, что все региональные конфликты, а также «спор» между Соединенными Штатами и Никарагуа должны решаться мирным путем, без применения силы или угрозы ее применения, в соответствии с основными принципами международного права⁴. При этом подчеркивалось, что Китай «выступает против вмешательства со стороны сверхдержав и других сил»⁵.

Касаясь комплекса вопросов, связанных с внешними долгами латиноамериканских стран, китайский премьер охарактеризовал эти вопросы как не только экономические, но и политические. Чжао Цзыян указал на то, что путь к преодолению задолженности должен заключаться в погашении долгов при условии содействия со стороны кредиторов экономическому развитию стран-должников. «Жэньминь жибао» приводит слова премьер-министра Госсовета КНР: китайская сторона «не согласна с утверждением о том, что развивающиеся страны должны погасить задолженность путем замедления темпов экономического роста и снижения уровня жизни населения»⁶.

В ходе этой поездки Чжао Цзыяна большое внимание уделялось поиску путей к расширению и диверсификации торгово-экономического и научно-технического сотрудничества КНР со странами Латинской Америки. Как сообщают газеты КНР, на долю китайско-латиноамериканской торговли приходится примерно 3 % от общего объема внешней торговли Китая. В этой связи член Госсовета КНР Чэнь Мухуа, сопровождавшая Чжао Цзыяна, заявляла, что этот «сравнительно низкий уровень» не

удовлетворяет китайскую сторону⁷. Китай предлагает латиноамериканским партнерам внедрять такие формы сотрудничества, как смешанные предприятия, бартерная торговля, инвестирование средств в строительство и развитие объектов китайской экономики. Уже упоминавшиеся «8 пунктов общности» были дополнены Чжао Цзыяном «6-ю благоприятными условиями» для развития торгово-экономического и технического сотрудничества Китая и государств Латинской Америки. При этом упор был сделан на то, информирует «Жэньминь жибао», что в хозяйственном отношении КНР и латиноамериканские страны могут взаимно дополнять друг друга, что имеют место и сходные уровни экономического развития, а также ведутся поиски собственных путей развития в соответствии со спецификой условий каждой страны-партнера. КНР готова, заявлялось в китайской печати, строить свои торгово-экономические отношения с развивающимися государствами на основе принципов равенства, взаимной выгоды и местного развития⁸.

Практическим результатом поездки китайского премьера в страны латиноамериканского региона стало подписание в общей сложности 15 документов, регламентирующих различные аспекты сотрудничества КНР с регионом. Например, в Колумбии стороны подписали соглашение об экономическом сотрудничестве, соглашение о взаимном предоставлении целевых кредитов, другие документы; в Бразилии — межправительственное соглашение о сотрудничестве в области культуры и образования, меморандум о регулярных консультациях по линии министерств иностранных дел двух стран (первый раунд бразильско-китайских политических консультаций состоялся 1—2 июля 1986 г. в городе Бразилиа). В Аргентине был подписан сторонами дополнительный протокол к соглашению об экономическом сотрудничестве 1980 г., предусматривающий расширение связей в области сельского хозяйства и цветной металлургии. Подписаны другие документы, определяющие содержание и объем сотрудничества КНР на 80-е гг. с рядом государств региона.

Визит Чжао Цзыяна в латиноамериканские государства оценивался китайской печатью как успешный и достигший намеченных задач. Газетой «Жэньминь жибао» отмечалось, что визит заложил «хорошую основу» для развития политических и экономических отношений КНР с государствами региона⁹. Лидеры латиноамериканских стран в свою очередь дали высокую оценку результатам переговоров с китайским руководителем.

За последние годы в КНР также побывали высокопоставленные деятели Антигуа и Барбуды, Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Гайаны, Мексики, Перу, Эквадора, Тринидада и Тобаго, Ямайки и других государств региона. К настоящему времени между КНР и странами Латинской Америки заключено около 60 соглашений, включающих межправительственные торговые договоры, соглашения о займах и кредитах, договоры об экономическом и техническом сотрудничестве, протоколы о связях в области культуры, образования, радиовещания и информации и т. п. В этих областях налажены отношения КНР, например, с Аргентиной, Боливией, Бразилией, Барбадосом, Гайаной, Венесуэлой, Колумбией, Кубой, Мексикой, Перу, Эквадором, Ямайкой.

Китайская печать обращает внимание на существенное развитие в 80-е гг. торговых связей КНР со странами региона. Так, если в 1971 г. товарооборот Китая со странами Латинской Америки составил 41 млн. долл., то в 1981 г. достиг 1,5 млрд. долл., а в 1985 г. составил около 2,5 млрд. долл. КНР импортирует из государств Латинской Америки медь, селитру, древесину, продовольственные товары, сахар, хлопок, стальной прокат, алюминий, целлюлозу, некоторые виды машин и оборудования. Основу китайского экспорта в страны региона составляют нефть, рис, продукция легкой и пищевой промышленности, изделия кустарных промыслов¹⁰.

В последние годы, говорится в китайских газетах, все отчетливее проявляется тенденция к увеличению в структуре товарооборота доли продукции, воплощающей достижения передовой технологии — сложного оборудования, станков, приборов, средств информатики. Характерно, что основными торговыми партнерами Китая являются наиболее развитые в промышленном отношении страны — Аргентина, Бразилия, Мексика, — на долю которых приходится от 40 до 60 % торговли КНР с латиноамериканскими государствами. Для развития китайско-латиноамериканской торговли и устранения имеющихся в ней проблем в КНР осенью 1985 г. была создана специальная экспортно-импортная компания для связей со странами Латинской Америки¹¹.

Печать КНР сообщает об активном расширении технико-экономического сотрудничества КНР со странами региона. Для его координации действуют двусторонние комитеты и комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Сотрудничество в технико-экономической сфере осуществляется главным образом по двум направлениям: первое — реализация программ, способствующих прогрессу экономики наименее развитых государств региона; второе — взаимовыгодное сотрудничество с передовыми латиноамериканскими странами, которое обеспечивало бы получение не только экономических дивидендов, но и доступ к передовой технологии и передовым формам организации труда и управления.

В рамках первого направления китайская сторона на базе соглашений об экономическом сотрудничестве предоставляет займы и кредиты, а также направляет специалистов для сооружения малых промышленных предприятий (текстильных, кирпичных и черепичных фабрик, малых электростанций), небольших предприятий пищевой и легкой промышленности, сельскохозяйственных объектов (овощеводческих и рисоводческих ферм, ирригационных сооружений). Такую форму сотрудничества Китай практиковал и практикует в отношениях с Барбадосом, Гайаной, Перу, Ямайкой.

Что касается экономического и научно-технического сотрудничества с более развитыми государствами региона, то оно также, как правило, осуществляется на базе соответствующих соглашений, предусматривающих обмен делегациями специалистов, обмен технологией, подготовку специалистов, проведение совместных исследовательских и конструкторских работ. На такой основе КНР сотрудничает, например, с Аргентиной, Бразилией, Венесуэлой, Мексикой, Перу (в информатике и телеметрии, добыче и переработке нефти, гидроэнергетике, атомной энергетике, химической и бумажной промышленности, строительстве и др. областях).

Аргентина и Бразилия — помимо Пакистана — единственные страны из числа развивающихся, с которыми Китай имеет соглашения о сотрудничестве в области использования ядерной энергии. Эти соглашения предусматривают сотрудничество сторон в проектировании, строительстве и эксплуатации АЭС, в производстве ядерного топлива и изотопов, совершенствовании систем безопасности АЭС, захоронении радиоактивных отходов. Совместно с некоторыми странами Южной Америки Китай занимается исследованиями в Антарктике.

Помимо технико-экономического сотрудничества в виде совместных исследований, обмена опытом и технологией, все шире внедряется такая форма, как создание совместных предприятий. Примером может служить учрежденное в 1984 г. китайско-бразильское совместное предприятие по заготовке и обработке древесины («Сино-Бразил Тимбер Индастриал Компани Лтд.»). Капитал этой компании составляет около 3 млн. долл., причем 95 % приходится на китайский пай. Аналогичные по форме соглашения о совместных предприятиях имеются у Китая с Аргентиной, Боливией, Колумбией.

Существенно активизировались контакты КНР с латиноамериканскими странами по линиям межпарламентского, межпартийного, культурного и некоторых других форм обмена. Заметным событием в этом плане стала поездка делегации ВСНП во главе с заместителем председателя ПК ВСНП Ляо Ханьшэном в марте 1984 г., посетившей Бразилию, Перу и Эквадор. Китайская же сторона принимала парламентариев на различном уровне из Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Колумбии, Коста-Рики, Мексики, Перу, Уругвая и Эквадора.

Оживленный характер имеют и культурные связи КНР со странами Латинской Америки. Сотрудничество в этой области строится на основе соответствующих соглашений и протоколов. Китай подписал такие документы с Аргентиной, Боливией, Бразилией и некоторыми другими странами региона. Сотрудничество в культурных областях осуществляется главным образом в виде обмена делегациями деятелей искусств, организации выставок прикладного искусства, книг, традиционной живописи, проведения недель кино. КНР и латиноамериканские страны довольно активно сотрудничают в области образования и спорта.

И. О. ОЛЬШАНСКИЙ

¹ См.: «Жэньминь жибао», 31.X.1985.

² См. там же, 30.X.1985.

- ³ См. там же, 8.XI.1985.
- ⁴ См. там же, 30.X.1985.
- ⁵ Там же, 14.XI.1985.
- ⁶ Там же, 1.XI.1985.
- ⁷ Ип. «China Daily», 28.X.1985.
- ⁸ См.: «Жэньминь жибао», 3.XI.1985.
- ⁹ См. там же, 16.XI.1985.
- ¹⁰ См.: «Гоцзи вэньти яньцзю», за 1984—1986 гг.
- ¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 8.XI.1985.

Китайская печать о проблемах защиты окружающей среды

Промышленное развитие Китая, темпы которого значительно ускорились в последние годы, все острее ставит перед руководством страны задачу выработки долгосрочной политики в области экологии. Проблемы защиты окружающей среды, пишет «Жэньминь жибао» (23.X.1986), далеко еще не разрешены, хотя в 6-й пятилетке здесь были достигнуты определенные успехи. В последнее время на страницах центральных газет китайские специалисты развернули дискуссию о взаимосвязи интересов развития экономики с возможностями природы, о взаимосвязности промышленного и сельскохозяйственного воспроизводства с возможностями естественного восстановления тех или иных компонентов природы. Обсуждение далеко не завершено, и, видимо, по этой причине «Жэньминь жибао» публикует многие материалы, затрагивающие экологические проблемы, под рубрикой «Дискуссионная трибуна». В подборке статей под этой рубрикой газета (в номере от 13.VII.1986) пишет, что сейчас «необходимо по-настоящему обобщить опыт, выработать политику в области экологии, которая бы соответствовала национальным особенностям страны, государственным интересам».

В большинстве материалов китайских газет по проблемам экологии говорится об обострении проблемы загрязнения окружающей среды во всем мире. Так, в статье специалиста по проблемам экологии Ян Мао («Жэньминь жибао», 3.VII.1986) говорится, что экологическая проблема становится одной из важнейших для всех государств мира и это требует углубления знаний в области экологии. В настоящее время в мире, пишет Ян Мао, ежеминутно уничтожается до 20 га лесов, 10 га плодородных почв превращаются в пустыни. Если не остановить этот процесс, то к концу столетия треть всех пахотных земель, которыми располагает сейчас человечество, станет непригодной для обработки, а через 170 лет будут полностью вырублены все леса. Возможно, этот прогноз слишком мрачный. Но, говорится в статье Ян Мао, уже сейчас ущерб только от наступления пустынь (в масштабах планеты) ежегодно достигает 26 млрд. долларов. Загрязнение водных бассейнов и рост потребления пресной воды привели к тому, что 40 государств в мире испытывают серьезный недостаток воды, а в перспективе, по расчетам экономистов, к 2000 г. расход воды в мире возрастет в три раза.

Сейчас вряд ли кто усомнится в серьезности экологических проблем, пишет Ян Мао, однако практическое решение их явно недостаточно. Например, в 1977 г. Организация Объединенных Наций провела совещание, на котором обсуждались проблемы борьбы с наступлением пустынь. Представители 94 стран — участниц совещания выдвинули ряд важных практических предложений, но до сего времени они не реализуются, так как правительства многих стран не желают расходовать крупные средства на решение экологических проблем. Как показывают подсчеты, для того чтобы остановить наступление пустынь, нужно вложить до конца века на эти цели 90 млрд. долларов, или — в расчете на год — расходовать 6 млрд. долларов. Это менее четверти ежегодного ущерба от наступления пустынь. В то же время, отмечает Ян Мао, военные расходы в мире составляют более 800 млрд. долларов в год.

Рассматривая развитие экологической обстановки в своей стране, китайские ученые обращают внимание в первую очередь на обострение противоречия между интересами экономического развития и возможностями обеспечения экологического равновесия. Ян Мао, например, пишет в упомянутой статье в «Жэньминь жибао», что «в Китае в последние годы уделяется серьезное внимание работам по охране окружающей среды и проведен ряд важных мероприятий. Однако, поскольку работы по защите окружающей среды начаты сравнительно поздно, складывающаяся в стране экологическая обстановка довольно тревожная». Эта же газета сообщает, что высокогорные ве-

ковые леса у истоков Мянцзян в верхнем течении Янцзы уже вырублены на 60 %. Еще в больших масштабах сократились леса в Северо-Восточном Китае. Провинция Хубэй славится в Китае и далеко за его пределами своими озерами, однако их численность сократилась с тысячи с лишним до 300. Озеро Дунтинху по площади уменьшилось вдвое. В настоящее время 154 крупных города КНР испытывают острый недостаток питьевой воды, отмечает газета.

Говоря о причинах ухудшения экологической обстановки в стране, Ян Мао указывает на то, что многие руководители «еще недостаточно глубоко осознают важность сохранения экологического равновесия». Они не понимают того, что «достигнутый за счет нарушения экологического равновесия эффект недолговечен». «Если мы будем и далее нарушать экологическое равновесие,— пишет Ян Мао,— то это неизбежно повлияет на проведение в жизнь «четырёх модернизаций». Многие кадровые работники, заявляет ученый далее, «не понимают, что в определенный момент природа окажется неспособной к саморегулированию» и «придется заплатить в десятки и сотни раз большую цену для воссоздания природной среды». Необходимо осознать, что «уже сейчас при развитии экономики следует уделять серьезное внимание защите окружающей среды, что цели экономического развития и защиты окружающей среды едины и направлены на благо народа».

С суждениями Ян Мао перекликаются высказывания известного китайского ученого-эколога Ма Шицзюня. В интервью газете «Жэньминь жибао» (5.XI.1986) он отметил, что после 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1979 г.) «в стране стали внимательно относиться к законам экономики», однако «все еще сильна привычка действовать старыми традиционными методами, принимая во внимание лишь количество и стоимость продукции, сиюминутные выгоды и не учитывая отдаленные результаты хозяйственной деятельности».

Ма Шицзюнь, так же как и Ян Мао, обращает внимание на опасность нарушения экологического равновесия и предупреждает, что «если своевременно не принять меры, то неизбежно отступление и в экономической сфере». Уже сейчас, говорит в его интервью, пустыни и опустыненные земли в Китае составляют 11,4 % всей площади страны. Утрачено более 700 млн. му (1 му = $\frac{1}{15}$ га) пастбищ и лугов. Ежегодно в стране вырубается леса на площади более 37 млн. му, что значительно больше, чем восстанавливается. Эрозия почвы наблюдается на территории в 1,5 млн. кв. км, около 100 млн. му поливных земель потеряло плодородие из-за засоления. Столь тревожное положение, говорит ученый, произошло по ряду причин. Главная из них заключается в том, что люди не учитывают долгосрочные последствия расточительного использования ресурсов природы, говорится в интервью газете «Жэньминь жибао».

Как можно видеть, и Ян Мао и Ма Шицзюнь обеспокоены недооценкой важности решения экологических проблем, указывают на необходимость учитывать их в полной мере при решении экономических задач. Несколько иной подход у Цюй Гэпина, автора другой статьи, опубликованной под рубрикой «Дискуссионная трибуна» в «Жэньминь жибао» (13.VII.1986). Автор делает акцент на том, что «Китай является одной из развивающихся стран со сравнительно отсталой экономикой, сравнительно низким валовым национальным продуктом на душу населения» и поэтому цели в области экологии «не могут ставиться Китаем слишком высоко, они должны соизмеряться с экономическими возможностями страны». В противном случае, считает Цюй Гэпин, любая цель будет труднодостижимой. По его мнению, при выработке экологической политики следует исходить из необходимости бороться с неблагоприятными по своим последствиям для окружающей среды факторами, однако при этом учитывать, что слишком высокие экологические стандарты могут стать препятствием для экономического развития страны. Из этого следует, что Цюй Гэпин, отмечая важность решения экологических проблем, тем не менее подчиняет их нуждам экономики.

Автор этого материала, рассматривая пути решения экологических проблем, обращает особое внимание на научно-технические исследования в области предотвращения промышленного загрязнения окружающей среды, вредного воздействия на нее городского хозяйства. При этом на нынешнем этапе Цюй Гэпин рекомендует серьезно заняться отработкой комплексной технологии использования угля, начиная от добычи и обогащения и кончая транспортировкой, хранением и использованием. Это обусловлено тем, что уголь остается и, видимо, в ближайшей перспективе останется основным энергоресурсом в Китае.

Из наиболее перспективных альтернативных углю экологически чистых видов энергетических ресурсов в большинстве материалов китайских газет рассматривается атомная энергия. Так, сотрудник Научно-исследовательского института ядерной энергии Университета Цинхуа Сюэ Дачжи в статье «Атомные электростанции и окружающая среда» («Жэньминь жибао», 4.IX.1986) подчеркивает, что, «несмотря на аварию на Чернобыльской АЭС, вызвавшую беспокойство общественности, атомная энергетика по-прежнему будет развиваться», так как атомная энергия — это экологически чистый и экономичный источник энергии. Высокоиндустриальному обществу, пишет Сюэ Дачжи, с каждым днем требуется все больше и больше энергии, что обостряет проблему загрязнения биосферы. Основными виновниками этого, говорит он, являются работающие на угле тепловые электростанции. Так, тепловая электростанция мощностью 2 млн. кВт ежегодно потребляет около 2300 тыс. т угля. Из них примерно 20 % превращаются в золу и воздушные аэрозоли. Непригодные для использования отвалы шлаков занимают все более обширные участки. Эти отвалы губят сельскохозяйственные угодья. Шлаками засоряются фарватеры рек, загрязняются водные бассейны. Вместе с дымом в атмосферу выбрасывается значительное количество окиси серы, окиси азота, что приводит к такому явлению, как «кислотные дожди», наносящие большой урон растительному миру.

Проблема отходов электростанций, работающих на угле, пишет Сюэ Дачжи в «Жэньминь жибао», сейчас стала мировой проблемой. Ученые предупреждают, что «кислотные дожди», «парниковый эффект», вызванный повышением содержания в атмосфере двуокиси азота, превращаются в серьезную, трудноразрешимую экологическую проблему. Как считает автор статьи, помимо технических трудностей, нельзя не учитывать и экономические факторы. У целого ряда стран не всегда имеется возможность принимать защитные меры на требуемом уровне. Видимо, автор имеет в виду и Китай. Сюэ Дачжи пишет, что кардинально решить проблему можно только путем развития атомной энергетики, поскольку атомные электростанции при правильной эксплуатации безопасны и экологически чисты.

Среди других важных проблем, связанных с поддержанием экологического равновесия, многие китайские специалисты указывают на необходимость срочного решения задачи комплексной очистки сточных вод. По мере развития промышленности, особенно в деревнях и поселках сельскохозяйственных районов, пишет Ма Шицзюнь, количество промышленных сточных вод все увеличивается. Сейчас в КНР ежедневно в реки и водоемы сбрасывается около 70 млн. т загрязненной воды. Во многих районах сточные воды загрязняют орошаемые поля. Из-за нарушения технологии огромное количество химических удобрений смывается в водоемы. Вода и почва, продолжает Ма Шицзюнь, являются основным условием существования людей и развития экономики. Однако в настоящее время на юге Китая большая часть воды в районах с поливным земледелием загрязнена ядовитыми отходами. Во многих других районах страны (например, на севере Китая) воды для бытовых нужд не хватает, она часто представляет опасность для здоровья людей. Затрагивая эту проблему, китайские экологи считают, что в значительной мере ее можно решить внедрением в промышленность замкнутого цикла использования воды.

Другой не менее важной проблемой, решению которой необходимо уделять первоочередное внимание в экологической политике, по мнению китайских специалистов, является комплексное использование твердых промышленных и бытовых отходов, отработка технологий, позволяющих использовать их в качестве сырьевых ресурсов. «Жэньминь жибао» (23.X.1986) приводит следующие цифры: за год в городах Китая скапливается свыше 52 млн. т городского мусора. Население городов постоянно растет. В соответствии с этим ростом и повышением уровня жизни населения количество мусора возрастает примерно на 10 % в год. Это — без учета более 100 млн. т промышленных отходов, собираемых ежегодно на предприятиях. Газета констатирует, что в Китае организация безопасного захоронения ядовитых и вредных отходов и переработка бытового мусора сильно отстает от уровня западных стран. «Жэньминь жибао» бросает упрек в адрес ответственных лиц, не проявляющих внимания к назревшей и актуальной проблеме.

Как пишет печать КНР, ученые страны активно ищут пути решения экологических проблем. Судя по публикациям, в настоящее время в Китае на мероприятия по защите окружающей среды выделяются крупные средства. По мнению специалистов, необхо-

димо усилить экологический контроль на местах. За последние годы, пишет Цюй Гэпин, контроль за предотвращением загрязнения в хозяйстве городов и в сфере промышленности уже дал положительные результаты. В 100 с лишним городах страны развернута комплексная работа по защите окружающей среды. Ответственность и материальное обеспечение по проведению мероприятий возлагается на местные административные органы. Как считает Цюй Гэпин и другие специалисты и как показывает практика, усиление экологического контроля приносит определенные результаты даже в условиях, когда невозможно в короткие сроки выделить значительные средства для решения экологических проблем. Газеты Китая пишут о необходимости иметь соответствующее законодательство, создавать компетентные органы, обладающие самостоятельностью и правом контроля, которые с полной ответственностью решали бы поставленные перед ними задачи.

Эколог Ян Мао обращает внимание на важность пропаганды экологических знаний, которые следует довести до каждого. Только совместными усилиями ученых, практиков-специалистов и народа экологические проблемы могут быть разрешены.

Б. Н. БАСОВ

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Совместный труд советских и вьетнамских ученых

Экономические проблемы перехода к социализму стран с неразвитой экономикой (Материалы советско-вьетнамского симпозиума). «Наука». Главная редакция восточной литературы. М., 1986, 255 с.

Советского читателя ожидает знакомство с книгой «Экономические проблемы перехода к социализму стран с неразвитой экономикой». В этом актуальном научном труде представлена современная концепция переходного периода к социализму, рассмотрены отдельные черты опыта СССР, а также европейских социалистических стран и СРВ, что имеет особое значение в свете выдвинутых XXVII съездом КПСС задач по изучению опыта отдельных стран социализма, особенно в области теории.

В работе представлены статьи 26 советских и вьетнамских авторов. Все они были участниками научного симпозиума, состоявшегося в 1984 г. в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР.

Симпозиум имел большое научное и практическое значение, поскольку проблема переходного периода разбиралась на нем с позиций творческого переосмысления коллективного опыта. Как отмечает в предисловии к книге академик О. Т. Богомолов, «у некоторых марксистов существовали иллюзии относительно того, что власть трудящихся и обобществление основных средств производства автоматически дают существенный рост народного благосостояния и обеспечивают подъем производительных сил». Вместе с тем исторический опыт показал, продолжает О. Т. Богомолов, что «между предшествующим социально-экономическим строем и социалистиче-

ским обществом лежит переходный период, что этот период наполнен огромной работой по налаживанию новых общественных форм, новых общественных связей» (с. 3).

Проблема перехода к социализму мнущая стадию развитого или среднеразвитого капиталистического общества имеет сегодня большую теоретическую и практическую значимость. На этапе перехода к социализму находятся СРВ, Лаос, завершают этот переход Монголия и Куба. Опыт стран социализма представляет большую ценность для многих народов развивающихся стран, которые выбирают путь социалистической ориентации и стремятся заложить предпосылки для развития по социалистическому пути.

Среди советских авторов монографии — работники Академии наук СССР; вьетнамскую сторону представляют ученые Комитета общественных наук во главе с его председателем профессором Фам Ньы Кыонгом, вице-председателем профессором Ву Хиену, а также руководители практических организаций — председатель народного комитета города Хошимина Фам Ван Кхай, член коллегии Госплана СРВ Хо Куон Ви, директор Института экономики и внешней торговли МВТ СРВ профессор Лью Ван Дат и другие. Участие в научном симпозиуме, обмен мнениями, творческая дискуссия помогли вьетнамским товарищам в разработке научной концепции и стратегии перехода Вьетнама к социализму.

Переходный период — это длительный процесс, в ходе которого создается экономический фундамент социализма и ликвидируется многоукладность в экономике. Главное отличие перехода к социализму стран со слаборазвитой экономикой состоит в отсутствии объективных материальных предпосылок для такого перехода, которые закладываются в недрах капитализма. Поскольку эти страны не прошли стадии капитализма, они не накопили указанных предпосылок и условий. Авторы книги сосредоточили свое внимание на разборе условий и закономерностей начального этапа перехода к социализму, наиболее трудного и сложного.

Именно на этом этапе, как следует из документов IV и V съездов Коммунистической партии Вьетнама, находится сейчас и, вероятно, будет находиться до конца 90-х гг. Социалистическая Рес-

публика Вьетнам. В монографии дан анализ наиболее острых, труднорешаемых проблем этого периода: особенностей развития социалистического обобществления в странах, не прошедших этапа капиталистической индустриализации; проблемы регулирования товарно-денежных отношений и механизма управления экономикой в переходный период; экономической стратегии слаборазвитых стран и проблемы развития экономически эффективной структуры народного хозяйства менее развитых стран социализма. Советские и вьетнамские ученые были единодушны в том, что нельзя механически копировать чей-либо опыт. Они отметили особую актуальность ленинского предостережения об опасности пере скакивания через этапы, забегания вперед в странах, имеющих сравнительно слабую экономику, показали важность дальнейшего развития и творческого применения марксистско-ленинской теории, которая оправдывает себя и в отношении Вьетнама.

Опыт социалистического строительства в Северном Вьетнаме до 1975 г., а затем в объединенном Вьетнаме свидетельствует о необходимости придерживаться общих закономерностей. Для стран, мнущих капиталистическую формацию, главная из них — индустриализация. В книге подробно разбирается структурная политика индустриализации на начальном этапе перехода. Суть ее состоит в том, чтобы в первую очередь индустриализировать уже развитые в стране традиционные отрасли и создать «индустриально-товарный» мост между промышленностью и сельским хозяйством, чтобы решить самую острую проблему — продовольственную, а также обеспечить необходимым сырьем развивающуюся промышленность.

В книге широко представлена проблема ускорения темпов экономического развития в переходный период. Особое внимание обращается на задачи подготовки квалифицированных национальных кадров, которые, взяв на себя основную нагрузку, помогли бы национальной экономике выйти на высокие научно-технические рубежи.

Переход к социализму стран с неразвитой экономикой практически невозможен без создания благоприятных внешнеэкономических условий. Это доказано всем историческим ходом развития ми-

рового социализма. Внешний фактор проявляется в интернациональной помощи более развитых социалистических государств по отношению к менее развитым странам, в участии стран с менее развитой экономикой в деятельности СЭВ, в создании льготных условий для получения ими помощи и участия в социалистической экономической интеграции. Экономическое совещание на высшем уровне стран — членов СЭВ в 1984 г. выдвинуло задачу усиления интернациональной помощи менее развитым странам СЭВ — Кубе, Монголии, Вьетнаму. Оно призвало помочь этим странам провести индустриализацию, а также заострило внимание на проблеме выравнивания уровней их экономического развития с уровнем европейских стран — членов СЭВ. В монографии впервые рассматривается концепция участия менее развитых стран в СЭВ как особого «блока» в деятельности Совета, анализируются способы оказания им помощи на коллективной основе, их место в международном социалистическом разделении труда.

Конечно, в рамках одного симпозиума и составленной на его основе книги невозможно рассмотреть все вопросы и проблемы, относящиеся к данной сложной и относительно мало исследованной теме. Авторы оставили без внимания такие вопросы, как влияние современной научно-технической революции и структурной перестройки в развитых странах СЭВ на содержание понятия «индустриализация» менее развитых государств и концепцию ее практического осуществления.

В теоретическом и практическом плане представляет интерес и такой вопрос. Как известно, К. Маркс отмечал, что переход к социализму стран с неразвитой экономикой представляет собой «сокращенное развитие», которое позволяет «избежать большей части тех страданий и той борьбы, через которые приходится прокладывать дорогу нам в Западной Европе»¹. В этой связи для политической практики большое значение имеет теоретическое понимание того, каких именно «страданий» и какими средствами могут избежать их менее развитые страны, встав на путь социалистического строи-

¹ К. Маркс., Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 446.

тельства, какие именно при этом могут быть созданы и создаются социально-экономические и политические альтернативы.

Эти и другие вопросы определяют перспективы научного поиска в рассматриваемом направлении, — поиска, важным этапом которого стала предлагаемая читателю книга.

Вышедшая в Москве книга о переходном периоде, его особенностях для менее развитых государств является новым совместным вкладом советских и вьетнамских ученых в теорию и практику переходного периода, свидетельством укрепления их научного сотрудничества, единства мнений по актуальным теоретическим проблемам.

В. В. МИХЕЕВ,
кандидат экономических наук

История развития социалистической экономики в КНР

Чжунго шэхуэйчжун цзинци цзяньши (1949—1983). Краткая история социалистической экономики Китая (1949—1983). Харбин, 1985, 480 с.

По мере расширения в Китае публикаций экономической литературы во все более систематизированном виде предстает история народного хозяйства страны, отдельных отраслей и регионов¹. Интересным представляется коллективный труд китайских экономистов под редакцией Лю Суйяня и У Цюньгана «Краткая история социалистической экономики Китая (1949—1983)». В подготовке отдельных глав книги приняли участие также Сунь Хуайян, Чжу Ваньши, Сюй Дихуа, Цуй Цзе, Се Дуян. Книга неординарна по содержанию, об этом говорит и тот факт, что заглавная надпись к книге сделана Чэнь Юнем. Вступительная статья к данной работе написана известным ученым-экономистом Сюэ Муцю, подчеркнувшим практическую значимость и теоретическую важность изучения истории развития народного хозяй-

ства для правильного понимания современной обстановки в Китае и строительства социализма с учетом китайской специфики. Вместе с тем он справедливо отметил, что «изучение истории развития социалистической экономики КНР находится лишь на начальном этапе, и в этом смысле книга является первой плодотворной попыткой» (с. 1).

В монографии дается конкретное представление об этапах развития народного хозяйства КНР, в том числе о таких печально известных периодах, как «большой скачок» и «культурная революция», более подробно, чем где-либо ранее, рассматривается ход экономического процесса, перипетии борьбы вокруг составления и выполнения народнохозяйственных планов, объективно оцениваются успехи и ошибки экономического строительства в Китае на протяжении 30 с лишним лет. Авторы книги придерживаются периодизации, приведенной в «Решениях партии по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР»².

Работа состоит из пяти разделов, каждый из них посвящен отдельному периоду развития народного хозяйства страны. В первом разделе освещаются особенности восстановления народного хозяйства (1949—1952), в ходе которого по мере выполнения программы «новодемократического пути» создавались условия для перехода к социалистическим преобразованиям. Второй раздел посвящен периоду первого пятилетнего плана (1953—1957) — от разработки генеральной линии партии на этот период до претворения в жизнь намеченных планом целей и укрепления социалистического строя путем кооперирования крестьянства, кустарей и ремесленников, вытеснения частнокапиталистических и создания государственно-капиталистических предприятий.

Положительной особенностью данной работы является подведение в конце каждого раздела итогов развития народного хозяйства за рассматриваемый период, обобщение опыта, приобретенного в ходе преобразований и уроков, извлеченных из ошибок, совершенных на том или ином этапе экономического строительства. По поводу периода 1949—1957 гг. наряду с традиционными в книге приводятся оценки, характерные для последнего времени. Отмечается роль Чэнь Юня как главного архитектора экономической

политики тех лет, его борьбы за здоровое развитие экономики против «забегания вперед в осуществлении социалистических преобразований».

По количеству страниц на долю первых двух разделов приходится почти половина книги. В своей монографии авторы уделили внимание и освещению вклада Советского Союза и других социалистических стран в индустриализацию Китая.

Наибольший интерес для понимания «китайских реалий», несомненно, представляет раздел, посвященный периоду «большого скачка» и «урегулирования» народного хозяйства (1958—1965), а также раздел, озаглавленный «Период десяти лет хаоса в народном хозяйстве (1966—1976)», в которых на конкретных фактах показано пагубное влияние на нормальное развитие экономики разного рода политических кампаний и забвения экономических законов социализма. Изложение перипетий внутривластной борьбы, неизвестных ранее наметок планов, экономических мероприятий и политических установок в сочетании с довольно подробной фактурой имеет безусловную ценность для выявления деталей, без знания которых иногда ускользает смысл принимаемых решений и экономическое содержание происходящих в Китае событий. Период «культурной революции», наименее известный широкому читателю, описан однако не так подробно, как предыдущие периоды. После ознакомления с разделом о «культурной революции» возникает ощущение недосказанности в изложении событий.

Схематично, на наш взгляд, представлен последний период, то есть современный этап экономического развития Китая (1976—1983), скупо подобраны материалы по первым трем годам развития экономики страны после смерти Мао Цзэдуна (1976—1978). Вероятно, время для более пристального изучения и объективной оценки нынешнего этапа развития народного хозяйства еще не наступило.

В целом «Краткая история...» является, несомненно, одной из интереснейших работ по современной экономической истории Китая, она могла бы стать ценным пособием и для изучения вопросов о путях построения социализма в слаборазвитых странах. Прослеживается связь выхода книги из печати с осмыслением явлений, происходящих в сегод-

нящем Китае, с поиском пути дальнейшего развития народного хозяйства страны. Общий тон книги спокойный, ее ценность определяется и анализом, и фактическим освещением хода экономического развития, сопоставлением намечаемых рубежей с имеющимися возможностями и фактическим выполнением, выявленном экономической политики в различные периоды. В работе, пожалуй, впервые дается четкая периодизация хода «большого скачка», весьма конкретно очерчены временные рамки этапов «урегулирования» (60-е годы), падений и подъемов производства за 10 лет хаоса «культурной революции».

Рассматривая книгу в контексте современных явлений китайской действительности, невольно приходишь к мысли, что, помимо основной цели — объективно и компактно изложить ход развития народного хозяйства КНР, — авторы попытались «высветить» наиболее удачный опыт общественного переустройства, осуществленного с учетом особенностей Китая. Более выигранным в этом смысле выглядит период восстановления народного хозяйства (1949—1952) и период первой пятилетки (1953—1957), освещению которых отводится в работе довольно значительное место. Социалистические преобразования в Китае в 1949—1957 гг. в свое время были весьма подробно описаны китайскими экономистами³, однако авторы работы уделяют самое пристальное внимание вопросам политики государства в условиях многоукладности экономики. Это явление не случайно: оно перекликается с современными дискуссиями по проблемам, связанным с разработкой концепции планово-товарного хозяйства.

Как известно, восстановление народного хозяйства в Китае проходило в условиях крайней бедности и разрухи и завершилось за 3 года, во многом благодаря тому, что управление финансами, торговлей и денежным обращением удалось сосредоточить в руках государства. В этой связи в книге неоднократно повторяется выдвинутый Чэнь Юнем в 1949 г. тезис о «необходимости тем большей централизации управления, чем сильнее ощущается нехватка средств и материалов» (с. 26). Вместе с тем отмечается «очень внимательное изучение, анализ и использование закона стоимости» (с. 87). Мостик к современным проб-

лемам очевиден: вопросы соотношения административных и экономических рычагов управления широко обсуждаются в нынешней китайской печати в связи с проведением реформы хозяйственной системы КНР.

В период 1949—1952 гг. в КНР в целом были созданы условия для перехода к строительству социализма, накоплен первый опыт социалистических преобразований, повысился жизненный уровень народа.

Основная идея переходного периода — «постепенное превращение аграрного Китая в Китай индустриальный», поворот от государства «новой демократии» к социалистическому государству — была положена в основу «генеральной линии» ЦК КПК в переходный период. Эта линия впервые была выдвинута на II пленуме ЦК КПК седьмого созыва в марте 1949 г. (с. 99) и официально принята в качестве программы партии на переходный период на IV пленуме ЦК КПК в 1952 г. Ее главные задачи известны по многим публикациям, однако и сегодня китайская печать, обращаясь к опыту истории, оценивает эту программу как наиболее отвечающую объективным закономерностям и особенностям развития Китая.

Период 1953—1957 гг. занимает особое место в истории народного хозяйства КНР. В этот период наиболее целенаправленно создавалась материальная основа социалистического общества, закладывалась база для расширенного воспроизводства крупной машинной индустрии, осуществлялось самое широкое сотрудничество с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Главным содержанием экономического строительства в 50-е годы было улучшение структуры общественного продукта путем повышения доли промышленной продукции и увеличения доли средств производства в промышленной продукции. В ходе выполнения пятилетнего плана эти задачи в целом удалось выполнить: доля валовой промышленной продукции в общем объеме промышленной и сельскохозяйственной продукции возросла с 43,1 % в 1952 г. до 56,7 % в 1957 г., а удельный вес средств производства в продукции промышленности увеличился с 35,6 до 48,3 % (с. 181). За весьма короткий срок в Китае была заложена основа целостной промышленной системы.

Сейчас никто не отрицает, что помощь Советского Союза сыграла решающую роль в создании базовых отраслей промышленности КНР. Это подтверждалось и китайской, и западной печатью, размеры помощи оцениваются в довольно крупную величину в истории международного сотрудничества. Думается, что в «Краткой истории...» несколько уменьшено значение внешнего фактора в строительстве материальной базы социализма в Китае. Как указывается в работе, «доля иностранных заемных средств в 1952—1957 гг. составила 2,7 % финансового дохода страны» (с. 110), или 6,5 % капиталовложений за пятилетку в целом. Показательно, что в годы шестой пятилетки (1981—1985) иностранный капитал, привлеченный Китаем во всех формах, составил около 15 % капиталовложений за 5 лет, при этом каких-либо существенных сдвигов в структуре промышленности не произошло. Этот факт очередной раз подтверждает вывод о высокой эффективности экономической помощи, оказанной Советским Союзом Китайской Народной Республике в 50-е годы.

В период первого пятилетнего плана наряду с экономическим строительством велись широкие социалистические преобразования: укреплялся социалистический сектор в промышленности и торговле за счет образования государственно-капиталистических предприятий и вытеснения частнокапиталистических, в деревне повсеместно образовывались производственные, снабженческо-сбытовые и кредитные кооперативы, была введена единая система централизованных закупок и снабжения зерном, пищевым растительным маслом, в городе шло кооперирование кустарей и ремесленников. По данным на 1957 г., в производственные сельскохозяйственные кооперативы были объединены 98 % крестьян, в городские кооперативы — 90 % кустарей, частнокапиталистический уклад практически полностью был вытеснен из промышленности, на него приходилось лишь 3 % товарооборота в розничной торговле. В национальном доходе доля государственного сектора составила 33 %, кооперативного — 56, госкапиталистического — 8, на индивидуальные хозяйства приходилось 3, на капиталистические — 0,1 %, то есть, как констатируется в работе, задачи переходного периода в основном были решены.

В ходе выполнения первого пятилетнего плана Китаем был накоплен некоторый опыт планирования хозяйства, в том числе соотношения накопления и потребления в национальном доходе, выбора важнейших, приоритетных объектов строительства. Очевидные успехи были достигнуты в использовании внешнеэкономических связей, выявлении резервов и централизованной переброске материальных ресурсов, повышении производительности труда и экономической эффективности. По многим технико-экономическим показателям в период первой пятилетки был достигнут рекордный уровень за годы после образования КНР. Вместе с тем в те годы в экономической политике и практике строительства начали проявляться элементы «левачества». В 1955—1956 гг. допускались перегибы в кооперировании крестьянства: широко применялись административные меры для ускорения кооперирования, создавались чрезмерно крупные кооперативы, внедрялись уравнивательные принципы в распределении материальных благ, ущемлялись интересы крестьян-средняков. Поспешность была проявлена при кооперировании кустарей и ремесленников. В ходе преобразования частнокапиталистических предприятий прерывались их технологические и кооперационные связи, что препятствовало нормальному развитию производства (с. 152). В 1956 г. были допущены серьезные промахи в экономическом строительстве: произошло необоснованное увеличение капиталовложений в капитальное строительство (на 62 % по сравнению с 1955 г.), начато сооружение нескольких сот новых объектов, крестьяне в широких масштабах привлекались для работы на промышленных предприятиях и стройках, что резко обострило проблему снабжения городского населения продовольствием, ухудшились финансово-экономические показатели.

На преодоление сложившихся в народном хозяйстве в 1956 г. диспропорций была нацелена система мер, которая легла в основу «урегулирований» экономики, проводившихся в последующие годы неоднократно. Ее автор, Чжэнь Юань, отмечал, что «при осуществлении крупномасштабного строительства обеспечение стабильности экономики является одним из важнейших вопросов», при этом должны быть сбалансированы доходы, расхо-

ды и банковские кредиты (с учетом наличия определенного резерва), соблюдена очередность в снабжении важнейшими видами сырья и материалов (прежде всего обеспечить производство жизненно необходимой продукции, затем — средств производства, остальное направить в капитальное строительство), повышению покупательной способности населения должно сопутствовать увеличение выпуска товаров народного потребления; при планировании капиталовложений и финансовых поступлений необходимо учитывать не только текущий год, но и перспективу; наконец, требуется точная оценка положения в сельском хозяйстве, поскольку от него во многом зависят масштабы капитального строительства (с. 214).

В Китае теперь признают, что через год с небольшим после состоявшегося в сентябре 1956 г. VIII съезда КПК, на котором были подведены итоги строительства социализма в КНР за прошедший период и намечены пути дальнейшего развития, нормальный ход поступательного развития народного хозяйства был резко нарушен развернувшимся «большим скачком». В качестве генеральной линии партии этот курс был официально закреплен на второй сессии VIII съезда КПК (май 1958 г.), перечеркнув тем самым правильные установки, выдвинутые в 1956 г. «Большой скачок» назревал постепенно. Драматические итоги «большого скачка» в целом общеизвестны: неоправданное напряжение огромной массы человеческих сил, напрасная трата материальных и финансовых средств, колоссальный ущерб, причиненный сельскому хозяйству, снижение жизненного уровня, нарушение основных народнохозяйственных пропорций. «Большой скачок» и «коммунизация» серьезно обострили многие проблемы в деревне.

Острая борьба сопровождала утверждение плановых показателей на 1959 г. Выдвинутые в ходе «скачка» необоснованно высокие показатели постепенно были «урегулированы» в сторону приближения к реальным возможностям. Утверждение итоговых плановых показателей на VIII пленуме ЦК КПК восьмого созыва (известном как «лушаньский пленум») было большой победой в борьбе с «левачеством» и свидетельствовало о начале оздоровления обстановки. Однако

после того, как план уже был утвержден пленумом, события приняли совершенно неожиданный разворот. Толчком к этому, как указывают авторы, послужило известное письмо Пэн Дэхуая, адресованное Мао Цзэдуну, в котором в острой форме была дана правильная оценка политики «большого скачка» и «народных коммун». В письме указывалось, что «из-за мелкобуржуазного фанатизма мы с легкостью впали в «левацкие» ошибки; предположив, что можно одним шагом прешагнуть в коммунизм, мы напрочь отбросили выработанную партией за столь длительный срок «генеральную линию масс и принцип ответственности», забыли, что политика в качестве командной силы не заменит экономические законы и конкретные мероприятия в хозяйственной работе...» (с. 256). Используя письмо Пэн Дэхуая якобы для подтверждения тезиса о «продолжении смертельной классовой борьбы пролетариата и буржуазии», Мао Цзэдун возглавил борьбу против мероприятий по выправлению последствий «большого скачка». Летом 1959 г. массивной критике, как «правоуклонистские поветрия», подверглись многие меры по нормализации сельхозпроизводства и жизни крестьян. Шаг за шагом складывалась идеологическая обстановка для нового «скачка». По мнению авторов работы, вторая волна «большого скачка» разразилась в первой половине 1960 г.

В марте 1960 г. состоялась II сессия ВСНП второго созыва, на которой были приняты нереальные плановые показатели на 1960 г. В марте 1960 г. ЦК КПК принял решение приступить к созданию в широких масштабах «народных коммун» в городах и продолжить организацию бесплатных столовых в деревне.

Три года политики «большого скачка» основательно дезорганизовали экономику страны. В связи с развитием промышленности и ростом городского населения в период «скачка» резко возросли централизованные закупки зерна. Нагрузка на крестьян ощутимо возросла: доля зерна, централизованно закупаемого государством, повысилась с 25 до 36 %, производственные и жизненные условия крестьян ухудшились (с. 267).

Односторонний упор на производство стали привел к обострению диспропорций между развитием добывающих и обрабатывающих отраслей промышленно-

сти, между тяжелой и легкой промышленностью (соотношение валовой продукции легкой и тяжелой промышленности изменилось с 3:2 в 1957 г. до 1:2 в 1960 г.), между потребностями в перевозках промышленного сырья и пропускной способностью транспорта. Ухудшилось снабжение населения продовольственными и промышленными товарами. За годы «скачка» потребление зерна в целом по стране в расчете на одного жителя сократилось на 19 % (в городе — на 17, в деревне — на 24), свинины — на 69, хлопка — на 59 % (с. 271).

Во второй половине 1960 г. темпы роста производства замедлились, выпуск многих видов промышленной и сельскохозяйственной продукции сократился. По существу, складывалась кризисная ситуация, требовавшая решительных мер для восстановления экономики. Согласно точке зрения авторов, начиная с июня 1960 г., когда была опубликована директива ЦК КПК «Вся партия берется за сельское хозяйство, за производство зерна», и до августа 1961 г. (лушаньское рабочее совещание ЦК КПК) происходил постепенный поворот от политики «большого скачка» к «урегулированию» народного хозяйства. В сентябре 1960 г. был выдвинут курс на «урегулирование, укрепление, пополнение и повышение». В январе 1961 г. на IX пленуме ЦК КПК восьмого созыва при рассмотрении плана экономического развития на 1961 г. было решено в течение двух-трех лет претворять этот курс в жизнь. Основными задачами периода «урегулирования» были названы восстановление сельского хозяйства и промышленности, коренное улучшение финансово-экономической ситуации, решение наиболее острых проблем. Однако в 1961 г. влияние «левачества» оставалось довольно сильным, обстановка во многом неясной, в руководстве не было единства в оценке глубины кризисных явлений, темпов восстановления, масштабов капитального строительства.

На начальном этапе «урегулирования» основные усилия были сконцентрированы на укреплении сельскохозяйственного производства, упорядочении рынка, сокращении численности рабочих и служащих. В сельском хозяйстве поворот к новым принципам работы, несмотря на ряд решений ЦК КПК, происходил очень медленно. Специальное решение было

принято по проведению дифференцированной закупочной политики в отношении сельхозпродукции трех категорий.

С целью удовлетворения минимальных жизненных потребностей городского населения было выделено 18 видов продуктов первой необходимости и организовано снабжение ими по твердой цене и в ограниченном количестве. В то же время развернулась работа по сокращению численности городского населения главным образом за счет бывших крестьян, которые влились в ряды рабочих и служащих в годы «скачка». В промышленности и капитальном строительстве не предпринималось каких-либо серьезных мер вплоть до осени 1961 г. В августе 1961 г. на рабочем совещании ЦК КПК было признано, что «урегулирование» в промышленности и капитальном строительстве нужно было начинать еще весной 1960 г., что более года работе по «урегулированию» наносился вред (с. 282).

В 1962 г. политика «урегулирования» наиболее решительно осуществлялась по нескольким направлениям. Существенному сокращению подвергся фронт капитального строительства: по сравнению с 1961 г. количество строящихся объектов уменьшилось на 10 тыс., в том числе строившихся крупных и средних — на 406. Последовательное проведение «урегулирования» в 1962 г. повлекло за собой сокращение производства в ряде отраслей промышленности, мощности многих предприятий оставались незагруженными на 50—80 %, отдельные предприятия тяжелой промышленности вообще не имели производственных заданий. В этих условиях была начата работа по «закрытию, остановке, слиянию и переводу на выпуск другой продукции» промышленных предприятий. По октябрь 1962 г. включительно было остановлено 44 тыс. промышленных предприятий уездного уровня подчинения и выше, что составило 45 % количества предприятий, зарегистрированных на конец 1960 г. (с. 293).

В сельском хозяйстве также продолжалась работа по упорядочению производства. В сентябре 1962 г. на IX пленуме ЦК КПК производственная бригада была утверждена в качестве основной хозрасчетной единицы. В целом итоги развития народного хозяйства КНР в 1961—1965 гг. по пути «урегулирования»

оцениваются как положительные.

Анализируя негативный опыт политики «большого скачка», авторы подчеркивают, что при осуществлении преобразований производственных отношений недопустимо превышать уровень развития производительных сил, они отмечают поспешность в организации «народных коммун» и кооперировании кустарей и ремесленников, обобществлении государственно-частных предприятий (с. 333), констатируют, что «в условиях слаборазвитого Китая после утверждения социалистической хозяйственной системы необходимо в течение довольно длительного времени сохранение различных форм и способов хозяйствования. В качестве ценного опыта, почерпнутого из практики, делается вывод о необходимости сочетания планового управления и рыночного регулирования».

Период с 1966 по 1976 г. в Китае получил название «десятилетнего хаоса» в народном хозяйстве. В хозяйственном строительстве был выдвинут лозунг «готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям». Третий пятилетний план развития народного хозяйства (1966—1970), первоначально составленный в духе «урегулирования», был скорректирован согласно установке на ускоренное создание базовой промышленности во внутренних районах — стратегическом тыле всей страны. Темпы прироста промышленного и сельскохозяйственного производства были определены в размере 9 % в среднем за год. Однако разразившаяся «культурная революция» отодвинула выполнение этого плана на далекую перспективу.

В мае 1966 г. на XI пленуме ЦК КПК, ознаменовавшем начало «культурной революции», было принято два программных документа: «Уведомление ЦК КПК от 16 мая» и «Решение ЦК КПК о великой пролетарской культурной революции», — которые, по словам авторов, «вызвали замешательство в руководстве и дезорганизацию в управлении». Развернувшиеся во втором полугодии 1966 г. политические кампании нарушили нормальный ритм работы промышленности и транспорта.

Попытки предотвратить надвигающийся хаос предпринимались уже в ноябре 1966 г. Чжоу Эньлаем, однако «культурная революция», набирая силу, дезорганизовывала хозяйственную работу,

экономическая ситуация в стране ухудшалась. 1967—1968 гг. были, по мнению авторов, самыми «смутными» из всего периода «десятилетнего хаоса». Партийный контроль за экономической работой значительно ослаб. Работа плановых органов была полностью парализована, контракты на поставку продукции не заключались. К составлению плана развития народного хозяйства на 1968 г. вообще не приступали. Беспорядки на транспорте и в угольной промышленности нарушили нормальный ход развития всего народнохозяйственного комплекса. Во второй половине 1967 г. на многих предприятиях суточная выработка сократилась на 30—60 %, из-за нехватки рабочих на основных технологических линиях, отсутствия сырья и энергии многие предприятия были остановлены, резко упала дисциплина труда. В 1967 г. валовая продукция промышленности уменьшилась на 14 % по сравнению с предыдущим годом, а в 1968 г. — еще на 5 %. В сельском хозяйстве также наблюдался застой. Потери валовой промышленной и сельскохозяйственной продукции только за эти 2 года составили, как указывают авторы, 110 млрд. юаней (с. 362).

Предпринимавшиеся попытки выправить положение существенных результатов не дали. В период IV пятилетнего плана (1971—1975) развитию народного хозяйства были присущи черты, характерные для предыдущих лет развития. По мнению авторов работы, этот план выдвигал нереальные задачи, «выполнение намеченных планом показателей было бы крайне трудным делом даже в исключительно благоприятных условиях» (с. 380). В 1971—1972 гг. диспропорции продолжали нарастать. В январе 1973 г. на всекитайском плановом совещании были рассмотрены вышеупомянутые проблемы и принято решение скорректировать IV пятилетний план. В июне того же года был утвержден исправленный проект плана, предусматривавший, в частности, снижение задания по выплавке стали в 1975 г. с 35—40 млн. т до 30 млн. т. На совещании наметили провести в 1973 г. ряд мероприятий по «урегулированию» народного хозяйства.

В 1975 г. завершилась четвертая пятилетка развития народного хозяйства КНР, ее итоги, как и предшествующей,

оказались далеко не блестящими. 25 из 51 основного показателя четвертого пятилетнего плана остались невыполненными, из 30 важнейших видов продукции тяжелой промышленности план не был выполнен по производству 18, из 11 видов продукции легкой промышленности не выполнен по 4 (с. 411). В 1976 г., как отмечают авторы, «левачеством» (имеется в виду так называемая банда четырех) был нанесен максимальный урон хозяйству страны, промышленное производство возросло лишь на 1,3 % по сравнению с 1975 г., сельскохозяйственное производство — на 2,5 %, в строй было введено 85 крупных и средних объектов капитального строительства (вдвое меньше, чем в 1975 г.), убытки государственных предприятий достигли 17,7 млрд. юаней, вдвое превысив уровень 1965 г. По подсчетам авторов книги, за 1974—1976 гг. по причине всеобщего хаоса и беспорядка народное хозяйство страны недополучило на 100 млрд. юаней валовой промышленной продукции (с. 415).

Завершением периода «десятилетнего хаоса» и началом оздоровления обстановки китайская партийная и массовая печать, как правило, считает октябрь 1976 г., когда были сняты со всех постов руководители так называемой банды четырех и их ближайшие сторонники. Авторы книги также отмечают, что уже в первой половине 1977 г. положение в промышленности и на транспорте улучшилось. В 1977 г. валовая промышленная продукция возросла на 14 % по сравнению с предшествующим годом, а в 1978 г. — еще на 13,5 %. Вместе с тем «левацкие» методы в экономической политике и практике строительства продолжали проявляться. На I сессии ВСНП четвертого созыва при рассмотрении десятилетнего плана развития народного хозяйства КНР (1976—1985) снова были выдвинуты завышенные показатели и намечена грандиозная, но невыполнимая инвестиционная программа. В 1978 г. доля достижения в национальном доходе достигла почти 37 %, ухудшилось соотношение между сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью, эффективность капиталовложений продолжала падать, снизилось качество продукции, встала проблема безработицы в городах: более 20 млн. человек не имели работы (с. 444).

III пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва (декабрь 1978 г.) в китайской печати единодушно называется «историческим поворотом» в развитии КНР. На пленуме был намечен комплекс мер по наведению порядка в экономике страны. В апреле 1979 г. был официально подтвержден курс на «урегулирование, реформу, упорядочение и повышение». В области сельского хозяйства было принято решение по работе «народных коммун», по повышению начиная с 1979 г. закупочных цен на зерно и ряд других мер. В ноябре 1981 г. на IV сессии ВСНП пятого созыва в рамках курса на «урегулирование» было выдвинуто требование поставить в центр всей экономической работы задачу повышения экономической эффективности. В декабре 1982 г. на V сессии ВСНП был утвержден план экономического и социального развития КНР на 1981—1985 гг., в котором «урегулирование» народного хозяйства определялось в качестве главной экономической задачи пятилетки.

В ходе выполнения VI пятилетнего плана, как показывают данные, опубликованные в китайской печати, произошли в целом положительные сдвиги в народном хозяйстве КНР. Улучшились основные народнохозяйственные пропорции, снизилась доля накопления в национальном доходе, возрос удельный вес сельского хозяйства и легкой промышленности в валовой промышленной и сельскохозяйственной продукции, при распределении капиталовложений усилилось внимание к вопросам технической реконструкции действующих предприятий. В сельском хозяйстве повсеместно распространилась система производственной ответственности, были восстановлены индивидуальные подсобные хозяйства. В области внешних связей стали шире применяться новые формы внешней торговли и экономического сотрудничества, для привлечения иностранного капитала были созданы особые экономические зоны. Определенных результатов удалось добиться в упорядочении промышленных предприятий, на ряде направлений продвинулись в развитии науки и техники и реформе хозяйственного механизма. В городах расширилась занятость, повысилась жизненный уровень рабочих и служащих, заметно возросли доходы крестьян.

За 30 с лишним лет в народном хо-

зяйстве Китая произошли большие изменения, пройден сложный путь социальных преобразований, накоплен немалый опыт экономического строительства. И вполне закономерно, что развитие экономики КНР на современном этапе не свободно от «напластований» прошлых лет, от последствий ошибок и просчетов, допущенных в переломные периоды хозяйственной жизни страны. Постоянное обращение к событиям недавнего прошлого Китайской Народной Республики, изучение новых страниц экономического развития в сопоставлении с имеющимися представлениями не только помогают лучшему пониманию явлений тех лет, но и способствуют более глубокому осмыслению процессов, происходящих в Китае в настоящее время.

*А. В. НИКОДА,
кандидат экономических наук*

¹ К числу таких публикаций можно отнести изданные в 1981—1984 гг. книги: Реформа хозяйственной системы в современном Китае. Пекин, 1984 (на кит. яз.); Проблемы планового управления в Китае. Пекин, 1984 (на кит. яз.); Структура экономики Китая. Сокр. пер. с кит. М., 1984.

² Итоговый партийный документ, принятый на VI пленуме ЦК КПК в июне 1981 г.

³ Некоторые работы переведены на русский язык. См.: Ло Юаньцзэн. Экономические преобразования в Китайской Народной Республике. Л., 1955; Цзэн Вэньцзин. Социалистическая индустриализация Китая. М., 1959; У Цзян. Вопросы преобразования капиталистической промышленности и торговли в КНР. М., 1960.

Справочник об индивидуальном секторе в КНР

Справочник по хозяйственной деятельности индивидуальных промышленных и торговых предприятий в городе и деревне (Чэнсян гэти гуншанху цзиньин шоуэ). «Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ», Гуйян, 1985, с. 298.

Одной из особенностей экономической политики КНР последних лет явилось поощрение развития различных экономических форм, в том числе индивидуального сектора. Если в 1978 г. в нем было занято только 140 тыс. человек, то к концу 1985 г. насчитывалось около 12 млн. индивидуальных предприятий, на которых было занято свыше 17,5 млн. человек¹. Заметно выросла доля индивидуального сектора в валовой продукции промышленности. В 1980 г. она составляла 80 млн. юаней, то есть 0,02 % валовой продукции промышленности, а в 1984 г. — 1,48 млрд. юаней, что составляло 0,21 %². Быстро развивались и торговые индивидуальные предприятия. Если в 1978 г. таких предприятий розничной торговли насчитывалось 108 тыс. с числом занятых 136 тыс. человек, то в 1984 г. — 5 196 тыс. и на них было занято 6 631 тыс. человек³.

В рецензируемом справочнике подробно рассматриваются различные стороны существования индивидуального сектора. Его цель — предоставить необходимую информацию в области хозяйственной деятельности и управления лицам, желающим заняться самостоятельной хозяйственной деятельностью.

Авторы справочника определяют индивидуальный сектор как экономическую форму, при которой трудящийся-единоличник владеет необходимыми ему средствами производства, а результаты труда целиком поступают в распоряжение его самого, за исключением государственного налога. Средства производства у единоличника — обычно орудия простого ручного труда, иногда даже предметы домашнего обихода, например швейная машина. У некоторых индивидуальных производителей имеются механические орудия труда и механический транспорт. Производственную единицу обычно образуют либо один человек, либо семья, которые самостоятельно осуществляют хозяйственную деятельность или предоставляют услуги. Единоличник может заниматься хозяйственной деятельностью на совместной, кооперативной и другой основах. В ряде случаев с разрешения управления промышленно-торговой администрации единоличник может приглашать двух — трех помощников, несколько учеников (с. 50). При этом заключается договор, определяющий права и обязанности сторон, сроки, вознаграж-

дение и т. п. Договор должен быть представлен в управление промышленно-торговой администрации.

Китайские авторы отмечают, что в социалистическом обществе, где ведущее место занимает общественная собственность на средства производства, индивидуальный сектор является необходимым дополнением к государственной и коллективной экономике. Нынешняя политика государства в отношении индивидуального сектора — политика долгосрочная, основанная на учете объективных условий.

Конституция КНР законодательно определила место индивидуального сектора. В ней говорится, что индивидуальные предприятия трудящихся в городе и деревне, действующие в определенных законом пределах, являются дополнением социалистической экономики, государство охраняет права и интересы индивидуального сектора. Это означает, что любые организации не должны произвольно вмешиваться в законную деятельность индивидуальных предприятий. Взимать налоги и прекращать их деятельность могут только соответствующие органы. Деятельность индивидуального сектора определяется такими законоположениями, как «Некоторые политические установки Госсовета об индивидуальных хозяйствах в городах и поселках, не связанных с сельским хозяйством», «Дополнительные положения к некоторым политическим установкам Госсовета об индивидуальных хозяйствах в городах и поселках, не связанных с сельским хозяйством», «Некоторые положения об индивидуальной промышленности и торговле в деревне». На деятельность индивидуальных предприятий распространяются также и законоположения, общие для всех предприятий, например «Закон о хозяйственных договорах», «Положения по контролю за регистрацией промышленных и торговых предприятий», «Закон о торговой марке», «Способы управления рыночной торговлей в городе и деревне» и др.

Составители справочника отмечают, что в начальный период после образования КНР индивидуальный сектор был широко представлен крестьянами-единоличниками, ремесленниками, мелкими торговцами. В ходе первой пятилетки государство провело социалистические преобразования сельского хозяйства и

кустарного производства, капиталистической торговли и промышленности. Однако темпы преобразований были чрезмерными, в результате чего возникли ошибки: создавались слишком крупные объединения ремесленников и мелких торговцев, проводилась без разбора коллективизация подсобных семейных хозяйств членов коммун, включались в объединения непригодные к хозяйственной деятельности предприятия, сокращалась и прекращалась хозяйственная деятельность многих предприятий. Вследствие этого сократилась сеть услуг, ухудшилось обслуживание населения. Потом, под влиянием «левых» ошибок, была свернута рыночная торговля в городе и деревне, все больше урезалось подсобное хозяйство. Деятельность индивидуального сектора, заклеянного как «хвост капитализма», все больше и больше ограничивалась. Только после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, когда была либерализована экономическая политика, индивидуальный сектор получил сравнительно быстрое развитие. Однако и сейчас из-за влияния в течение длительного времени «левых» ошибок существуют сомнения и предубеждение против индивидуального сектора.

В справочнике указывается, что после проведения социалистических преобразований в китайской экономике коренные изменения произошли и в индивидуальном секторе.

В начальный период после создания КНР индивидуальный сектор, находясь под руководством государственного, имел, однако, многочисленные связи с капиталистическим сектором. В настоящее время индивидуальный сектор является дополнением экономики, основанной на общественной собственности.

Авторы считают, что индивидуальный сектор должен содействовать оживлению экономики, налаживанию рыночной торговли, развитию производства. Он весьма эффективен в удовлетворении запросов потребителей. Индивидуальные предприятия действуют в сфере торговли, общепита, услуг мелкого ремонта, перевозок, строительства, ремонта жилья — там, где нет или не хватает государственных и коллективных предприятий. Единичники могут брать в аренду или на подряд часть сферы услуг, торговли, ремонта и т. п., которая относится к государственным и

коллективным предприятиям, но невыгодна им. Способы хозяйствования единичников гибки, рабочее время ограничено. С 1978 по 1984 г. количество предприятий торговли, общепита и сферы услуг увеличилось на 7895 тыс., причем индивидуальные предприятия составили 7103 тыс., то есть 90 % всех предприятий такого рода⁴. Индивидуальный сектор увеличивает занятость (а в городах ежегодно несколько миллионов человек нуждаются в трудоустройстве), экономит государственные средства. Со времени 2-го пленума ЦК КПК (февраль 1978 г.) созыва 580 тыс. молодых людей, «ожидавших работы», занялись самостоятельной хозяйственной деятельностью в городах и поселках. Таким образом сэкономлено 100 млн. юаней государственных средств, необходимых для их трудоустройства. Из числа избыточной рабочей силы в деревне 5 % заняты в индивидуальном секторе. Индивидуальный сектор увеличивает поступления в госбюджет. Так, за 1982—1984 гг. этот сектор уплатил налогов государству на сумму 2,3 млрд. юаней.

Справочник подчеркивает, что нынешние единичники — это «молодежь, ожидавшая работу», а теперь занятая в индивидуальном секторе (она составляет приблизительно 40 % от общей численности единичников, а в некоторых местах и более половины (с. 4)), это лица из числа избыточного сельского населения, пенсионеры, имеющие управленческий опыт и профессиональные знания и способные обучать учеников, а также лица, которые знают традиционные ремесла и могут их восстановить.

Средства, необходимые для начала хозяйственной деятельности, сообщает справочник, могут быть получены единичником различными способами: накоплены им, заняты у других лиц либо получены в банке в виде кредита. Прежде чем организовать индивидуальное предприятие, единичник должен подать заявление, чтобы получить разрешение на такую деятельность. Заявление после согласования в квартальном управлении подается в управление промышленно-торговой администрации. Если заявление утверждается, то выдается разрешение. В ряде случаев необходимы разрешения от других органов. Например, при организации предприятий питания необходимо иметь разрешение органов санконтро-

ля и справку о состоянии здоровья. Кроме того, управление промышленно-торговой администрации регистрирует предприятие.

При организации индивидуального предприятия, отмечают авторы, может быть открыт счет в банке. Временно не используемые средства вносятся в банк. В зависимости от длительности вклада по ним выплачивается процент ежемесячно — от 0,45 до 0,75 %. В случае необходимости деньги могут быть сняты со счета без ограничений. Для развития производства, налаживания рыночных связей любое индивидуальное предприятие, действующее согласно государственной политике и соблюдающее законы, имеющее разрешение на хозяйственную деятельность, нуждающееся в средствах, может обратиться в банк за кредитом.

Срок кредита установлен от 6 мес. до года. Для некоторых предприятий — до трех лет. Не разрешается брать новые средства, чтобы вернуть уже занятые. Если в срок деньги не возвращены, то за просроченное время прибавляется к выплате за кредит 20 %. При необходимости вопрос о невозвращении кредита решается соответствующими органами в соответствии с законом. В случае нарушения государственных законов и политики при использовании кредита кредитор имеет право требовать возврата кредита и налагать штраф. Подписывая договор с банком о кредите, единоличник указывает в договоре цель кредитования, сроки возврата, сумму, проценты. Размер процента устанавливается Банком Китая. В настоящее время по всем кредитам для индивидуального сектора установлено 0,72 %. Если кредит использован не по назначению либо превышены пределы разрешенной деятельности, то процент увеличивается на 50 %.

После получения разрешения на хозяйственную деятельность единоличник обязан подать заявление в налоговые органы и выполнить необходимые формальности. Налоговые органы выдают «Руководство по уплате налогов», которое является официальным документом. Уплата налогов должна осуществляться в месте регистрации. Если документа из налоговых органов нет, то налоги собираются как с «временного предприятия» по повышенной ставке. Так, например, с торгового или промышленного предприятия, имеющего доку-

мент, налог на операции взимается из расчета 3 %, а с «временного предприятия» — 5—10 % (с. 42).

Основными видами налогов с индивидуальных предприятий являются налоги на продукцию, на хозяйственную деятельность и подоходный налог. Налоги на продукцию и на хозяйственную деятельность устанавливаются государством по конкретным товарам и деловым операциям различных предприятий. Первый от 3 до 50 %, второй от 3 до 10 % (с. 68—74, с. 74—76).

Если объем операций не достигает необходимого минимума, то предприятия освобождаются от налога на хозяйственную деятельность. Если индивидуальное предприятие поставляет какие-либо товары государственным или коллективным предприятиям, то последние должны выплачивать налог по этим операциям вместо индивидуального предприятия. Ставка подоходного налога с индивидуального предприятия определяется народными правительствами провинций, городов. В Гуйчжоу, например, ставка подоходного налога прогрессивная — от 7 % (при доходе менее 180 юаней в год) до 50 % (при доходе более 5 тыс. юаней в год) (с. 67).

Подоходный налог взимается вместе с налогом на хозяйственную деятельность по совместной ставке. К ставке подоходного налога прибавляется ставка налога на хозяйственную деятельность (или налога на продукцию). Подоходный налог рассчитывается уездными или городскими органами поквартально и взимается ежемесячно. Некоторые предприятия могут временно освобождаться от уплаты налогов там, где это необходимо для развития производства (особенно в сельском хозяйстве). При нарушении налоговых требований применяется штраф, а в особых случаях и привлечение к уголовной ответственности.

Индивидуальное предприятие может приглашать в качестве советников специалистов, разбирающихся в хозяйственном управлении и в законодательстве.

Индивидуальное предприятие должно заключать договор с соответствующими организациями или другими индивидуальными предприятиями о поставке товаров или сырья сроком на год, где указывается наименование, тип товара, условия упаковки, количество, качество, технические характеристики, цены, способы перевозки.

Для решения проблем обучения и хозяйственной деятельности необходима организация. В этих целях, сообщает справочник, и была создана ассоциация трудящихся-единоличников. Ассоциация создана на добровольной основе и находится под контролем партии и государства. Руководят ассоциацией управления промышленно-торговой администрации различного уровня. Ассоциация способствует деятельности индивидуального сектора, охраняет законные права и интересы единоличников. Здесь действует принцип самоуправления. Любой единоличник, получивший разрешение на хозяйственную деятельность от управления промышленно-торговой администрации и занимающийся такой деятельностью, а также ученики и помощники могут быть членами ассоциации. Задачи ассоциации трудящихся-единоличников включают в себя пропаганду партийного курса, социалистическое и патриотическое воспитание, распространение производственного и управленческого опыта, профессиональное обучение, распространение информации, защиту законных интересов членов, организацию взаимопомощи и страхование. В руководство ассоциации могут входить несколько официальных государственных чиновников, которые призваны способствовать более полному удовлетворению нужд членов ассоциации (поставки сырья, топлива, фонды и т. п.), помогать им в разрешении трудностей в вопросах хозяйственной деятельности.

Справочник предоставляет также сведения об организации индивидуального предприятия, о налогообложении, банковской системе, страховании, экономическом законодательстве, о том, как составлять хозяйственный договор, получить торговую марку, дать объявление, организовать товарные перевозки, наладить бухгалтерский учет, хранить продукцию, закупать товары, оформлять различные документы, и разъясняет экономические термины.

Ю. В. ЦЫГАНОВ

Социальная среда и революционное движение в Китае

А. В. Панцов. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20—40-х годов. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985, 116 с.

Развитие революционного процесса в Китае — основополагающая проблема новейшей истории этой страны. Изучение глубинных, в первую очередь социальных истоков формирования идейных и политических противоречий внутри различных отрядов китайских революционных сил 20—40-х годов помогает лучше понять положение в современном Китае. В области изучения разнообразных проблем китайского революционного движения марксистской историографией сделано в последние годы немало, однако вопросы, поднятые в рецензируемой монографии, до сих пор не получили достаточного освещения.

Книга посвящена изучению особенностей воздействия социальной среды до-революционного Китая на основной отряд китайского революционного движения — КПК. Под данным углом зрения рассматриваются практически все стороны организационной и идейно-политической жизни партии на довольно значительном отрезке времени — с образования первых коммунистических кружков и групп вплоть до превращения КПК в правящую организацию. Характерной чертой исследования является его комплексность. Общий подход к изучению поставленной темы можно определить как историко-социологический.

А. В. Панцов проделал большую работу по выявлению и изучению достоверных фактов и материалов. Можно с уверенностью констатировать, что мимо внимания автора не прошел ни один из значительных документов как Коммунистического Интернационала по восточному и китайскому вопросам, так и Коммунистической партии Китая.

¹ См.: «Жэньминь жибао», 23.II.86.

² См.: Чжунго тунцзи няньцзянь. Пекин, 1985, с. 306.

³ Там же, с. 487.

⁴ Там же.

Изучены произведения руководящих деятелей КПК разных периодов — Ван Мина, Лю Шаоци, Мао Цзэдуна, Пэн Дэхуая, Пэн Чжэня, Цюй Цюбо, Чжоу Эньлая. Критически проанализированы мемуары участников и очевидцев событий. Многие документы и материалы вводятся в научный оборот впервые.

Структура монографии обеспечивает логичную организацию большого материала, мобилизованного автором.

В первой главе, носящей вполне оправданно вводный характер, А. В. Панцов вскрывает особенности социальной структуры Китая 20—40-х годов. При этом он не просто пересказывает известные положения о патриархальном, в целом докапиталистическом характере китайского общества. На этом фундаменте он строит рассуждения, связанные с характеристикой основных экономических интересов и вытекавших из них социальных чувств разнообразных общественных сил, составлявших массовую базу КПК и оказывавших мощное давление на все стороны жизни компартии. Данный подход автора вполне оправдан. Ведь в условиях неразвитости переходной структуры дореволюционного китайского общества, выразившейся в ее многослойности, замедленности процесса образования современных классов, малочисленный китайский пролетариат был не в состоянии подчинить своим интересам разнообразные, как пишет А. В. Панцов, «социальные инстинкты» всей той массы населения, которая втянулась в революционную борьбу. На протяжении всего периода национально-демократической (преимущественно национально-освободительной) революции непролетарские общественные интересы и настроения оказывали на КПК существенное воздействие.

Автор убедительно показывает, каким образом в идеологических и политических установках многих руководящих работников КПК, политическом поведении членов партии отражалась социальная психология люмпен-пролетарских, бедняцко-пауперских, патриархально-крестьянских, мелкобуржуазных слоев населения. Серьезное внимание он уделяет и анализу степени влияния на революционеров Китая пролетарских интересов и чувств, справедливо подчеркивая, что на формирование последних оказывал воздействие целый

ряд факторов, как способствовавших, так и замедлявших становление классового самосознания рабочих заводов и фабрик (см. с. 23—24). Исследование в этой области позволяет глубже оценить важнейшие направления идейно-политического развития Компартии Китая в период борьбы за национальное и социальное освобождение народа, а также в настоящее время.

Выделяя различные типы экономических интересов и социальных чувств разнообразных групп китайского населения, автор вместе с тем справедливо указывает и на их «относительную аморфность» (с. 24, 25). Глубокие социально-экономические и политические факторы — общая нестабильность экономического положения Китая, разложение старых и незавершенность процесса формирования новых социальных слоев, существование подавляющей массы населения в условиях ужасающей бедности и постоянной угрозы голода, экономическая и политическая изолированность отдельных районов друг от друга, непрерывные войны, общенациональный характер революционного движения — не давали возможности «четкого оформления... социальных чувств, смазывая зачастую серьезные различия между ними» (с. 25). Данное положение заслуживает внимания. Оно много проясняет при анализе проблем эклектичности идейных воззрений ряда деятелей революционного движения в Китае. Расплывчатость социальных чувств народных масс, естественно, сказывалась и на характере внутрипартийной борьбы в КПК, обуславливая частые компромиссы между сторонниками различных взглядов.

Значительный интерес вызывает вторая глава монографии, посвященная исследованию наименее изученных проблем организационного строительства авангарда революционных сил и выяснению форм и степени воздействия на это строительство социальной среды. Написанная главным образом на основе анализа широкого круга документальных материалов, данная часть работы в известной мере восполняет пробел, существовавший до сего времени в советском Китаеведении, в котором фактически мало исследовались проблемы развития организационной структуры компартии в 20—40-е годы. Автор, предпринявший детальное изучение динамики

численного и социального состава партии, показал, что даже в условиях отсталой в промышленном отношении страны пролетариат мог — и опыт первых лет существования КПК это подтверждает — выделить из своей среды большое число борцов за освобождение китайского народа. Главные причины изменения социального состава КПК автор видит прежде всего в объективных факторах — трудностях развертывания рабочего движения в городах в 30—40-е годы, особенностях практической борьбы китайских коммунистов, действовавших с конца 20-х годов в основном в сельской местности, а также — в определенной степени — в ошибочной политике некоторых лидеров КПК в области организационного строительства. Данные выводы кажутся вполне обоснованными и убедительными, они еще раз опровергают тезис буржуазных антикоммунистов о том, что в Китае 20—40-х годов для КПК якобы вообще не существовало объективной социальной почвы, что компартия будто бы была искусственно создана исключительно в результате действий внешних сил.

Большого внимания заслуживает представленный в монографии анализ проблем идейно-воспитательной и организационной работы в компартии. Незрелость революционного движения в слабо развитой в социально-экономическом отношении стране с вековыми традициями абсолютизма привела уже в начальный период развития КПК к разнообразным нарушениям некоторыми руководящими деятелями партии принципов демократического централизма и идейно-теоретического воспитания кадров. Эти явления нашли одно из наиболее ярких проявлений в деятельности активного работника КПК 20-х годов, известного впоследствии «теоретика» китайского троцкизма Жэнь Чжосюаня (псевдонимы — Рафаил, Е Цин). Теоретические установки Жэнь Чжосюаня и его единомышленников, а также их практическая политика, получившие в истории КПК название «рафаиловщина», подвергнуты в монографии тщательному исследованию. Впервые в советском Китае введении вскрыты социальные и идейные корни «рафаиловщины». Очень интересно, свежо и ново дано в книге сравнение позиций ряда первых сторонников коммунизма в Китае со взглядами рабо-

чедельцев, бакунистов и нечаевцев (см. с. 53—57).

Убедительной критике подвергнуты позиции представителей националистической тенденции по вопросам идейно-теоретического воспитания и партийного строительства и в 30—40-е годы.

На широком историческом фоне автор показывает, что в обстановке, когда в самой Компартии Китая в 20—40-е годы работа по обучению марксистских кадров не всегда была поставлена достаточно широко (хотя партия в целом придавала большое значение воспитательной работе), огромную роль играла интернациональная помощь КПК со стороны Коминтерна, ВКП(б) и Советского государства. Именно Коминтерн организовал в Стране Советов сеть интернациональных учебных заведений, во многих из которых проходило интенсивное обучение китайских революционеров. Изучению методов и форм, степени эффективности данного обучения уделено немало страниц в рецензируемой монографии. Именно всесторонняя помощь Коммунистического Интернационала, ВКП(б) и Советского государства в подготовке китайских марксистов «в огромной степени», как подчеркивает автор, стимулировала «формирование в КПК марксистско-ленинского течения» (с. 56).

Вместе с тем изменения социального состава КПК в конце 20-х — 40-е годы существенно усложняли и расширяли круг проблем, связанных с организацией эффективной внутрипартийной идейно-воспитательной работы, обостряли вопросы организационной жизни. В этих условиях в партии укреплялись две взаимосвязанные тенденции — крайнего централизма и децентрализма (групповщины), внутренние истоки которых коренились в социально-экономической отсталости дореволюционного Китая. Данное обстоятельство приводило к тому, что, несмотря на огромную помощь со стороны Коминтерна и ВКП(б), направленную на большевизацию Компартии Китая и превращение ее в один из наиболее мощных отрядов мирового движения коммунистов, КПК в те годы все же приобретала, по словам автора, ряд черт традиционной организации восточного образца — крестьянско-пауперской по составу, базировавшейся на групповых и земляческих связях, строившейся на принципах безграничного авторитета централь-

ного руководства (см. с. 63). Разумеется, многообразные связи партии с массами, в первую очередь с крестьянством, оставались достаточно прочными, КПК сохраняла боеспособность, оставаясь ведущим отрядом китайского революционного движения. Однако сложности и противоречия в ее организационном развитии создавали возможности для укрепления в ней позиций сторонников разнообразных немарксистских направлений. Естественно поэтому, что без помощи международного коммунистического движения Компартия Китая не могла закрепить победу революции 1949 г. и построить основы социализма.

Не менее интересна глава третья рецензируемой монографии, в которой содержится богатый материал, убедительно показывающий, сколь труден и неоднозначен был процесс распространения и восприятия в Китае идей марксизма-ленинизма. А. В. Панцов тщательно анализирует причины, способствовавшие и мешавшие развитию этого процесса, обращая внимание при этом на то, что на революционное движение в Китае определенное идейное воздействие оказали разнообразные немарксистские идеологические системы — троцкизм, «лево»-авантюристические взгляды М. Н. Роя, анархизм и другие течения. Обращает автор внимание и на то, что на уровне обыденного сознания на многих сторонников коммунизма в Китае воздействовали традиционные — конфуцианские и иные — представления о мире, этике и т. д. Особо А. В. Панцов отмечает, что начавшийся в полуколониальном Китае процесс складывания национальной общности вызвал колоссальный рост националистических настроений, которые в полном смысле слова «захлестнули» интеллигенцию, отрицательно сказались на «вызревании классовых чувств других слоев китайского общества, начавших проявлять политическую активность, — пролетариата и крестьянства» (с. 88), а следовательно, и на мировоззрении ряда ведущих деятелей КПК.

Особого внимания заслуживает представленный в монографии анализ переводов на китайский язык документов II конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам. Сопоставляя указанные переводы с оригиналами, другими вариантами «Тезисов

по национальному и колониальному вопросам» и «Дополнительных тезисов» на русском, английском, немецком и французском языках, А. В. Панцов конкретно показывает отличие китайских текстов от подлинников. Тем самым он обосновывает важное положение о том, что процесс распространения в Китае ленинских идей проходил крайне противоречиво.

Проделанное исследование приводит автора к обоснованным выводам: противоречия в развитии КПК, обусловленные воздействием на последнюю социальной среды, способствовали складыванию в партии специфической обстановки. В ней существовали объективные условия и предпосылки для формирования разнообразных по своей социально-классовой и идейно-политической сущности внутрипартийных течений, но в то же время участники и попутчики коммунистического движения не всегда могли окончательно размежеваться. Все это привело к тому, что разногласия, не имевшие, как подчеркивает А. В. Панцов, достаточных предпосылок для идейно-политической систематизации, существовали по преимуществу в виде тенденций, давая о себе знать в периоды особенно острых политических, социальных и идейных катаклизмов в стране (см. с. 89—90). В этой связи особое значение приобретала интернациональная помощь партии Ленина, нашей страны, Коминтерна для обеспечения дела революции.

Некоторые положения работы, на наш взгляд, нуждаются все же в более развернутом обосновании и изложении. Следовало бы больше внимания уделить проблемам полуколониальности китайского общества как социально-экономической базе доминирования националистических настроений, особенно в политически активной среде. Работа выиграла бы, если бы автор более тщательно проанализировал особенности воздействия на КПК, мировоззрение ее кадрового состава специфики длительной вооруженной борьбы. Довольно бегло очерчено положение в КПК в период гражданской войны 1946—1949 гг., хотя именно этот период дает немало ценного материала для исследования проблем «столкновения» социальных чувств и интересов крестьянства, прежде всего бедняцко-пауперской части деревни, питавших идеологию ряда ответственных де-

ателей КПК, с социальными чувствами и интересами промышленного пролетариата.

Несмотря на данные замечания, рецензируемая монография в целом имеет большое научное значение. Представленная А. В. Панцовым концепция обогащает наши представления о путях и особенностях развития революционного движения в отсталых в социальном и экономическом отношениях странах.

*М. Ф. ЮРЬЕВ,
доктор исторических наук,
профессор*

Китайское крестьянство на рубеже нового и новейшего времени

Н. И. Тяпкина. Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая (вторая половина XIX — начало XX в.). «Наука», Главная редакция восточной литературы, М., 1984, 223 с.

В советском китаеведении последних лет стало все более заметно стремление исследователей не только и не столько отобразить те или иные явления, сколько разобраться в причинах их возникновения и характере функционирования. История Китая все больше и больше рассматривается под углом зрения совокупного действия многих факторов — экономических, социально-политических, идеологических, культурных, социально-психологических.

Необходимость именно такого системного подхода к анализу живой ткани истории не просто осознается современными учеными, но и осуществляется на практике. В связи с этим значительный интерес представляет недавно вышедшая в свет монография Н. И. Тяпкиной «Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая (вторая половина XIX — начало XX века)». Дерев-

ня и крестьянство в работе показаны как компонент единой социально-политической и экономической структуры позднecinского Китая, изменения в которой, что крайне важно, происходили под воздействием сдвигов в остальных компонентах, а также в системе в целом.

Подобный подход позволил представить положение китайского крестьянина в комплексе разнообразных связей как на уровне государства, так и на уровне деревни.

Работа Н. И. Тяпкиной самым непосредственным образом связана с проблемами массовых крестьянских движений не только рассматриваемого периода, но и последующих десятилетий, вплоть до 1949 г. Хотя книга и посвящена более широкому кругу проблем, касающихся общественного устройства Китая накануне Синьхайской революции, но нас интересуют главным образом заложенные в ней возможности понимания и объяснения особенностей крестьянских движений.

Многое уже сделано советскими историками в изучении этого вопроса. В настоящее время выработано мнение, что на рубеже нового и новейшего времени китайское крестьянство выступало прежде всего не против рентной эксплуатации со стороны землевладельцев, а против произвола управленческого аппарата государства (беззаконий и лихоимства чиновников); оно не выдвигало земельных требований, не выступало инициатором аграрного переворота. В исторической литературе в общих чертах обрисованы основные причины данной особенности крестьянских движений.

Главная из этих причин заключается, по мнению исследователей, в характере основного противоречия китайской деревни нового и новейшего времени. Это противоречие лежало не в системе отношений «крестьянин — землевладелец», а в системе «крестьянин — государство»¹. И именно последняя система подверглась в позднecinское время наибольшему разрушению, пришла «в негодность», что выразилось в беспрецедентном росте налогов накануне Синьхайской революции, в разрушении традиционных регуляторов налоговой эксплуатации².

Работа Н. И. Тяпкиной как раз и содержит подробный анализ системы «крестьянин — государство», рассмот-

ренный к тому же не в статике, а в динамике. Автор показывает начавшийся процесс ее трансформации, вызванный династическим и трансформационным кризисами. Все это помогает вскрыть глубинные, в какой-то мере изначальные, заложенные в самой структуре причины главной и определяющей направленности социального недовольства и стихийного протеста крестьянства.

Поэтому крайне важен и необходим содержащийся в книге детальный разбор основных социальных и политических институтов Цинской империи. Автор вполне обоснованно, на наш взгляд, исходит из тезиса, согласно которому социально-политическая организация китайской деревни являлась интегрированной частью сословно-бюрократической структуры Китая, на конкретном материале показывает, как государство осуществляло управление страной сверху донизу, благодаря чему автор опровергает довольно распространенное в мировой литературе мнение о так называемой автономии деревни, ее «независимости» от центральных властей, самоуправления. Детальное описание механизма действия систем фискального («лицзя»), полицейского («баоцзя»), социального («шэ», «сян») контроля убеждает в том, что власть центра не «кончалась» на уездном уровне, а доходила до деревни.

Китайский крестьянин находился в системе самых разнообразных связей, и прежде всего государственных. Связи эти в разной мере влияли на его экономическое, социальное и политическое положение.

Н. И. Тяпкина начинает с рассмотрения места крестьянина в сословной системе цинского Китая. Нельзя не согласиться при этом с мнением автора о сословно-бюрократическом характере традиционного китайского общества, о сословной системе как структурообразующем компоненте социальной организации данного общества (с. 33), которая эффективно обеспечивала политические и социально-экономические интересы господствующего класса (с. 54), о роли сословной принадлежности в жизни человека.

Мы оставляем в стороне вопрос о правомерности предложенных Н. И. Тяпкиной характеристик как сословной системы в целом, так и отдельных сословий и подсословий. Отметим лишь,

что автор книги без каких-либо серьезных объяснений отказывается от традиционного деления населения китайской империи на четыре категории («ши», «нун», «шан», «гун») и предлагает свой вариант, а именно пять сословий: «знать», «знаменные», «шэньши», «простолюдины», «низкие» (с. 50). Как нам представляется, не совсем ясны критерии подобного деления. С одной стороны, Н. И. Тяпкина главным принципом сословной системы считает степень привилегированности в обществе (три привилегированных и два непривилегированных сословия), положение в системе иерархии, закрепленное законодательством, отмечая вместе с тем отсутствие строгих сословных перегородок и института наследования сословной принадлежности. С другой стороны, в книге подчеркивается ориентация сословной системы на профессиональный принцип, а принадлежность земледельцев «нун» и торговцев «шан» к одному сословию простолюдинов как бы снимает этот тезис. Тем более что в Китае занятие земледелием всегда расценивалось «выше» занятия торговлей. Вызывает также сомнение выделение «знаменных» и «знати» в особые сословия, это скорее подсословия. В целом вопрос о сословной структуре, как нам кажется, остается открытым.

Для нас важно прежде всего описание того сословия, к которому принадлежало китайское крестьянство. В работе оно именуется либо средним сословием (слишком западный термин, отражающий раннебуржуазные отношения) (с. 38), либо сословием простолюдинов (с. 50). Иногда автор употребляет и традиционный китайский термин «нун» (земледельцы).

Две характерные черты этого сословия — непривилегированность и наличие в его составе различных, в том числе и антагонистических классов (арендаторов и части землевладельцев) — имели свои последствия. Прежде всего, и это хорошо показано в работе, сословный статус крестьянина при всей сложности системы сословной и внутрисословной иерархии делал его полностью зависимым от государства, слабо защищенным от произвола бюрократического аппарата, что обеспечивало высокий уровень изъятия у крестьянина производимого им продукта. Далее, принад-

лежность части землевладельцев к тому же сословию, что и крестьяне, в какой-то мере затушевывало классовые различия между помещиками и арендаторами (с. 40), а сословный статус последних обеспечивал им некоторую правовую защиту от произвола землевладельцев (с. 43). При подобном положении государству приходилось специальным законодательством защищать интересы помещиков, предоставляя им преимущества при заключении арендных договоров, обеспечивать полное получение арендной платы путем наказания недоимщиков и т. д.

В этих двух особенностях, как нам представляется, и таилась одна из причин противостояния китайского крестьянина не столько владельцу земли, сколько бюрократическому государству.

Существенное значение имела также специфика управления деревней со стороны государства. Уже говорилось о включении китайского крестьянина в систему экономического, политического и социального контроля. Эта система, как показано в книге, отличалась своей множественностью и разветвленностью — «баоцзя», «лицзя», «шэ», «сяньюе». К сожалению, автор основное внимание уделяет детальному описанию каждого компонента и мало вскрывает соотношение, взаимозависимость, иерархию перечисленных компонентов государственного контроля. Правда, для понимания мотивации поведения крестьянства более важны характерные черты всей системы управления деревней.

Одна из них заключалась в особенностях фиска: центральная власть регулировала лишь ту часть налоговых поступлений, которая непосредственно предназначалась казне. Значительная же доля налоговых сумм оставалась на местах и расходовалась на содержание местного чиновничьего аппарата и других нужд. Подобная система порождала разного рода «дозволенные» и «недозволенные» вышестоящими властями злоупотребления при распределении налогового бремени, особенно в виде дополнительных поборов среди сельского населения и непосредственно при взимании налогов. При такой практике китайский крестьянин с его низким социальным статусом в значительной мере оказывался беззащитным.

Другая особенность управления деревней, как показано в книге, заклю-

чалась в наличии двух подсистем — государственного контроля и организационно-хозяйственных, посреднических функций неслужилых шэньши и других деревенских лидеров. Примечательно, что представители правящей деревенской элиты были связаны с обеими системами. Агенты государственного контроля, с одной стороны, представляли центральную власть на местах, хотя и не являлись чиновниками, а с другой — были представителями деревенского населения, поскольку либо назначались, либо выбирались из среды деревенских лидеров. Вместе с неслужилыми шэньши они представляли собой своеобразный буфер между официальной властью и населением, выполняли функции социального контроля по отношению к центральной власти. Это была в каком-то смысле «своя», сельская власть, «справедливые» и «честные» представители которой могли в силу своего более высокого сословного статуса защитить сельское население от произвола городских чиновников. К тому же неслужилые шэньши занимались организационно-хозяйственной, просветительской и иной общественной деятельностью на местах, возглавляли кланы, одним словом, являлись признанными лидерами деревни.

Подобная ситуация также затушевывала противоречия между арендаторами и землевладельцами, между простыми крестьянами и деревенской элитой, несколько отодвигала их на «задний» план. Крестьяне вместе с шэньши и деревенскими лидерами как бы противостояли давлению, прежде всего экономическому (разного рода незафиксированные в законодательстве сборы, дополнительные налоги, вводимые местными властями), со стороны государственной машины. В этом, на наш взгляд, заключалась еще одна причина основной направленности крестьянских движений.

В советской исторической литературе вопросу о роли общинных и клановых связей в жизни китайского крестьянина долгое время не придавали должного значения. Существовало мнение, что в рассматриваемый период общины в Китае уже не было. Несомненной заслугой Н. И. Тяпкиной является не только постановка проблемы существования внутридеревенской (внутриобщинной, по терминологии автора) кооперации, весомости системы родственных связей, но и тщательный анализ их структу-

ры, механизма действия. Содержащиеся в книге материалы об экономических, социальных функциях деревенской общины и кланов говорят не только о причинах сохранения последних, но и об определенной заинтересованности сельского населения, в том числе и крестьянства, в этих институтах. К сожалению, в работе не нашли отражения такие, на наш взгляд, важные вопросы, как соотношение и иерархия функций общины и клана: какие функции были прерогативной только общины, какие — исключительно клана, а какие — дублировались. Тем более, что судя по приведенному в книге материалу, многие функции именно дублировались — например, организация школьного дела, арбитраж, охрана урожая и др. Отсюда возникает вопрос, ответа на который книга не дает: что было для крестьянина более важным как в его повседневной жизни, так и в периоды экстремальных ситуаций (неурожая, засух, восстаний и т. д.), принадлежность ли к деревенскому сообществу или к клану?

Н. И. Тяпкина далека от идеализации характера внутрисемейной и внутриклановой кооперации. Она показывает строгую сословную и экономическую иерархию в структуре этих организаций, что позволяло деревенской элите и руководящей верхушке кланов нещадно эксплуатировать членов общины и сородичей. К тому же клановые связи, как подчеркивает автор, оказывали влияние и на характер землевладения. Путем разного рода ограничений и регламентаций (право преимущественной покупки земли членами рода, порядок наследования и др.) владелец земли был частично «скован» этими связями, что, согласно выводу Н. И. Тяпкиной, обеспечивало общую ориентацию на стабилизацию земельной собственности и вело к иммобильности сельского населения (с. 62).

Возможно поэтому автор книги неоправданно скупно говорит о роли клана, пусть не столь значительной и даже в известной мере иллюзорной, в социальной защите сельского населения от произвола властей и мздоимства чиновников. Роль эта, как нам представляется, была не столько практически реальной для крестьянина, сколько психологической. Бесправный китайский крестьянин чувствовал себя членом определенного коллектива, который мог оказать ему помощь в трудную минуту, защитить. Учи-

тая традиционные, конфуцианские нормы морали и поведения, он мог апеллировать к «справедливости» и родственным чувствам землевладельца (члена того же клана), рассчитывать на известное снисхождение.

Отчасти этим можно объяснить стремление крестьян в периоды обострения социально-политических кризисов, нестабильности к сохранению патриархальных отношений, к восстановлению рушившихся традиционных связей, что нашло свое отражение в требованиях крестьянских движений первой четверти XX в.

В целом монография Н. И. Тяпкиной, раскрывая основные особенности социально-политической организации китайской деревни, обусловленные системой общественного устройства цинского Китая, показывает роль и место китайского крестьянина в обществе и государстве, его реальное положение, что во многом объясняет его поведение в периоды обострения социально-экономических и политических противоречий.

А. С. КОСТЯЕВА,
кандидат исторических наук

¹ А. В. Меликсетов. Характер социальных противоречий в Китае в новейшее время. Вторая научная конференция по проблемам истории Китая в новейшее время. Тезисы докладов. М., 1977, с. 122, 123.

² А. С. Мугрузин. О роли государственной налоговой и рентной форм эксплуатации крестьянства в Китае XIX—XX вв. Одиннадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Часть III. М., 1980, с. 91, 95—96.

Ориентиры современной японской политики

Э. Синдо, Я. Ямагути, М. Мурамацу, И. Миякэ. Нихон сэйдзи-но дзакё. Сэнго ёндзюнэн-но аюми (Ориентиры японской политики. История сорока послевоенных лет). Токио, Юхикаку, 1985, 348 с. — На яп. яз.

В последние два-три года в Японии появилось большое количество работ обобщающего характера, в которых предпринимаются попытки подвести итоги послевоенного развития страны, выделить его основные вехи, определить тенденции на будущее. И это не случайно, так как связано с очевидным фактом наступления новой стадии в эволюции японского общества, определяемой нынешним этапом научно-технической революции, которая вносит значительные коррективы в социально-экономический облик страны. В равной степени стимулирует появление подобного рода литературы провозглашение после прихода в конце 1982 г. к руководству правительства Я. Накасонэ широко разрекламированного курса на «окончательное подведение итогов послевоенной политики».

Предлагаемый вниманию читателей коллективный труд японских политологов представляет собой попытку дать комплексную картину современной внутренней и внешней политики Японии. Книга носит хрестоматийный характер. Как указывают авторы, их целью является предоставление «всем заинтересованным лицам материала для переоценки японской политики» в послевоенный период и «показ картины развития исследований и хода дискуссий» по основным вопросам современной политики Японии (с. 11).

В первой части, озаглавленной «Япония в системе международных отношений» (автор Э. Синдо, доцент университета Цукуба), прослеживается дипломатическая история Японии в период после поражения страны во второй мировой войне и до начала 80-х гг. Ее содержание автор прежде всего видит в целенаправленной деятельности, призванной обеспечить Японии «надлежащее» место в мире, выделяя при этом в качестве ключевых проблем послевоенное урегулирование международного положения Японии, японо-советские и японо-китайские отношения, комплекс отношений между Японией и США.

Основное место в книге, однако, занимает внутривнутриполитическая тематика, которой посвящены три ее последующие части. Авторы предпринимают экскурс в послевоенную внутривнутриполитическую историю Японии. Я. Ямагути, профессор Муниципального университета города Осака, выделяет такие ее важнейшие

вехи, как реформы, осуществленные в период американской оккупации страны (1945—1951), становление и трансформация так называемой «системы 1955 года» (год, когда в результате слияния ряда консервативных партий и организаций была учреждена правящая Либерально-демократическая партия.— А. М.), период «форсированных темпов экономического роста» («кодо сэйтэ дзидай»), продолжавшийся с конца 50-х по начало 70-х гг.

Особое внимание Я. Ямагути уделяет феномену существенной трансформации структуры «правящей элиты» Японии, которая произошла наряду с широкими преобразованиями в политической, экономической, социально-культурной и других сферах. Учреждение в системе государственного управления, по его выражению, принципов «справедливости», лишение императора реальной власти (установление так называемой «символической монархии» — «сэйтэ тэнно сэй»), отстранение от руководства военщины и старой аристократии, роспуск военных чиновников «дзайбацу» радикально изменили политический облик страны (с. 63—64). В то же время Я. Ямагути подчеркивает, что, несмотря на существенные персональные изменения в правящей верхушке страны, часть ее — правительственная бюрократия (за исключением чиновников военных ведомств и ликвидированного после окончания войны министерства внутренних дел) — оказалась почти незатронутой послевоенными чистками (с. 71). В первую очередь это относится к так называемой «экономической бюрократии» («кэйдзай канрё»), которая не только сохранила, но и упрочила свои позиции.

Заслуживает внимания подробное освещение в книге внутривнутриполитической структуры правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) Японии, с конца 1955 г. бессменно стоящей у власти в стране. Анализируя фракционную систему ЛДП, авторы придерживаются весьма распространенной как в самой Японии, так и за ее пределами концепции, согласно которой фракции в правящей партии строятся не по идеологическому принципу — как, например, в Социалистической партии Японии (СПЯ), а по «клиентелистскому». Последний предполагает существование сильнейших персональных, личностных связей по принципу отношений «патрон —

вассал» внутри фракций, которые ссмен-тированы совместным участием в рас-пределении — в порядке старшинства — постов в партийном руководстве и пра-вительстве, а также финансовых суб-сидий предпринимательских кругов (с. 103—108)¹.

Рассматривая послевоенную эволюцию партийной системы Японии в целом, Я. Ямагути обрисовывает основное на-правление ее развития в русле концеп-ции перехода от «полуполитической» системы к системе «один сильный, четверо сла-бых» («иккё ёндзяку»). Речь идет о по-явлении в начале 80-х гг. тенденции к до-минированию ЛДП над оппозицией в парламенте в противовес существовав-шему до конца 70-х гг. положению, когда в высшем законодательном органе суще-ствовало почти полное равновесие сил между консерваторами и оппозицией и когда главным политическим оппонентом ЛДП являлась СПЯ, не имевшая, однако, возможности собственными силами выр-вать власть из рук либерал-демократов (с. 117—124).

В качестве методологической основы своего исследования авторы придержи-ваются имеющих широкое хождение на Западе концепций видного американско-го политолога, одного из создателей так называемой «школы системного анализа» Д. Истона. Излагая их, авторы акцен-тируют внимание на том, что, согласно Д. Истону, в ходе политического процесса происходит взаимодействие между поли-тической системой, важнейшими струк-турными компонентами которой являют-ся: «политическое сообщество», «полити-ческий режим» и, наконец, «правитель-ство» или «власть», с окружающей эту систему средой в форме «входа и выхода» (с. 59). Первый осуществляется либо путем вынесения «требований» к поли-тической системе, либо оказания ей «под-держки», второй — путем принятия тех или иных авторитетных решений. Связи по типу «вход — выход» осуществляются и в ходе коммуникаций между структу-рными компонентами политической систе-мы (с. 61).

Характерные черты теории Истона: объяснение политических явлений не со-циально и экономически обусловленными интересами и целями конкретных обще-ственных групп, принимающих участие в реальном политическом процессе, а на основе формальной, в значительной сте-пени механистической трактовки дирек-

тивного распределения ценностей; ярко выраженный антиэтизм отчетливо проявляется и в рассматриваемых рабо-тах. При этом совершенно отсутствует какой-либо классовый характер описы-ваемых явлений.

М. Мурамацу приводит множество различных, в первую очередь американ-ских, концепций о роли парламента, ЛДП, правительственной бюрократии в политической жизни страны (с. 180—209). Он синтезирует их в теорию «слия-ния двух крупных элитарных групп» («ни дай эрито сюдан-но юго») — выс-шего эшелона правящей партии и высо-копоставленной бюрократии, — которые доминируют в политическом процессе (с. 211).

Особенно актуальна, на наш взгляд, глава «Группы интересов» (с. 212—233), в которой рассматривается генезис япон-ских «групп давления» («ацурёку дан-тай») в послевоенный период — пред-принимательских, аграрных организаций, рабочих союзов, профессиональных ор-ганизаций различного толка и т. п.

В отличие от существующей на Западе системы лоббизма, «группы давления» в Японии в подавляющем большинстве случаев образуются по принципу про-живания в одной местности или принад-лежности к определенному предприятию, а не по свободному волеизъявлению их участников, действующих в различных сферах. Это рассматривается М. Мура-мацу как «отсталость», «неразвитость» лоббистских организаций «японского ти-па». Как правило, политические партии Японии не имеют собственных надежных источников финансирования, поэтому «группы давления» играют очень важную роль в системе субсидирования полити-ческой деятельности в Японии (в пер-вую очередь это относится к правящей партии Японии. — А. М.).

Подобно, например, английским пар-ламентариям, депутаты японского парла-мента выполняют роль агентов лоббист-ских интересов в высшем законодатель-ном органе страны. В то же время в связи с приниженой ролью, которую играет парламент в реальном политическом про-цессе, деятельность «групп давления» в основном направлена не на парламент, а на правительственный бюрократи-ческий аппарат (с. 215).

В концентрированном виде последний тезис выражен в подводящей итог про-веденному анализу таблице (с. 218), из

которой видно, что наиболее влиятельные «группы давления» — предпринимательские организации — предпочитают воздействовать на аппарат исполнительной власти, в то время как, например, рабочие организации — на политические партии (имеются в виду СПЯ и Партия демократического социализма — правореформистская организация социал-демократического толка. — А. М.).

Ни в коем случае нельзя согласиться с содержащейся в книге оценкой места оппозиции в политической жизни послевоенной Японии. Ее роль сводится лишь к осуществлению так называемого «идеологического процесса» («идеороги катэй»), противопоставляемого собственно политическому процессу («сэйсаку катэй»). При этом в качестве «акторов» первого называются социалистическая и коммунистическая партии, профсоюзы левой ориентации, такие, например, как Всеяпонский профсоюз учителей (Никкёсо); второго — консервативная ЛДП, правительственная бюрократия, предпринимательские и аграрные организации (с. 174). Утверждается, что в результате длительного единоличного правления ЛДП в Японии сложился политический режим, практически не допускающий аутсайдеров; оппозиция способна лишь «путем критики системы ценностей, покоящейся в глубине процесса формирования политики, оказывать на него опосредованное влияние» (с. 175).

Подобное принижение роли оппозиционных сил, которые якобы «не обладают возможностями оказывать непосредственное воздействие на формирование политики», представляется совершенно очевидным искажением реальности современной Японии. Важнейшим фактором политического развития страны, как известно, является парламентская и внепарламентская деятельность оппозиции, широкие масштабы рабочего и общедемократического, антивоенного и антиядерного движений, препятствующие безраздельному господству монополий и заставляющие правящие круги страны постоянно прибегать к тактике социального маневрирования. Как показывает история послевоенной Японии, парламентская деятельность оппозиции, включая открытую obstruction правительственных программ, и давление общественного мнения страны подчас оказывают значительное влияние на форми-

рование законодательства в этой стране.

Так, усиление политических оппозиционных партий, в результате которого в течение 70-х гг. правящая ЛДП могла рассчитывать лишь на крайне неустойчивое большинство в парламенте, не раз срывало планы наиболее реакционной части консерваторов осуществить антидемократический пересмотр конституции страны. Активный протест широкой демократической общественности также неоднократно препятствовал осуществлению планов правящей верхушки по проведению в жизнь других реакционных законопроектов. В частности, руководству ЛДП до сих пор не удается реализовать проект введения реакционного «законодательства на случай чрезвычайного положения» («юдзи риппо»), вынашиваемый им с конца 70-х гг. В середине 80-х гг. оппозиция сорвала попытки провести через парламент имеющие откровенно антидемократическую направленность проекты «закона о политических партиях» и «закона о государственных тайнах».

Несмотря на апологетический в целом тон и ее отчетливо компилятивный характер, книге «Ориентиры японской политики» нельзя отказать в ряде несомненных достоинств. Главная ценность работы заключается в том, что в ней достаточно полно представлены основные современные немарксистские концепции политического развития послевоенной Японии, имеющие хождение как в самой стране, так и за ее пределами. В книге обобщен фактический материал, часто труднодоступный для советских исследователей. Так, несомненный интерес представляют многочисленные статистические выкладки, данные социологических опросов по различным политическим вопросам, которые позволяют проследить динамику социально-политических трансформаций в послевоенный период, сдвиги в общественном сознании японского народа.

А. А. МАКАРОВ,
кандидат исторических наук

¹ Этой концепции придерживаются, в частности, известный специалист Ц. Ватанабэ и американский политолог японского происхождения Н. Икэ, работы которого цитируются в рецензируемой книге.

Японские трудящиеся и концепция «участия в управлении»

А. Б. Орфенов. Япония: «участие» трудящихся в управлении производством. Мифы и действительность, М., «Наука», 1985, 170 с.

Развернувшееся в капиталистическом мире на рубеже 70—80-х гг. неоконсервативное наступление в области экономической теории и практики не миновало и Японии, где оно проявилось прежде всего в административно-финансовой реформе — комплексе политических мероприятий, направленных на ослабление регулирующих функций государства и расширение для частного предпринимательства сферы свободного социально-экономического маневрирования. Волны этой реформы, важную роль в развитии которой, помимо изменившихся условий воспроизводства, играют амбициозные притязания стесняемого государственной опекой могущественного мира бизнеса, достигли и области фирменного управления.

Переход к режиму жесткой экономии на базе рационализации «сверху донизу» и интенсивного использования самых последних достижений технического прогресса придал особую актуальность различным видам контроля над персоналом, распространяющегося, как известно, на всю гамму отношений между трудом и капиталом. Администрация японских компаний и раньше уделяла исключительное внимание данному участку менеджмента, с полным основанием полагая, что без постоянного, настойчивого, разнопланового стимулирования личного, человеческого фактора невозможен сколько-нибудь серьезный успех в деле повышения производительности труда, эффективности производства и сбыта.

В нынешних условиях, когда государственно-монополистический капитал всеми силами стремится лишить трудящихся их послевоенных завоеваний, поиски методов поддержания трудового настроя ведутся с небывалой энергией. Именно поэтому проблема «участия» пролетариа-

та в управлении, исследованию которой посвятил свою книгу А. Б. Орфенов, оказалась на авансцене.

Автор построил свой анализ на основе динамичного сопоставления относящихся к сути самого феномена «участия» концепций и представлений ученых, предпринимателей, профсоюзных работников, программных и политических документов, фактологических материалов, конкретно характеризующих варианты включения наемного персонала в процесс управления на различных этапах экономической структуры. Это проходящее через всю работу сопоставление, которое, кстати, сильно выигрывает благодаря охвату не только японского, но и западноевропейского «театра», дает возможность уяснить идейно-политическую и способную быстро и резко изменять относительную ценность в глазах партнеров социально-экономическую двойственность института «участия» как такового.

В самом деле, при революционной или близкой к ней ситуации «участие» может принимать форму рабочего контроля над действиями капиталистов. Принципы такого контроля, сформулированные еще В. И. Лениным и предусматривающие закрепление за рабочими квалифицированного большинства «во всех решающих учреждениях», ликвидация института коммерческой тайны и т. п. мероприятия, были успешно претворены в жизнь в России в 1917 г.

Да и сразу же после поражения японского империализма во второй мировой войне «трудящиеся» — подчеркивает А. Б. Орфенов, — вынудили буржуазию пойти на создание на ряде предприятий так называемых Производственных консультативных советов (Сэйсан кёгикай) — постоянно действующих управленческих органов. Эти советы состояли из равного числа представителей администрации и профсоюза; их решения носили директивный характер и охватывали все стороны деятельности предприятий... Это был весьма эффективный институт, посредством которого трудящиеся, выступавшие с позиции классовой борьбы, могли существенно воздействовать на формирование управленческой политики в собственных интересах (с. 33).

Однако при определенном стечении обстоятельств «участие» выступает в абсолютно ином облике. Сплошь и рядом буржуазия, используя полосы стабильного развития экономики, отсутствие единства в прогрессивном лагере, пассив-

ность профсоюзного руководства и даже особенности национальной психологии, преуспевает в стремлении свести «участие» к чисто формальной символике, к однозначному средству увеличения своих прибылей и дальнейшего интегрирования пролетариата в систему государственно-монополистического капитализма. Положение значительно усложняется и ввиду наличия большого количества промежуточных категорий «участия», которые заполняют пространство между обоими полюсами и отличаются настолько прихотливой мозаичностью, что любые суждения об их истинных свойствах не в состоянии претендовать хотя бы на относительную точность.

Так или иначе, на этапах, свободных от непосредственной угрозы существованию частнособственнической общественной формации, коренная противоречивость института «участия», как верно подмечает автор, состоит в том, что речь в данном случае идет о «приобщении эксплуатируемого класса к управлению общественными процессами производства, капиталистическая природа которого ему чужда и объективно противоречит его интересам!» (с. 12). Хотя социальные задачи сторон, действующих в симбиозном образовании, каковым является «участие», диаметрально противоположны, они волей-неволей вынуждены сотрудничать, поддерживая повседневное функционирование производственно-сбытового механизма.

По всей видимости, как раз это вынужденное сотрудничество и служит главным поводом к разногласиям в левых политических кругах в Японии по вопросу об «участии» в целом. Напротив, основные отряды японской буржуазии в лице крупного и мелкого предпринимательства сумели выработать в принципе единый подход к «участию» (нюансы, наблюдаемые у ее отдельных представителей, лишь создают иллюзию плюрализма во взглядах).

А. Б. Орфенов приходит к оправданному выводу о том, что подобная «раскладка» есть не что иное, как результат инициативы, которая в течение длительного времени принадлежит консерваторам на столь важном участке взаимоотношений между трудом и капиталом. Почему же это стало возможным? Книга содержит целый ряд интересных соображений на этот счет.

Немалое значение, к примеру, имела напуганность буржуазии в связи с фактическим установлением рабочего контроля в первый послевоенный период, что заставило ее срочно мобилизовать силы и уже тогда пойти дальше простого запрещения производственных консультативных советов, приступить к внедрению системы «человеческих отношений» и системы «совместных консультаций» с работниками.

Уже начальный опыт эксплуатации той и другой системы наглядно продемонстрировал стремление буржуазии откупиться от пролетариата мелкими уступками и параллельно с этим попытаться разоружить его в идейно-организационном плане.

«Относительная слабость рабочего класса Японии, — указывает А. Б. Орфенов, — зачастую вызывает у прогрессивных организаций неверие в собственные силы, скептическое отношение к возможности усиления воздействия широких масс трудящихся на управление национальной экономикой. Положение усугубляется тем, что целенаправленные буржуазные и социал-реформистские спекуляции по вопросу об «участии» рабочих в управлении производством, а также активизация в этой области частного капитала еще больше усиливают настроенное отношение к проблеме «участия» подлинных представителей рабочего класса» (с. 77).

Есть и еще одна причина, обуславливающая долговременное лидерство буржуазии на поприще «разделения бремени управления» с наемным персоналом. Пожалуй, именно эту причину следует считать решающей. Имеется в виду господство на японских предприятиях традиционной системы «пожизненного найма», то есть сохранения за нанятым работником места вплоть до выхода на пенсию, и «оплаты по старшинству», в соответствии с продолжительностью непрерывного стажа.

В книге система эта разобрана досконально. Автор убедительно обосновывает тезис о воздействии, которое оказывает на наемных работников перенесение в стены предприятий поведенческих норм, присущих семьям кланового типа. Он показывает сосуществование в рамках традиционной системы коллективной лояльности наемных работников в отношении «своего» предприятия с конкуренцией между их отдельными группами

(«постоянными», «временными», «поденными», «нештатными») и с работниками других предприятий, что в конечном итоге лишь цементирует узы между фирменными верхами, берущими на себя обязанности внимательных «родителей», и фирменными низами, поставленными на положение послушных «детей».

Это делает веским авторское заключение о реальной социально-экономической сущности традиционной системы отношений между трудом и капиталом в Японии: «...Она отвечала и продолжает отвечать коренным политическим интересам буржуазии, поскольку создает определенные материальные и идеологические предпосылки для того, чтобы представить отношения труд — капитал в глазах рабочих в превращенном, неадекватном виде, чтобы заставить их поверить в то, что «свой» предприниматель является не социальным антиподом, а «благодетелем», который печется о процветании «своих» рабочих и служащих... Следовательно, рабочим в целях улучшения своего положения якобы не следует бороться против «своего» хозяина... Напротив, ...они должны прилагать максимум усилий для процветания своего «предприятия-семьи», что, как предполагается, адекватно их собственному процветанию. Что же до социальных противников, то ими являются работники предприятий, принадлежащих другим компаниям. Воистину, трудно придумать более изощренный метод ослабления классово-борьбы пролетариата, как политической, так и экономической, хитрое средство трудовой мотивации, действенный способ раскола трудящихся» (с. 99—100).

На фоне столь обстоятельного анализа системы «пожизненного найма» и «оплаты по старшинству» несколько странным выглядит тот факт, что А. Б. Орфенов на протяжении всей книги не устанавливает прямой связи между этой традиционной системой и вполне современной системой «участия». А кое-где в тексте читатель встречает формулировки, в которых допустимо усматривать свидетельство авторского отношения к обеим системам как к чуть ли не совершенно различным явлениям общественной жизни.

Так, всесторонний анализ начавшегося в 70-х гг. известного падения экономической (но отнюдь не политической!) значимости системы «пожизненного найма» и «оплаты по старшинству» (ввиду

наступления эпохи умеренных темпов развития экономики, увеличения вдвое доли безработных в самодостаточном населении, уменьшения удельного веса нанятой молодежи, общего постарения жителей Японских островов) сопровождается замечаниями о возникновении у буржуазии мотивов к поиску «либо нетрадиционных методов поддержания патернализма, либо достойной ему замены», об активном поиске и внедрении «новых, ранее нехарактерных для Японии элементов общей системы взаимоотношений между трудом и капиталом...» (с. 37, 115).

Но ведь традиционная система этих взаимоотношений не только бьет в глаза сильнейшей схожестью с системой «участия». В определенном смысле она тождественна ей (не будет преувеличением сказать, что первая представляет собой идеальную питательную среду для второй) и уже в течение длительного времени охотно применяет патентованные методы «участия», вобрав их в свою уникальную ткань. Поэтому «новизна» для Японии системы «участия» является весьма относительной.

И сам автор красноречиво доказывает это материалами главы III, в которой освещается современная японская практика «участия» в управлении. На каком бы горизонте экономической структуры ни развевывал А. Б. Орфенов свои исследования, глубинная суть выявляющейся картины в преобладающей части оказывается одинаковой. А именно: раз за разом становится все более очевидным, что Япония познакомилась с методами, квалифицируемыми в качестве признаков «участия» трудящихся в управлении капиталистическим производством, еще в период «сверхвысоких» темпов прироста валового национального продукта, то есть еще при безраздельной гегемонии традиционной системы управления персоналом, и что данные методы превосходно вписались в эту последнюю.

Впрочем, недооценка автором кровного родства традиционной японской системы взаимоотношений между трудом и капиталом и «модерновых» форм «участия» трудящихся в управлении производством не умаляет важности результатов, полученных при изучении этих последних. Из книги следует, что только на самом низком уровне, то есть непосредственно в производственном процессе, трудя-

щиеся действительно располагают возможностями продиктовать свою волю в части технической организации работы на тех участках, за которые, как правило, отвечает средних размеров бригада. Эти возможности, однако, катастрофически сокращаются и выхолащиваются по мере перехода на все более высокие уровни (предприятие, фирма, отрасль, национальная экономика), где «участие» на сегодняшний день выглядит, строго говоря, пустой формальностью, ничего не решающим присутствием профсоюзных деятелей на заседаниях того или иного калибра.

В связи с этим А. Б. Орфенов должен был ответить на остро полемический вопрос: как должны относиться прогрессивные силы Японии к подобному рода «участию»? Думается, автор поступил правильно, показав, что, как бы ни были прочны позиции капиталистов в этой сфере, она заслуживает усилий, направленных на отвоевание плацдармов, на коренное изменение соотношения сил, на навязывание классовому противнику своих правил игры.

В книге подчеркивается, что «сложившаяся (в Японии.— В. Р.) социально-экономическая обстановка требует от демократических сил этой страны пересмотра своего скептического отношения к «участию в управлении» и превращения последнего в активную форму классовой борьбы за интересы трудящихся. Сама жизнь диктует необходимость того, чтобы сделать это уже сегодня, в условиях существующей капиталистической действительности, с целью использовать все формы противодействия наступлению монополий на жизненный уровень и демократические права трудящихся» (с. 162).

Этот авторский вывод достойно завершает рецензируемую монографию, содержательность, творческий характер которой, несомненно, привлечет к ней внимание широкого круга читателей.

В. Б. РАМЗЕС,
доктор экономических наук

По страницам ежегодника «Япония-85»

Япония 1985. Ежегодник. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1986, 336 с., с ил.

Проходившая в октябре 1986 г. в Москве под девизом «Наука, техника, технология — будущее человечества» торгово-промышленная выставка Японии по замыслу ее устроителей должна была послужить не только делу расширения японо-советской торговли, но и ознакомить советских посетителей со страной, ее природой, экономикой, культурой. Японии есть что показать, и, вполне вероятно, какая-то часть посетителей уходила очарованная своеобразным «коктейлем» из прекрасных видов полиэкрана, нежной музыки, льющейся из превосходных акустических систем, интерьера «квартиры будущего», сверкающих лаком автомобилей и т. п. Все это в Японии есть, как и многое другое, о чем на выставке по вполне понятным причинам мало что можно было узнать — растущая скудность и загрязнение городов и, как следствие, рост юношеской и даже детской преступности, интенсификация труда и дискриминация женщины, значительный уровень безработицы и застой потребительского спроса вследствие медленного повышения доходов населения.

Однако, чтобы составить правильное, объективное представление о каком-либо предмете, явлении, а тем более целой стране, недостаточно беглого поверхностного взгляда. Страну, особенно такую разноречивую, как Япония, надо изучать. Пониманию процессов, происходящих в японском обществе, созданию довольно широкого представления о жизни нашего дальневосточного соседа, несомненно, будет способствовать знакомство с 14-м выпуском ежегодника «Япония 85».

Рассматриваемое издание знакомит с последними результатами исследований советских востоковедов по широкому

кругу проблем экономической, политической, общественной, культурной и научной жизни Японии «образца 1984 г.» (в отдельных обзорах и статьях затронут и 1985 г.). В обобщающем виде ситуация в стране раскрывается в первых трех обзорах (экономическом — автор П. Д. Долгоруков, внутривнутриполитическом — А. И. Иванов и внешнеполитическом — В. Н. Арсеньев).

В 1984 г. японская экономика после трехлетнего застоя и вялого оживления перешла в фазу циклического подъема. Впервые после 1979 г. реальный прирост ВВП превысил 5-процентный уровень и достиг 5,8 %. Увеличение ВВП связано в основном с усилением внешне-торговой экспансии и интенсификацией накопления основного капитала. Наиболее активная роль по-прежнему принадлежит экспорту, рост которого (15,5 %) намного превысил показатель расширения внутреннего инвестиционного и потребительского спроса (соответственно 11,1 % и 2,7 %) и даже превзошел темпы прироста промышленного производства (11,1 %) (с. 6).

Огромная зависимость экономики Японии от экспорта (последний во многом определяется уровнем деловой активности в США) позволила П. Д. Долгорукову вполне обоснованно квалифицировать нынешний подъем как «несбалансированный», носящий неустойчивый и потому уязвимый характер. В последние годы накопление колоссального активного сальдо торгового баланса служит источником нарастания острых конфликтных ситуаций с главными торговыми партнерами Японии.

Очень важным показателем неустойчивости экономического подъема 1984 г. стало вялое оживление личного потребления населения (увеличение на 3,4 % в 1983 г. и на 2,7 % в 1984 г.). Общий экономический подъем не привел к улучшению материального положения основной массы населения. Особой остроты в 1984 г. достигло положение с общей занятостью. Армия «лишних людей» выросла в Японии до 1610 тыс. человек (1560 тыс. в 1983 г.), что составило 2,7 % всей рабочей силы страны. Даже в кризисном 1980 г. число безработных не превышало 1140 тыс., а уровень безработицы — 2 %. Если же пользоваться не японской (довольно шадящей) методикой статистического учета, а американской или западноевропейской, то

официальный уровень безработицы в Японии должен быть повышен в 2—2,5 раза. По подсчетам же профсоюзов, число безработных в стране составляет 4,5—5 млн. человек.

«Складывающаяся ситуация на рынке труда в Японии,— пишет П. Д. Долгоруков,— опровергает догмы буржуазной теории, согласно которым сегодняшние прибыли концернов являются капиталовложениями завтрашнего дня, гарантирующими новые рабочие места в будущем. В последние годы прибыли достигли рекордного уровня. Но растущие инвестиции в подавляющем большинстве идут на такую рационализацию производства, в результате которой за воротами предприятий оказываются все новые десятки и сотни тысяч «лишних» людей. Внедрение новой техники и технологии в условиях современного японского общества грозит опасностью массовых увольнений уже в ближайшей исторической перспективе» (с. 14).

Серьезную угрозу жизненным правам и интересам трудящихся несет и программа широкой приватизации государственного сектора, проводимая кабинетом Я. Накасонэ. Денационализированы крупнейшая Телеграфно-телефонная корпорация и государственная монополия на продажу табака и соли. На очереди — «Джапан эйрлайнз» и железнодорожная корпорация «Нихон кокутэцу». Десятки тысяч рабочих и служащих оказались на улице в результате «рационализации», проведенной новыми владельцами.

Читатель найдет в экономическом обзоре детальный анализ состояния и перспектив развития японской промышленности, мер, принимаемых правительством по реорганизации и оздоровлению «отраслей структурного кризиса». Всесторонне исследуются внешнеэкономические отношения Японии, товарная структура японского экспорта и импорта, географическое направление внешнеторговых потоков. Не менее интересным представляется и исследование проблем внутризкономических, среди которых первое место автор отводит нарастающему кризису государственных финансов, вынуждающих правительство четвертый год подряд замораживать текущие расходы (но только не на оборону.— Ю. Б.), принимаемая «аскетические» бюджеты. Естественно, урезаются в первую очередь ассигнования на образование, медицинское и пенсионное обслуживание,

жилищное строительство, что непосредственно отражается на жизненном уровне населения.

1984 г. — второй год деятельности правительства Я. Накасонэ — во внутриполитической жизни проходил под знаком дальнейшего наступления на жизненные интересы трудящихся, настойчивых попыток выхолостить демократические завоевания японского народа, ставшие возможными в результате разгрома милитаристского режима во второй мировой войне. Продолжалась реализация административно-финансовой реформы, суть которой сводилась к передаче частному сектору отраслей, находящихся под контролем государства, сокращению финансирования социальных мероприятий при одновременном расширении бюджетных ассигнований на вооруженные силы, на поддержку крупного капитала. «За 1982—1984 гг. военные расходы увеличились на 22,3 %, в то время как бюджетные ассигнования на образование и социальное обеспечение возросли соответственно всего на 2 и 5,5 %, субсидии мелким и средним компаниям уменьшились на 8,2 %, а расходы на развитие земледелия, лесоводства и рыболовства — на 6,3 %» (с. 29—30).

Усиление милитаристских тенденций в политике Токио, дальнейшее втягивание Японии в глобальную стратегию США вызывают резкое противодействие самых широких слоев населения страны. В первых рядах антивоенного движения идут коммунисты и социалисты, руководимые ими демократические общенародные организации — профсоюзные, молодежные, кооперативные, женские, религиозные.

Главным направлением антивоенных выступлений японской общественности в 1984 г. была борьба против размещения крылатых ракет «Томагавк» — носителей ядерного оружия — на кораблях американского военно-морского флота, заходящих в Японию. Хотя эффективность действий антивоенных сил зачастую ослаблялась отсутствием единства, все же разногласия не помешали проведению летом 1984 г. в Токио международной конференции за запрещение ядерного оружия. В Токийской декларации, принятой на конференции 3 августа 1984 г., было подчеркнуто, что важнейшая задача человечества — предотвращение ядерной войны и полное запрещение ядерного оружия.

Под занавес 1984 г. произошла значительная перетряска кабинета Я. Накасонэ, с трудом сохранившего пост лидера партии. Однако реорганизация правительства несколько не повлияла на его курс во внутренней и внешней политике. Усилия японской дипломатии, как и в предыдущие годы, были направлены на реализацию программной задачи правительства Я. Накасонэ — повышение политической роли Японии в мировых делах, приведение ее в соответствие со статусом крупной экономической державы. Делалось это, как обычно, с акцентом на укрепление сотрудничества с США, особенно в военно-политической области.

В. Н. Арсеньев подробно рассматривает вопросы стратегического взаимодействия и сотрудничества США и Японии в политической и военной сферах; торгово-экономические противоречия, «компенсацией» которых призвана служить «гармония» в других областях японо-американских отношений. Исследуются также связи Японии со странами Западной Европы, государствами азиатско-тихоокеанского региона, КНР и СССР. Остановимся на двух последних направлениях внешней политики Токио.

В последние годы отношения с КНР занимают одно из наиболее важных мест в системе приоритетов японской дипломатии. В марте 1984 г. КНР посетил Я. Накасонэ, состоялись также визиты министров, деятелей ЛДП, представителей деловых кругов. Японию посетил заместитель премьера Госсовета КНР Ли Пэн, ряд министров. Япония и Китай подтвердили договоренность дополнить «основные принципы» их взаимоотношений («мир и дружба, равенство и взаимная выгода, долгосрочная стабильность») еще одним — «взаимное доверие». В целях содействия развитию японо-китайских связей был учрежден неправительственный «Комитет японо-китайской дружбы XXI в.» (с. 66).

В 1984 г. объем двусторонней торговли достиг рекордной цифры — 13172 млн. долл. (с. 67). Китай стал третьим экспортным рынком Японии и сохранил шестое место в списке ее крупнейших импортеров. Продолжается инвестирование японских капиталов в китайскую экономику, растет число совместных предприятий, хотя процесс их создания

сталкивается с определенными трудностями.

Внешнеполитический обзор заканчивается кратким анализом японо-советских отношений в 1984 г. На них продолжали сказываться негативные последствия политики «жестких санкций» в отношении Советского Союза, проводимой Токно с начала 80-х гг. под нажимом Вашингтона. Омрачали атмосферу и явно недружественные СССР кампании в Японии, в ходе которых неизменно фигурировали так называемая «проблема северных территорий» и миф о «советской военной угрозе». Явно враждебный характер носили проведенные в мае 1984 г. в городе Кагосиме прием и военно-морской парад в связи с 50-летней годовщиной со дня смерти адмирала Того, командующего японским флотом в Цусимском сражении 1905 г., и 80-й годовщиной «великой победы японского флота в войне с Россией».

Важное значение для развития советско-японских связей имела беседа Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с премьер-министром Японии Я. Накасонэ в Москве 14 марта 1985 г. Была подчеркнута готовность СССР развивать взаимовыгодные связи с Японией в различных областях, стремление к приданию отношениям между обеими странами добрососедского характера.

Со второй половины 1984 г. возобновился советско-японский обмен по парламентской линии. В октябре в Москве состоялась IV конференция «Круглого стола» представителей японской и советской общественности, активно осуществлялись контакты с политическими партиями Японии. Оживление затронуло и торгово-экономическую область. «Интересы развития советско-японских отношений настоятельно требуют реализации заложенного в них потенциала, активных усилий с целью осуществить поворот к строительству прочных и стабильных связей на благо народов обеих стран,— к такому выводу приходит В. Н. Арсеньев.— Советская сторона неоднократно выражала готовность честно пройти свою часть пути к подлинному добрососедству» (с. 71).

Тематика проблемных статей сборника довольно разнообразна. Э. В. Молодянова обстоятельно прослеживает стратегическую линию и тактические приемы предвыборной борьбы КПЯ начиная с 60-х гг. Вопросы борьбы рабочего

класса, организации профсоюзного движения Японии поднимает в своей статье С. В. Бунин. Эти и многие другие проблемы японского общества затронуты в работе Ю. Д. Кузнецова «Социально-политические последствия научно-технического прогресса в Японии». Автор прослеживает глубокие сдвиги в различных сферах материального производства, в экономической жизни и социальной структуре японского общества, в расстановке классовых и политических сил в стране.

Место Японии в современном мире, каким оно видится ее руководству и каково оно на самом деле, внутренние факторы, влияющие на формирование политики Японии на международной арене, и концептуальная база ее внешнеполитической деятельности — эти вопросы поднимаются С. И. Вербицким в статье «Япония: «глобализм» в рамках военного союза с США».

Сравнительно мало разработанную в советском японоведении тему освещает работа Н. П. Дмитриевской «Японо-южнокорейские отношения в первой половине 80-х годов: сближение и новые проблемы».

Сборник не ограничивается рассмотрением лишь важнейших экономических и политических проблем, стоящих перед Японией. На его страницах нашлось место и исследованию религиозного сознания японцев (Г. Е. Светлов), теме преступности в стране (О. А. Белявская, Т. А. Рассошенко), обзору послевоенного литературного процесса, данного, что особенно интересно, через призму японской критики (Н. И. Чегодарь).

Широкомасштабный тематический диапазон, внимание к актуальным проблемам современности, разнообразная статистика и информация, составленная по данным японской прессы и «оживляющая» сборник, большинству материалов которого свойственна, к сожалению, известная академическая «сухость» изложения,— все это делает 14-й выпуск ежегодника «Япония 1985» весьма полезным пособием для всех интересующихся жизнью страны-соседа. И все же, закрывая сборник, испытываешь определенное чувство неудовлетворения. В книге нашлось место (и довольно большое) отношениям Японии с США, странами — членами ЕЭС, развивающимися странами, с Южной Кореей, наконец. Вот только японо-советским отношениям со-

ставители сборника уделили, на наш взгляд, явно недостаточное внимание. Им посвящен лишь небольшой заключительный раздел внешнеполитического обзора. Но даже из него явствует, что связи между нашими странами в 1984 г., несомненно, оживились. Об этом же свидетельствует и помещенная в приложении «Хронология». Да и помимо «привязки» к 1984 г., неужели у СССР и Японии нет, так сказать, «долгоиграющих» проблем во взаимоотношениях, которые ждут своего освещения на страницах серьезных научных изданий? Здесь и вопросы торгово-экономического обмена, рыболовства, научно-технического сотрудничества, участие в совместных проектах, культурный обмен и многое другое.

Думается, систематическое, глубокое освещение всевозможных аспектов советско-японских отношений должно занять достойное место среди материалов ежегодника.

Ю. Е. БУГАЕВ

Человек и мир

Проблема человека в традиционных китайских учениях. Сборник статей. «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1983, 262 с.

В настоящее время уровень наших знаний о Востоке настолько высок, а спектр культурных запросов, предъявляемых к его духовному наследию, настолько разнообразен, что именно тематические сборники являются наилучшим способом «упаковки» знаний специалиста для неспециалистов. В этом смысле, во-первых, сборник «Проблема человека в традиционных китайских учениях» оказывается на высоте требований, предъявляемых общественным сознанием к изучению культуры Востока, во-вторых, заявленная в заглавии этого сборника тема — проблема человека — в значительной мере отражает современное состояние классификации наук, которая признает целесообразным систематизировать знания не по старому функциональному разделению наук, скажем, на физику,

математику, биологию, а по действительным объектам окружающего нас мира, то есть создавать науку о космосе, науку о море, науку о человеке. Поэтому сборник «Проблема человека в традиционных китайских учениях» по исследуемому предмету вполне мог бы быть отнесен к дисциплине, которую следовало бы назвать историей науки о человеке, к той ее части, которая отведена китайской цивилизации.

Проблема человека не искусственно выделена из китайских текстов. Древнейшей культурной классификацией этого народа было представление о триаде, состоящей из Неба, Земли и Человека. Небо и Земля не находились в отношениях антинимии, как в европейской традиции. Они были двумя символами, которые совместно означали великую, вечную и неразрывную жизнь природы. Человек был противопоставлен этим двум началам как то, что обладает природой невечной, как то, что никогда не в состоянии будет воплотить в себе бессмертный и неувядающий дух всего мироздания в целом. Китайским поэтам принадлежит трагически-прекрасный образ, рисующий разность пути природного и человеческого начал. Они не уставали вздыхать и печалиться о том, что любая травинка, любой листочек зимой умрут, а весной вернутся на прежнее место, один лишь человек никогда не возвращается, а уходит навсегда. Выходом из этой печали было обращение к природе, которая бессмертна, которая одна обладает свойством давать жизнь и не умирать. Христианский мир жил и двигался в единстве божественного и человеческого начал, китайский мир жил во взаимодействии и взаимообучении природной и человеческой основ.

В древнейшей китайской библиографии «Категории искусств и словесности», помещенной в истории династии Хань, мы видим первую классификацию знаний. Шесть видов знаний соотнесены с шестью книгами — «Ицзином», «Шуцзином», «Шицзином», «Чжоули», «Чуньцю» и «Юэцзином». Как разъясняется в библиографии, книга «Ицзин» была создана человеком в подражание тем естественным знакам, которые раскидала вокруг него сама природа и которые указывали на тайные ее пути и важнейшие закономерности. Чтобы следовать во всем за природой и как можно полнее воплощать заложенный в ней смысл, им-

ператор Фу Си взял за образец следы птиц и животных и сотворил первые иероглифические знаки, которые и составили книгу о природных метаморфозах. «Ицзин» — высочайшее искусство, в ней записан путь самой природы, план самой судьбы, и остальные пять книг подчинены ей точно так же, как пять первоэлементов подчинены закономерности своего чередования.

Из пяти искусств, принадлежащих уже не природе, а самому человеку, важнейшим является искусство памяти (оно же искусство истории). Как разъясняет библиография, «Шуцзин» была написана для того, чтобы человек узнал больше того, что он может узнать за одну свою жизнь. Третья книга — «Шицзин» — была создана для того, чтобы человек учился прямо высказывать одолевающие его мысли и чувства. Это искусство непосредственного и в то же время эстетического выражения собственно человеческой природы. В нашем сегодняшнем понимании это и есть искусство по преимуществу. Следующая — книга древних ритуальных текстов «Чжоули», которая учит человека поддержанию порядка в обществе и делает это путем наглядного обучения — ритуала, а не путем насилия. Пятая книга — «Чуньцю», летопись одного маленького княжества, — была отредактирована Конфуцием. На ее примере он показал, как следует раздавать справедливые оценки государственным деятелям — правителю и его поданным. «Чуньцю» — образец правильного и неправильного поведения людей, от чьей деятельности зависит благосостояние государства и народа. И наконец, на последнем месте стоит книга о музыке, «Юэцзин», которая есть проявление всеобщей любви и добрых чувств людей друг к другу.

Попробуем, пользуясь классификацией знаний самих китайцев, взглянуть на статьи сборника. Об уровне высшего искусства, до которого может подняться человек, соответствующего классу «Ицзина», говорится в статьях А. М. Карапетьянца «Человек и природа в конфуцианском Четверокнижии» и С. В. Зинина «Построение гексаграмм "Ицзина"». Выбранные А. М. Карапетьянцем по классическим текстам высказывания о природе показывают, что китайские мыслители, с одной стороны, представляли человеческое общество как полностью подчинившееся естественным за-

конам, с другой стороны, они интуитивно ощутили проблему охраны природы от человека, то есть опередили современный мир почти на два с половиной тысячелетия.

О природе самого человека говорится в статьях Е. А. Торчинова «Учение Гэ Хуна о Дао: человек и природа» и А. И. Кобзева «Проблема природы человека в конфуцианстве». Статья А. И. Кобзева построена как исторический обзор всех возможных решений проблемы — добра или зла природа человека. В статье Е. А. Торчинова рассказывается о том, какие возможные виды бессмертия видел для себя древний китаец. Он видел бессмертие в том, чтобы полностью раствориться в природе, стать таким, как она, подчиниться ее великому ходу, ничего и ни о чем не жалеть. Он видел бессмертие и в бесконечном продлении жизни своего тела. Учения о воскресении или о бессмертии духа не было в традиционной китайской культуре. Эти идеи пришли в нее только через буддизм.

В статьях А. С. Мартынова «Конфуцианская личность и природа», «Буддийские темы у Су Дунпо», В. В. Малявина «Человек в культуре раннеимператорского Китая», Л. Е. Померанцевой «Человек и природа в «Хуайнаньцзы» и художественный стиль эпохи» и др. говорится об общественных образах поведения, присущих классической китайской культуре. Статья А. С. Мартынова отвечает на важный для понимания истоков художественного творчества в Китае вопрос. Почему вечным и единственным источником вдохновения для китайцев оставалась природа, а не божественное вдохновение или любовь, более знакомые нам, европейцам? А. С. Мартынов говорит, что для китайцев человек не обладал никакой иной творящей силой, кроме естественно-природной. Единая нераздельная природа была не только объектом, на который направлялось человеческое вдохновение, но и единственным источником этого вдохновения. Другая статья А. С. Мартынова, «Буддийские темы у Су Дунпо», посвящена не менее важному в истории китайской культуры вопросу — почему ориентированный на государственную политическую деятельность конфуцианец, с одной стороны, не сливался полностью с государственным аппаратом и не вырождался в бюрократа, а оставался мыслящей личностью, с другой стороны, почему, если он сохранял

противостояние государственной машине как начало этическое, мировоззрение конфуцианства не стало мировоззрением трагедии, а, напротив, позволяло его носителям успешно сочетать государственную службу с занятиями поэзией? Конфуцианская личность была не только «руками-ногами» государства, она всегда сохраняла и отстаивала свое право быть носителем древней литературной традиции, отличающейся от запросов конкретного государственного управления. Анализируя изящные стихотворные обращения конфуцианцев друг к другу, А. С. Мартынов показывает, что им было присуще не ощущение своей придаточности к государственным делам, а ощущение посредника между людьми и силами Земли и Неба, сходное с тем, какое в наиболее ярком виде воплотилось в императоре. Эта независимая и как бы мнущая императора связь со всем мирозданием ставила проблемы, которые были шире проблем управления, а именно вопрос об истинной справедливости, об умении человека следовать своему подлинному предназначению и др. В двух статьях — Е. В. Завадской и В. Л. Сычева — предпринята попытка ответить на вопрос о том, почему именно живопись «цветов и птиц» стала той художественной формулой, сквозь которую, как сквозь магический кристалл, просматривается вся бездна понимания природы китайцами? Ни один из ответов, данных в сборнике, не может, по нашему мнению, считаться вполне удовлетворительным. В статье В. Л. Сычева конкретнее сформулированы проблемы, сопряженные с возникновением жанра, чем у Е. В. Завадской, возводящей его к философским взглядам неоконфуцианцев. Однако и связь жанра «цветов и птиц» с орнаментальной росписью, на которой настаивает В. Л. Сычев, не представляется убедительной. Что заставило китайцев выделить в особый класс и затем соединить в нечто единое именно эти два природных элемента, оградив навсегда от сочетаний с любыми другими элементами? Нам кажется, что удовлетворительно объясняющими это могут считаться два обстоятельства. Во-первых, цветы и птицы в отличие от деревьев, зверей и людей являются предметами, которые наблюдаются с близкого расстояния, в то время как весь остальной мир выступает у китайских художников на фоне космической перспективы. Во-

вторых, цветы и птицы суть предметы с легко меняющимися очертаниями, с мягкой и нежной поверхностью, что делает их самым ярким воплощением природных изменений и превращений. Они — символы изменчивости, подвижности и скоротечности жизни. И что чрезвычайно важно для китайской эстетики, в цветах и птицах ярче всего проявилась связь живого со временем года. Ничто так быстро и наглядно не меняет свою окраску и очертания в зависимости от сезона, как садовые и полевые цветы, как домашние и дикие птицы. Если искать антоним к жанру цветов и птиц, то лучше всего, пожалуй, выбрать европейский натюрморт, особенно аллегорический натюрморт, — полную противоположность всему тому, что должна демонстрировать живопись «цветов и птиц», а именно законченность, полную соразмерность, твердость и устойчивость всех форм, вобравших в себя идею вечного существования.

Статьи сборника соответствуют разным уровням рассмотрения китайскими мыслителями проблемы человека. Но, кроме этого, есть еще и взгляд современного европейского мыслителя, носителя общемировой культуры, соединившего в себе как уровни китайской, так и ступени европейской цивилизации. Этот взгляд необычайно точно, остро, сжато, в самых нужных и простых выражениях отразился во вступительной статье Т. П. Григорьевой «Человек и мир в системе традиционных китайских учений», охватывающей все статьи сборника как бы единой сферой — сферой общемировой культуры.

Т. Г. СТОРЧЕВАЯ

ПАМЯТИ В. В. ПЕТРОВА

Скончался Виктор Васильевич Петров. Весть о безвременной кончине талантливого ученого, литератора, педагога в возрасте пятидесяти семи лет с болью отозвалась в сердцах всех, кто его знал, кто читал его книги, учился у него.

Виктор Петров (3 мая 1929 г.— 13 января 1987 г.) пришел в китаеведение в трудные послевоенные годы. Юношей-старшеклассником он стал посещать созданную при Ленинградском университете «Школу молодого востоковеда» и сразу же обратил на себя внимание крупнейшего советского китаевода академика В. М. Алексеева. В 1947 г. он поступил на восточный факультет ЛГУ, за четыре года окончил курс обучения и остался на факультете преподавателем китайского языка и литературы. Там он и проработал до конца своих дней.

Сейчас, когда закончился жизненный путь В. В. Петрова, можно с полным основанием сказать, что он прошел его как нельзя более достойно. Неугомимый педагог, одаренный литератор и переводчик, эрудированный, серьезный ученый, он ярко проявил себя в различных областях китаеведческой деятельности, внес весомый вклад в дело культурного обмена между народами Советского Союза и Китая. Много времени отдавал он и общественной работе. Член Союза писателей СССР, заместитель председателя Ленинградского отделения Общества советско-китайской дружбы, член правления Всесоюзной ассоциации китаеведения, секретарь партийного бюро факультета — таков неполный список общественных поручений, которые с честью выполнял Петров.

Очень рано проявились у Петрова научные интересы и исследовательские способности. Еще студентом он опубликовал в журнале «Звезда» большую статью «Литература нового Китая». То была одна из первых на русском языке публикаций, знакомивших с литературой Освобожденных районов, которая запечатлела победоносный ход китайской революции. Затем последовали работа о влиянии Маяковского на развитие китайской прогрессивной поэзии, книга о стихах Ай Цина — выдающегося поэта нашего времени.

«Лу Синь. Очерк жизни и творчества» — название следующей большой работы Петрова. В этой книге ему удалось сочетать популярность и научную строгость изложения, дать достаточно полное представление об идейной эволюции великого писателя, его художественной манере, его огромной работе по пропаганде русской и советской литературы в Китае.

В. В. Петров свободно ориентировался в проблемах современной и классической литературы Китая, в поэзии и прозе, драматургии и литературной критике. Ему принадлежат работы о деятельности Лево́й лиги писателей и об обществе «Творчество», о танской поэзии и юаньской драме, о творчестве Ба Цзиня и Цао Юя. Особо следует выделить его статью о популяризации в Китае ленинского эстетического наследия.

Широкому читателю Петров известен своими переводами ряда выдающихся произведений китайской литературы. Среди них — роман Ба Цзиня «Семья», «Дикие травы» Лу Синя, рассказы современных писателей. Нельзя не сказать о Петрове и как о вдумчивом и эрудированном редакторе; в частности, он подготовил к печати многие остававшиеся в рукописи работы своего учителя академика Алексеева.

При всем разнообразии своих интересов большую часть времени и сил Петров отдавал преподаванию. Трудно сосчитать, сколько юношей и девушек благодаря ему приобщились к знанию китайской культуры, приобрели навы-

ки исследовательской работы. Многие из них сейчас с уважением и любовью произносят имя своего учителя и старшего друга.

Человек большого личного обаяния, принципиальный и доброжелательный, Петров имел множество искренних друзей и в нашей стране и за ее пределами. Много их и в КНР — стране, которую он любил и в которой не раз бывал. В последние годы, когда между нашими странами возобновился культурный обмен, друзья из Китая неоднократно навещали Петрова в его родном городе, доставив ученому искреннюю радость.

Советское китаеведение понесло тяжелую утрату. Светлая память о Викторе Васильевиче Петрове навсегда сохранится в сердцах его родных, друзей, товарищей по работе и учеников.

«Проблемы Дальнего Востока», 1987, № 2, с
Технический редактор *Солоубова Т.*

Сдано в набор 27.01.87. Подписано в печать 5.03.87. А02096 Формат 70×100¹/₁₆ Бумага офсетная
Печать офсетная. Гарнитура литер. Усл. печ. л. 18,2 Уч. изд. л. 21,92
Усл. кр.-отт. 24,6 Изд. № 43439 Тираж 11 292 Заказ 143. Цена 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 119817. ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bulvar, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
142300, г. Чехов Московской области